

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 3 • 2021

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Машкевич И.М., Орлов В.Н., Антопян Е.А., Зайцев О.А.

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Машкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Саренбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Абшилова Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сергей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антопян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрли Шакарпұлы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркрян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрапин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, научный сотрудник ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунавически Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмани Уве, dr. jur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Туреунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шнико Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Помощники выпускающего редактора:

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», член Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Овчинникова Елизавета Олеговна, редактор-переводчик (Россия, г. Москва)

Почта журнала

skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2021. — № 3.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2021. — 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 15.06.2021. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 3 • 2021

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.E.

Verleger:

Prospekt

Der Chefredakteur:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rechtsanwalt, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Vereidigter Rechtsanwalt der Russischen Föderation (Jekaterinburg, Russland)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhniy Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Yesale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskover Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskow, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Justinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolgsjky Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistenten:

Prikhodko Natalia Yuryevna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Lehrerin am Lehrstuhl für die Ausbildung der Leitung der Organe für Inneren Angelegenheiten in der Filiale der Akademie des Innenministeriums Russlands "Bolsho"vo", Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Redakteurin-Übersetzerin (Moskau, Russland)

E-mail

skk_ykk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2021. – Nr. 3

Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2021. – 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 15.06.2021 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 3 • 2021

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonian E.A., Zaitsev O.E.

Publisher:

Prospekt

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Ural Federal District of Russia, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisian Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalalir Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal Executive Law at Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhnyy Novgorod (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebilja Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:
Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's Assistants:

Prikhodko Natalia Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Training the Management Staff of Internal Affairs Bodies in the Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Bolshevo", Member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Editor-Translator (Moscow, Russia)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2021. – No. 3.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2021. – 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 15.06.2021. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Кадников Н.Г.</i> К вопросу об организованной коррупционной преступности.....	7
<i>Редникова Т.В.</i> Противодействие экологическим преступлениям в Российской Федерации: новеллы правового регулирования.....	18
<i>Дегтерев А.А.</i> Особенности функционирования современной политической системы в России: взгляд криминолога.....	26

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.</i> Отрасли и подотрасли права криминального цикла: надуманные конструкции.....	34
<i>Шамурзаев Т.Т., Кадыров А.У.</i> Современное состояние уголовного и уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики: плюсы и минусы.....	57

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

<i>Мазулина С.А., Емелькина Я.В.</i> Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, страдающим психическими расстройствами и расстройством сексуальных предпочтений.....	62
<i>Саддарова К.О.</i> Принудительные меры медицинского характера в российском уголовном праве.....	73
<i>Немашкалова Д.Ю.</i> Конфискация имущества и ее виды по уголовному праву РФ.....	81
<i>Иванова Е.С.</i> Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: основная форма осуществления и проблемы административного надзора.....	86
<i>Серебренникова А.В., Кузнецов А.Ю., Мустафазаде Р.Ш.</i> Система и функции иных мер уголовно-правового характера в российском уголовном праве.....	91
<i>Овчинникова Е.О.</i> Принудительные меры воспитательного воздействия в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации.....	97
<i>Ефимова Д.П.</i> Возможность замены предметов, подлежащих конфискации, и возмещение вреда, причиненного законному владельцу.....	104
<i>Торак Ирина</i> Запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью.....	108

Шталберг Виктория

Помещение в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости, согласно § 64 УУ ФРГ, с учетом изменений, внесенных реформой.....	113
--	-----

Келер Лаура

Превентивное заключение. Обзор развития правового института превентивного заключения в 1990–2011 гг.	118
---	-----

Йохим Феликс

Надзор за поведением.....	124
---------------------------	-----

Дорнбуш Леа

Лишение водительских прав как мера исправления и безопасности.....	130
--	-----

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

<i>Мещерякова Э.И.</i> Коррупция в средних общеобразовательных учреждениях.....	136
--	-----

Рощенко С.В.

Феномен жертвы домашнего насилия.....	143
---------------------------------------	-----

Махмутова Л.Р., Семенова И.В.

Феномен романтизации личности скулшутера среди подростков.....	151
--	-----

ИНТЕРВЬЮ

<i>Саламова С.Я., Исаев М.Р., Лыкова К.Д., Мельникова Л.А., Сычиков Д.С.</i> Интервью заведующего кафедрой конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, руководителя Бюро Союза криминалистов и криминологов, доктора юридических наук, профессора Скуратова Юрия Ильича.....	160
--	-----

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

<i>Скуратов Ю.И.</i> Главы из книги «Каменная дорога прошлого».....	176
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN.....

ABOUT THE AUTHORS.....

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER.....

ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ».....

206

INHALT

KRIMINOLOGIE

<i>Kadnikov N.G.</i> Zur Frage des organisierten Korruptionsverbrechens.....	7
<i>Rednikova T.V.</i> Die Bekämpfung von Umweltverbrechen in der Russischen Föderation: gesetzliche Neuregelungen.....	22
<i>Degterev A.A.</i> Besonderheiten der Funktionsweise des heutigen politischen Systems in Russland: die Ansicht eines Kriminologen.....	26

STRAFRECHT

<i>Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.</i> Gebiete und Untergebiete des Strafrechts: gekünstelte Konstruktionen.....	34
<i>Shamurzaev T.T., Kadyrov A.U.</i> Derzeitiger Stand der Straf- und Strafprozessgesetzgebung der Kirgisischen Republik: Vorteile und Nachteile.....	57

RECHTLICHE SOMMERSCHULE DER UNIVERSITÄT POTSDAM

<i>Mazulina S.A., Emelkina Ya.V.</i> Die Anwendung medizinischer Zwangsmaßnahmen gegen Personen, die an psychischen und sexuellen Störungen leiden.....	70
<i>Saddarova K.O.</i> Medizinische Zwangsmaßnahmen im russischen Strafrecht.....	77
<i>Nemashkalova D.Yu.</i> Vermögenskonfiskation und ihre Arten im Strafrecht der Russischen Föderation.....	83
<i>Ivanova E.S.</i> Verwaltungsaufsicht über Haftentlassene: die Hauptform der Umsetzung und Probleme der Verwaltungsaufsicht.....	88
<i>Serebrennikova A.V., Kuznetsov A.Yu., Mustafazade R.S.</i> System und Funktion sonstiger strafrechtlicher Maßnahmen im russischen Strafrecht.....	91
<i>Ovchinnikova E.O.</i> Strafrechtliche und erzieherische Maßnahmen nach dem Strafkodex der Russischen Föderation.....	101
<i>Efimova D.P.</i> Möglichkeit des Ersatzes von beschlagnahmten Gegenständen und Schadensersatz dem rechtmäßigen Besitzer.....	104
<i>Torak Iryna</i> Berufsverbot.....	111

Stahlberg Victoria

Unterbringung in einer Entziehungsanstalt gemäß § 64 StGB mit Fokus auf die durch die Reform vorgenommenen Änderungen.....	116
--	-----

Köhler Laura

Die Sicherungsverwahrung (Eine Darstellung der Entwicklung der Sicherungsverwahrung mit Schwerpunkt auf die Jahre 1990–2011).....	121
---	-----

Jochim Felix

Führungsaufsicht.....	127
-----------------------	-----

Dornbusch Lea

Die Entziehung der Fahrerlaubnis als Maßregel der Sicherung und Besserung.....	133
---	-----

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

Meshcheryakova E.I.

Die Korruption in allgemeinbildenden Mittelschuleinrichtungen.....	136
---	-----

Roshchenko S.V.

Das Phänomen des Opfers von häuslicher Gewalt.....	143
--	-----

Makhmutova L.R., Semenova I.V.

Das Phänomen der Romantisierung der Persönlichkeit eines Schulschützen unter Jugendlichen.....	151
---	-----

INTERVIEW

Salamova S.Ya., Isaev M.R., Lykova K.D., Melnikova L.A., Sychikov D.S.

Interview mit Skuratov Yuri Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Abteilung für Verfassungs- und Völkerrecht der Russischen Staatlichen Universität für Öl und Gas Gubkin (NIU), Leiter des Büros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen.....	160
--	-----

KAPITEL UNSERER BÜCHER

Skuratov Yu.I.

Kapitel aus dem Buch „Der steinige Weg der Vergangenheit“.....	176
---	-----

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN.....	183
-------------------------------------	-----

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER.....	187
--------------------------------------	-----

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG

VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN

UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT

VERBAND DER KRIMINALISTEN

UND KRIMINOLOGEN.....	206
-----------------------	-----

CONTENTS

CRIMINOLOGY

<i>Kadnikov N.G.</i> On the issue of organized corruption crime	7
<i>Rednikova T.V.</i> Countering environmental crimes in the Russian Federation: novelties of legal regulation.....	18
<i>Degterev A.A.</i> Features of the functioning of the modern political system in Russia: a criminologist's view.....	26

CRIMINAL LAW

<i>Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.</i> Branches and sub-branches of the criminal cycle law: contrived constructions.....	34
<i>Shamurzaev T.T., Kadyrov A.U.</i> Current state of criminal and criminal procedural legislation of the Kyrgyz Republic: advantages and disadvantages	57

SUMMER LAW SCHOOL AT THE UNIVERSITY OF POTSDAM

<i>Mazulina S.A., Emelkina Ya.V.</i> Use of coercive medical measures against persons suffering from mental and sexual disorders.....	62
<i>Saddarova K.O.</i> Compulsory medical measures in Russian criminal law.....	73
<i>Nemashkalova D.Yu.</i> Confiscation of property and its types under the criminal law of the Russian Federation	81
<i>Ivanova E.S.</i> Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: the main form of implementation and problems of administrative supervision.....	86
<i>Serebrennikova A.V., Kuznetsov A.Yu., Mustafazade R.S.</i> The system and functions of other measures of a criminal-legal nature in Russian criminal law	91
<i>Ovchinnikova E.O.</i> Compulsory educational measures according to the Criminal Code of the Russian Federation	97
<i>Efimova D.P.</i> Possibility of replacement of items subject to confiscation and compensation for damage caused to the rightful owner	104
<i>Torak Iryna</i> Disqualification from exercising profession.....	108

Stahlberg Victoria

Placement in an addiction treatment facility according to section 64 of the Criminal Code with a focus on the changes made by the reform.....	113
---	-----

Köhler Laura

The preventive detention. (A presentation of the development of preventive detention with a focus on the years 1990–2011).....	118
--	-----

Jochim Felix

Supervision of conduct.....	124
-----------------------------	-----

Dornbusch Lea

Disqualification from driving as a measure of reform and prevention.....	130
--	-----

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

Meshcheryakova E.I.

Corruption in secondary educational institutions.....	136
---	-----

Roshchenko S.V.

The phenomenon of a domestic violence victim	143
--	-----

Makhmutova L.R., Semenova I.V.

The phenomenon of romanticizing the personality of a school shooter among adolescents.....	151
--	-----

INTERVIEW

Salamova S.Ya., Isaev M.R., Lykova K.D., Melnikova L.A., Sychikov D.S.

Interview with Skuratov Yuri Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NIU), Head of the Bureau of the Union of Criminalists and Criminologists.....	160
---	-----

CHAPTERS OF OUR BOOKS

Skuratov Yu.I.

Chapters from the book “Rocky Road of the Past”.....	176
--	-----

ABOUT THE AUTHORS

185

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

197

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE “THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS”.....

206

КРИМИНОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗОВАННОЙ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Кадников Николай Григорьевич

Цель: проанализировать практику применения уголовного закона в сфере противодействия коррупции и определить масштабы организованной коррупционной деятельности в различных областях государственной власти и управления.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Наряду с организованной преступностью следует выделять такую разновидность, как организованная коррупционная преступность, которая характеризуется организованными преступными сообществами и организованными группами, которые совершают коррупционные преступления в органах власти и управления на федеральном и региональном уровнях. Этому способствуют бесконтрольность, семейственность, клановость, отсутствие конкуренции и конкурсного замещения должностей, экономического контроля со стороны центральных органов. Требуется срочные научные исследования и принятие комплексных мер, включающих законодательные, организационные и экономические.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в необходимости подчеркнуть опасность организованной коррупционной преступности и важность более эффективных мер для противодействия.

Ключевые слова: организованная преступность, коррупционные преступления, противодействие коррупции, взяточничество, органы власти и управления.

Длительное время в теории и на практике преобладали и продолжают преобладать такие понятия, как организованная преступность, коррупционная преступность, профессиональная преступность. Под организованной преступностью большинство криминологов и криминалистов понимают форму преступности, для которой характерна устойчивая преступная деятельность, осуществляемая преступными организациями (организованными группами, бандами, преступными сообществами и другими подобными незаконными формированиями), имеющими иерархическую структуру, материальную и финансовую базу и связи с государственными структурами, основанные на коррупционных механизмах [1; 2]. Уровни организованной преступности разные. Первый уровень: преступления совершаются организованными и устойчивыми преступными группами, их действия носят умышленный харак-

тер, но в них нет сложной структуры и иерархии, функции организаторов и исполнителей не разделены.

Как отметил генеральный прокурор РФ, с каждым годом регистрируется все больше преступлений коррупционной направленности, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших особо крупный ущерб (в 2019 г. – 5408, в 2018 г. – 5365, в 2017 г. – 5136), при этом чаще пресекается коррупционная деятельность организованных групп и преступных сообществ (в 2019 г. такими группами и сообществами совершено 1136 преступлений, в 2018 г. – 972, в 2017 г. – 723) (*Генеральная прокуратура Российской Федерации. 30 марта 2020 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2021)*).

Как сообщил РИА «Новости» начальник Управления по надзору за исполнением зако-

нодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации В. Балдин, за коррупцию в 2020 г. к ответственности были привлечены около одной тысячи правоохранителей и более 500 работников государственных структур. Обвинительные приговоры состоялись в отношении 949 должностных лиц правоохранительных органов, 539 должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, 58 депутатов регионального и муниципального уровня. По его словам, российские суды в прошлом году вынесли более 8 тысяч обвинительных приговоров в отношении 9 тысяч граждан, которым инкриминировались коррупционные преступления. Реальные сроки получили порядка 18% осужденных, условное заключение – 35%, и около 40% фигурантов были оштрафованы (*Генпрокуратура обнародовала число осужденных за взятки чиновников и полицейских // [Электронный ресурс]: URL: <https://govoritmoskva.ru/news/266208/> (дата обращения: 03.05.2021)*).

Особенностью современной организованной преступности является ее сращивание с коррумпированным чиновничеством. Однако в настоящее время в большей степени коррумпированное чиновничество не используется преступными авторитетами, а само чиновничество является ядром организованной коррумпированной преступности, которое нередко использует в качестве боевиков профессиональных преступников с их группировками. Этот вид организованной преступности фактически преобладает над всеми остальными: над преступностью общеуголовных группировок, в том числе и группировок, и преступных сообществ, возглавляемых так называемыми преступными авторитетами и ворами в законе.

Уровни организованной коррупционной преступности также различаются в соответствии с уровнем власти по вертикали и по горизонтали, а также с учетом их ведомственной принадлежности: на местном уровне, на региональном уровне и на федеральном уровне (с выходом на транснациональный уровень).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, среди коррупционных преступлений наиболее распространенным и опасным является взяточничество. Оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конку-

ренции, затрудняет экономическое развитие. Тем не менее особо отмечено, что и по преступлениям данной категории правосудие должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс»*).

Мы были уверены раньше, что статья 210 УК РФ предназначена для бандитов, авторитетов, воров в законе, которых не часто, но привлекали к ответственности по ст. 209 и 210 УК РФ, однако появились приговоры по обвинению по ст. 210 УК РФ чиновников разных уровней, в том числе в сочетании с предпринимательскими преступными сообществами [3].

Если взглянуть подробнее, то мы увидим, что в недрах государственных структур нередко создаются криминальные группировки чиновников, имеющие все признаки преступных сообществ. Например, за коррупционные преступления за последние пять лет осуждены 9 бывших членов Совета Федерации (большинство за групповые коррупционные преступления), двое находятся в международном розыске. Суммы хищений и ущерб от коррупции – миллиарды, в том числе и в дотационных регионах (*Уголовные дела в отношении действующих и бывших членов Совфеда // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/info/9638037> (дата обращения: 03.04.2021)*). Все действия чиновников квалифицируются как совершенные в составе преступного сообщества или организованной преступной группы. Например, 23 апреля 2018 г. Дорогомиловский суд Москвы вынес заочный приговор по делу «Совкомфлота», по которому признан виновным и заочно осужден бывший сенатор от Волгоградской области Д. С. Он приговорен к 12 годам лишения свободы за организацию преступного сообщества (ст. 210 УК РФ), злоупотребление полномочиями, присвоение в особо крупном размере и легализацию денежных средств, полученных преступным путем. В 2010 г. бывший сенатор от Башкирии И.И. осужден на пожизненный срок за организацию преступного сообщества, убийства и налоговые преступления (*Дело «Совкомфлота» доплыло до приговора // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3612736> (дата обращения: 03.05.2021)*).

За 20 лет осуждено более 30 мэров и глав администраций, в том числе и таких крупных городов как Владивосток, Тверь, Волгоград, Саратов, Рязань, Томск, Тамбов, Орел и др. Приговоры этим чиновникам вынесены в основном за групповые преступления коррупционной направленности (15% бывших мэров стали фигурантами уголовных дел // [Электронный ресурс]: URL: <https://pravo.ru/news/212667/>; Уголовные дела в отношении высокопоставленных российских чиновников // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/info/8883895> (дата обращения: 03.05.2021)).

Нередко привлекаются к ответственности за коррупционные преступления чиновники федерального уровня. За взяточничество в декабре 2015 г. осужден бывший министр экономического развития РФ А. У., экс-министру открытого правительства РФ М. А. в 2019 г. Были предъявлены обвинения в создании преступного сообщества с использованием служебного положения, в мошенничестве в особо крупном размере, а также отмывании 32 млрд рублей (Суд приговорил Улюкаева к 8 годам строгого режима // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/society/15/12/2017/5a3292749a79478fb1606186>; Случаи уголовного преследования российских министров // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/info/6261301> (дата обращения: 03.05.2021); От Сердюкова до Меня: российские чиновники, попавшие под следствие // [Электронный ресурс]: URL: <https://zakon-i-poryadok.com/2020/11/ot-serdyukova-do-menya-rossiyskie-chinovniki-popavshie-pod-sledstvie.html> (дата обращения: 28.04.2021)).

На сотни идет счет по осужденным членам правительств и депутатов законодательных органов регионов. По заявлению председателя Следственного комитета России А. Бастрыкина, более 5 тысяч высокопоставленных чиновников в России предстали перед судом с 2011 по 2020 гг. за коррупционные преступления (Глава СКР рассказал, сколько чиновников осудили за коррупцию с 2011 года // [Электронный ресурс]: URL: <https://life.ru/p/1357828> (дата обращения: 28.04.2021)).

Не избежали искушения и отдельные лица из числа важнейших должностных лиц – губернаторов и глав республик в составе Российской Федерации, от которых зависит жизнь целых регионов, а порой и всего государства. Многие из них уличены в организованной преступной деятельности. Осуждено более 15 губернаторов за коррупционные преступления (должностные злоупотребления, хищения, взяточничество) и еще несколько находятся под следствием. Изъято на миллиарды рублей коррупционных преступных

доходов (стандартный набор: швейцарские часы, наличные деньги, валюта, оружие) (Самые громкие аресты губернаторов в России // [Электронный ресурс]: URL: <https://zakon-i-poryadok.com/2021/03/samye-gromkie-aresty-gubernatorov-v-rossii.html>; За десять лет в тюрьму угодили 14 российских губернаторов: станет ли Иван Белозерцев следующим // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kp.ru/daily/27254.5/4385290/> (дата обращения: 02.05.2021)). Наметилась тенденция квалифицировать действия ряда губернаторов как организаторов преступного сообщества или активных участников такого сообщества. Вот лишь некоторые примеры. В 2015 г. по ст. 210 УК РФ было предъявлено обвинение губернатору Республики Коми В. Г. В составе созданного им, по версии следствия, преступного сообщества было более 20 чиновников разного уровня, которые участвовали в совершении тяжких и особо тяжких коррупционных преступлений. Однако в окончательном обвинении ст. 210 УК РФ сочли недоказанной, хотя признаки преступного сообщества были выявлены следствием. Тем не менее приговор, вынесенный чиновникам, оказался весьма суровым по длительности лишения свободы (бывшего губернатора приговорили к 11 годам лишения свободы) (Разграбили республику: экс-главе Коми вынесли приговор // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/06/10/12406441.shtml> (дата обращения: 02.05.2021)). Южно-Сахалинский городской суд в 2018 г. признал экс-сахалинского губернатора А. Х. виновным в получении взяток и отмывании денежных средств. Он приговорен к 13 годам лишения свободы в колонии строгого режима и 500 млн рублей штрафа. Его приговор называли самым суровым для бывших губернаторов за последнее десятилетие. Х. и его соучастников обвиняли в создании в регионе преступного сообщества, которое промышляло сбором взяток с предпринимателей за общее покровительство и получение государственных контрактов. В деле было 10 эпизодов преступных действий (получение взятки более чем на 500 млн рублей и легализация преступных доходов). Однако вместо преступного сообщества всем фигурантам были вменены действия в составе организованной преступной группы, созданной для получения взяток от представителей бизнеса (Сядет за взятки. Экс-губернатор Сахалинской области получил 13 лет колонии // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2018/02/11/reg-dfo/eks-gubernator-sahalina-horoshavin-poluchil-13-let-kolonii-za-vzjatki.html> (дата обращения: 28.04.2021)). В этой части приговор не совсем соответствует обвинению,

хотя все признаки преступного сообщества были установлены следствием. 24 февраля 2021 г. Нижегородский районный суд Нижнего Новгорода приговорил бывшего главу Республики Марий Эл Л. М. к 13 годам колонии строгого режима и штрафу в 235 млн рублей (Суд приговорил экс-главу Марий Эл к 13 годам по делу о взятке // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gbc.ru/society/24/02/2021/602a39459a7947aba2682e3e> (дата обращения: 03.09.2021)). Суд счел доказанным получение господином М. в составе организованной группы взятки за лоббирование интересов отдельных предпринимателей. 9 июля 2020 г. был задержан и на следующий день арестован губернатор Хабаровского края. Ему вменяется убийство двух или более лиц, организация преступного сообщества (*Мог связаться с силовиками: Фургала арестовали на два месяца // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/07/10/13148035.shtml>; Пули из прошлого. Следственный комитет считает губернатора Хабаровского края участником банды, которая убивала бизнесменов // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2020/07/09/reg-dfo/v-chem-podozrevaiut-gubernatora-habarovskogo-kraia-sergeia-furgala.html> (дата обращения: 28.04.2021)). 21 марта 2021 г. по подозрению во взяточничестве был задержан губернатор Пензенской области по уголовному делу, где фигурируют также главы группы фармацевтических компаний. Следствие рассматривает и версию о создании ими преступного сообщества, основанного на коррупции и мошенничестве с медицинскими препаратами и оборудованием (*Завязтый хозяйственник. Следственный комитет задержал губернатора Пензенской области. Он взят с «группой товарищей» // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2021/03/21/reg-pfo/chto-izvestno-o-dele-gubernatora-penzenskoj-oblasti-ivana-belozerceva.html> (дата обращения: 15.07.2021)).**

Отдельные специалисты заявляют о временной кадровой чистке, но, на наш взгляд, идет планомерная, тяжелейшая борьба с коррупционерами, проникшими в систему власти лишь для личного обогащения. На прямой линии в 2019 г. Президент РФ В.В. Путин отметил: «Я чувствую ответственность за это безобразие. Если бы не чувствовал, вы бы ничего не знали (*о таких фактах*). И если мы имеем дело с преступлением, с коррупцией, с наживой за счет граждан, то мы, во-первых, всегда должны доводить (*расследование*) до конца, и во-вторых, это надо делать гласно» (*Путин заявил, что борьба с коррупцией будет вестись гласно // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/ekonomika/6571906> (дата обращения: 15.07.2021)).*

Учитывая нормы Конституции РФ и принципы уголовного процесса, нельзя сразу сказать о чиновнике, как о будущем коррупционере, организаторе или руководителе преступного сообщества. Тысячи должностных лиц честно исполняют свои обязанности, соблюдая права и свободы граждан, действуют на благо общества и государства. Однако растет количество чиновников, которые умело маскируются под патриотов, используют партийные организации для своих корыстных целей. С нарушениями проводят в пользу себя предвыборную кампанию, а затем, придя к власти, подминают под себя весь регион. Их родственники и приятели занимают ответственные посты, захватывают все сферы предпринимательской деятельности. Регион и все его жители в конце концов обрекаются на нищету, дотационное существование.

Следует поддержать решительность главы государства, который подтвердил, что в борьбе с коррупцией надо и дальше действовать последовательно и бескомпромиссно. По мнению Президента РФ, чиновники, представители правоохранительной сферы находятся в особом положении, и с них будет всегда особый спрос (*Путин заявил, что борьба с коррупцией будет вестись гласно // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/ekonomika/6571906> (дата обращения: 28.04.2021)).*

Коррупция, как ржавчина, разъедает многие сферы нашей жизни, а не только органы власти. Например, определяющее значение для страны имеет состояние вооруженных сил и военно-морского флота. Еще император Александр III отмечал, что у России есть два надежных союзника: ее армия и флот [4]. Однако и здесь обнаружены проявления организованной коррупционной преступности [5, с. 103–107; 6, с. 4–10]. Так, в 2018 г. в министерстве обороны РФ были выявлены чиновники-коррупционеры, которые совершали хищения активов минобороны, используя холдинг «Оборонсервис». По делу привлечена к ответственности, а фактически за руководство преступной группой, начальница департамента имущественных отношений минобороны, осужденная за совершение преступления коррупционной направленности, хотя были подозрения о наличии преступного сообщества (*Хищения в минобороны // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/sujet/4794/> (дата обращения: 15.07.2021)).*

17 февраля 2021 г. Правобережный суд Магнитогорска (Челябинская область) вынес приговор в отношении бывшего военного комиссара города А. Ж. За получение взяток он приговорен к восьми годам лишения свободы условно, со штрафом

в полтора миллиона рублей. Ж. были предъявлены обвинения в совершении 16 преступлений по ч. 3 ст. 290 УК РФ, 12 преступлений по ч. 1 ст. 285 УК РФ, а также других коррупционных преступлений. Как указано в приговоре суда, военком организовал преступную группировку и руководил ею. В нее входили сотрудники военкомата, общественники, медицинские работники поликлиники. Все участники преступной группы свой умысел направляли на действия, связанные с оформлением и предоставлением фиктивных медицинских документов, свидетельствующих о наличии у магнитогорских призывников плоскостопия, для признания их негодными для службы в армии. В общей сложности военком оказал содействие в уклонении от призыва 19 призывникам Магнитогорска. Вместе с тем приговор с назначением восьми лет лишения свободы условно не позволяет говорить о решительной борьбе с коррупцией, тем более что все признаки преступного сообщества были видны невооруженным глазом (*Бывшего военкома признали годным к свободе // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4694812>; Условный срок и 1,5 млн рублей штрафа. Правобережный райсуд вынес приговор бывшему военкому Магнитогорска // [Электронный ресурс]: URL: <https://magnitogorsk.bezformata.com/listnews/prigovor-bivshemu-voenkomu-magnitogorska/91310891/>; Экс-военком Магнитогорска получил условный срок за 18 эпизодов получения взяток // [Электронный ресурс]: URL: https://www.znak.com/2021-02-18/eks_voenkom_magnitogorska_poluchil_uslovnyy_srok_za_18_epizodov_polucheniya_vzjatok (дата обращения: 15.07.2021)). Следователи, на наш взгляд, имели все основания для предъявления военкому обвинения по ч. 3 ст. 210 УК РФ.*

Нельзя сказать, что руководство Министерства обороны РФ не реагирует на негативные факты коррупции. Приказ министра обороны РФ от 16 марта 2021 г. № 160 «Об утверждении Плана противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2021–2023 годы» является вполне своевременным и актуальным. План содержит много важных мероприятий, направленных на противодействие коррупции, что, по мнению ведомства, должно минимизировать коррупционные проявления (*Приказ Министра обороны РФ от 16 марта 2021 г. № 160 «Об утверждении Плана противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2021–2023 годы» // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400565996/> (дата обращения: 15.07.2021)). Но негативные примеры говорят о весьма слож-*

ном положении дел в данной сфере. Например, 2 марта 2021 г. Хамовнический суд Москвы вынес приговор по уголовному делу о рекордной взятке в Министерстве обороны РФ. На 6,5 лет лишения свободы осужден бывший замначальника управления департамента государственных закупок военного ведомства за получение взятки в 368 млн рублей. Именно на такую сумму суд его оштрафовал. Вместе с ним, как установило следствие, в 2017 г. в министерстве действовала целая преступная группировка, состоящая из военных чиновников, совершавших коррупционные преступления, получавших сотни миллионов рублей взяток в виде откатов от предпринимателей, с которыми незаконно заключались миллиардные контракты на поставку кухонь, пекарен, цистерн и различной техники. По этому делу также арестованы начальник продовольственного управления Минобороны, начальник отдела технического обеспечения, главный эксперт управления, начальник аукционной комиссии военного ведомства, начальник отдела проведения конкурентных процедур по государственному заказу департамента государственных закупок (*Вынесен приговор по делу о рекордной взятке в Минобороны // [Электронный ресурс]: URL: <https://lenta.ru/news/2021/03/02/boruvkov/> (дата обращения: 14.06.2021)).* Если это не преступное сообщество, то в уголовном праве что-то надо пересматривать.

Честь и хвала сотрудникам правоохранительных органов, которые ведут борьбу с указанными негативными явлениями во властных структурах. Но отдельные должностные лица правоохранительных органов также не желают работать честно и по закону. Как отметил Министр внутренних дел России Владимир Колокольцев в интервью «Известиям» 7 ноября 2017 г., 75% взяток выявляется сотрудниками собственной безопасности МВД России, идет постоянная работа над обеспечением соблюдения законности в собственных рядах, и никто не собирается скрывать негативные явления. 26 февраля 2020 г. на расширенной коллегии МВД глава ведомства Владимир Колокольцев сообщил, что для МВД России принципиальное значение имеет борьба за чистоту рядов личного состава. Министр также отметил, что работа по устранению причин и условий возникновения этих явлений будет продолжена, невзирая ни на какие имиджевые потери (*Глава МВД Владимир Колокольцев — о борьбе с коррупцией и нововведениях в работе полиции // [Электронный ресурс]: URL: <https://guardinfo.online/2017/11/07/glava-mvd-vladimir-kolokolcev-o-borbe-s-korrupciej-i-novovvedeniyax-v-rabote-policii/> (дата обращения: 14.06.2021)).*

Если взглянуть на приговоры должностным лицам правоохранительных органов весьма высокого ранга, то можно увидеть, что признаки организованной коррупционной преступности очень часто имеют место. Например, Фрунзенским районным судом г. Иваново 10 июня 2016 г. вынесен обвинительный приговор в отношении экс-начальника УМВД России по Ивановской области А. Н. Он признан виновным в превышении должностных полномочий и приговорен к 3 годам колонии общего режима с лишением генеральского звания и госнаград (*URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2021)*).

17 июля 2017 г. Дзержинский районный суд Санкт-Петербурга вынес обвинительный приговор бывшему начальнику упраздненного ГУ МВД по Северо-Западному федеральному округу Б. и соучастникам за злоупотребления и растрату, подлог и мошенничество. Б. и другие участники организованной группы накануне расформирования управления под видом премий растратили более 19 млн рублей, а также пытались переоформить на своих родственников и друзей 21 ведомственную квартиру, общая сумма которых составляет около 101,8 млн рублей (*Дело о «золотых парашютах»: генерал Быков арестован, обвинения предъявлены троим его подчиненным // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vesti.ru/article/1722147>; Экс-глава ГУ МВД по СЗФО получил семь лет по делу о «золотых парашютах» // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/proisshestiya/4420017> (дата обращения: 15.07.2021)*). 27 апреля 2017 г. по приговору Московского городского суда по ст. 210 УК РФ осужден бывший начальник департамента МВД России по борьбе с экономической преступностью и коррупцией С., который признан виновным в организации преступного сообщества, а некоторых его подчиненных осудили за участие в этом преступном сообществе. В этом же департаменте уже после выявления преступного сообщества был арестован заместитель начальника управления З., который, по версии следствия, контролировал топливный сектор экономики (в июле 2019 г. осужден на 12 лет лишения свободы за коррупционные преступления и противодействие расследованию) (*Суд признал полковника Захарченко виновным в коррупции // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6534029>; Дмитрий Захарченко больше не полковник // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3998380> (дата обращения: 18.06.2021)*). 30 августа 2019 г. Ленинский районный суд Томска приговорил к **восьми годам условно** бывшего главу управления МВД по Томской области **И. М.** за особо крупную взятку, злоу-

потребления и мошенничество. 28 февраля 2020 г. Камчатским городским судом за злоупотребления должностными полномочиями был осужден бывший начальник УМВД России по Камчатскому краю А. С. и приговорен к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. 23 ноября 2020 г. Мещанский суд Москвы вынес обвинительный приговор экс-главе экспертно-криминалистического центра МВД России П. Г., который осужден за крупные хищения, совершенные организованной группой, при приобретении специальной техники (*Экс-глава УМВД по Камчатке получил 5 лет за махинации на 280 млн рублей // [Электронный ресурс]: URL: <https://pravo.ru/news/218985/>; URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2021 г.)*).

В настоящее время на переднем крае борьбы с коррупцией оказались сотрудники ФСБ, которые в большинстве случаев показывают пример высокого профессионализма, мужества и соблюдения закона при противодействии коррупционерам всех мастей. Однако отдельные сотрудники этого ведомства также оказались вовлеченными в совершение коррупционных преступлений. Так, Московский гарнизонный военный суд приговорил к семи годам колонии бывшего начальника отдела управления «К» службы экономической безопасности (СЭБ) ФСБ России К. Ч., признав его виновным в мошенничестве и получении взятки в особо крупном размере. У осужденного Ч. в ходе обысков было изъято денег и ценностей на 11 млрд руб. Следствием установлено, что Ч. действовал в составе организованной преступной группы, осуществлял контроль над банковским сектором. Полагаем, что приговор соответствует принципам справедливости и законности (*Экс-сотрудника ФСБ Кирилла Черкалина приговорили к семи годам колонии // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/proisshestiya/1121832?nw=1619093601000>; Миллиардер в неволе. Экс-сотрудник ФСБ Кирилл Черкалин получил 7 лет колонии // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2021/04/22/sud-prigovoril-eks-sotrudnika-fsb-cherkalina-k-semi-godam-kolonii.html> (дата обращения: 14.02.2021)*). 26 февраля 2021 г. Второй Западный окружной военный суд вынес приговор по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получении взятки в особо крупном размере) сотруднику 7 отдела следственного управления ФСБ РФ С. Б. и его бывшему подчиненному А. К., вымогавшим 1 млн долларов в биткоинах у экс-гендиректора ФГУП «Издательство «Известия» Э. Г. По приговору суда, С. Б. получил девять лет лишения свободы в колонии строгого режима, А. К. – 12 лет также в коло-

нии строгого режима (*Суд вынес приговор следователю ФСБ и его экс-подчиненному, вымогавшим \$1 млн биткоинами* // [Электронный ресурс]: URL: <https://news.rambler.ru/crime/45898152-sud-vynes-prigovor-sledovatelyu-fsb-i-ego-eks-podchinennomu-vymogavshim-1-mln-bitkoinami/> (дата обращения: 14.02.2021)).

Эти примеры убедительно показывают, что руководство страны действительно развернуло решительную борьбу с коррупцией во всех сферах государственного аппарата, невзирая на ведомства и должности коррупционеров. Данное направление современной уголовной политики воспринято во всех правоохранительных органах. В частности, как отметил А.В. Бастрыкин, «наша деятельность по противодействию коррупции осуществляется последовательно, системно и наступательно. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что с 2011 г., то есть с момента образования ведомства, в суд направлено свыше 90 тысяч уголовных дел о коррупции, возмещено государству и потерпевшим от преступлений гражданам почти 34 миллиарда рублей». По мнению председателя следственного комитета Российской Федерации, деятельность по пресечению коррупционных преступлений осуществляется вне зависимости от уровня должностного положения виновных лиц (*Без оглядки на статус. Александр Бастрыкин: Противодействие коррупции идет системно и наступательно* // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2020/11/10/bastrykin-protivodejstvie-korruptcii-idet-sistemno-i-nastupatelno.html> (дата обращения: 14.02.2021)). В подтверждение такого высказывания можно привести следующие данные. 30 апреля 2015 г. Красногорский суд приговорил экс-руководителя следственного отдела по Красногорску Главного следственного управления СК по Московской области А. Г. по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере) к 10 годам лишения свободы в колонии строгого режима и штрафу в размере 500 млн руб. (*Экс-руководитель следствия Красногорска Губанов приговорен к 10 годам тюрьмы* // [Электронный ресурс]: URL: https://mosmonitor.ru/news/rights/eks-rukovoditel_sledstviya_krasnogorska_gubanov_prigovoren_k_10_godam_tyurmyi (дата обращения: 28.04.2021)). 12 июля 2016 г. Московский гарнизонный военный суд вынес приговор по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере) заместителю руководителя управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления СК по Москве и его соучастнику, приговорив каждого из них к 7 годам колонии общего режима и штрафу в 1 млн руб.

(*Оглашение приговора по уголовному делу в отношении бывшего заместителя начальника связи Вооруженных Сил Российской Федерации Колупова А.Е.* // [Электронный ресурс]: URL: http://moskovskygvs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=91 (дата обращения: 28.04.2021)). В марте 2020 г. за совершение коррупционных преступлений были осуждены начальник службы собственной безопасности СК РФ М., руководитель СК Москвы Д. и его заместитель, руководитель СК по ЦАО Москвы. Они приговорены к длительным срокам лишения свободы (*В Московском городском суде оглашен приговор экс-руководителю ГСУ СК России по г. Москве и его подчиненным: Александру Дрыманову, Алексею Крамаренко и Михаилу Максименко* // [Электронный ресурс]: URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/v-moskovskom-gorodskom-sude-oglashyon-prigovor-eks-rukovoditelyu-gsu-sk-rossii-po-g-moskve-i-ego-podchinennym-aleksandru-drymanovu-alekseju-kramarenko-i-mihailu-maksimenko> (дата обращения: 23.06.2021)). Им не предъявлено обвинение по ст. 210 УК, хотя, на наш взгляд, признаки преступного сообщества в материалах уголовного дела просматривались.

15 марта 2021 г. Басманный райсуд Москвы вынес приговор следователям центрального аппарата следственного комитета России С. Д. и А. Т., назначив им шесть и восемь лет колонии строгого режима за получение взятки в особо крупном размере. Следователи были задержаны с поличным при получении 5 млн руб. от адвоката, представлявшего интересы топ-менеджеров банка, в отношении которых расследовалось дело о мошенничестве на сумму более 200 млн руб. (*Басманный суд вынес приговор двум бывшим следователям за получение взятки* // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2021/03/15/basmannyj-sud-vynes-prigovor-dvum-byvshim-sledovateliam-za-poluchenie-vzjatki.html>; *Суд вынес приговор следователям ГСУ СКР за вымогательство взятки* // [Электронный ресурс]: URL: <https://pravo.ru/news/230137/> (дата обращения: 23.06.2021)). Это весьма показательный пример организованной коррупционной преступности, который показывает, что в СК РФ ведется бескомпромиссная борьба с коррупцией без оглядки на должности и звания сотрудников.

Среди юристов судьи занимают особое положение. Они во все времена признавались высококлассными юристами, принимающими весьма важные решения с точки зрения государственной власти, в том числе и признание человека преступником и назначение ему справедливого наказания.

Казалось бы, судьи имеют особый статус, назначаются Президентом РФ, и поэтому должны быть вне подозрений в коррупционном поведении. Как отмечал Конституционный суд РФ, несменяемость и неприкосновенность, будучи элементами конституционно-правового статуса судьи, не являются его личной привилегией как гражданина, они обеспечивают самостоятельность и независимость судебной власти, служат средством защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия, и не только не исключают, но, напротив, предполагают повышенную ответственность судьи за выполнение своих профессиональных обязанностей, соблюдение законов и правил судейской этики (*Постановления от 7 марта 1996 г. № 6-П, от 19 февраля 2002 г. № 5-П, от 28 февраля 2008 г. № 3-П и др.* // [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/ugolovnaya_otvetstvennost_sudi/ (дата обращения: 23.06.2021)). Но и здесь все не совсем так. Есть негативные примеры, касающиеся судей Фемиды. Так, 24 октября 2011 г. Верховный Суд Российской Федерации вынес приговор бывшему судье Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону И. А. Его приговорили за получение взятки (ч. 4 ст. 290 УК РФ) к наказанию в виде штрафа в размере шестидесятикратной суммы взятки, то есть 3 млн рублей (URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2021)).

22 ноября 2016 г. Ленинский суд Кирова заочно приговорил к 10 годам лишения свободы в колонии строгого режима экс-председателя Вятскополянского районного суда Кировской области С. К. за получение взятки в размере 18 млн рублей. Во время приговора К. уже находился за пределами РФ, объявлен в международный розыск (*Коррупционеры в судейских мантиях (Судьи, пойманные на взятках за последнее время)* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777389989/> (дата обращения: 02.05.2021)).

21 апреля 2017 г. бывший судья арбитражного суда Тамбовской области С. С., задержанный в марте 2016 г., Октябрьским районным судом Тамбова приговорен к семи с половиной годам лишения свободы за получение взятки в крупном размере (*Арбитражный судья Тамбова получил срок за взятку* // [Электронный ресурс]: URL: <https://vestitambov.ru/new/arbitrazhnyj-sudya-tambova-poluchil-srok-za-vzyatku/>; *Экс-судья тамбовского арбитража Сергей Сучков осужден на семь с половиной лет за взятку* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3278685> (дата обращения: 23.06.2021)).

24 января 2021 г. Железнодорожный районный суд Барнаула вынес приговор экс-судье Арбитражного суда Алтайского края Р. Т. Как сообщает пресс-служба краевой прокуратуры, его признали виновным по ч. 4 ст. 291¹ УК РФ (посредничество во взяточничестве) и приговорили к 7 годам лишения свободы и штрафу в размере 30 млн рублей (URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2021)).

13 июля 2021 г. Верховный суд Республики Бурятия вынес приговор бывшему заместителю председателя Иркутского областного суда Н. Н. Он признан виновным в двух эпизодах получения взятки (ч. 4 ст. 290 УК РФ). Взятки, по версии следствия, передавались через посредников-решальщиков, оказывающих услуги по возврату водительских удостоверений. Бывшему зампреду Иркутского облсуда назначили шесть лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима и штраф в размере 5 млн руб. (*Уголовные дела в отношении высокопоставленных сотрудников ФСИН* // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/info/7109408> (дата обращения: 28.04.2021)).

Не менее важное значение для современной уголовной политики имеет сфера исполнения приговора, где осужденные коррупционеры, должностные преступники могли бы подумать о своем противоправном поведении, раскаяться в этом и добиваться прощения от государства и его граждан. Но и эта сфера государственного управления сама оказалась пораженной коррупционной болезнью. Опасность коррупции в данной сфере увеличивается еще и в связи с возникновением прямых контактов не только осужденных коррупционеров с сотрудниками ФСИН, но и в связи с подобными контактами с осужденными преступными авторитетами. Коррупция на этой почве весьма серьезно компрометирует государственную власть и порождает сомнение в достижении целей наказания.

Новое руководство ФСИН высказалось за бескомпромиссную борьбу с коррупцией во ФСИН и называет ее приоритетной в осуществлении служебной деятельности (*Глава ФСИН назвал основные причины коррупции среди сотрудников ведомства* // [Электронный ресурс]: URL: <https://fsin.ru/news/glava-fsin-nazval-osnovnye-prichiny-korrupsii-sredi-sotrudnikov-vedomstva> (дата обращения: 09.07.2021)). Тем не менее примеры совершения коррупционных преступлений в системе ФСИН позволяют говорить о признаках организованной коррупционной преступности. Так, за подобные преступления в составе организованной группы, 14 июня 2017 г. Замоскворецким судом Москвы

по ч. 4 ст. 159 УК РФ был осужден бывший директор ФСИН А. Р. (приговорен к 8 годам лишения свободы). В период с 2016 по 2020 г. за коррупционные преступления, совершенные в составе группы, были осуждены несколько бывших заместителей директора ФСИН, главы ГУФСИН по Республике Коми, Ростовской, Курганской, Кемеровской областям, Пермскому краю, бывший заместитель начальника ГУ ФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, не считая менее значимых должностных лиц уголовно-исполнительной системы. Однако следствие не решилось квалифицировать преступные группы с их участием как преступное сообщество (*Тюремщиков взяли за браслеты. Бывший директор ФСИН Александр Реймер задержан по делу о мошенничестве* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/03/31/6620597.shtml> (дата обращения: 15.07.2021)).

В 2019 г. был вынесен приговор заместителю директора ФСИН О. К. и его соучастнику. Они похитили бюджетные средства путем поставки в учреждения ФСИН бракованной обуви для осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы на сумму более 260 млн рублей. По другому уголовному делу К. инкриминированы эпизоды получения взяток и растраты бюджетных средств путем завышения цен госконтрактов на поставку бензина и продовольствия на сумму более 150 млн рублей (*Вынесен приговор бывшему заместителю директора ФСИН России Олегу Коршунову и его соучастнику по одному из эпизодов преступной деятельности* // [Электронный ресурс]: URL: <https://sledcomrf.ru/news/397778-vynesen-prigovor-byivshemu-zamestitelyu.html> (дата обращения: 24.07.2021)).

Большую работу по разоблачению чиновников-коррупционеров проводят органы прокуратуры. Новый толчок эта работа получила с назначением на пост генерального прокурора РФ И.В. Краснова. Выступая на заседании Совета Федерации 20.01.2020, генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Викторович Краснов отметил: «Коррупция как проявление одного из беззаконий, безусловно, разлагает как деловую среду, так и государство в целом» (URL: <https://genproc.gov.ru>) (дата обращения: 15.07.2021)). Вместе с тем ему также придется усиливать карательную составляющую в отношении прокурорских работников, подозреваемых в коррупции и иных должностных нарушениях. И такая работа действительно началась. В апреле 2021 г. Сальский районный суд вынес приговор в отношении бывшего прокурора Пролетарского района Ростовской области С. К.

по обвинению в получении взятки 1,1 млн руб. По решению суда экс-прокурор получил 8 лет условно с ограничением свободы на 4 года и выплатой штрафа в сумме взятки (*Прокурора Пролетарского района осудили условно за взятку в 1,1 млн рублей* // [Электронный ресурс]: URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/14/04/2021/607695ae9a79474a657f4b5d> (дата обращения: 15.07.2021)). Приговор весьма специфичный, особенно учитывая совершение должностным лицом в соучастии такого опасного коррупционного преступления, но закон в этом случае не нарушен.

12 февраля 2021 г. направлено в суд уголовное дело в отношении бывшего Раменского городского прокурора К. Т., который обвиняется в получении многомиллионных взяток, мошенничестве и вымогательстве. Вместе с ним к ответственности привлечены 11 членов организованной К. Т. преступной группировки, имеющей все признаки преступного сообщества. С мая 2017 по ноябрь 2018 г. К. Т. занимал пост замглавы Люберецкого отдела СК по Московской области (*Генеральная прокуратура Российской Федерации направила в суд уголовное дело в отношении организованной преступной группы* // [Электронный ресурс]: URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=58745657>; *Бывшего прокурора Раменского района Подмоскovie будут судить за коррупцию* // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/proisshestviya/10684221> (дата обращения: 18.07.2021)).

18 сентября 2019 г. Торбеевским райсудом бывший помощник прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере) к шести годам лишения свободы в колонии строгого режима (*Самые резонансные преступления, совершенные сотрудниками прокуратуры в 2019 году* // [Электронный ресурс]: URL: <https://zakon-i-poryadok.com/2020/01/samyerezonansnye-prestupleniya-sovershennye-sotrudnikami-prokuratury-v-2019-godu.html> (дата обращения: 22.07.2021)).

9 апреля 2019 г. Гагаринский районный суд Севастополя признал бывших старшего прокурора отдела общего надзора за соблюдением законодательства С. Н. и прокурора отдела по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики и охраны природы С. Д., а также предпринимателя виновными в попытке обманом получить 2 млн рублей от подрядчика, выигравшего контракт на благоустройство городского пляжа (*Бывшие сотрудники прокуратуры осуждены за мошенничество* // [Электронный ресурс]: URL: <https://sevastopol>

press/2019/04/10/byvshie-sotrudniki-prokuratury-osuzhdeny-za-moshennichestvo/; *Бывшим сотрудникам прокуратуры назначены сроки лишения свободы за похищение на мошенничество // [Электронный ресурс]: URL: http://gs.sev.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=406 (дата обращения: 23.07.2021))*. Обоим прокурорам назначено по три года лишения свободы и штрафы. В этом случае организованная коррупционная группа налицо.

Волжский районный суд Саратова 12 февраля 2019 г. признал виновным экс-начальника отдела по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры Саратовской области С. И. В суде доказано, что подсудимый получал с сельхозпредприятия долю от выручки за содействие в спорах с конкурентами. Экс-прокурору назначено наказание в виде семи лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима и штраф в размере 1,9 млн рублей (*Бывший сотрудник саратовской прокуратуры осужден на семь лет за взятки // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.interfax.ru/russia/650226> (дата обращения: 23.06.2021)*).

Анализируя примеры из судебной практики, можно предположить существование в современный период не абстрактной организованной преступности и преступлений коррупционной направленности, а конкретной организованной коррупционной преступности. Если быть более точным в формулировках и понятиях, то речь идет о необходимости противодействия организованным преступным сообществам, складывающимся в органах власти и управления либо в регионах с целью совершения коррупционных преступлений. В основном это преступные сообщества, создаваемые чиновниками на местном, региональном и федеральном уровнях для хищения бюджетных средств, выделяемых под крупные бюджетные программы, либо организованные преступные группы, действующие с целью создания системы вымогательства взяток с различных субъектов хозяйственной деятельности. Нередко при совершении коррупционных преступлений должностные лица используют лидеров и активных участников общекриминальных преступных сообществ.

На наш взгляд, причины все те же: бесконтрольность, семейственность, клановость, отсутствие конкуренции и конкурсного замещения должностей, отсутствие экономического контроля со стороны центральных органов, не всегда своевременный и эффективный прокурорский контроль. Хотя научные исследования в этой сфере до настоящего времени не проведены на достаточ-

ном уровне и не позволяют сделать более четких выводов о причинах и условиях существования преступности данной разновидности.

Тем не менее приведенные в статье примеры позволяют говорить о проведении масштабной операции по борьбе с коррупцией во всех сферах государственного управления. Хочется надеяться, что подобная операция не будет краткосрочной кампанией и позволит не победить окончательно, но существенно сократить масштабы коррупции. Подтверждением этому является Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы», в котором определены первоочередные меры по борьбе с коррупцией и предупреждению правонарушений и преступлений коррупционной направленности.

Важно признать, что организованная коррупционная преступность существует объективно, она требует политической воли и особого внимания со стороны руководства страны, всех заинтересованных субъектов (правоохранительных органов, ученых, законодателей и представителей исполнительных органов).

Полагаем, что наряду с мероприятиями, определенными в президентском плане противодействия коррупции, следовало бы дополнить главу УК РФ об ответственности за должностные преступления статьей об ответственности за создание преступного сообщества в органах власти и управления с целью совершения коррупционных преступлений. Действующая статья 210 УК РФ не в полной мере соответствует оценке коррупционных проявлений должностных лиц.

Весьма своевременной мерой было бы установление ответственности не только за взятничество в чистом виде, когда взяткой признаются вещи, деньги, услуги имущественного характера, но и за взятничество в форме торговли влиянием, и за предоставление и получение взятки в виде услуги неимущественного характера, когда используется должностное положение, воздействующее на принятие решения другими лицами [7].

Следует рассмотреть возможность законодательного закрепления обязательности проведения конкурса на замещение должностей ответственных руководителей и более четко прописать в законе основания отзыва выборных чиновников.

Для прекращения семейственности и клановости в их негативном смысле, когда эти явления используются в незаконных, корыстных целях, следует установить запрет занимать должности в коммерческих организациях и фирмах родственникам представителей законодательной и испол-

нительной власти, а также руководителей правоохранительных органов всех уровней.

Мы можем говорить сколько угодно, что взятки берут, потому что их дают, но это по сути не говорит ни о чем. Нас еще убеждают, что бытовая коррупция «гораздо страшнее», «там крутятся огромные деньги». Это подмена понятий. Чтобы уменьшить бытовую коррупцию, надо бросить большие силы на уменьшение организованной коррупционной преступности. Нет научного анализа истинных причин бедствия, а это не что иное, как бедствие, когда во власти преступные сообщества, о которых мы раньше думали, как о чем-то сугубо криминальном с рецидивным уклоном. Но иногда складывается впечатление, что специалистов не интересуют истинные причины данной проблемы. Есть мнение, что это отголоски лихих 90-х, когда общеуголовная преступность двинула во власть. Но уже прошло

30 лет, а организованная преступность не исчезла, не побеждена (хотя некоторые официальные лица заявляли о победе над ней), а лишь обрела коррупционную оболочку. Как представляется, необходимы срочные научные исследования и принятие комплексных мер, включающих законодательные, организационные и экономические.

Предложенный Президентом РФ Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 г. предоставляет возможность проводить не только научные исследования о мерах противодействия коррупции, готовить необходимые законодательные решения и организационные меры в органах управления, но и повысить эффективность работы правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению правонарушений и преступлений коррупционной направленности.

Литература

1. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. 665 с.
2. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 1008 с.
3. Королева М.В., Мацкевич И.М. Проблемы борьбы с организованной преступностью: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 526 с.
4. Крылатые слова: Энциклопедия / авт.-сост. В.В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2003. 830 с.
5. Мацкевич И.М. Коррупция, организованная преступность и армия // Власть: криминологические и правовые проблемы. М.: Рос. криминол. ассоц., 2000. С. 103–107.
6. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 4–10.
7. Кадников Н.Г. Новый взгляд на предмет взяточничества // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 1. С. 7–12.

References

1. Dolgova A.I. Kriminologicheskie otsenki organizovannoi prestupnosti i korruptsii, pravovye batalii i natsional'naya bezopasnost' [Criminological assessments of organized crime and corruption, legal battles and national security]. Moscow, Ros. kriminol. assots. Publ., 2011, 665 p. (In Russian)
2. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: textbook]. Ed. A.I. Dolgova. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2019. 1008 p. (In Russian)
3. Koroleva M.V., Matskevich I.M. Problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu. Uchebnoe posobie [Problems of combating organized crime. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 526 p. (In Russian)
4. Krylatye slova: Entsiklopediya [Winged words: Encyclopedia]. Compiler V.V. Serov. Moscow, Lokid-Press Publ., 2003. 830 p. (In Russian)
5. Matskevich I.M. Korruptsiya, organizovannaya prestupnost' i armiya [Corruption, organized crime and the army]. In *Vlast': kriminologicheskie i pravovye problemy* [Power: criminological and legal problems]. Moscow, Ros. kriminol. assots. Publ., 2000, pp. 103–107. (In Russian)
6. Matskevich I.M. Organizovannaya ekonomicheskaya prestupnost' [Organized economic crime]. *Monitoring pravoprimereniya* [Law enforcement monitoring], 2016, no. 1 (18), pp. 4–10. (In Russian)
7. Kadnikov N.G. Novyi vzglyad na predmet vzyatochnichestva [A new look at bribery]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki* [Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice], 2018, no. 1, pp. 7–12. (In Russian)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Редникова Татьяна Владимировна

Цель: проанализировать изменения норм главы 26 УК РФ за последнее десятилетие и их роль в сфере противодействия экологической преступности в стране.

Методология: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, дедукция, анализ.

Выводы. Построение эффективной системы противодействия экологической преступности является одной из первоочередных задач государственной политики, которая должна осуществляться в комплексе с применением мер как общего, так и специального характера. За последнее десятилетие в нормы главы 26 УК РФ был внесен ряд изменений, направленных на ужесточение соответствующих мер уголовной ответственности, а также конкретизацию формулировок отдельных составов, что должно положительно сказаться на практике их применения. Тем не менее на сегодняшний день нормы российского уголовного закона по-прежнему имеют ряд недостатков, устранение которых, наряду с совершенствованием отраслевого законодательства, позволило бы повысить их эффективность в борьбе с экологической преступностью.

Научная и практическая значимость статьи заключается в привлечении внимания к необходимости одновременной модернизации отраслевого экологического и уголовного законодательства для более эффективного его применения в борьбе с экологической преступностью в стране.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, экологическая преступность, преступление, природные ресурсы, преступные посягательства, санкции, уголовная ответственность.

В современном мире активное противодействие совершению экологических преступлений является одним из самых важных элементов системы обеспечения экологической и иных видов безопасности государств, а также одним из основных условий обеспечения конституционных прав их граждан на благоприятную окружающую среду. Определение понятия «экологическое преступление» в российском уголовном законе не закреплено. Существующие же в теории уголовного права определения, предлагаемые учеными-юристами, содержат целый набор критериев отнесения преступлений к данной категории. Помимо общих, характеризующих деяние как преступление критериев (общественная опасность, виновность, наказуемость в соответствии с нормами уголовного закона), выделяются такие, как посягательства

на общественные отношения по обеспечению благоприятного для нормальной жизнедеятельности человека состояния окружающей среды, экологической безопасности населения и рационального использования природных ресурсов [1, с. 704; 2, с. 81; 3, с. 46; 4, с. 798]. В определении, предлагаемом Г.А. Коробовым и И.В. Азаровой, экологическим признается преступление, «...посягающее на установленный экологический порядок путем причинения вреда общественным отношениям по сохранению, восстановлению, рациональному использованию окружающей среды, а также ее компонентов» [5, с. 50]. Согласно еще одному определению, экологическим признается преступление, нарушающее установленные отраслевым законодательством нормы, регламентирующие порядок обращения с при-

родными ресурсами, а также устанавливающее качественные характеристики окружающей среды и определяющее допустимое воздействие на нее [6, с. 37]. Следует отметить, что приведенные формулировки содержат термины отраслевого экологического законодательства, содержание которых в свою очередь в науке экологического права имеет весьма различное толкование. С учетом бланкетности большинства норм КоАП РФ и УК РФ, предусматривающих ответственность за экологические правонарушения, отсутствие в отраслевом экологическом законодательстве корректной с естественно-научной точки зрения расшифровки значения экологических терминов может приводить к их неоднозначному толкованию при правоприменении [5, с. 52], что в значительной степени снижает его эффективность. Отсутствие в экологическом, административном или уголовном законодательстве четких и однозначных определений объектов правовой охраны и предметов преступных посягательств, разработанных на основе естественно-научных знаний, является одной из важных проблем эффективного применения норм об ответственности.

В последние годы в Российской Федерации наметилось практически двукратное снижение количества зарегистрированных экологических преступлений по сравнению с десятилетием ранее. Однако приходится признать, что такие статистические данные свидетельствуют не о снижении уровня экологической преступности в стране, а о повышении уровня ее латентности, который по данной категории преступлений и так всегда был крайне высоким и составлял порядка 95%. При этом с начала 2000-х гг. общее количество выявляемых экологических правонарушений стабильно находится на одном уровне порядка 300 тыс. в год, что косвенно подтверждает возросшую латентность экологических преступлений. Следует отметить, что латентность экологических преступлений характерна не только для нашей страны — это общемировая тенденция, связанная в том числе с недостаточной эффективностью реализуемых мер противодействия ей.

В этих условиях построение эффективной системы противодействия экологической преступности является одной из первоочередных задач государственной политики, которая должна осуществляться в комплексе по всем возможным направлениям с применением мер как общего, так и специального характера.

Первой и наиболее важной составляющей построения системы противодействия экологической преступности является совершенствова-

ние природоохранного законодательства с целью создания прозрачной и действенной системы правового регулирования как рационального и ресурсосберегающего природопользования, так и охраны окружающей среды от загрязнения. Немаловажная роль в этом процессе принадлежит обеспечению эффективности государственной системы контроля в сфере охраны окружающей среды.

За последние пять лет в российское экологическое законодательство был внесен ряд позитивных изменений, которые должны послужить снижению количества экологических правонарушений, в том числе в сфере обращения с отходами, информационного обеспечения, совершенствования системы организационного обеспечения и контроля в сфере охраны окружающей среды, а также мониторинга ее состояния. Так, к примеру, введение в 2013 г. Единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней стало одной из успешных мер по противодействию незаконным рубкам и нелегальному обороту древесины.

Эффективный государственный контроль за исполнением норм природоохранного законодательства является одной из важных составляющих системы противодействия экологическим преступлениям и правонарушениям. Поскольку зачастую большим профилактическим эффектом обладает не ужесточение норм ответственности, а неотвратимость наказания. Одной из последних значимых законодательных новелл стало восстановление в 2021 г. института лесной охраны, деятельность которой должна способствовать снижению уровня латентности и профилактике экологических правонарушений и преступлений, совершаемых на лесных территориях (глава 12.1 ЛК РФ).

Дальнейшее совершенствование в Российской Федерации системы экологического образования, воспитания и просвещения также играет большое значение для снижения уровня экологических правонарушений в целом и экологических преступлений в частности. Высокий уровень информированности населения, особенно в регионах, богатых природными ресурсами, о правомерности или противозаконности тех или иных экологически значимых действий как в быту, так и в процессе осуществления хозяйственной деятельности должен приводить к снижению количества правонарушений в данной сфере. При этом распространение на всех уровнях государственного общего и специального образования научно обоснованных знаний в сфере охраны окружающей среды, а также широкое освещение в СМИ экологически

ориентированных программ, акций и мероприятий, проводимых как уполномоченными природоохранными государственными органами, так и общественными организациями экологической направленности, способствуют росту экологического правосознания в обществе. Таким образом, со временем необходимость бережного отношения к окружающей среде осознается все большим числом людей, а «экологически дружелюбное поведение» как в быту, так и при осуществлении хозяйственной деятельности должно стать все более популярной моделью поведения в современном обществе. Неравнодушное отношение граждан к проблемам охраны природы и устойчивого развития общества, а также осознание ими необходимости обеспечения экологической безопасности положительным образом влияет и на экологически значимое поведение руководства различных компаний и корпораций в процессе осуществления ими хозяйственной деятельности (которая, к слову, и оказывает основное негативное влияние на состояние окружающей среды). Формирование положительного с экологической точки зрения имиджа, в том числе за счет внедрения современных природоохранных технологических решений, становится необходимым для осуществления компаниями основной деятельности и продвижения на внутреннем и внешнем рынках.

Юридическая ответственность, традиционно являющаяся средством обеспечения действия норм права в механизме государственного принуждения [7, с. 3], как правовой институт возникла с момента образования государств. Первые правовые нормы, касающиеся охраны природы, в частности лесов, были приняты в Древнем Вавилоне в 1900 г. до н. э. [8, с. 3]. На Руси ответственность за посягательства на окружающую среду и ее компоненты предусматривалась уже в таких нормативных правовых актах, как «Русская правда» и Соборное уложение 1649 г., в которых предметами правовой охраны являлись различные виды природных ресурсов. В частности, их незаконное изъятие наказывалось в уголовно-правовом порядке [9, с. 105]. Отметим, что первоначально уголовным законом охранялось именно право частной, а впоследствии и государственной собственности на природные ресурсы. Первые уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за загрязнение окружающей среды, появились в российском законодательстве позднее — начиная с конца XIX в. [10, с. 127]. Консолидация большинства норм в УК РФ 1996 г. в отдельную главу, посвященную экологическим преступлениям, стала значимым шагом в дальнейшем раз-

витии уголовно-правовой охраны окружающей среды. Однако общественные отношения в той или иной сфере не являются чем-то постоянным, а поступательно развиваются под воздействием целого ряда факторов: экономических, политических, социальных. Развитие науки и внедрение в повседневную жизнь достижений научно-технического прогресса безусловно играют в этом процессе важнейшую роль, особенно в сфере взаимодействия человека и природы. При этом, с одной стороны, растет уровень негативного воздействия на окружающую среду, с другой, повышается уровень общественного экологического правосознания и убежденность в необходимости обеспечения ее благоприятного состояния. Что касается экологических преступлений, то в современном мире для их совершения все более широко применяются новые способы и средства. Именно поэтому только своевременная модернизация норм уголовной ответственности может служить одним из средств максимально эффективного противодействия экологической преступности. За последние годы в этом направлении сделан ряд позитивных шагов. Так, за последнее десятилетие в нормы главы 26 «Экологические преступления» УК РФ, ранее являвшейся одной из самых стабильных глав, был внесен ряд изменений, направленных на ужесточение соответствующих мер уголовной ответственности, а также конкретизацию формулировок отдельных составов.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что наиболее изменяемыми составами главы 26 УК РФ являются именно статьи, предусматривающие ответственность за незаконное обращение с природными ресурсами. Именно они и составляют порядка 97–98% зарегистрированных экологических преступлений. В 2020 г. совокупная доля преступлений, посягающих на леса и объекты животного мира (ст. 260, 261, 256, 258, 258¹ УК РФ), составила 98,15% [11, с. 758].

Положительным моментом для правоприменительной практики в части разграничения уголовной и административной ответственности явилась конкретизация понятия крупного ущерба по ряду статей главы 26 УК РФ.

В 2014 и 2015 гг. увеличен размер санкций и конкретизирован размер ущерба по статистике наиболее применяемым статьям 26 главы УК РФ — статье 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» и статье 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений».

В 2016 г. увеличен размер штрафных санкций, введена санкция в виде лишения свободы на срок до двух лет по ч. 1 и 2 ст. 256 УК РФ «Незаконная

добыча (вылов) водных биологических ресурсов» и от двух до 5 лет по ч. 3, а также конкретизированы крупный размер ущерба (свыше 100 тыс. руб.), исчисляемого в соответствии с действующими методиками и таксами, и особо крупный (свыше 250 тыс. руб.).

В 2018 г. конкретизирован состав ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации» – в части 1 расширен перечень уголовно наказуемых деяний. Если ранее уголовная ответственность предусматривалась лишь за незаконное возведение искусственных островов, установок и сооружений, то теперь уголовно наказуемыми являются их создание, эксплуатация и использование. Состав ч. 2 ст. 253 УК РФ теперь предусматривает ответственность и за добычу (вылов) природных ресурсов без соответствующего разрешения. Одновременно расширен и перечень предусматриваемых санкций – к нему добавилась санкция в виде лишения свободы до двух лет (ч. 1) и от трех до пяти лет (ч. 2, ч. 3), которое по данной статье предусмотрено не было, кратно увеличен размер штрафов.

Также в 2018 г. увеличен размер штрафа и введена санкция в виде лишения свободы на срок до двух лет в статью 258 УК РФ «Незаконная охота» за ее осуществление на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, а также конкретизирован размер ущерба: крупный – свыше 40 тыс. руб., особо крупный – свыше 120 тыс. руб.

Уточнен состав самой «молодой» статьи 26 главы УК РФ 258¹ (введена в 2013 г.), предусматривающей ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, а также до 4 лет увеличен срок лишения свободы по ч. 1, до 6 лет по ч. 2 и до 8 лет по ч. 3. Статья была дополнена ч. 1.1, предусматривающей ответственность за незаконные приобретение или продажу особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, их частей и дериватов (производных) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. В 2019 г. в нее включен квалифицирующий признак – совершение преступления не только организованной группой, но и группой лиц по предварительному сговору.

В 2019 г. статья 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр» дополнена

частью 2, предусматривающей уголовную ответственность за самовольную добычу янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в соответствии со статьей 7.5 КоАП РФ (в числе санкций максимальный размер штрафа до 1 млн руб., лишение свободы до двух лет), а также частью 3 за совершение указанного деяния в крупном размере (более 1 млн руб.).

Несмотря на рассмотренные выше изменения текста уголовного закона, произошедшие за последнее десятилетие, в уголовно-правовой науке отмечается, что нормы, предусматривающие ответственность за экологические преступления, по-прежнему далеки от совершенства.

По мнению Н.А. Лопашенко, большая вариативность закрепленных в законе видов санкций, которая призвана способствовать индивидуализации наказания, на практике может создавать искусственные стимулы назначения в рамках закона более мягкого наказания за совершенное преступления, что повышает коррупционную составляющую таких санкций [12, с. 87]. Также в уголовно-правовой литературе отмечается, что такая вариативность может способствовать судебскому произволу [13, с. 8].

Сохраняются такие недостатки правового регулирования, как наличие одинакового размера санкций в статьях главы 26 УК РФ, отнесенных к преступлениям различной степени тяжести (например, ст. 246 и ст. 249 УК РФ, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 251 УК РФ и ст. 246, ч. 2 ст. 248 УК РФ). По мнению Н.И. Кузнецовой, это недопустимо, так как это не отвечает принципу соразмерности наказания степени тяжести, поскольку у преступлений различной степени тяжести не может быть одинаковой степени общественной опасности, соответственно должны различаться и санкции [14, с. 293], в противном случае адекватная оценка общественной опасности деяния затруднена [15, с. 67].

Говоря о разграничении в уголовном законодательстве ответственности за незаконный оборот янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней и ответственности за их незаконную добычу, Р.А. Забавко подчеркивает, что такой подход представляется не совсем оправданным, поскольку и добыча, и оборот чаще всего представляют собой с организационной и технологической точек зрения единый процесс, осуществляемый одними и теми же лицами, который часто осуществляется преступными группами с высокой степенью организации [16, с. 133].

Еще раз отметим, что по-прежнему случаи привлечения к уголовной ответственности за загрязнение окружающей среды единичны [11, с. 758], что несоразмерно существующим на сегодняшний день масштабам причинения вреда окружающей среде от ее загрязнения. Однако поднимаемый в уголовно-правовой науке на протяжении нескольких десятилетий вопрос о необходимости введения в нашей стране уголовной ответственности юридических лиц с точки зрения его потенциала в сфере предотвращения экологической преступности в условиях российской действительности является по меньшей мере дискуссионным. Негативное влияние хозяйственной деятельности юридических лиц на благоприятное состояние окружающей среды в большинстве случаев связано с ее загрязнением. Необходимо отметить, что нормы, предусматривающие уголовную ответственность за данную категорию деяний, мало применяются не только в России, но и за рубежом. Такие экологические правонарушения чаще всего наказываются в административном порядке. Однако только закрепление в законодательстве значительного размера санкций способно стимулировать юридические лица, осуществляющие хозяйственную деятельность, к принятию достаточных мер по соблюдению экологического законодательства

и инвестированию в природоохранные технологии, что должно быть в первую очередь в разы выгодней, чем оплата соответствующих штрафов за нарушение природоохранного законодательства. При этом немаловажным аспектом для практической реализации эффективного обеспечения восстановления нарушенного состояния природной среды является острая необходимость создания исключительно целевого характера расходования взысканных средств — непосредственно на ликвидацию причиненного ущерба. И этот перечень проблем правоприменения норм уголовно-экологического законодательства, порождающих недостаточную эффективность его норм в сфере противодействия экологической преступности, включая ее причины, можно было бы приводить и далее.

Подводя итог сказанному выше, хотелось бы еще раз сделать акцент на том, что проблема эффективного противодействия экологическим преступлениям, в том числе и правовыми средствами, может быть решена исключительно в комплексе. В процессе принятия новых норм как отраслевого, так и уголовного законодательства необходимо проводить всестороннюю оценку их потенциального взаимодействия и взаимосвязи, позволяющих обеспечивать их однозначное толкование и эффективное применение на практике.

DIE BEKÄMPFUNG VON UMWELTVERBRECHEN IN DER RUSSISCHEN FÖDERATION: GESETZLICHE NEUREGELUNGEN

In der modernen Welt ist die aktive Bekämpfung von Umweltverbrechen eines der wichtigsten Elemente des Systems zur Gewährleistung der ökologischen Staatssicherheit sowie eine der Grundbedingungen für die Gewährleistung der Bürgerrechte auf wohlbehaltene Umwelt.

In den letzten Jahren ist die Zahl der registrierten Umweltverbrechen in der Russischen Föderation im Vergleich zu vor zehn Jahren um fast das Doppelte zurückgegangen. Jedoch muss man leider anerkennen, dass diese Statistiken keinen Rückgang der Umweltkriminalität im Land zeigen, sondern eher einen Anstieg der Latenzrate, die schon immer extrem hoch war und bei etwa 95 % für diese Kategorie von Verbrechen liegt. Seit Anfang der 2000er Jahre ist die Gesamtzahl der ermittelten Umweltstraftaten stabil auf dem gleichen Niveau von etwa 300 Tausend pro Jahr geblieben. Dies bestätigt indirekt die erhöhte Latenz von Umweltkriminalität. Es ist anzumerken, dass die

Latenz von Umweltverbrechen nicht nur in unserem Land zu beobachten ist, sondern dass es sich um einen weltweiten Trend handelt, der zum Teil mit der Unwirksamkeit der zu seiner Bekämpfung ergriffenen Maßnahmen zusammenhängt.

Unter diesen Bedingungen ist der Aufbau eines wirksamen Schutzsystems gegen die ökologische Kriminalität eine der Hauptaufgaben der Staatspolitik, die einen Maßnahmenkomplex umfassen muss, deren Ausrichtung sowohl allgemein als auch punktuell gestaltet sein sollte.

Die erste und wichtigste Komponente des Systems der Bekämpfung der Umweltkriminalität ist die Verbesserung der Umweltgesetzgebung, um ein transparentes und wirksames System der rechtlichen Regulierung sowohl der rationellen und ressourcenschonenden Naturnutzung als auch des Schutzes der Umwelt vor Verschmutzung zu schaffen. Wichtig in diesem Prozess ist es, die

Wirksamkeit des staatlichen Kontrollsystems im Bereich des Umweltschutzes zu gewährleisten. Es ist auch notwendig, die Normen zu verbessern, die die Haftung, einschließlich der strafrechtlichen Haftung, für Umweltvergehen einführen.

In den letzten Jahren wurde eine Reihe positiver Schritte in diese Richtung unternommen.

So wurde im Strafgesetzbuch Russlands, in einem seiner stabilsten Kapitel – Kapitel 26 „Umweltverbrechen“ – eine Reihe von Änderungen vorgenommen, die auf die Verschärfung der entsprechenden Maßnahmen der strafrechtlichen Haftung sowie die Konkretisierung der Formulierungen einzelner Tatbestände und ihrer Merkmale abzielen.

Ein positiver Punkt für die Rechtsanwendungspraxis in Bezug auf die Abgrenzung der strafrechtlichen und verwaltungsrechtlichen Haftung war die Konkretisierung des Tatbestandsmerkmals „hoher und besonders hoher Schaden“ in einer Reihe von Artikeln des Kapitels 26 des Strafgesetzbuches Russlands.

In den Jahren 2014 und 2015 wurden die Sanktionen verschärft und der Umfang der statistisch am meisten anwendbaren Artikel des Kapitels 26 des Strafgesetzbuchs – Artikel 260 „Illegale Holzfällung“ und Artikel 261 „Zerstörung oder Beschädigung von Waldplantagen“ – wurde präzisiert.

Im Jahr 2016 wurden die Strafen erhöht. Im Teil 1 und 2 des Artikels 256 des Strafgesetzbuches Russlands („Illegale Produktion (Fang) von wasserbiologischen Ressourcen“) wurde die Sanktion in Form von Freiheitsstrafe von bis zu zwei Jahren und im Teil 3 von zwei bis fünf Jahren eingeführt. Auch die großen (über 100 Tausend Rubel) und besonders großen (über 250 Tausend Rubel) Schäden, die nach den aktuellen Methoden berechnet werden, wurden festgelegt.

Im Jahr 2018 wurde der Tatbestand des Artikels 253 des Strafgesetzbuches RF „Verletzung der Gesetzgebung der Russischen Föderation über den Festlandsockel und die ausschließliche Wirtschaftszone der Russischen Föderation“ weiter ausgestaltet: in Teil 1 wurde die Liste der strafbaren Handlungen erweitert. Früher gab es die Strafbarkeit nur für den illegalen Bau von künstlichen Inseln, Anlagen und Bauten. Jetzt sind auch ihre Schaffung, Betrieb und Nutzung strafbar. Teil 2 des Artikels 253 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sieht nun die Verantwortlichkeit auch für die Gewinnung (Fang) von Naturschätzen ohne entsprechende Genehmigung vor. Gleichzeitig wurde die Liste der vorgesehenen Sanktionen erweitert – dazu kam die Sanktion in Form der Haft bis zu zwei Jahren (Teil 1) und von drei bis fünf Jahren (Teil 2, Teil 3), die in diesem Artikel vorher nicht vorgesehen war, vielfach wurden die Geldstrafen vergrößert.

Auch im Jahr 2018 wurde die Strafe erhöht und die Sanktion in Form von Freiheitsstrafe von bis zu zwei Jahren im Artikel 258 des Strafgesetzbuches RF „Illegale Jagd“ für ihre Durchführung in einem besonders geschützten Naturgebiet oder in einer Umweltkatastrophenzone oder in einer Umweltnotfallzone eingeführt, und die Höhe der Schäden konkretisiert: groß – über 40 Tausend Rubel, besonders groß – über 120 Tausend Rubel.

Der Tatbestand des „jüngsten“ Artikels 26 des Kapitels 258¹ des Strafgesetzbuches RF (eingeführt im Jahr 2013), der die Verantwortlichkeit für die illegale Jagd und den illegalen Handel mit besonders wertvollen Wildtieren und aquatischen biologischen Ressourcen regelt, wurde konkretisiert. Die Freiheitsstrafe wurde bis zu 4 Jahren im Teil 1, bis zu 6 Jahren im Teil 2 und bis zu 8 Jahren im Teil 3 erhöht. Der Artikel wurde ebenfalls ergänzt. Im Teil 1.1 wurde die Haftung für den illegalen Erwerb oder Verkauf von besonders wertvollen Wildtieren und biologischen Wasserressourcen, ihren Teilen und Derivaten unter Verwendung von Massenmedien oder elektronischen, Informations- und Telekommunikationsnetzen, einschließlich des Internets verankert. Im Jahr 2019 wurde es um ein Qualifikationsmerkmal erweitert: die Begehung des Verbrechens nicht nur durch eine organisierte Gruppe, sondern auch durch eine Gruppe von Personen nach vorheriger Absprache.

Im Jahr 2019 wurde der Artikel 255 des Strafgesetzbuches RF „Verletzung der Vorschriften zum Schutz und zur Nutzung des Erdinneren“ um einen zweiten Teil ergänzt und damit die Strafbarkeit für die unerlaubte Gewinnung von Bernstein, Jade oder anderen Halbedelsteinen festgelegt. Der Täter kann nur eine Person sein, die zuvor nach dem Artikel 7.5 des Ordnungswidrigkeitengesetzbuches Russlands, das schon sehr hohe Sanktionen vorsieht (bis zu 1 Million Rubel / 2 Jahre Freiheitsentzug), belangt wurde.

Ich möchte die Aufmerksamkeit auf die Tatsache richten, dass die am meisten veränderten Tatbestände des Kapitels 26 des Strafgesetzbuches Russlands sich in den Artikeln befinden, die die Haftung für den illegalen Umgang mit natürlichen Ressourcen vorsehen. Sie sind es, die etwa 97% der registrierten Umweltverbrechen ausmachen. Gleichzeitig werden die Normen, die eine strafrechtliche Haftung für Umweltverschmutzung vorsehen, nicht nur in Russland, sondern auch im Ausland wenig angewendet. Für diese Art von Umweltstraftaten werden häufiger administrative Sanktionen verhängt, deren Höhe ausreichend signifikant sein sollte, um juristische Personen zum rechtmäßigen Verhalten zu stimulieren. Die Einhaltung der Gesetze bei wirtschaftlichen

Активности muss lohnend sein im Vergleich zu Nichteinhaltung. Maßnahmen zur Einhaltung von Umweltschutzvorschriften und die Investitionen in ökologische Technologien sollten günstiger ausfallen als die Zahlung der entsprechenden Bußgelder für Verstöße gegen das Umweltrecht.

In den letzten fünf Jahren wurden auch einige positive Änderungen an der russischen Umweltgesetzgebung vorgenommen, die dazu dienen sollten, die Zahl der Umweltvergehen zu reduzieren, einschließlich im Bereich der Abfallwirtschaft, der Informationsversorgung, der Verbesserung des Systems der organisatorischen Versorgung und bei der Kontrolle im Bereich des Umweltschutzes sowie der Überwachung der Umwelt.

Das einheitliche staatliche automatisierte Informationssystem für Holzbuchhaltung und

-transaktionen, das 2013 eingeführt wurde, war eine der erfolgreichen Maßnahmen zur Bekämpfung des illegalen Holzeinschlags und des illegalen Holzhandels.

Eine wirksame staatliche Kontrolle über die Umsetzung der Umweltrechtsnormen ist einer der wichtigsten Bestandteile des Systems zur Bekämpfung von Umweltverbrechen und Umweltvergehen. Denn oft hat nicht die Verschärfung der Haftungsnormen die große präventive Wirkung, sondern die Unvermeidlichkeit der Strafe. Eine der letzten wichtigen Gesetzesnovellen war die Wiederherstellung des Instituts für Waldschutz im Jahr 2021 (durch die Einführung der entsprechenden Änderungen im Forstgesetzbuch (Kapitel 12.1)), deren Aktivitäten zur Verringerung der Latenz von Umweltvergehen und Verbrechen, die in Waldgebieten begangen werden, beitragen sollten, sowie zu deren Prävention.

Литература

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 800 с.
2. Боровиков В.Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для среднего профессионального образования. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 225 с.
3. Чураков Д.Б. Особенности квалификации преступлений в сфере лесопользования // Законность. 2015. № 2. С. 46–48.
4. Бриллиантова А.В. Уголовное право России: Части Общая и Особенная: учебник. М.: Проспект, 2018. 1184 с.
5. Коробов Г.А., Азарова И.В. Теоретико-правовой аспект уголовной ответственности за экологические преступления // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5–2. С. 49–53.
6. Konyzbekova M.R., Zhakupova G.A. The importance of analysis on the object and objectives of ecological criminal offenses // Научный потенциал. 2021. № 1–2 (32). С. 37–40.
7. Кузьмин И.А. Основания возникновения юридической ответственности как общетеоретическая проблема: подходы и суждения // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 3–10.
8. Bowman M., Davis P., Redgwell C. Lister's international wildlife law. 2nd ed. Cambridge. 2010. 755 с.
9. Вологдин Л.В. Исторический анализ формирования уголовной ответственности за экологические преступления // Молодой исследователь Дона. 2019. № 6 (21). С. 104–107.
10. Лавыгина И.В. Этапы формирования уголовного законодательства России об экологических преступлениях // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 6–1. С. 124–133.
11. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. 864 с.
12. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: в 2 ч. Ч. I. М.: Юрлитинформ, 2015. 336 с.
13. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Рязань, 2002. 48 с.
14. Кузнецова Н.И. Пенализация экологических преступлений: современное состояние и проблемы // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 1В. С. 290–299.
15. Кузнецова Н.И. Некоторые направления уголовной политики России в сфере борьбы с экологическими преступлениями // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 66–69.
16. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за незаконные добычу и оборот янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 8А. С. 131–142.

References

1. Uголовное право Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': ucheb. [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook]. Eds. L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. 2nd ed. Moscow: INFRA-M Publ., 2011. 800 p. (In Russian)
2. Borovikov V.B. Uголовное право. Osobennaya chast': uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya [Criminal law. Special part: textbook for secondary vocational education]. 4th ed. Moscow, Yurait Publ., 2018. 225 p. (In Russian)
3. Churakov D.B. Osobennosti kvalifikatsii prestuplenii v sfere lesopol'zovaniya [Features of the qualification of crimes in the field of forest management]. *Zakonnost' [Legality]*, 2015, no. 2, pp. 46–48. (In Russian, abstract in English)
4. Brilliantova A.V. Uголовное право Rossii: Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik [Criminal law of Russia: Parts General and Special: textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 1184 p. (In Russian)
5. Korobov G.A., Azarova I.V. Teoretiko-pravovoi aspekt ugolovnoi otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya [Theoretical and legal aspect of criminal liability for environmental crimes]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii [Public security, law and order in the third millennium]*, 2019, no. 5–2, pp. 49–53. (In Russian, abstract in English)
6. Konysbekova M.R., Zhakupova G.A. The importance of analysis on the object and objectives of ecological criminal offenses. *Nauchnyi potentsial [Scientific potential]*, 2021, no. 1–2 (32), pp. 37–40. (In Russian, abstract in English)
7. Kuz'min I.A. Osnovaniya vznikeniya yuridicheskoi otvetstvennosti kak obshcheteoreticheskaya problema: podkhody i suzheniya [The grounds for the emergence of legal liability as a general theoretical problem: approaches and judgments]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian Legal Bulletin]*, 2012, no. 4 (59), pp. 3–10. (In Russian, abstract in English)
8. Bowman M., Davis P., Redgwell C. Lister's international wildlife law. 2nd ed. Cambridge. 2010. 755 p.
9. Volodgin L.V. Istoricheskii analiz formirovaniya ugolovnoi otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya [Historical analysis of the formation of criminal responsibility for environmental crimes]. *Molodoi issledovatel' Dona [Young researcher of the Don]*, 2019, no. 6 (21), pp. 104–107. (In Russian, abstract in English)
10. Lavygina I.V. Etapy formirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii ob ekologicheskikh prestupleniyakh [Stages of formation of the criminal legislation of Russia on environmental crimes]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki [Actual issues of modern science]*, 2009, no. 6–1, pp. 124–133. (In Russian, abstract in English)
11. O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu. Gosudarstvennyi doklad [On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2020. State Report]. Moscow: Minprirody Rossii; MGU imeni M.V. Lomonosova Publ., 2021. 864 p. (In Russian)
12. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: teoreticheskii i prikladnoi analiz: v 2 ch. Ch. I. [Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis in 2 parts. Part 1]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 336 p. (In Russian)
13. Zubkova V.I. Uголовное наказание i ego sotsial'naya rol': zakonodatel'stvo, teoriya i praktika [Criminal punishment and its social role: legislation, theory and practice]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Ryazan', 2002. 48 p. (In Russian)
14. Kuznetsova N.I. Penalizatsiya ekologicheskikh prestuplenii: sovremennoe sostoyanie i problemy [Penalization of environmental crimes: current state and problems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and international law]*, 2019, vol. 9, no. 1V, pp. 290–299. (In Russian, abstract in English)
15. Kuznetsova N.I. Nekotorye napravleniya ugolovnoi politiki Rossii v sfere bor'by s ekologicheskimi prestupleniyami [Some directions of Russia's criminal policy in the field of combating environmental crimes]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2017, no. 1, pp. 66–69. (In Russian, abstract in English)
16. Zabavko R.A. Uголовная otvetstvennost' za nezakonnye dobychu i oborot yantarya, nefrita i drugikh poludragotsennykh kamnei [Criminal liability for illegal extraction and trafficking of amber, jade and other semiprecious stones]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and international law]*, 2020, vol. 10, no. 8A, pp. 131–142. (In Russian, abstract in English)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: ВЗГЛЯД КРИМИНОЛОГА

Дегтерев Андрей Александрович

Цель: политическая система России является важнейшей сферой жизнедеятельности общества, государства и каждого гражданина. Начиная с изучения школьной программы, а со временем участвуя в общественных организациях, ассоциациях, профсоюзах или политических партиях и т. д., человек постигает мир политики. Очевидно, что для ее духовного и интеллектуального понимания и восприятия особую актуальность приобретают переосмысление и перестройка всей системы социальных и гуманитарных наук, среди которых достойное место занимает уголовное право. Сегодня можно сказать, что уголовное право со всей остротой встает на защиту политической системы, формируя новый взгляд на проблемы формирования политических взглядов. В этой связи важно определить содержание, круг проблем, институтов и явлений, составляющих предмет посягательства на политическую систему. Последние 30 лет Россия переживает период коренной ломки сложившихся за предшествующую советскую эпоху основ идеологии, экономической, политической, социальной и духовной жизни, их модернизации в соответствии с потребностями социального прогресса, достижениями современной цивилизации. В связи с этим предпринимаются разновекторные усилия, с одной стороны, сосредоточенные на заимствовании и внедрении опыта организации общественной жизни в странах Западной Европы и США, с другой – возрождается естественный интерес к историческому прошлому России, начинается поиск путей имплементации переносимых социальных технологий с национальными особенностями России.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Указанные процессы являются сложными и противоречивыми, в том числе и в связи с этим важное значение имеет направление, характер и темпы изменений в конституционной основе государственной власти в России, ее легитимности как главных властно-упорядочивающих факторов всей общественной жизни, ее устойчивости к внутренним и внешним угрозам.

Научная и практическая значимость. В статье проводится анализ элементов политической системы Российской Федерации в исторической перспективе и их взаимосвязи, выводы автора о влиянии структуры политической системы на общественные отношения позволяют учитывать их при криминологической оценке объектов уголовно-правовой охраны, выявлении механизмов посягательств на нее или на составляющие ее элементы, при необходимости криминализации и пенализации соответствующих общественно опасных деяний и их предупреждения.

Ключевые слова: политическая система, криминообразующие объекты, легитимность государственной власти, уголовно-правовая охрана, жизнедеятельность общества, государство, политические взгляды, имплементация, социальные технологии, национальные особенности.

Политическая система в самом общем виде представляет собой одну из центральных подсистем совокупной общественной системы, взаимо-

действующей с другими подсистемами последней: экономической, идеологической, социальной, культурной, этической, которые образуют своео-

бразное окружение политической системы; наряду с природными ресурсами и природным окружением (территориально-пространственными и демографическими) выступают ее общественными ресурсами. Место политической системы в структуре всей общественной системы, по сути, обусловлено ведущей организационной и регулятивно-контрольной ролью политики как таковой, представляющей собой определенную деятельность, непосредственно связанную с отношениями между нациями, социальными группами и с классами. Политика признается главным предметом существования и функционирования политической системы.

Ядром же политики является проблема завоевания (получения), удержания и использования (применения) власти.

«Политическая система как устойчивое сложное организованное образование в своем взаимодействии с окружающей социальной средой должна обладать, во-первых, *регулятивной способностью*, призванной обеспечить контроль и координацию поведения индивидов и групп, во-вторых, *экстрактивной способностью*, состоящей в извлечении из окружения ресурсов, необходимых для ее функционирования, в-третьих, *распределительной способностью*, обеспечивающей представление индивидам и общественным группам социальных благ, и, в-четвертых, *реактивной способностью*, благодаря которой система «отвечает» на воздействие окружения, прежде всего на требования, выдвигаемые индивидами и группами» [1, с. 251].

Политическая система общества как сложное явление обуславливает требования-критерии, которые предъявляются ко всем ее структурным образованиям. К их числу, например, М.Н. Марченко относит следующие: внутренняя упорядоченность, организованность и хотя бы минимальная политичность [2, с. 299].

Каждое общественно-политическое объединение, которое выступает в качестве структурного элемента политической системы общества, является организацией и обладает всеми присущими организации признаками: а) установленным порядком образования и функционирования; б) наличием соответствующего устава; в) наличием соответствующего положения или иного акта; г) формально-юридическим оформлением объединения; д) наличием органов управления и контроля.

Все структурные элементы политической системы должны быть не только внутренне организованными и (или) находиться в определенном соотношении друг с другом, но и обязательно должны быть политическими. Но это не говорит о том, что они однородны друг другу. Они нахо-

дятся в состоянии диалектического противоречия и в разной степени политизированности друг к другу и к другим элементам системы. Именно степень политизированности предопределяет выделение собственно политических организаций и иных организаций. Для иных организаций политическая деятельность не является основной, смыслообразующей. Наиболее политизированными признаются общественные организации, созданные по социально-классовому, профессиональному, национальному, а в ряде стран — по конфессиональному признакам.

Политические организации должны: а) выражать политические интересы определенного класса или любой социальной общности; б) быть участником политической жизни и субъектом политических отношений; в) иметь непосредственное или опосредованное отношение к государственной власти — ее завоеванию, организации и использованию, причем не обязательно взаимодействуя с государственными органами, но и противодействуя им; г) руководствоваться в повседневной деятельности политическими нормами или правилами, сложившимися в недрах политической жизни той или иной страны.

Для того чтобы охарактеризовать политическую систему общества, принципиальное значение имеет определение совокупности составляющих ее элементов. Заметим, что этот вопрос, по сути, является краеугольным камнем, вызывающим споры, особенно в марксистской юридической, философской и социологической литературе [3, с. 49–74]. Структурная характеристика политической системы обуславливает, во-первых, объекты уголовно-правовой охраны; во-вторых, механизм посягательств на нее или на составляющие ее элементы; в-третьих, криминализацию и пенализацию соответствующих общественно опасных деяний; в-четвертых, набор объектов криминологического предупреждения соответствующих преступлений и т. д.

Так, М.А. Идрисова в структуре политической системы выделяет три подсистемы: 1) институциональную, которая состоит из государства, политических партий и общественных организаций; 2) информационную подсистему, устанавливающую связь между политическими организациями (средства массовой информации); 3) нормативную, включающую в себя всевозможные нормы, определяющие поведение людей в политической жизни (основные правила участия во все типах политического процесса) [4, с. 26–27].

М.Н. Грачев исходит из того, что политическая систем общества состоит из четырех подсистем:

1) нормативно-регулятивной; 2) политического сознания и политической культуры; 3) коммуникативной; 4) институциональной [5, с. 10].

П.К. Гончаров, предваряя характеристику структуры политической системы общества, замечает: «Их элементы можно условно разделить на компоненты в большей степени материального, субъектного порядка и компоненты в большей степени идеального, виртуального порядка» [6, с. 61]. Исходя из этого, он выделяет шесть подсистем, находящихся в определенной взаимосвязи и условной иерархичности.

1. Институционально-субъектная подсистема: государство, партии, общественные организации; группы давления; группировки элиты; политические лидеры; электорат; СМИ.

2. Нормативная подсистема: конституция, законы, программы и уставы политических партий и общественных организаций; нормы политической морали; политические традиции и обычаи.

3. Духовно-культурная подсистема: политические интересы; формы политического сознания; политическая наука, политическая идеология, общественное мнение; политические ценности.

4. Подсистема политических отношений: политические отношения борьбы – соперничества – сотрудничества, субординации – координации; политические связи; функционирования, развития, управления; совокупность статусно-ролевых моделей политического поведения.

5. Функционально-деятельностная подсистема: политические цели; функции политической системы; входные, внутрисистемные, выходные; совокупность направлений, форм и методов политической деятельности.

6. Информационно-коммуникационная подсистема: формы, методы, способы политического общения и обмена политической информацией; средства политической коммуникации [6, с. 62].

Функции всех подсистем подчиняются власти. Ради власти они функционируют и существуют.

Включение самых разных элементов в структуру политической системы «идеального, виртуального порядка» как раз и порождает основные противоречия во взглядах ученых. Не ставя целью предметный анализ всех существующих разногласий, всего спектра нюансов взглядов, остановимся, как нам представляется, на самом важном: правомерности сочетания в структуре рассматриваемого явления материальных и идеальных элементов, по своей природе являющихся разнопорядковыми, следовательно, несопоставимыми. В.И. Ленин, критикуя меньшевизм, в частности, писал: «Как можно сравнивать и сопоставлять

классы (либеральная буржуазия) с учениями (социализм)? *Практическую политику* (поползновения) с *взглядами* (предрассудки)?? Это верх нелогичности. Чтобы связать концы с концами в *тактической платформе*, надо противопоставить: 1) один класс другому, – например, либеральную буржуазию демократическому (или реакционному?) крестьянству; 2) одну политику другой, – например, контрреволюционную – революционной; 3) одни учения, взгляды и предрассудки – другим учениям, взглядам и предрассудкам» [7, с. 191–192].

В литературе обращается внимание на то, что, во-первых, институты политической системы и политические идеи, представления, политическое сознание необоснованно обособляются, а между тем они предполагают друг друга. Первые зарождаются и начинают функционировать на основе определенных политических взглядов, идей, а потом, взаимодействуя между собой, непрерывно оказывают взаимное влияние. При этом «политические учреждения соответствуют политическим взглядам не как чему-то внешнему, эти взгляды функционируют именно как сама деятельность данных учреждений. Они выражаются, проявляются именно в многообразных фактах как сознательных действиях по самой своей социальной сущности» [8, с. 244].

Таким образом, политические взгляды, идеи, политическая идеология, представления, политическое сознание, материализуются вовне в деятельности институтов политической системы. Но, во-вторых, и в таком качестве они вряд ли могут претендовать на структурную обособленность в рамках последней, поскольку сохраняют свою изначальную природу, не перестают быть идеальными явлениями, не превращаются в материальные объекты. «Иной вывод, иное допущение были бы по существу своему неверными, ибо в таком случае невольно допускалась бы и оправдывалась возможность смешения в рамках структуры политической организации общества “материальных” объектов, какими являются различные общественно-политические институты, с “нематериальными”, идеальными объектами, какими являются политические взгляды, идеи и представления. Перед исследователем структуры политической организации и ее отдельных элементов в таком случае неизбежно возникла бы необходимость сопоставления (или противопоставления) таких разнопорядковых, несопоставимых между собой объектов...» [2, с. 304].

Коль скоро политическая система признается материальной, то логично предположить, что она

состоит из элементов, также являющихся материальными.

Как представляется, достаточно сложной видится проблема о месте и роли в политической системе человеческого фактора. Если отвлекаться от нюансов, то на научно-политологическом континууме можно выделить две диаметрально противоположные позиции. Согласно первой человек присутствует в политической системе общества в разных социальных проявлениях, поэтому невключение его в структуру рассматриваемого явления является ошибкой. Как правило, в этом случае многие из политологов, придерживающихся этой точки зрения, ссылаются на высказывание Аристотеля о том, что «государство есть совокупность граждан», хотя, на наш взгляд, это утверждение не делает их позицию более убедительной. Более того, она, пожалуй, даже подрывает ее, поскольку человек в этом случае включается в политическую систему не как индивид, а как член соответствующего сообщества. Согласно второй позиции человек представлен в политической системе не как таковой, не как индивид, а как гражданин, член политической организации и т. д., т. е. в институционально-субъектной подсистеме [9, с. 190].

Так, Н.В. Витрук, определяя социально-нормативный статус личности, указывает, что он выражается не только в правовом ее статусе, но и в статусе личности, как члена партии, общественной организации, трудового коллектива [2, с. 591].

Некоторые авторы в политическую систему общества включают не человека, а граждан, народ, нации, народности, население административно-территориальных единиц, трудовые коллективы [10, с. 42].

По нашему мнению, в политическую систему общества следует включать только такие элементы, которые имеют материальный характер и охватывают государство, политические партии, общественные объединения и средства массовой информации.

Государство необходимо рассматривать как особую составную часть политической системы, которая выступает в виде единого (целостного) политического института, а не как совокупность государственных органов. В литературе обоснованно утверждается, что не существует политики без институтов власти. История свидетельствует, что государство выступает наиболее приемлемой системой для оформления органов и институтов власти [11, с. 11].

Существуют различные понятия государства. Так, в публицистическом аспекте утверждается,

что государство — это «страна, общество, народ, расположенные на определенной территории и представляемые высшим органом власти» [12, с. 203]. В научной юридической литературе можно встретить понимание государства «как стержня (основной предпосылки, центрального элемента) и даже основы политической системы. Если с первым утверждением можно согласиться, то с последним — нельзя, так как подобное понимание государства привело бы к смещению с такими разнопорядковыми явлениями, какими представляются действительные экономические, социальные, идеологические основы политической системы» [13, с. 248].

В специальной литературе при характеристике государства, как правило, выделяются его существенные (наиболее характерные) черты: наличие принудительной власти, суверенность, всеобщность [14, с. 640].

Для выполнения функции принуждения государство обладает армией, полицией, службой безопасности, судом и прокуратурой. Суверенность означает, что государство обладает высшей властью по отношению к субъектам, действующим в пределах его границ. Ее политический смысл заключается в способности субъектов, действующих от имени государства, обеспечить обществу независимость, самостоятельное существование и развитие. Всеобщность показывает, что государство включает в сферу своего воздействия всех людей, проживающих на его территории; выступает как механизм деятельности государства и одновременно как создаваемый государством способ регулирования общественных отношений.

Эти признаки государства дополняются имманентно присущими ему атрибутами: территорией, населением, государственным аппаратом.

Государство, выступая элементом политической системы, выполняет функции, присущие только ему; ими не могут обладать никакие другие институциональные, например, различные негосударственные образования [13, с. 248].

Государство обладает суверенитетом, является основным источником реализации политической власти. Только государству присуще слияние во едино законодательных, управленческих, надзорных (контрольных) функций в масштабе всей страны. Негосударственные организации такими присущими государству свойствами не обладают. Как правило, свою деятельность негосударственные организации осуществляют в определенной сфере общественно-политической жизни. Отсюда следует, что они решают локальные по содержанию и объему задачи.

Выступая организацией всех граждан, государство представляет общество в целом. Оно принимает властные решения от имени всего народа и не может представлять какую-либо ее часть. «Это, собственно говоря, основная форма политической интеграции общества на строго ограниченной территории, подчиненной определенному виду политического господства. Государство является носителем власти, юрисдикция которого распространяется на всю территорию страны» [13, с. 249].

Государство имеет специальный аппарат управления и принуждения. М.Н. Марченко обоснованно указывает, что государство, имея специальный аппарат принуждения и подавления с соответствующими «вещественными придатками» в виде тюрем и иных пенитенциарных учреждений, занимает роль главного проводника в жизнь воли и интересов политических сил, которые находятся у власти, как важнейшего средства осуществления политической власти [2, с. 38].

Помимо указанного аппарата, государство разделено системой правовых средств, которые предусматривают использование различных методов не только принуждения, но и убеждения. Основные политические принципы, нормы и процедуры закрепляются в нормативных правовых актах, которые очерчиваются границами и возможностями политической деятельности структур, находятся в разных точках политического континуума – правящей и оппозиционных партий.

Наконец, государство, выступая собственником основных орудий и средств производства, играет важную роль в определении тренда развития общества на конкретном историческом этапе.

«Итак, государство является сложным социальным образованием. С одной стороны, оно выступает как особый аппарат управления обществом; с другой – принимает образ ассоциации, равномасштабной обществу и интегрируемой публично-властными отношениями, институтами и нормами, которая размещается на определенной территории и охватывает своей властью всех членов данного общества. Государство концентрирует в себе максимум средств, необходимых для реализации интересов экономически господствующих социальных групп. Осуществляя властные функции, оно создает и поддерживает правовые, идеологические, этические, научные и иные системы, призванные обосновывать и оправдывать эти интересы. В свою очередь, динамика государственных институтов, их эволюция в значительной степени обуславливаются изменением и специфической социально-политических и экономических отношений, особенностями цивилизационного

развития общества, влиянием внешнеполитических факторов» [5, с. 17].

Как уже говорилось, в политическую систему включаются политические партии, общественно-политические движения, общественные организации.

В политологической литературе говорится о четырех подходах к определению политической партии. Но надо иметь в виду, что структурно-функциональный, или организационный, подход представлен известным французским социологом М. Дюверже, который считает, что «в природе организации современных политических партий их сущность раскрывается куда более полно, нежели в их программах или классовом составе: партия есть общность на базе определенной специфической структуры» [15, с. 18]. Все определения политической партии, имеющиеся в российской политологической литературе, можно сгруппировать в три относительно самостоятельные группы в зависимости от того, на что делается упор в дефиниции: 1) марксистские (классовые); например, В.И. Ленин видел в партии организацию, представляющую пролетариат [16, с. 245]; 2) идеологические (доктринальные) [17, с. 190]; так, Г.В. Пушкарева считает, что «политическая партия – это устойчивая, формализованная организация, стремящаяся к участию в осуществлении государственной власти и объединяющая людей с общими идейно-политическими взглядами и совпадающими интересами» [12, с. 136–137]; 3) политические; в самом концентрированном виде эти определения рассматривают политические партии как средство реализации «воли к власти» [18, с. 307].

В ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» политическая партия определяется как «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления».

Политические партии в отличие от государства возникли относительно недавно. По некоторым утверждениям, их история насчитывает около трех столетий. Хотя надо заметить, что еще в трудах Аристотеля, а также в источниках, относящихся к Древнему Риму, встречается трактовка этого понятия. Причем термину «партия» придавалось одно из двух значений. Во-первых, термин мог обозначать группу лиц, которая отстаивала ин-

тересы какой-либо части населения. Во-вторых, этим термином могли отождествляться сторонники того или иного политического деятеля.

В своих трудах М. Вебер процесс становления партий разделил на три этапа. Первый этап он относит к появлению аристократических группировок – котерий. Котерия (фр. – кружок, сплоченная группа) – 1) кружок, сплоченная группа лиц, преследующих какие-либо узкогрупповые, своекорыстные цели; 2) в средние века – отряд наемников [19, с. 368]. Второй этап характеризуется возникновением политических клубов. Третий этап приводит к созданию и формированию массовых партий [14, с. 526].

Молодежные, профсоюзные, женские, национальные, антивоенные, экологические и другие организации, объединения, создаваемые для выражения и защиты интересов определенной социальной группы и (или) слоев населения, решают стоящие перед ними задачи. Они выступают в роли определенных групп, которые могут влиять на государственные органы власти. Надо иметь в виду, что при этом не исключается создание на их базе политических партий. Например, на основе экологических движений в ряде стран Западной Европы имеются влиятельные партии «зеленых».

По идеологической ориентации все российские политические партии в литературе подразделяются на следующие типы: 1) либеральные партии; они выступают за приоритет частной собственности, уменьшение государственного вмешательства, прежде всего, в частный сектор экономики, за свободную рыночную экономику и за либеральные идеи; 2) социально-либеральные; они настроены на социальный характер либеральных рыночных реформ, правовое социальное государство, эффективную рыночную экономику и сильное гражданское общество; 3) консервативные (умеренно реформистские); они отстаивают идеи сильного государства, стабильности, порядка и личной свободы; 4) социалистические; их основная цель связана с построением социального государства и гражданского общества; 5) коммунистические; в их программных документах сочетаются идеи социализма, патриотизма, народовластия, коллективизма, равенства; 6) национал-патриотические; они провозглашают такие

идеи, как возрождение великой державы, защита русскоязычного населения [20, с. 23–24].

Политические партии страны образуют партийную систему, которая образует совокупность связей и отношений между партиями, претендующими на обладание властью в стране.

В политическую систему общества входят, как уже говорилось, наряду с политическими партиями, общественные объединения.

Определяя общественное объединение, можно сказать, что это добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в его уставе. Право граждан на их создание реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица – общественные объединения (ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 13.12.2020)).

Важное место в структуре политической системы занимают средства массовой информации, под которыми в соответствии со ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. 01.07.2021) понимаются периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). Их значительную часть составляют собственно политические издания, радио и телепередачи. Но, по сути, и любая другая информация: новостная, экономическая, культурно-просветительская, спортивная и т. д., которая доходит до граждан через печать, радио, телевидение, интернет, также может существенно влиять на их политическое сознание и политическое поведение.

По нашему мнению, функционирование политической системы в России еще долгое время будет привлекать внимание ученых, законодателей и практиков, в особенности определения преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, так как является важнейшей сферой жизнедеятельности общества, государства и каждого гражданина.

Литература

1. Политология. Энциклопедический словарь / под ред. Ю.И. Аверьянова. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
2. Политология. Курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2003. 683 с.
3. Лужан А.А. Развитие политических систем в современном мире. М.: Наука, 1981. 197 с.

4. *Идрисова М.А.* Политическая система общества: трансформация в эпоху глобализации: теоретико-правовое исследование. Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. 149 с.
5. *Грачев М.Н.* Политическая система общества. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 75 с.
6. *Гончаров П.К.* Политическая система российского общества // Социология власти. 2009. № 1. С. 61–75.
7. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 15 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина. Ч. 1. Предметный указатель. М.: Госполитиздат, 1969. 583 с.
8. *Барулин В.С.* Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1970. 327 с.
9. *Росенко С.И., Кумпен А.А.* Социально-политическая система современной России: учебное пособие для высших учебных заведений. СПб.: 7 студия. РИК, 2014. 236 с.
10. *Матусевич А.В.* Представительство интересов личности в государственных органах // Личность. Общество. Государство. Минск: Право и экономика, 1996. С. 42.
11. *Белов Г.А.* Политология. М.: ТОО «ЧеРо», 1997. 302 с.
12. Основы политической науки / под ред. В.П. Пугачева. В 2 ч. Ч. 1. М.: Общество «Знание» России, 1993. 223 с.
13. *Комаров С.А., Ростовщиков И.В.* Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2002. 336 с.
14. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
15. *Дюверже М.* Политические партии / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 538 с.
16. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 8 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина. Ч. 1. Предметный указатель, 1969. 730 с.
17. *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Онтология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. М.: Мысль, 1997. 830 с.
18. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002. 472 с.
19. Словарь иностранных слов в русском языке / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. Москва: ГИС, 1996. 856 с.
20. *Чижов Д.В.* Российские политические партии. М.: РОССПЭН, 2008. 221 с.

References

1. Politologiya. Entsiklopedicheskii slovar' [Political Science. Encyclopedic dictionary]. Ed. Yu.I. Aver'yanov. Moscow, Mosk. kommerch. un-t Publ., 1993. 431 p. (In Russian)
2. Politologiya. Kurs lektzii [Political Science. Course of lectures]. Ed. M.N. Marchenko, Moscow, Yurist" Publ., 2003. 683 p. (In Russian)
3. *Luzan A.A.* Razvitie politicheskikh sistem v sovremennom mire [The development of political systems in the modern world]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 197 p. (In Russian)
4. *Idrisova M.A.* Politicheskaya sistema obshchestva: transformatsiya v epokhu globalizatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie [The political system of society: transformation in the era of globalization: a theoretical and legal study]. Kazan, Kazanskii gos. un-t Publ., 2009. 149 p. (In Russian)
5. *Grachev M.N.* Politicheskaya sistema obshchestva [Political system of society]. Moscow, Ros. un-t druzhby narodov Publ., 1997. 75 p. (In Russian)
6. *Goncharov P.K.* Politicheskaya sistema rossiiskogo obshchestva [Political system of Russian society]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, 2009, no. 1, pp. 61–75. (In Russian, abstract in English)
7. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. [Collected Works (complete)], vol. 15, In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 5th edition. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1969. 583 p. (In Russian)
8. *Barulin V.S.* Otnoshenie material'nogo i ideal'nogo v obshchestve kak problema istoricheskogo materializma [The relation of the material and the ideal in society as a problem of historical materialism]. Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1970. 327 p. (In Russian)
9. *Rosenko S.I., Kumpen A.A.* Sotsial'no-politicheskaya sistema sovremennoi Rossii: uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Socio-political system of modern Russia.: textbook for higher educational institutions]. Saint Petersburg, 7 studiya. RIK Publ., 2014. 236 p. (In Russian)

10. *Matusevich A.V.* Predstavitel'stvo interesov lichnosti v gosudarstvennykh organakh [Representation of the interests of the individual in state bodies]. In *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Personality. Society. The state]. Minsk: Pravo i ekonomika Publ., 1996, p. 42 (In Russian)
11. *Belov G.A.* Politologiya [Political Science]. Moscow, TOO "CheRo" Publ., 1997. 302 p. (In Russian)
12. Osnovy politicheskoi nauki [Fundamentals of political science]. Ed. V.P. Pugachev. In 2 parts. P. 1. Moscow, Obshchestvo "Znanie" Rossii Publ., 1993. 223 p. (In Russian)
13. *Komarov S.A., Rostovshchikov I.V.* Lichnost'. Prava i svobody. Politicheskaya sistema [Personality. Rights and freedoms. The political system]. Saint Petersburg, Yurid. in-t Publ., 2002. 336 p. (In Russian)
14. *Weber M.* Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian)
15. *Duverger M.* Politicheskie partii [Political parties], trans. from French. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 538 p. (In Russian)
16. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. [Collected Works (complete)], vol. 8. In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 5th edition. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1969. 730 p. (In Russian)
17. *Michels R.* Sotsiologiya politicheskoi partii v usloviyakh demokratii [Sociology of a political party in a democracy]. In *Ontologiya mirovoi politicheskoi mysli* [Ontology of world political thought]. In 5 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1997. 830 p. (In Russian)
18. *Smorgunov L.V.* Sovremennaya sravnitel'naya politologiya [Modern comparative Political Science]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 307 p. (In Russian)
19. Slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke [Dictionary of foreign words in the Russian language]. Ed. I.V. Lekhin, F.N. Petrov. Moscow, GIS Publ., 1996. 856 p. (In Russian)
20. *Chizhov D.V.* Rossiiskie politicheskie partii [Russian political parties]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 221 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ОТРАСЛИ И ПОДОТРАСЛИ ПРАВА КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА: НАДУМАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ

*Чучаев Александр Иванович
Грачева Юлия Викторовна
Маликов Сергей Владимирович*

***Цель:** рассмотреть актуальные проблемы отраслеобразования. В последнее время предпринимаются попытки обосновать статус криминологии как отрасли права, а также наличие таких отраслей (подотраслей) права, как фармацевтическое уголовное право, экономическое уголовное право и уголовное природоохранительное право. Авторы обстоятельно анализируют имеющиеся по этому поводу мнения и приходят к выводу о том, что указанные нормативные образования являются искусственными; применительно к уголовному праву в качестве таковых объявляется та или иная совокупность уголовно-правовых норм без какого-либо обоснования их признания отраслью (подотраслью) права. При этом их предмет и метод как необходимые атрибуты отраслевых образований не указываются.*

***Методология:** анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, исторический, диалектический, системный методы, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Подход, согласно которому та или иная совокупность уголовно-правовых норм без какого-либо обоснования признается отраслью (подотраслью) права, не только ошибочен методологически, но и содержит в себе массу возможных негативных последствий, в том числе расчленение единой отрасли права на иные отрасли (подотрасли), состоящие из определенной совокупности уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ. Признание криминологии отраслью права искажает ее суть как социально-правовой науки, игнорирует критерии отраслеобразования.*

***Научная и практическая значимость.** На основе анализа приводимых в теории аргументов о формировании новых отраслей и подотраслей права делается вывод о неконструктивности такого подхода: он размывает грани между устоявшимися теоретическими положениями, создает иллюзию обогащения новыми знаниями теории права вообще и уголовного права в частности. Образование новых подотраслей должно быть обусловлено объективными обстоятельствами: появлением новой сферы общественных отношений и наличием системообразующего ядра.*

***Ключевые слова:** отрасль права, подотрасль права, институт, законодательство, отраслеобразование, уголовное право, фармацевтическое уголовное право, экономическое уголовное право, уголовное природоохранительное право, криминология, отрасль науки.*

Отрасль и подотрасль права, отрасль науки (вместо введения)

Как известно, система права имеет объективный характер; будучи отражением реально существующих общественных отношений, она характеризует строение права в зависимости от конкретного содержания отношений, регулируемых нормами права.

Основным элементом системы права выступает отрасль права, интегрирующая совокупность правовых норм, регулирующих все разнообразие определенного вида (качественно однородную группу) общественных отношений. Являясь элементом системы права, она, не порывая связи с системой как таковой, обладает относительной автономностью, способностью к самостоятельному

му функционированию. Исходя из этого в литературе формулируется понятие отрасли права как относительно самостоятельного подразделения системы права, состоящего из правовых норм, регулирующих качественно специфический вид общественных отношений [1, с. 213].

Любая отрасль права характеризуется в первую очередь своеобразием предмета и метода правового регулирования, они же выступают наиболее существенным основанием для деления системы права на отрасли. Предмет правового регулирования — это качественно однородные (однородные и отделимые от других групп) общественные отношения, на которые воздействуют нормы права; другими словами, это то, на что оказывает влияние право. Именно данное обстоятельство позволяет признавать предмет регулирования объективным основанием для формирования самостоятельных отраслей права, выступающим исторически первым критерием отраслеобразования.

Каждая отрасль имеет свой метод правового регулирования, т.е. совокупность приемов, способов воздействия на регулируемые общественные отношения. Метод регулирования во многом детерминирован предметом регулирования: конкретное содержание общественных отношений обуславливает своеобразие способов правового воздействия на них.

Помимо указанных обстоятельств, отрасль права характеризуется способностью к взаимодействию с другими отраслями права как подсистемами одного и того же уровня и наличием кодифицированного акта (кодекса).

В свою очередь, отрасли права могут иметь соответствующие подотрасли — структурные образования, объединяющие родственные правовые институты как обособленный комплекс правовых норм, являющихся специфической частью отрасли права и регулирующих разновидность определенного вида общественных отношений [2, с. 169–226]. Таким образом, если система права складывается из отраслей, то сами отрасли состоят из правовых институтов. Дело в том, что правовые нормы образуют отрасль не непосредственно, а опосредованно — через институты.

Право не существует вне законодательства, они соотносятся между собой как содержание и форма. В законодательстве правовые нормы и их различные структурные образования получают свое реальное выражение, внешнее проявление. Система законодательства объединяет все источники права в их совокупности, взаимосвязи и зависимости друг от друга. Основой ее образования служит система права, так как между систе-

мой права и системой законодательства имеется тесная связь, требующая, чтобы источники права систематизировались по отраслевому признаку.

Система права, как и вся общественная жизнь, находится в постоянном изменении и развитии. Т.Я. Хабриева отмечает, что «в жизни возникают новые сферы деятельности, не известные ранее отношения (например, ядерная энергетика или освоение космоса). Это объективно ведет к появлению новых правовых норм, регулирующих такие отношения» [3, с. 22]. «По этой причине появляются все новые отрасли права, подотрасли и институты права. И если в 40-х гг. насчитывалось только 10 отраслей права, то сейчас их уже порядка 30, а в науке идет широкое обсуждение о формировании все новых отраслей» [4, с. 18].

Но всегда ли обоснованы предложения о признании наличия новых отраслей и подотраслей права?

Криминология: отрасль науки или отрасль права?

Понятие, предмет и методы криминологии. Считается, что термин «криминология» ввел в науку в 1879 г. Поль Топинар (до этого употреблялся термин «уголовная социология»). В 1885 г. вышла книга Рафаэля Гарофало под названием «Криминология». С этого времени ведется отсчет истории криминологии.

Этимологически слово «криминология» означает учение о преступлении (от лат. *crime* — преступление; греч. *logos* — учение), однако в науке оно используется в широком смысле — как учение о преступности. Исходя из этого в литературе криминологию первоначально рассматривали как науку о состоянии, динамике, причинах преступности, методах ее изучения, путях и средствах предупреждения [4–10].

Конечно, «научное определение любой науки... не может быть исходным пунктом ее действительного исторического развития: оно становится возможным на сравнительно высокой ступени развития науки, являясь подытоживанием, обобщением пройденного пути и достигнутых результатов» [11, с. 229]. По мере накопления эмпирического материала, осмысления концептуальных положений, обращения к другим отраслям знаний и зарубежному опыту стали появляться более полные дефиниции криминологии и ее предмета. Так, П.И. Гришаев определял криминологию как науку, «исследующую область общественных отношений, возникающих в связи с существованием преступности как относительно массового социального явления классового общества» [12,

с. 6]. Г.В. Дашков писал, что криминология – это «общетеоретическая наука о преступности, исследующая с позиции диалектического и исторического материализма сущность и формы проявления преступности, причины и закономерности ее возникновения, существования, изменения и отмирания, личности субъектов, совершающих преступления, а также закономерности и формы социального воздействия на причины и условия преступности в целях предупреждения этого негативного явления» [13, с. 3–4].

О криминологии как относительно самостоятельной системе знаний говорил Г.А. Аванесов [14, с. 14].

В настоящее время понятие криминологии определяется примерно так же, причем не только российскими, но и зарубежными учеными.

В любой науке существенное значение имеет ее предмет, который не только характеризует основное содержание самой науки, ее границы, соотношение с другими отраслями знаний, но и обуславливает направления научного исследования, задачи и цели последнего. Предмет криминологии относится к числу дискуссионных проблем [15]. Это связано с различными обстоятельствами: во-первых, предмет любой науки, а не только криминологии, – не застывшее образование; он подвержен изменению в связи с развитием самой науки, уточняется, наполняется новыми элементами по мере углубления научных исследований, использования достижений других наук и т. д. Во-вторых, характеристика предмета зависит от позиции ученого: одни определяют его узко, другие более широко [16, с. 13]. Не ставя целью детального анализа имеющихся точек зрения, назовем лишь те элементы предмета криминологии, которые признаются таковыми всеми или по крайней мере большинством ученых.

Основным элементом предмета криминологии выступает преступность как социально-правовое явление, ее сущность и природа, присущие ей закономерности возникновения, развития и проявления [17, с. 19]. Преступность в криминологии определяется по-разному; например, ее представляют в качестве относительно массового, исторически изменчивого социального, имеющего уголовно-правовой характер явления, слагающегося из совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени. При этом она отражает наиболее существенные закономерные черты отдельных преступлений, а не случайные признаки, которые имеют значение лишь для отдельного преступления [18, с. 171].

Вторым элементом предмета криминологии признаются причины и условия преступности, т.е. ее детерминированность.

Составляющим элементом криминологии является личность преступника, под которой понимается личность человека, совершившего преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [19, с. 12–56].

Наконец, в предмет криминологии входит предупреждение преступности на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

В теории выделяются и другие обстоятельства, входящие в предмет криминологии [13, с. 19–25].

Методологической основой криминологии является диалектический материализм. Широко используются такие категории философии, как необходимость и случайность, причина и условие, общее и единичное. Предмет науки в той или иной мере обуславливает и специальные методы исследования (в криминологии они называются методиками). При этом надо иметь в виду, что в криминологии общенаучные методы также используются с учетом ее предмета. Например, такие методы, как наблюдение и описание, являясь общенаучными, используются для выявления и познания сложных связей и соотношения исследуемых проблем, механизма взаимодействия различных детерминант и т. д.

К специальным методам криминологии относят статистический, выборочного исследования, анкетный, интервью, наблюдение и эксперимент. В последние годы в криминологических исследованиях получили развитие психологические, кибернетические, экономические и иные методы.

Для характеристики сущности криминологии как науки важное значение имеет ее место в системе наук. В своем развитии место криминологии менялось кардинально: от признания ее частью уголовного права до самостоятельной отрасли науки [20; 21]. Однако на протяжении почти полутора веков оставалась неизменной ее суть как науки, изучающей, говоря в обобщенном виде, преступность.

Криминология как отрасль права: игнорирование сути и отраслеобразующих критериев. В 2016 г. вышла в свет работа доктора юридических наук, профессора В.Н. Орлова «Основы криминологического права» [22], заявленная как учебник

для студентов, адъюнктов и аспирантов юридических вузов и факультетов. Учебник состоит из пяти разделов (первый из них содержит две главы, остальные такого деления не имеют), введения и библиографии. Надо заметить, что собственно криминологии как отрасли права посвящены всего 49 страниц из 666 страниц учебника; пожалуй, уже одно это убедительно свидетельствует о глубине представленного материала и научной добросовестности. В разделе 2 даны «криминологические официальные понятия и определения» и «криминологико-правовые доктринальные понятия и определения».

Обратим внимание на три обстоятельства:

1) два формальных: во-первых, тавтологичность названия параграфа. Если, по утверждению В.Н. Орлова, криминология есть отрасль права, то доктринальные понятия и определения некорректно именовать криминологико-правовыми; во-вторых, не учитывается соотношение терминов «понятие» и «определение» [23, с. 342, 371]. Понятие отражает в общих чертах суть явлений и предметов окружающего нас реального мира; определение — точное толкование какого-либо понятия.

2) содержательное — приведенные понятия и определения с тем же основанием можно отнести к уголовному, административному праву и т. д.; иначе говоря, они не являются собственно криминологическими.

Раздел 3 содержит «основные нормативно-правовые акты»: Устав о предупреждении и пресечении преступлений (СПб., 1832); Устав благочиния и безопасности (Пг., 1916); Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (2016); Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999); Закон г. Москвы «О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве» (2008); Закон г. Москвы «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в городе Москве» (1999); Закон Санкт-Петербурга «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» (2016). Их включение в текст учебника по меньшей мере вызывает недоумение. Во-первых, они не являются библиографической редкостью, находятся в свободном доступе; во-вторых, никак не сопрягаются с представленной автором дефиницией криминологии как отрасли права, следовательно, не могут характеризовать соответствующую отрасль законодательства.

В разделе 4 даны тесты по профилактике правонарушений в России, цель применения

которых трудно понять. Например, предлагается определить структуру Устава о предупреждении и пресечении преступлений, структуру разделов Устава и др.

Наконец, раздел 5 содержит библиографию по криминологии за 1965–2016 гг. (приводится 108 источников).

Таким образом, характеристика структуры учебника, на наш взгляд, свидетельствует о его бессистемности, случайном наборе материала.

Во введении издания заявлено, что криминология в настоящее время понимается в трех значениях: как наука, учебная дисциплина и отрасль права. Криминологическое право характеризуется как «комплексная отрасль права, представляющая собой совокупность разноотраслевых юридических норм как уже сформировавшихся отраслей, так и стремящихся в будущем к отраслевой самостоятельности (например, криминоуевологическое право, наркокриминологическое право, криминопенологическое право и т. д.), регулирующих общественные отношения, обусловленные причинами, условиями и возникающие в процессе предупреждения преступного, криминально-виктимного поведения, преступности, криминальной виктимности, а также их типов, видов и иных мер борьбы с преступностью». Это же определение буквально воспроизводится в § 2 «Понятие и предмет криминологического права» гл. 1 «Понятие, предмет, метод и система криминологического права».

Как нам кажется, дефиниция криминологии как отрасли права не выдерживает какой-либо критики, представляет собой набор разнопорядковых явлений, в том числе презюмируемых автором в желаемом ему качестве (например, признание наличия криминоуевологического права, наркокриминологического права, криминопенологического права и т. д., хотя их в природе не существует).

Криминология признается комплексной отраслью права, вероятно, за счет включения в нее характеристики правовых норм, «стремящихся в будущем к отраслевой самостоятельности». К ее предмету В.Н. Орлов относит два уровня отношений: общий и специальный [22, с. 8]. К первому уровню автор причисляет:

1) общие положения криминологического права.

Предположить что-либо подобное не представляется возможным, по крайней мере на основании сложившегося на сегодняшний день в теории права понимания предмета отрасли права и криминологии как отрасли науки;

2) нормы, определяющие преступность (отметим: нормы права определяют не преступность как

относительно массовое явление, а преступление (ст. 3 УК РФ).

В теории права «правовая норма – это общеобязательное правило социального поведения, установленное или санкционированное государством, выраженное публично в формально-определенных предписаниях, как правило, в письменной форме и охраняемое государством путем контроля за его соблюдением и применения предусмотренных законом мер принуждения за правонарушения» [24, с. 217]. В отраслевых правовых науках норма права в целом характеризуется исходя из подходов, сформировавшихся в общей теории права. Например, В.Д. Филимонов определяет норму уголовного права следующим образом: «...это общеобязательное правило социального поведения, установленное государством, выраженное в уголовном законе и охраняемое органом государства путем контроля за его соблюдением и применения наказания или иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений» [25, с. 13]. Таким образом, она осуществляет правовое регулирование, иначе говоря, воздействует на предмет регулирования, и уже хотя бы поэтому не может выступать в качестве последнего;

3) нормы права, определяющие криминальную виктимность.

В теории криминологии виктимностью называют совокупность свойств личности и статуса потерпевшего, характеризующих способность последнего в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств становится жертвой преступных посягательств [26; 27]. Виктимность является предметом такой науки, как виктимология [28]. На наш взгляд, совершенно очевидно, что ни свойства личности как таковые, ни в том числе виктимная предрасположенность лица становятся объектом для преступников не могут быть предметом правового регулирования по определению;

4) нормы, регулирующие причины, условия и предупреждение преступности и криминальной виктимности.

Под причинами преступности принято считать совокупность негативных явлений в стране (экономических, демографических, идеологических, политических, социально-психологических, организационно-управленческих), непосредственно детерминирующих преступность как свое следствие. Условия преступности – обстоятельства, которые сами как таковые не могут породить преступность, но служат факторами, способствующими ее возникновению и существованию. Предупреждение преступности – это система мер, предпринимаемая государственными органами

и общественными организациями, представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие детерминации преступности. Два первых обстоятельства (причины и условия преступности) с учетом их природы в принципе не могут регулироваться правом; другими словами, они объективно, исходя из своей природы, не выступают и не могут выступать в качестве предмета регулирования. Предупреждение преступности подпадает под воздействие права, следовательно, является предметом правового регулирования. Законодательная практика знает подобного рода нормативные правовые акты, причем начиная с второй половины XIX в.;

5) нормы, определяющие, какие деяния являются антиобщественными, противоправными, криминально-виктимными.

Автор, на наш взгляд, допускает плеоназм: противоправное поведение в сфере криминологии – это преступление, по своей сути оно является антиобщественным деянием. Только оно находится в зоне правового регулирования. Остальные же, как уже говорилось, не могут признаваться предметом такового;

б) нормы, устанавливающие «меры предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением, причины и условия и процесс предупреждения антиобщественного, противоправного и криминально-виктимного поведения, с криминологической ответственностью, системой и видами мер предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением, составами применения (назначения, исполнения) и отбывания мер предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением, производством по делам об антиобщественном поведении и предупредительном воздействии».

Понять сказанное автором практически невозможно; единственное, что можно констатировать – указанные обстоятельства как таковые в своем абсолютном большинстве не имеют никакого отношения к предмету правового регулирования.

Еще более странным выглядит второй уровень предмета криминологии как отрасли права. Его составляют «отдельные положения частных криминологических учений, нормы, регулирующие всю систему предупреждения антиобщественного противоправного и криминально-виктимного поведения, преступности и криминальной виктимности, отдельных их типов и видах, а также об иных мерах в сфере борьбы с антиобщественным, противоправным криминально-виктимным поведением, преступностью и криминальной вик-

тимностью и т. д.». Из процитированного выделим лишь один момент (все остальное – простой набор слов из криминологического тезауруса, к тому же вступающих в противоречие с предыдущим элементом предмета): отнесение к предмету отрасли права отдельных положений частных криминологических учений. Во-первых, учения как совокупность теоретических положений какой-либо области знаний включены в предмет отрасли вопреки сущности последней; они не образуют и не могут образовать в принципе предмет правового регулирования. Во-вторых, автор противоречит сам себе: это же самое обстоятельство (отдельные положения частных криминологических теорий) он относит к предмету криминологии как науки [22, с. 22].

Характеризуя методы криминологического права, В.Н. Орлов пишет: «...правовое регулирование общественных отношений в сфере криминологического права как комплексной отрасли права осуществляется с помощью четырех основных методов...» [22, с. 23]. На самом деле имеет место иная ситуация, нежели утверждает автор: право регулирует сферу общественных отношений, что не равнозначно их нахождению в сфере криминологического права.

В учебнике выделяются четыре метода: императивный, диспозитивный, методы поощрения и взыскания. Сами по себе два первых указанных метода правового регулирования как таковые, безотносительно к криминологическому праву, не вызывают сомнений. В данном конкретном случае вопрос в другом – в авторской интерпретации их содержания. Например, по мнению В.Н. Орлова, императивный метод охватывает использование приказов, требований, распоряжений, обеспеченных возможностью применения правового принуждения.

Любой метод правового регулирования определяется характером взаимного положения участников правовых отношений. Императивный метод (директивный, авторитарный, административный, централизованный, субординации, власти и подчинения) предполагает, что субъекты, выступающие сторонами правоотношений, находятся в отношениях «власти-подчинения». Его основой является субординация. Императивный метод охватывает запрет или предписание. Однако В.Н. Орлов этот метод характеризует через определенные правовые акты, при этом не упоминая форму отрасли права – кодифицированный закон.

Методы поощрения и взыскания (наказания) вообще не относятся к методам правового регулирования, они сами регулируются законом. Напри-

мер, первый выступает мерой признания заслуг материального или морального характера; методом корректировки поведения; методом внешнего активного стимулирования, побуждения к положительной инициативной и творческой деятельности, осуществляемым при помощи признания успеха или награждения. Такая характеристика метода исключает его возможность воздействовать на общественные отношения.

Как видим, автор не учитывает, что комплексная отрасль права предполагает совокупность правовых норм, регулирующих отношения в какой-либо сфере деятельности и относящихся к разным отраслям права [2, с. 179–182]. Она имеет специфический метод правового регулирования, характеризующийся тем, что:

1) возникновение и формирование комплексной отрасли права происходит за счет социальной, а возникновение основных отраслей – юридической детерминации;

2) ему присущ целостный и системный характер, обусловленный образованием нового интегративного качества взаимосвязей между императивными и диспозитивными приемами; другими словами, он не является результатом простого сложения, механического соединения приемов регулирования;

3) он ограничен темпорально; иначе говоря, ему свойственен временный характер, являющийся менее продолжительным по сравнению с основными отраслями права;

4) при осуществлении регулирования межсубъектные взаимосвязи строятся на разноплановых правовых приемах (императивно-диспозитивных или диспозитивно-императивных) [2, с. 180].

В связи с этим сомнительным представляется и система криминологического права, предложенная В.Н. Орловым [22, с. 31]. По его мнению, система криминологического права – это классификация правовых норм, предполагающая их деление на общую и особенную части, а также на правовые институты по предметному признаку регулирования. Обратим внимание на два момента. Во-первых, автор не называет нормативный правовой акт, в котором материализуются указанные части (отрасль права не существует без соответствующего кодифицированного законодательства); во-вторых, в качестве самостоятельного структурного элемента, вне рамок Общей и Особенной частей, выделяет правовой институт («а также» – сложный союз с присоединительным значением). Между тем, как указывалось, правовой институт является элементом, например, структурной части кодекса.

Общая часть, как указано в учебнике, охватывает следующие основные положения криминологического права:

1) общие – цели, задачи, принципы, основания борьбы с преступностью и предупредительного процесса;

2) криминологическое законодательство;

3) преступность;

4) криминальная виктимность;

5) причины, условия и предупреждение преступности и криминальной виктимности;

6) понятие и виды антиобщественного, противоправного, криминально-виктимного поведения;

7) причины и условия антиобщественного, противоправного, криминально-виктимного поведения, криминологическая ответственность;

8) системы и виды мер предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением;

9) составы применения (назначения и исполнения) и отбывания мер предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением;

10) производство по делам об антиобщественном поведении и предупредительном воздействии; особенности предупредительного воздействия в отдельных сферах, областях и т. д.

Предложенную структуру общей части оценить достаточно сложно, она представляет собой случайный набор трудно объяснимых элементов, причем небрежно сформулированных, зачастую относящихся к существующим на протяжении длительного времени отраслям права. Например, производство по делам, о котором говорит автор, – это сфера действия процессуального права, а конкретно – уголовного процесса либо административного права (производство по делам об административных правонарушениях). В природе не существует криминологической ответственности как социально-правового явления. Непонятно, о каком противоправном поведении в этом случае говорит автор. Обращает на себя внимание выделение криминологического законодательства, которого не было, нет и, надеемся, не будет.

Особенная часть в учебнике представлена лапидарно. К ней В.Н. Орлов относит:

1) исчерпывающий перечень конкретных составов антиобщественного поведения;

2) назначение, исполнение и отбывание конкретных мер предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением в различных сферах и областях и т. д.

Во-первых, возникает вопрос о том, что подразумевается под антиобщественным поведением.

В целом оно определяется как поступки людей, которые не соответствуют нормам морали и правовым нормам, действующим в стране. Нарушение норм морали вряд ли может быть предусмотрено в качестве каких-либо составов (чего?). Если же предполагается противоправное поведение (что может иметь разноотраслевой характер: от трудового до уголовного права), то законодатель составы правонарушений уже предусмотрел в соответствующих кодифицированных законодательных актах.

Во-вторых, автор говорит о назначении, исполнении и отбывании конкретных мер предупредительного воздействия, что также вызывает, мягко говоря, недоумение. Например, как можно назначить, исполнить и отбывать общесоциальные меры предупреждения?

И таких примеров можно привести множество.

В-третьих, имеет место тавтология: слова «сфера» и «область» – синонимы, следовательно, они отражают одно и то же.

Наконец, коротко остановимся на характеристике так называемого криминологического законодательства, хотя можно было бы ограничиться замечанием Н.А. Лопашенко: «...выделение криминологического законодательства как самостоятельной комплексной отрасли выдает желаемое за действительное. Разумеется, отдельные законодательные акты направлены на решение криминологических проблем... однако, во-первых, они разрозненны, совершенно не связаны между собой и, во-вторых, часто посвящены решению совсем не криминологических проблем; затрагивают их лишь отчасти» [29, с. 67].

По мнению В.Н. Орлова, под криминологическим законодательством следует понимать систему нормативных правовых актов, регулирующих правовые отношения, касающиеся причин, условий преступлений и преступности, предупреждения преступлений и преступности, лиц, совершающих преступления, их жертв, а также применения иных мер по борьбе с преступлениями и преступностью [22, с. 67].

Вначале обратим внимание на два взаимосвязанных формальных момента. Первый момент: как понимать сущность отношений, которые регулируются криминологическим законодательством, в предложенной автором формулировке «отношения, касающиеся...»? Касаться могут два явления, две группы отношений, два объекта регулирования и т. д.; одним словом, два составляющих. Если вторые составляющие названы, то каково первое составляющее, что оно из себя представляет, каковы его границы и др. Без ответа на эти вопросы оценить сущность кри-

минологического законодательства практически невозможно.

Второй момент: что предусматривает формулировка «отношения, касающиеся... лиц, совершающих преступления»? Трактовка может быть самой различной, в том числе и характеризующей правовой статус личности преступника как объекта наказания, и др.

Кроме того, правовые отношения не требуют правового регулирования; они потому и являются правоотношениями, что уже урегулированы нормами права.

Иерархия криминологических нормативных актов автору видится следующей:

1) международные криминологические акты;
2) Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, нормативные правовые акты криминологического характера на уровне Президента РФ, Правительства РФ, Федерального собрания РФ (о каких актах в этом случае идет речь?);

3) нормативные правовые акты криминологического характера министерств и ведомств органов исполнительной власти;

4) нормативные правовые акты криминологического характера органов государственной власти субъектов РФ;

5) локальные акты криминологического характера государственных и негосударственных учреждений и организаций различных форм собственности.

Резюмируем изложенное. Краткий обзор учебника и анализ отраслеобразующих критериев показали, что для признания криминологии отраслью права нет ни социальных, ни правовых оснований.

Фармацевтическое уголовное право

«На современном этапе развития юридической науки, — пишет А.И. Рарог, — признается закономерным обособление автономных подотраслей в рамках традиционных отраслей права. Подобно тому как выделялись в самостоятельные подотрасли экономическое, экологическое, военно-уголовное право, в настоящее время сложились все условия для формирования фармацевтического уголовного права, фундаментом которого могут служить ст. 233, 235¹, 238¹ и 327¹ УК РФ. Эти нормы, включая принятые Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ (*Указанным Федеральным законом УК РФ дополнен ст. 235¹, 238¹, 327², предусматривающими ответственность за: 1) незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий; 2) обращение фальсифици-*

рованных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологических активных добавок; 3) подделку документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств и медицинских изделий (СЗ РФ. 2015. № 1 (часть 1). Ст. 85)), дополнили отечественное уголовное законодательство еще до ратификации Конвенции Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медкрим»), открытой для подписания в Москве 28 октября 2011 г.» [30, с. 5].

Обоснованию выделения указанной подотрасли уголовного права и ее характеристике посвящена вышедшая в 2019 г. монография под общей редакцией А.И. Рарога «Фармацевтическое уголовное право России» [30]. Собственно, данные проблемы затронуты лишь в двух главах (половину издания составляют приложения — изъятия из Конституции РФ, упоминавшейся Конвенции, трех федеральных законов и двух приказов министерств). Первая глава охватывает два параграфа: Конвенция «Медкрим» и фармацевтическое уголовное право зарубежных стран; Становление фармацевтического уголовного права в России. Вторая глава в целом посвящена характеристике составов преступлений, предусмотренных ст. 230¹, 230², 235¹, 238¹ и 327² УК РФ, представлена в традиционном ключе.

Пожалуй, лишь последний параграф этой главы отличается от указанных выше: исходя из названия, в ней предполагается анализ уголовно-политических оснований запретов, предусмотренных в ст. 230¹ и 230² УК РФ. Т.Г. Понятовская приходит к выводу, что так называемые допинговые преступления (ст. 230¹ и 230² УК РФ) объединяет с преступлениями гл. 25 УК РФ только нормативная природа запрета (вероятно, имеется в виду конвенционная природа деяния, т.е. запрет, основанием которого выступает международно-правовое обязательство России, вытекающее из ратифицированного РФ международного договора). «По существу, — продолжает автор, — речь идет о закреплении в действующем УК *преступлений нового рода* — деяний, имеющих нормативную природу, но не правовой, а политической обусловленности. В нормах, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК, нет связи с объектами уголовно-правовой охраны. В основании уголовно-правовых запретов допинговых нарушений лежит конъюнктурный критерий — общественно-политическая напряженность» [30, с. 131].

Во-первых, трудно согласиться с тем, что политическая напряженность может служить основанием криминализации вообще и рассматриваемых деяний в частности. Появление указанных норм в УК РФ, как и любой другой конвенционной нормы [31, с. 32–33], обусловлено наличием соответствующей международной конвенции, участницей которой является Россия. Применительно к нормам, предусмотренным ст. 230¹ и 230² УК РФ, таким актом выступает Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (Париж, 19 октября 2005 г.), ратифицированная Россией Федеральным законом от 27 декабря 2006 г. № 240-ФЗ. До этого была принята Конвенция против применения допинга (Страсбург, 16 ноября 1989 г.). С 2015 г. действует Всемирный антидопинговый кодекс. Согласно указанной Международной конвенции 2005 г. Россия взяла на себя обязательство «содействовать международному сотрудничеству между государствами-участниками и ведущими организациями в области борьбы с допингом в спорте», во исполнение которого предусмотрела уголовно-правовые меры воздействия на тренера, специалиста по спортивной медицине и иного специалиста в области физической культуры и спорта.

Во-вторых, не соответствует действительности утверждение о том, что «в нормах, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК, нет связи с объектами уголовно-правовой охраны». Оно вообще трудно воспринимаемое: связь чего отсутствует с объектами охраны? Может ли быть такое в принципе? В.Н. Воронин пишет: «...Они не имеют прямого отношения не только к охране здоровья населения, но даже к охране здоровья конкретного спортсмена, поскольку призваны обеспечивать уголовно-правовыми средствами принцип честной состязательности при проведении официальных спортивных мероприятий» [30, с. 38]. Столь категоричный вывод не основан на Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте. В ее тексте неоднократно подчеркивается обеспокоенность Генеральной конференции ООН («ЮНЕСКО») состоянием здоровья спортсменов; говорится о роли спорта в охране здоровья, о спорте как средстве содействия здоровью и т. д. Следовательно, это обстоятельство нельзя игнорировать при характеристике указанных преступлений.

Кроме того, позиция В.Н. Воронина противоречит теории уголовного права, в частности учению о преступных последствиях. В качестве особо квалифицирующего и квалифицирующего признака соответственно преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК РФ, признается причинение по неосторожности смерти спортсмена

или иные тяжкие последствия. Как известно, последствия имеют двойственный характер: относясь к объективной стороне состава преступления, отражаются в его объекте. Из этого однозначно вытекает вывод о том, что рассматриваемые деяния в том числе охраняют и безопасность здоровья населения, что, вероятно, и явилось основанием для включения нормы в гл. 25 УК РФ.

При анализе преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, В.Н. Воронин, рассматривая его объект, приводит мнение других авторов, считая в настоящее время их неприменимыми в связи с изменением законодательства, но при этом не формулирует свою дефиницию этого элемента состава преступления [30, с. 41]. Он полагает, что основой криминализации незаконной медицинской или фармацевтической деятельности является отсутствие соответствующей лицензии, а также последствия в виде причинения вреда здоровью [30, с. 42].

Данные обстоятельства, как уже указывалось, опровергают утверждение самого же автора об отсутствии связи деяния со здоровьем населения. Правда, надо, во-первых, заметить: нормы гл. 25 УК РФ охраняют не здоровье населения как таковое, а его безопасность, что вытекает из соотношения родового и видового объектов преступлений данной главы. Во-вторых, нарушение правил лицензирования при отсутствии указанных в законе последствий не образует преступления. Следовательно, цель данной нормы – охрана безопасности здоровья. Именно это обстоятельство предопределило ее место в архитектонике Особенной части УК РФ, тогда как другие нормы, также предусматривающие ответственность за деяния, совершенные с нарушением правил лицензирования, с учетом их социальной направленности включены в другие главы. Например, гл. 22 УК РФ охватывает такие преступления, как незаконное предпринимательство (ст. 171), незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171²), незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171³) и др. По сути, преступление, предусмотренное ст. 235 УК РФ, является частным случаем незаконной предпринимательской деятельности, нарушающей безопасность здоровья неопределенного (неперсонифицированного) круга лиц. Другими словами, нормы, предусмотренные ст. 171 и 235 УК РФ, соотносятся как общая и специальная [32, с. 141]. Согласно ст. 2 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» (СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716;

2020. № 31 (часть 1). Ст. 5029) лицензирование осуществляется в том числе в целях предотвращения ущерба жизни или здоровью граждан.

«...Осуществление медицинской или фармацевтической деятельности, — пишет А.И. Рарог, — признается незаконным только при отсутствии лицензии, которая обязательна для этих видов деятельности. Поэтому, по букве закона, осуществление такого рода деятельности при наличии лицензии не может считаться незаконным, даже если лицензия получена без необходимых оснований (например за взятку)» [33, с. 734]. Вряд ли можно таким образом подходить к толкованию лицензирования, формирования и ведения лицензионного дела, организации и осуществления лицензионного контроля.

Таким образом, рассматриваемое преступление для уголовного права России является типичным, полностью вписывается в систему гл. 25 УК РФ. При изложении сути состава преступления авторы не приводят каких-либо доводов, которые хотя бы в той или иной мере свидетельствуют о признаках, характеризующих наличие системообразующих связей с иной группой деяний, в своей совокупности образующих фармацевтическое уголовное право.

А.И. Рарог, характеризуя состав преступления, предусмотренного ст. 235¹ УК РФ, со ссылкой на И.В. Фирсова [34, с. 10–11] указывает, что содержащаяся в данной статье уголовно-правовая норма вместе с нормами, закрепленными в ст. 238¹ и 327¹ УК РФ, образуют уголовно-правовой механизм противодействия незаконному обороту медицинской продукции [30, с. 53] и в дальнейшем дает описание признаков данного состава. Переописывать его нет смысла, остановимся лишь на определении сущности объекта преступления как элемента, отражающего социальную направленность деяния, а следовательно, и возможность отнесения уголовно-правовой нормы к той или иной группе деяний, в том числе к презюмируемому автором фармацевтическому уголовному праву.

Сущность круга общественных отношений, охраняемых анализируемой нормой, в теории относится к дискуссионным. Нет однозначного решения и в законодательстве зарубежных государств; в обобщенном виде можно сказать, что в одних странах это преступление признается деянием, посягающим на экономику страны; в других — на общественную безопасность; в третьих — на безопасность здоровья населения; в четвертых — на здоровье человека. Проанализировав законодательные подходы к определению юридической природы по ряду зарубежных уголовных кодексов,

А.И. Рарог выдвинул ряд предположений, которые, по его мнению, могут объяснить позицию законодателя той или иной страны. В целом этот материал интересен, однако он не содержит, на наш взгляд, главного: объяснения природы рассматриваемого преступления, поскольку включение соответствующей нормы в уголовно-правовой механизм противодействия незаконному обороту медицинской продукции явно недостаточно для этого.

Формулируя же предложения *de lege ferenda*, автор ничего не говорит об изменении места нахождения ст. 235¹ УК РФ. Данное обстоятельство дает основание предположить, что А.И. Рарог согласен с позицией законодателя, согласно которой преступление посягает на безопасность здоровья населения; другими словами, оно входит в имеющуюся группу деяний, которые под разными наименованиями выделяются в российском уголовном законодательстве на протяжении веков. Тогда закономерно возникает вопрос: какое отношение к этому имеет фармацевтическое уголовное право?

Включение в УК РФ ст. 238¹, как считает А.А. Бимбинов, «...стало очередным шагом России по исполнению своих международных обязательств в области обеспечения фармацевтической безопасности» [30, с. 67]. Исходя из этого, казалось бы, логична трактовка объекта преступления как общественных отношений, характеризующих указанную безопасность. Но автор, исходя из места нормы в системе Особенной части УК РФ, его видовым объектом называет «общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения» [30, с. 68]. Следует заметить, что, во-первых, отношения сами по себе ничего не обеспечивают (они сами обеспечиваются нормами права); во-вторых, как уже говорилось, видовым объектом преступлений, предусмотренных гл. 25 УК РФ, исходя из соотношения родового и видового объектов, выступает не здоровье населения, а безопасность его здоровья.

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления А.А. Бимбинов считает «общественные отношения, устанавливающие порядок обращения лекарственных средств и медицинских изделий и оборота биологических активных добавок» [30, с. 70]. Признание объектом порядка обращения, как нам кажется, переносит акцент на формальный момент — ход событий, последовательность, очередность действий [35, с. 556]. В этом случае пропадает главное — связь непосредственного объекта с видовым; между тем, как известно, первый лежит в той же плоскости общественных отношений, что и последний.

К тому же надо заметить, что общественную опасность деяния автор усматривает не в нарушении порядка обращения, признанного объектом преступления, а в ином — незаконном производстве, сбыте или ввозе небезопасных медицинских товаров, масштаб которых им дифференцируется: во-первых, исходя из стоимости средств, изделий и добавок (свыше 100 тыс. руб.), представляющих опасность для широкого круга лиц; во-вторых, исходя из их значимости (жизненно необходимые), в таком случае достаточны единичные случаи совершения действий.

Указанные понятия не совпадают по объему. Обращение лекарственных средств — более широкое понятие, охватывает разработку, доклинические исследования, экспертизу, государственную регистрацию, стандартизацию и контроль качества, производство, изготовление, хранение, перевозку, ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации, рекламу, отпуск, реализацию, передачу, применение, уничтожение лекарственных средств (*п. 28 ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (в ред. от 22 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815; 2020. № 52 (часть 1). Ст. 8590*).

Кроме того, при определении непосредственного объекта А.А. Бимбиновым допускается та же неточность, что и при характеристике видового объекта: вопреки его утверждению, общественные отношения априори не могут что-либо устанавливать.

А.И. Парог [33, с. 740], а вслед за ним В.Н. Воронин [30, с. 100], норму, содержащуюся в ст. 327² УК РФ, признают одним из элементов фундамента фармацевтического уголовного права, а ее целевое назначение видят в воспрепятствовании незаконному обороту лекарственных средств или медицинских изделий. При этом В.Н. Воронин объектом указанного преступления считает «общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения и фармацевтическую безопасность как разновидность безопасности общественной». Исходя из этого, предлагает переместить ст. 327² УК РФ в гл. 25 УК РФ, присвоив ей номер 228². В этом случае, по его мнению, будет обеспечено «соответствие ее основного непосредственного объекта видовому и родовому» [30, с. 103].

К сожалению, следует констатировать спад правовой культуры вообще и правовой культуры научных текстов в частности: вопреки утверждению автора, у статьи нет и не может быть какого-либо объекта.

Вызывает возражение и предложенное В.Н. Ворониным толкование непосредственного объекта и по сути. Если признать, как он полагает, фармацевтическую безопасность разновидностью общественной безопасности, то тогда она вряд ли может быть непосредственным объектом. По видам общественной безопасности классифицированы деяния по главам разд. 9 УК РФ, следовательно, она может признаваться видовым объектом преступления. Однако надо заметить, законодатель не выделяет такой видовой объект уголовно-правовой охраны, не без основания считая, что фармацевтическая безопасность важна не сама по себе, а как условие обеспечения безопасности здоровья населения.

По общему правилу, заключение работы должно содержать, в частности, основные выводы, полученные в результате проведенного исследования, аргументацию значимости рассмотренных вопросов для правовой науки и практики. В этой части издания А.И. Парог пишет: «Отечественная уголовно-правовая наука готова признать, что сегодня сформировались основы фармацевтического уголовного права» [30, с. 132]. Думается, что для столь категоричного утверждения нет ни социальных, ни правовых оснований. Более того, на наш взгляд, авторам не удалось хоть сколько-нибудь аргументировать свой вывод. Ссылка на ряд работ [30, с. 24] не делает их мнение убедительней. Так, упоминаемая ими докторская диссертация А.Г. Блинова посвящена проблемам уголовно-правовой охраны прав пациента и не имеет никакого отношения к фармацевтическому уголовному праву, ее целью является «формирование в уголовно-правовой науке учения об охране прав и свобод пациента...» [36, с. 7; 37]. Объектом исследования Н.Г. Крыловой, работа которой также упоминается авторами, являются «этико-правовые, в особенности уголовно-правовые, проблемы применения современных биомедицинских технологий, способных поставить в опасность основные права и свободы человека» [38, с. 6]. Как видим, и в этом случае речь идет о совершенно другом круге проблем.

Особо следует остановиться на последнем выводе авторов, процитируем его полностью. «В настоящее время сформировались все предпосылки для обособления автономной подотрасли права — медицинского уголовного права, которое включало бы все уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за наиболее грубые нарушения медицинских правил и запретов. В этой подотрасли фармацевтическое уголовное право могло бы занять место самостоятельного ин-

ститута» [30, с. 131]. По сути, это утверждение ставит в тупик: предпосылки чего в настоящее время сформировались и чем является фармацевтическое уголовное право — подотраслью или институтом уголовного права? По логике институт при наличии оснований и объективных условий может развиваться в подотрасль, а последняя — в самостоятельную отрасль, но никак не наоборот. По крайней мере опыт развития российского законодательства свидетельствует об этом.

Коротко подведем итоги. На наш взгляд, авторам не удалось доказать наличие фармацевтического уголовного права. И это вполне объяснимо: нельзя обосновать то, чего нет. В работе речь идет о нормах, призванных обеспечить безопасность здоровья населения, вписывающихся в имеющуюся архитектуру уголовного права как единой отрасли права.

Экономическое уголовное право

Надо отдать должное Г.А. Есакову; в отличие от предыдущих авторов, им предприняты значительные усилия для обоснования существования экономического уголовного права как подотрасли российского уголовного права. Достаточно сказать, что его видение Общей части указанной подотрасли изложено на 358 страницах [39]. Уже одно это предполагает обстоятельный анализ работы, главной целью которого является ответ на вопрос: на самом деле ли в российской правовой действительности имеется такое правовое образование, как экономическое уголовное право?

Во введении Г.А. Есаков ссылается на А.Э. Жалинского, который писал, что «по своей формальной и материальной структуре, по механизму запрещаемого поведения они (*экономические преступления*. — Прим. авт.) образуют собой специфическую группу деликтов, возникающих в новых, еще не вполне освоенных общественным сознанием условиях переходного периода... Это... подтверждает наличие реальной потребности в специализации институтов и норм Общей части уголовного права применительно к экономическим преступлениям» [40, с. 34]. Согласно утверждению автора, в работе предполагалось рассмотреть указанные особенности, но, на наш взгляд, это не эквивалентно обоснованию существования экономического уголовного права. Общая часть уголовного права не содержит особенностей применительно к каким-либо преступлениям. По нашему мнению, исходя из сущности Общей части она и не может содержать какие-либо институты, относящиеся только к определенным общественно опасным деяниям. Ее нормы распространяют

свое действие на все без исключения нормы, содержащиеся в Особенной части. Иное утверждение разрушает логическую и органическую связи между структурными элементами одной системы.

По мнению Г.А. Есакова, подотрасль уголовного права характеризуется несколькими неоднородными признаками. Автор называет три таких признака. Во-первых, наличие ответственности в особой сфере охраняемых уголовным законом отношений или в связи с совершением преступлений особой категорией субъектов. Во-вторых, деяниям, входящим в указанную группу, присуще развитие сравнительно автономных от общеуголовных, своих особых норм и институтов в Общей части, уточняющих или заменяющих последние. В-третьих, подотрасль уголовного права как таковая получает определенное научное признание, выражающееся в существовании обозначившегося круга обсуждаемых вопросов и обособленного корпуса литературы [39, с. 14]. При этом, как считает автор, «не следует делить *все* уголовное право на подотрасли, равно как вряд ли приемлемо и далее системно дробить подотрасли на институты; подотрасли представляют собой сравнительно автономные образования, связанные не столько с законодательным материалом (раздел = подотрасль и т. п.), сколько с обособлением части норм Общей части и составов Особенной части в связи с совершением определенного круга преступлений или в связи с особым статусом субъекта» [39, с. 14–15].

В самом общем виде признак — это особенность, по которой можно узнать, определить что-либо; достаточное условие для принадлежности объекта к некоторому классу. Термин может употребляться в значении описания фактов, позволяющих сделать вывод о наличии интересующего явления. В этой связи вряд ли можно утверждать, что указанные Г.А. Есаковым признаки характеризуют экономическое уголовное право как самостоятельное явление, позволяют отграничить его от иных уголовно-правовых образований. Так, утверждение автора, что имеет место особая сфера общественных отношений и особая категория субъектов преступления, приложимо не только к экономическому уголовному праву, но и к ряду иных групп преступлений, интегрированных в самостоятельные главы УК РФ. Например, преступления, предусмотренные гл. 30 УК РФ, также нарушают особую совокупность общественных отношений — отношения по осуществлению нормальной, т.е. соответствующей закону, деятельности аппарата органов государственной власти, государственной службы и органов мест-

ного самоуправления. Они также совершаются специальным субъектом — должностным лицом, государственным или муниципальным служащим (отметим, что преступления, предусмотренные ст. 291 и 291¹ УК РФ, имеют иную правовую природу, могут совершаться общим субъектом). Таким образом, этот признак не обладает основным свойством, по которому познают или узнают предмет, одно явление отличают от другого.

Третий признак, на наш взгляд, отражает желаемое, а не констатирует действительность. Недаром Г.А. Есаков упоминает лишь работу «Фармацевтическое уголовное право», в которой авторы, как уже говорилось, считают признанным появление основ подотраслей уголовного права.

Этот довод в системе доказательств наличия экономического уголовного права сомнителен и по существу. Так, транспортные преступления (гл. 27 УК РФ) посягают на специфическую совокупность общественных отношений (безопасность функционирования транспорта), деятельность транспорта урегулирована значительным количеством нормативных правовых актов [41, с. 565], по этой категории преступлений подготовлен достаточный «корпус литературы» [42]. Однако это не дает основания говорить о существовании (выделении) такой подотрасли уголовного права, как транспортное уголовное право, хотя все перечисленные авторами признаки, якобы присущие подотраслям права, налицо.

Таким образом, трудно согласиться с утверждением Г.А. Есакова, что «экономическое уголовное право сегодня представляет собой подотрасль уголовного права в подлинном смысле этого слова. Его содержание в контексте Особенной части УК РФ образуют в первом приближении преступления в сфере экономики; в связи с Общей частью уголовного права оно предметно связано с модификацией генерализованных конструкций состава преступления, неоконченного преступления, соучастия в преступлении, обстоятельств, исключающих преступность деяния, наказания и связанных с ним институтов в свете экономических реалий» [39, с. 20].

Как же выглядит все это на самом деле?

В качестве доказательства существования экономического уголовного права автор, по его утверждению, вначале обращается к истории указанной подотрасли. Фактически же им приводятся сведения об отраженных в российском законодательстве, начиная с Уголовного уложения 1903 г., так называемых экономических деяний. По сути, это даже не анализ соответствующих составов преступлений, а краткое их перечисление,

в том числе изменений, которым подвергся УК РФ. Естественно, абсолютное их большинство относится к нормам Особенной части УК РФ [39, с. 20–27]. В этом случае об истории развития экономического уголовного права нельзя говорить даже с большой натяжкой.

Представленный в работе сравнительно-правовой аспект сводится к краткому обзору законодательства о противодействии преступлениям в сфере экономической деятельности во Франции, Германии и Австрии [39, с. 27–35]. В этом случае также трудно понять, как этот материал может свидетельствовать об обоснованности признания существования экономического уголовного права.

Сказанное можно отнести и к характеристике соотношения последнего с административными правонарушениями, терминологическому соотношению уголовного и иных отраслей права [39, с. 35–53].

Особый интерес представляет авторское видение системы экономического уголовного права. Г.А. Есаков исходит из того, что содержание последнего «предполагает единство норм Общей и Особенной частей уголовного закона», а «приложимость конструкций Общей части требует корректного определения круга преступлений из Особенной части» [39, с. 54]. Подобное соотношение указанных частей, по его мнению, дает основание относить к числу рассматриваемых деяния, предусмотренные разд. VIII УК РФ.

Все преступления указанного раздела автор классифицирует в три группы: 1) ложные экономические преступления; 2) истинные экономические преступления; 3) преступления-сателлиты экономического уголовного права. За критерий такого деления берется соответствие основного непосредственного объекта состава преступления родовому объекту преступлений в сфере экономики, который образуют общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности и непосредственно увязанные с производством, накоплением, сохранением, движением и потреблением товаров, работ и услуг. Вероятно, чувствуя уязвимость выбранного критерия, он замечает, что понятие родового объекта носит крайне общий характер, следовательно, может быть подвергнуто справедливой критике.

В науке уголовного права до сих пор не выработано общепризнанного определения данного элемента состава преступлений (это обусловлено, в частности, и тем, что законодатель в наименовании раздела использует назывной заголовок, при этом указывает лишь сферу, в которой совершаются преступления), поэтому теоретически спорная

дефиниция, на наш взгляд, не способна выполнять роль критерия чего-либо вообще. Причем надо сказать, что дискуссии продолжаются и по характеристике непосредственного объекта ряда преступлений указанных групп.

Кроме того, следует иметь в виду, что разд. VIII УК РФ объединяет три главы:

- преступления против собственности (гл. 21);
- преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22);
- преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23).

Интегрированные в данные главы деяния имеют различную правовую природу и социальную направленность.

Ложными экономическими преступлениями Г.А. Есаков считает деяния, основным непосредственным объектом которых не согласуется с родовым. К их числу он, например, относит:

1) воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности – ст. 169 УК РФ;

2) регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом – ст. 170 УК РФ;

3) злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности – ст. 177 УК РФ;

4) оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса – ст. 184 УК РФ;

5) незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники – ст. 189 УК РФ;

6) невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей – ст. 190 УК РФ и др.

Высказанное нами мнение о том, что позиция Г.А. Есакова относительно признания данных и некоторых других преступлений ложными экономическими деяниями является теоретически спорной, подтверждается точкой зрения других авторов, исследовавших указанные составы преступлений. Так, Б.В. Волженкин считал, что преступление, предусмотренное, например, ст. 184 УК РФ, обоснованно включено в гл. 22 УК РФ [43, с. 480]; Н.А. Лопашенко признает правильным отнесение преступления, предусмотренного ст. 189 УК РФ, к числу деяний данной главы [44, с. 109] и т. д.

Применительно к гл. 23 УК РФ Г.А. Есаков ложными экономическими преступлениями считает:

1) злоупотребление полномочиями (ст. 201) и злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201¹) как специальной разновидности первого деяния;

2) коммерческий подкуп (ст. 204), посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204¹), мелкий коммерческий подкуп (ст. 204²).

Эти деяния как Г.А. Есаков, так и многие другие авторы считают служебными, не относящимися к преступлениям в сфере экономической деятельности [45, с. 55].

Преступление, предусмотренное ст. 203 УК РФ («Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей»), как полагает Г.А. Есаков, «ближе к группе преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ. – Прим. авт.) или, альтернативно, к группе преступлений против порядка управления» [39, с. 61]. Такое определение юридической природы указанного деяния включает известное противоречие: в первом случае преступление должно нарушать безопасность здоровья населения, т.е. неперсонифицированного круга лиц. Этого не происходит при превышении полномочий. Во втором случае частный детектив или частный охранник должен нарушить порядок государственного управления, но, во-первых, надо иметь в виду, что их деятельность не посягает на функционирование органов государственной власти, во-вторых, деяние совершается ими в сфере осуществления служебной деятельности, т.е. относится к частной службе.

Без достаточных оснований (как социальных, так и правовых) относит автор к деяниям против порядка управления и преступление, предусмотренное ст. 202 УК РФ («Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами») [39, с. 20].

Истинными экономическими (в противоположность ложным) автор признает преступления, содержащиеся в других разделах УК РФ, основным непосредственным объектом которых согласуется с родовым объектом преступлений в сфере экономики [39, с. 70]. Такой подход к определению указанных преступлений выглядит по крайней мере странным; по нашему мнению, если есть истинные экономические преступления, то они должны как минимум находиться в разд. VIII УК РФ. Здесь трудно понять, что искажено: термином-

логия, использованная для обозначения данных деяний, или их суть.

В число этих преступлений Г.А. Есаков включает:

1) нарушение авторских и смежных прав (ст. 146, гл. 19 УК РФ);

2) нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147, гл. 19 УК РФ);

3) контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или основных его частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 226¹, гл. 24 УК РФ).

Перечень указанных преступлений свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии у них единых системообразующих признаков, их интеграция носит случайный характер.

Как уже говорилось, третью выделяемую автором группу деяний составляют преступления-сателлиты. Под ними понимаются «...составы, основной непосредственный объект которых не связан с экономической деятельностью, однако последняя лежит в основе описания объективной стороны соответствующего состава преступления. В этих составах особая сфера экономической деятельности предполагает изменение основного непосредственного объекта, хотя некоторые конструкции экономического уголовного права могут быть приложимы и в данных случаях» [39, с. 73]. Как нам представляется, имеет место известное противоречие между общим определением преступлений экономического уголовного права, формулируемым Г.А. Есаковым, и преступлениями-сателлитами; последние не характеризуются указываемым соотношением непосредственного и родового объектов, что признается им самим.

К числу преступлений-сателлитов автор относит:

1) незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности (ст. 235, гл. 25 УК РФ);

2) производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238, гл. 25 УК РФ);

3) обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных активных добавок (ст. 238¹, гл. 25 УК РФ);

4) исследование, поиск, разведка, а также разработка, в том числе добыча (вылов), природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации или исключительной экономической зоны Российской Федерации, проводимые без соответствующего разрешения (ч. 2 ст. 253, гл. 26 УК РФ) [39, с. 73–74].

На наш взгляд, все то, о чем говорит Г.А. Есаков (исходя из внешнего восприятия ситуации, сложившейся в уголовном законодательстве), есть на самом деле, но относится к совсем другой проблеме – обоснованности систематизации норм Особенной части УК РФ. Ее системность, как отмечается в литературе [46, с. 61], была безусловной еще на момент принятия Кодекса, в процессе же внесения в него изменений и дополнений положение усугубилось: были нарушены как связи уголовно-правовых норм в рамках самого УК, так и внешние связи, в том числе и при бланкетной форме диспозиции. Это нарушение относится не только к преступлениям в сфере экономики, но и к другим, например против личности, транспортным, против порядка управления и др., однако оно не дает оснований выделять, скажем, транспортное уголовное право и др. Если пойти по предложенному автором пути, то практически каждый раздел Особенной части УК РФ можно назвать соответствующей подотраслью уголовного права.

Характеризуя экономическое уголовное право, Г.А. Есаков значительное внимание уделяет криминообразующим признакам в относимых к нему составах преступлений. Г.А. Есаков под ним понимает конструктивный признак состава преступления, соотносящийся «со значимым фактором, в котором, наряду с самим деянием, концентрируется общественная опасность, оправдывающая, по мнению законодателя, криминализацию поведения. В ряде случаев такой признак может быть не один...» [39, с. 79].

Не ставя целью анализ определения рассматриваемого признака, заметим: признак как таковой не может концентрировать в себе что-либо вообще, в том числе и общественную опасность, он может ее характеризовать (отражать).

А.К. Гейн справедливо указывает, что понятие криминообразующего признака является комплексным, синтезированным; в его основе лежит, с одной стороны, учение о составе преступления,

а с другой — теория криминализации как метод уголовно-правовой политики. «Криминообразующий признак — это признак состава преступления, относящийся к одному из его элементов, который служит основным для конструирования состава преступления в процессе криминализации и отграничивает преступление от непроступного деяния либо смежные преступления друг от друга. Такой признак выступает базовым, именно от него зависит наличие или отсутствие конкретного состава преступления» [47, с. 10].

Вызывает сомнение утверждение Г.А. Есакова о том, что «...ряд составов ограничивается описанием запрещенного деяния без какого-либо указания на специфический признак (как то — последствия, размер, мотив и т. п.), придающий ему преступный характер» [39, с. 79–80]. По нашему мнению, криминообразующий признак всегда выделен в Особенной части Уголовного кодекса РФ, другого просто быть не может. В противном случае возникает простой вопрос: в связи с чем соответствующее деяние было признано преступным? Действительно, в некоторых составах преступлений в качестве криминообразующего признака вполне обоснованно выделено только само деяние, например в убийстве.

Г.А. Есаков называет три группы криминообразующих признаков:

- 1) признаки, связанные с объективными элементами состава преступления;
- 2) признаки, связанные с субъективными элементами состава преступления (вероятно, имеет место неточная формулировка. Связанными могут быть два явления (два обстоятельства); признаки не могут быть таковыми с объективными и субъективными элементами состава преступления по определению);
- 3) юридические признаки состава преступления [39, с. 81, 107, 108].

Первые две группы признаков в той или иной мере наличествуют во всех без исключения составах преступления; иначе говоря, они не являются специфическими, присущими только составам преступления экономического уголовного права. Иначе в принципе и быть не может. Теория уголовного права выработала учение о составе преступления, выделила его элементы и признаки безотносительно к какой-либо группе деяний, поэтому в конкретных составах они будут отличаться набором признаков и их содержанием.

Некоторый интерес представляет третья группа признаков. Автор к ним относит:

- 1) административную преюдицию;
- 2) предикатные преступления;

3) правоприменительные решения, в связи с которыми возникает преступление [39, с. 113, 124, 130].

Два первых обстоятельства в литературе обсуждаются достаточно широко, по своей сути они представляют способ построения состава преступлений вообще, а не только совершаемого в сфере экономики [48–50]. В связи с этим имеет смысл обратиться к третьему признаку, по нашему мнению, ранее не выделявшемуся как в учении о составе преступления, так и в теории криминализации, и ответить на вопрос: действительно ли он отражает то особенное, что присуще только выделяемому автором экономическому уголовному праву.

По мнению Г.А. Есакова, «указание на судебные решения, в связи с которыми возникает преступление, встречается в ст. 177 УК РФ (что не меняет отнесения указанного в ней деяния к ложным экономическим преступлениям); об ином правоприменительном решении речь идет в ст. 199² УК РФ...» [39, с. 130–131].

В ст. 177 УК РФ говорится: «Злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта...». Из текста статьи однозначно явствует, что преступность деяния заключается в злостном уклонении от погашения задолженности. Преступление имеет сложную юридическую природу. С одной стороны, налицо опосредованное обеспечение уголовно-правовой нормой реализации судебного решения; с другой — интересов кредитора. Вступивший в законную силу судебный акт также играет двоякую роль: характеризует злостность уклонения от исполнения обязанностей и выступает дополнительным условием наступления уголовной ответственности. Такая конструкция не является оригинальной, присущей только экономическому уголовному праву, а встречается в ряде и других составов преступлений (например, ч. 2 ст. 169 УК РФ).

Согласно ст. 199² УК РФ «сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и сборам, страховым взносам, в крупном размере...». Закон,

как видим, ничего не говорит о каком-либо правоприменительном решении, в связи с которым, как утверждает Г.А. Есаков, возникает преступление. Кстати сказать, последнее вообще не «возникает» и не может «возникнуть», а является осознанным и волевым деянием конкретного лица. В данном случае таковым выступает сокрытие денежных средств либо имущества организации. Ссылка на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» не меняет оценки деяния как криминообразующего признака (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3. В настоящее время это постановление не действует; указанное разъяснение дословно приводится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» (п. 21) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1*). В п. 20 этого постановления говорится: «...уголовная ответственность по ст. 199² УК РФ может наступить после истечения срока, установленного в полученном требовании об уплате налога и (или) сбора...». Это разъяснение основано на положениях ст. 69 Налогового кодекса РФ, согласно ч. 2 которой «требование об уплате налога направляется налогоплательщику при наличии у него недоимки». Причем это делается независимо от привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах. Указанная ответственность представляет собой систему мер государственного принуждения, применяемую специализированными государственными органами к нарушителям норм законодательства о налогах и сборах, связанного с восстановлением нарушенного права государства, а также с дополнительным обременением нарушителя» [51, с. 189].

В уголовном праве положения ст. 69 НК РФ выступают дополнительным условием наступления уголовной ответственности, поскольку лицо, имея соответствующую недоимку, получив требование об уплате налога, может погасить ее.

При ознакомлении с работой Г.А. Есакова создается впечатление, что на самом деле его волнует проблема не наличия правоприменительных решений, в связи с которыми якобы возникает преступление, в уголовном праве вообще или только применительно к экономическому уголовному праву в частности, а «вопрос о том, может ли суд при рассмотрении уголовного дела вдаваться в законность вынесения решения суда в связи со ст. 177 УК РФ

или решения налогового органа в связи со ст. 199² УК РФ» [39, с. 131]. Однако указанная проблема находится в сфере уголовного процесса, а не уголовного права, следовательно, ничего не добавляет в аргументацию автора об особенностях указанных преступлений и их принадлежности к экономическому уголовному праву.

При анализе выделенных Г.А. Есаковым признаков составов преступлений применен, по сути, известный в науке уголовного права прием аппликации: на состав преступления как таковой накладывается характеристика преступления в сфере экономической деятельности. Таким же образом это сделано и применительно к иным институтам уголовного права (стадии совершения преступления, соучастия, обстоятельств, исключающих преступность деяния). Однако надо признать, что указанный подход скорее убеждает в обратном, говорит не о наличии экономического уголовного права, а наоборот, его отсутствии — только составная, а не отдельная часть (самостоятельная подотрасль) может находиться в указанных связях, вытекающих из пандектного принципа построения Уголовного кодекса.

Наказание в искусственно сформированном экономическом уголовном праве также не имеет особенностей: во-первых, используются те же его виды, что и применительно к другим преступлениям; во-вторых, назначение наказания осуществляется по тем же правилам, предусмотренным Общей частью УК РФ.

Коротко резюмируем изложенное. На наш взгляд, Г.А. Есаковым не представлены убедительные доводы, свидетельствующие о наличии экономического уголовного права. Как и с фармацевтическим уголовным правом, автором берется совокупность определенных деяний, в данном случае выделенных в УК РФ в самостоятельный раздел, и исходя из их сути, объявляется самостоятельной подотраслью уголовного права, при этом игнорируется отсутствие собственного предмета правового регулирования, нарушаются взаимосвязи с отраслью права и т. д.

Новое экономическое уголовное право

Так названа работа И.А. Клепицкого, вышедшая в свет в 2021 г. [52]. Первый вопрос вызывает уже само наименование огромного исследования (около 1000 с.): почему «новое»? Разве до этого было какое-либо экономическое уголовное право? Нам кажется, что название не сопрягается и с содержанием монографии; как пишет сам автор, она в целом посвящена анализу экономических преступлений.

Разумеется, куда больший интерес вызывает обоснование наличия такого права. Здесь, к сожалению, И.А. Клепицкий куда более лапидарен. Он пишет: «Экономическое уголовное право... понимается как система уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экономические преступления» [52, с. 5]. Но очевидно, что такая характеристика присуща всего-навсего институту права, а не отрасли (подотрасли).

В состав экономического уголовного права, по мнению И.А. Клепицкого, входят:

1) имущественные преступления, которые принято рассматривать в качестве экономических (присвоение и растрата, вверенного имущества, мошенничество, злоупотребление доверием и вымогательство). Надо заметить, что кража, грабеж, разбой, уничтожение и повреждение имущества не включаются в экономическое уголовное право. Такой подход к формированию структуры указанного права автор не объясняет;

2) хозяйственное уголовное право, которое охватывает как преступления в сфере экономической деятельности, так и посягательства на общественную безопасность, непосредственно связанные с осуществлением такой деятельности.

Такая структура вызывает ряд вопросов: первый – чем является нормативное образование, названное экономическим уголовным правом, включающее в себя хозяйственное уголовное право; второй – чем в этом случае первый элемент структуры отличается от простой совокупности уголовно-правовых норм, к тому же выбранных достаточно произвольно?

«Современное экономическое уголовное право, – пишет автор, – работает в единой системе с правом парауголовным» [52, с. 6]. Под последним предлагается признавать систему правовых норм, позволяющих наказывать людей, не применяя при этом нормы уголовного права и, как правило, за рамками уголовного судопроизводства, например назначать административные наказания [52, с. 79].

Между тем приставка «пара» (с греч. – возле, около, мимо, вне, наряду) означает нахождение рядом, либо за пределами, отклонение, нарушение чего-либо. Из этого определения можно сделать вывод: парауголовное право не является уголовным правом, но тем не менее вместе с экономическим уголовным правом образует некую единую систему. Что это за система – в работе не говорится.

Структура экономического уголовного права, вхождение в единую систему с парауголовным правом, на наш взгляд, не позволяют однозначно

определить ни правовой статус этого нормативно-образовательного образования, ни его соотношение с уголовным правом как отраслью российского права.

И.А. Клепицкий замечает, что современное экономическое уголовное право – изобретение не российское, для России в значительной мере представляет собой предмет заимствования из-за рубежа, однако не поясняет, какова необходимость копировать опыт других стран. При этом автор утверждает, что им были обнаружены серьезные деформации в экономическом уголовном праве, в том числе и зарубежном, утрата его целостного видения [52, с. 79].

Как нам представляется, о фактическом отсутствии экономического уголовного права в системе российского права нагляднее свидетельствуют не декларации, изложенные на полутора страничках книжного текста, а содержание монографии, представляющее из себя типичное исследование определенного нормативного массива российского и зарубежного (США, Соединенное Королевство и Франция) уголовного права с широким охватом различных аспектов исследуемой темы.

Интересная деталь, которая сродни «оговорке по Фрейду». Разработанные модели соответствующих норм автор уже не именуется ни экономическим, ни хозяйственным уголовным правом, а указывает их как главы Уголовного кодекса РФ: об имущественных преступлениях, о хозяйственных преступлениях и о преступлениях против информационной безопасности (нетрудно заметить, что отсутствует единый подход к их обозначению).

Уголовное природоохрнительное право

В аннотации к работе [53] ее автор Э.Н. Жевлаков пишет: «Впервые в теории уголовного права обосновывается формирование в законодательстве Российской Федерации подотрасли уголовного права...». К сожалению, данное заявление оказалось только декларацией, и не более того. В этом легко убедиться, обратившись к структуре монографии. Она состоит из четырех разделов, в названии которых в том или ином виде содержится словосочетание «уголовное природоохрнительное право». Фактически же в разделе 1, именуемом «Становление уголовного природоохрнительного права и социальная обусловленность существования его норм», говорится о социальной сущности нормотворчества в сфере уголовно-правовой охраны окружающей среды, обусловленности соответствующих норм различными факторами (гл. 1) и истории развития законодательства об охране окружающей среды в дореволюционный, советский и постсоветский периоды (гл. 2). Во

вторую главу почему-то помещен и параграф, посвященный проблемам ответственности юридических лиц за совершение преступлений, состоящих в причинении вреда окружающей среде.

Исходя из названия раздела 2 «Уголовное природоохранительное право России. Общая часть», следовало бы предположить, что автор планировал раскрыть положения общей части указанного права, как это принято делать при наличии его пандектного строения; другими словами, описать предмет, метод и т. д. На самом же деле в этом разделе содержится общая характеристика преступлений, посягающих на окружающую среду, что, разумеется, не одно и то же. Так, анализируется объект указанных преступлений, их предмет, признаки объективной и субъективной стороны, субъекта преступления, проблемы определения названия рассматриваемых деяний и их классификация. Как видно из приведенного перечня вопросов, ни один из них не относится к характеристике общей части отрасли (подотрасли) права.

Третий раздел охватывает, по мнению автора, особенную часть уголовного природоохранительного права. Между тем во входящих в него главах рассматриваются конкретные составы преступлений, причиняющих вред окружающей среде, их отграничения от составов смежных деяний.

Если бы работа и впрямь была бы посвящена формированию уголовного природоохранительного права, то четвертый раздел (в частности, глава 1) монографии был бы явно излишен, выглядел бы чужеродным телом. В нем представлен криминологический материал, охватывающий проблемы детерминации экологической преступности.

И наконец, та же деталь, что и в работе И.А. Клепицкого: говоря о совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за

преступления, посягающие на окружающую среду, автор все время обращается к Уголовному кодексу РФ, не упоминая при этом уголовное природоохранительное право.

Вместо заключения

Системе права, как и любой другой системе, присущи общие закономерности развития и функционирования. В этой связи можно утверждать, что формирование новых отраслей права (в данном случае криминологического права) и новых подотраслей права (в данном случае фармацевтического уголовного права, экономического уголовного права и уголовного природоохранительного права) должно быть обусловлено объективными обстоятельствами: появлением новой сферы общественных отношений (развитием имеющейся сферы, предполагающей самостоятельный предмет правового регулирования); наличием системообразующего ядра — кодекса или крупного федерального закона и др. Однако ничего этого в проанализированных нами случаях нет. Имеет место искусственное признание, во-первых, науки криминологии отраслью права, отдельных уголовно-правовых образований — подотраслью (отраслью) уголовного права. Такой подход трудно признать конструктивным: он размывает грани между устоявшимися теоретическими положениями, создает иллюзию обогащения новыми знаниями теории права вообще и уголовного права в частности.

И последнее. Обращаясь к читателю, И.А. Клепицкий призывает не читать его работу, поскольку «это опасно для... здоровья» [53, с. 7]. Автору, пожалуй, виднее. Но несомненно то, что искусственно созданные нормативные образования абсолютно вредны для криминологии и уголовного права, они... опасны для их «здоровья».

Литература

1. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М.: ИПП «Отечество», 1993. 344 с.
2. Головина А.А. Критерии образования отраслей в системе российского права. М.: КноРус, 2018. 256 с.
3. Парламентское право России: Монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Изд. Гос. Думы, 2013. 398 с.
4. Кашанина Т.В. Структура права: Монография. М.: Проспект, 2012. 584 с.
5. Советская криминология / отв. ред.: А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. М.: Юрид. лит., 1966. 320 с.
6. Криминология / А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, Б.Л. Зотов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1968. 472 с.
7. Криминология. / И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Б. Сахаров и др. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1976. 400 с.
8. Карпец И.И. Проблема преступности. М.: Юрид. лит., 1969. 168 с.
9. Ковалев М.И. Основы криминологии. М.: Юрид. лит., 1970. 160 с.

10. *Панкратов В.В.* Методология и методика криминологических исследований. М.: Юрид. лит., 1972. 136 с.
11. *Ойзерман Т.И.* Проблемы историко-философской науки. М.: Мысль, 1969. 398 с.
12. *Гришаев П.И.* Советская криминология. М.: РИО ВЮЗИ, 1975. 94 с.
13. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / Г.В. Дашков и др. М.: Юрид. лит., 1985. 416 с.
14. *Аванесов Г.А.* Криминология. Прогностика. Управление. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. 423 с.
15. *Прокументов Л.М., Шеслер А.В.* Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 369–384.
16. *Стручков Н.А.* Вступительная статья // *Бухгольц Э., Лекшас Дж., Хартман Р.* Социалистическая криминология. М.: Прогресс, 1975. 271 с.
17. Криминология / под ред. И.И. Рогова, Е.О. Алауханова. Алматы, Международный центр научных исследований и правовой экспертизы РК, 2008. 613 с.
18. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
19. *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 364 с.
20. *Гернет М.Н.* Социальные факторы преступности. М.: Университетская типография, 1905. 203 с.
21. *Герцензон А.А.* Введение в советскую криминологию. М.: Юрид. лит., 1965. 227 с.
22. *Орлов В.Н.* Основы криминологического права: учебник. М.: Криминологическая библиотека; Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2016. 668 с.
23. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1986. 588 с.
24. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2000. Т. 2. 597 с.
25. *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 281 с.
26. *Франк Л.В.* Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. 111 с.
27. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.
28. *Hentig Hans von.* The Criminal And His Victim. New Haven: Yale University Press, 1948. 461 p.
29. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
30. *Рарог А.И., Понятовская Т.Г., Бимбинов А.А., Воронин В.Н.* Фармацевтическое уголовное право России: Монография. М.: Проспект, 2019. 216 с.
31. *Князькина А.К.* Конвенционные преступления в уголовном праве России: понятие, виды, общая характеристика: Монография. М.: Проспект, 2010. 158 с.
32. *Талан М.В.* Медицинская деятельность как объект уголовно-правовой охраны // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Кн. 1. С. 141–150.
33. *Рарог А.И.* Становление фармацевтического уголовного права в России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 731–740.
34. *Фирсов И.В.* Незаконный оборот медицинской продукции: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2017. 209 с.
35. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., АЗЪ, 1995. 928 с.
36. *Блинов А.Г.* Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Саратов, 2014. 46 с.
37. *Блинов А.Г.* Уголовно-правовая охрана прав пациента. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. 288 с.
38. *Крылова Н.Е.* Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2006. 54 с.
39. *Есаков Г.А.* Экономическое уголовное право: Общая часть. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019. 356 с.
40. *Жалинский А.Э.* Экономические преступления и развитие Общей части уголовного права // Преступления в сфере экономики: российский и европейски опыт: матер. совм. рос.-герм. круглого стола, 17 октября 2012 г. / отв. ред. А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская. М., 2013.
41. *Рарог А.И.* Новая подотрасль (?) уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XV междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 565–569.

42. Белокобыльский Н.Н. Транспортные преступления в науке уголовного права: библиография. 1950–2016. М.: Статут, 2017. 254 с.
43. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 763 с.
44. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрлитинформ, 2015. 640 с.
45. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005 // Российский криминологический взгляд. 2006. № 3. С. 136–137.
46. Рарог А.И. Системность уголовного законодательства и перспективы его развития // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. М.: ЛексЭст, 2004. С. 61–64.
47. Гейн А.К. Цель как криминообразующий признак: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Тюмень, 2010. 18 с.
48. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.
49. Маркунцов С.А., Одоев О.С. О перспективах применения уголовно-правовых запретов, сформулированных с использованием конструкции административной преюдиции // Судья. 2016. № 6. С. 28–31.
50. Журавлева Н.М. Предшествующее преступление как криминообразующий признак в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2011. 22 с.
51. Орлов М.Ю. Десять лекций о налоговом праве России. М.: Городец, 2009. 207 с.
52. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право. М.: Проспект, 2021. 984 с.
53. Жевлаков Э.Н. Уголовное природоохранительное право России. М.: Проспект, 2020. 376 с.

References

1. Hropanyuk V.N. Teoriya gosudarstva i prava [*Theory of state and law*]. Moscow, 1993. 344 p. (In Russian)
2. Golovina A.A. Kriterii obrazovaniya ottraslej v sisteme rossijskogo prava [*Criteria for the formation of branches in the system of Russian law*]. Moscow, 2018. 256 p. (In Russian)
3. Parlamentskoe pravo Rossii [*Parliamentary law in Russia*]. Moscow, 2013. 398 p. (In Russian)
4. Kashanina T.V. Struktura prava [*Structure of law*]. Moscow, 2012. 584 p. (In Russian)
5. Sovetskaya kriminologiya [*Soviet criminology*]. Moscow, 1966. 320 p. (In Russian)
6. Kriminologiya [*Criminology*]. Moscow, 1968. 472 p. (In Russian)
7. Kriminologiya [*Criminology*]. Moscow, 1976. 400 p. (In Russian)
8. Karpec I.I. Problema prestupnosti [*The problem of crime*]. Moscow, 1969. 168 p. (In Russian)
9. Kovalev M.I. Osnovy kriminologii [*principles of criminology*]. Moscow, 1970. 160 p. (In Russian)
10. Pankratov V.V. Metodologiya i metodika kriminologicheskikh issledovanij [*Methodology and methodology of criminological research*]. Moscow, 1972. 136 p. (In Russian)
11. Ojzerman T.I. Problema istoriko-filosofskoj nauki [*The problem of historical and philosophical science*]. Moscow, 1969. 398 p. (In Russian)
12. Grishaev P.I. Sovetskaya kriminologiya [*Soviet criminology*]. Moscow, 1975. 94 p. (In Russian)
13. Kurs sovetskoj kriminologii: Predmet. Metodologiya. Prestupnost' i ee prichiny. Prestupnik [*Course of Soviet criminology: Subject. Methodology. Crime and its causes. Criminal*]. Moscow, 1985. 416 p. (In Russian)
14. Avanesov G. A. Kriminologiya, prognostika, upravlenie [*Criminology, prognostics, management*]. Gorky, 1975. 423 p. (In Russian)
15. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Predmet otechestvennoj kriminologii [*The subject of domestic criminology*]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [*All-Russian Criminological Journal*], 2019, no. 13, vol. 13, pp. 363–384 (In Russian, abstract in English)
16. Struchkov N.A. Vstupitel'naya stat'ya [*Introductory article*]. In Buhgol'c E., Lekshas Dzh., Hartman R. *Socialisticheskaya kriminologiya* [*Socialist criminology*]. Moscow, 1975. (In Russian)
17. Kriminologiya [*Criminology*]. Eds. I.I. Rogova, E.O. Alauhanova. Almaty, 2008. 613 p. (In Russian)
18. Kuznecova N.F. Prestuplenie i prestupnost' [*Crime and criminality*]. Moscow, 1969. 232 p. (In Russian)

19. *Antonyan Yu.M., Kudryavcev V.N., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika [The personality of the criminal]*. Saint-Petersburg, 2004. 364 p. (In Russian)
20. *Gernet M.N. Social'nye faktory prestupnosti [Social factors of crime]*. Saint-Petersburg, 1905. 203 p. (In Russian)
21. *Gercenzon A.A. Vvedenie v sovetskuyu kriminologiyu [Introduction to Soviet criminology]*. Moscow, 1965. 227 p. (In Russian)
22. *Orlov V.N. Osnovy kriminologicheskogo prava [Fundamentals of criminological law]*. Stavropol, 2016. 668 p. (In Russian)
23. *Filosofskij slovar' [Philosophical dictionary]*. Ed. I.T. Frolova. Moscow, 1986. 588 p. (In Russian)
24. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs: v 2 t. T. 2. [General theory of state and law. Academic course: in 2 vols. V. 2.]* Ed. M.N. Marchenko. Moscow, 2000. 597 p. (In Russian)
25. *Filimonov V.D. Norma ugovornogo prava [Norm of criminal law]*. Saint-Petersburg, 2004. 281 p. (In Russian)
26. *Frank L.V. Viktimologiya i viktimnost' [Victimology and victimism]*, Dushanbe, 1972. 111 p. (In Russian)
27. *Frank L.V. Poterpevschie ot prestupleniya i problemy sovetskoj viktimologii [Victims of crime and problems of Soviet victimology]*. Dushanbe, 1977. 237 p. (In Russian)
28. *Hentig Hans von. The Criminal and his victim*. New Haven, 1948. 461 p.
29. *Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika [Criminal policy]*. Moscow, 2009. (In Russian)
30. *Rarog A.I., Ponyatovskaya T.G., Bimbinov A.A., Voronin V.N. Farmaceuticheskoe ugovornoe pravo Rossii [Pharmaceutical criminal law of Russia]*. Moscow, 2019. 216 p. (In Russian)
31. *Knyaz'kina A.K. Konvencionnye prestupleniya v ugovornom prave Rossijskoj Federacii: ponyatie, vidy, obshchaya harakteristika [Conventional crimes in the criminal law of the Russian Federation: concept, types and General characteristics]*. Moscow, 2010. 158 p. (In Russian)
32. *Talan M.V. Medicinskaya deyatelnost' kak ob'ekt ugovorno-pravovoj ohrany [Medical activity as an object of criminal-legal protection]*. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki [Scientific notes of the Kazan University. Humanities series]*, 2019, vol. 161, no. 1, pp. 141–150. (In Russian, abstract in English)
33. *Rarog A.I. Stanovlenie farmacevticheskogo ugovornogo prava v Rossii [Evolution of the pharmaceutical criminal law in Russia]*. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 731–740. (In Russian, abstract in English)
34. *Firsov I.V. Nezakonnij oborot medicinskoj produkcii [Illegal turnover of medical products]*. Moscow, 2017. 209 p. (In Russian)
35. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovij slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow, 1995. 928 p. (In Russian)
36. *Blinov A.G. Uchenie ob ugovorno-pravovoj ohrane prav i svobod pacienta [The doctrine of the criminal law protection of the rights and freedoms of the patient]*. Saratov, 2014. 46 p. (In Russian)
37. *Blinov A.G. Ugolovno-pravovaya ohrana prav pacienta [Criminal-legal protection of the rights of the patient]*. Saratov, 2004. 288 p. (In Russian)
38. *Krylova N.E. Ugolovnoe pravo i bioetika: ugovorno-pravovye problemy primeneniya sovremennyh biomedicinskih tekhnologij [Criminal law and bioethics: criminal-legal problems of the application of modern biomedical technologies]*. Moscow, 2006. 54 p. (In Russian)
39. *Esakov G.A. Ekonomicheskoe ugovornoe pravo: Obshchaya chast' [Economic criminal law: General part]*. Moscow, 2019. 356 p. (In Russian)
40. *Zhalinskij A.E. Ekonomicheskie prestupleniya i razvitie Obshchej chasti ugovornogo prava [Economic crimes and development of the General part of the criminal law]*. In *Prestupleniya v sfere ekonomiki: rossijskij i evropejski opyt: mater. sovm. ross.-germ. kruglogo stola (17 oktyabrya 2012 g.) [Crimes in the sphere of economy: Russian-Germany round table]*. Moscow, 2013. (In Russian)
41. *Rarog A.I. Novaya podotrasl' (?) ugovornogo prava [New sub-branch (?) of criminal law]*. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: mater. XV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Criminal law: strategy of development in the XXI century: XV International Scientific and Practical Conference]*. Moscow, 2018, pp. 565–569. (In Russian)
42. *Belokobyl'skij N.N. Transportnye prestupleniya v nauke ugovornogo prava: bibliografiya [Transport crimes in the science of criminal law: bibliography]*. 1950–2016. Moscow, 2017. 254 p. (In Russian)
43. *Volzhenkin B.V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti po ugovornomu pravu Rossii [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]*. Saint-Petersburg, 2007. 763 p. (In Russian)

44. *Lopashenko N.A.* Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: v 2 ch. Ch. 2. [*Crimes in the sphere of economic activity: in 2 vol. Vol. 2*]. Moscow, 2015. 640 p. (In Russian)
45. *Volzhenkin B.V.* Sluzhebnye prestupleniya. Kommentarij zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki. Saint-Petersburg, Yuridicheskij Centr Press Publ., 2005. [Official crimes: commentary on legislation and judicial practice. St. Petersburg: Law Center Press Publ., 2005]. Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad [*Russian Criminological View*], 2006, no. 3, pp. 136–137. (In Russian, abstract in English)
46. *Rarog A.I.* Sistemnost' ugovnogo zakonodatel'stva i perspektivy ego razvitiya [*Systemicity of criminal legislation and prospects of its development*]. In *Mezhdunarodnoe i nacional'noe ugovnoe zakonodatel'stvo: problemy yuridicheskoy tekhniki* [*International and national criminal legislation: problems of legal technology*]. Moscow, 2004, pp. 61–64. (In Russian)
47. *Gejn A.K.* Cel' kak kriminoobrazuyushchij priznak [*The goal as a criminal-forming feature*]. Ekaterinburg, 2010. 18 p. (In Russian)
48. *Bezverhov A.G.* Vozvrashchenie administrativnoj preyudicii v ugovnoe zakonodatel'stvo Rossii [*The return of administrative prejudice to the criminal legislation of Russia*]. *Rossiyskaya yusticiya* [*Russian justice*], 2012, no. 1., pp. 48–53. (In Russian, abstract in English)
49. *Markuncov S.A., Odoev O.S.* O perspektivah primeneniya ugovno-pravovyh zapretov, sformulirovannyh s ispol'zovaniem konstrukcii administrativnoj preyudicii [*On the prospects for the application of criminal law prohibitions formulated using the construction of administrative prejudice*]. *Sud'ya* [*Judge*], 2016, no. 6, pp. 28–31. (In Russian, abstract in English)
50. *Zhuravleva N.M.* Predshestvuyushchee prestuplenie kak kriminoobrazuyushchij priznak v ugovnom prave Rossii [*Previous crime as a criminalizing feature in the criminal law of Russia*]. Moscow, 2011. 22 p. (In Russian)
51. *Orlov M.Yu.* Desyat' lekcij o nalogovom prave Rossii [*Ten lectures on the tax law of Russia*]. Moscow, 2009. 207 p. (In Russian)
52. *Klepickij I.A.* Novoe ekonomicheskoe ugovnoe parvo [*New economic criminal law*]. Moscow, 2021.
53. *Zhevlakov E.N.* Ugolovnoe prirodoohranitel'noe pravo Rossii [*Criminal environmental law of Russia*]. Moscow, 2020. 376 p. (In Russian)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

*Шамурзаев Таалайбек Турсунович
Кадыров Алишер Умарович*

Цель: изучить актуальные вопросы вступивших в действие с января 2019 г. Уголовного, Уголовно-процессуального кодексов Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках. Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие задачи: проанализировать следственно-судебную практику, включая прокурорский надзор с момента обновления уголовного и уголовно-процессуального законодательства; выявить проблемные аспекты действующих Кодексов с точки зрения защиты прав и свобод участников уголовного процесса; обосновать необходимость совершенствования положительно зарекомендовавших в правоприменительной практике уголовно-правовых и уголовно-процессуальных нововведений.

Методология: анализ, синтез, дедукция, диалектический метод, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод, статистический метод.

Выводы. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу о необходимости разработать и принять новые уголовный и уголовно-процессуальный кодексы с базовыми нормами Кодексов в редакции 1997 и 1999 гг., при этом оставляя положительно зарекомендовавшие в правоприменительной практике институты действующих кодифицированных актов.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики, в научных исследованиях по данной проблематике, а также в учебном процессе. Полученные результаты могут быть использованы в разработке рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: досудебное производство, единый реестр преступлений и проступков, журнал учета информации, защита прав предпринимателей, кодекс, прокурорский надзор, проступок, ресоциализация, следственно-судебная практика, уклонение от уплаты налогов, уклонение от уплаты таможенных платежей, экономическая контрабанда.

В Кыргызской Республике в процессе реформирования судебных и правоохранительных органов были разработаны и приняты новые кодексы и законы, в их числе УК КР (Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19 // [Электронный ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 10.04.2021)), УПК КР (Уголовно-процессуальный кодекс от 2 февраля 2017 г. № 20 // [Электронный

ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 10.04.2021)), Кодекс о проступках (Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 г. № 18 // [Электронный ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111529?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.04.2021)), вступившие в действие 1 января 2019 г. Основой для реформирования законодательства послужила Конституция, принятая референдумом 27 июня

2010 г. (*Конституция Кыргызской Республики // [Электронный ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.04.2021)*), международные соглашения, ратифицированные парламентом страны.

«Совершенствование уголовного законодательства было продиктовано необходимостью гуманизации правосудия, отхода от репрессивных мер уголовно-правового воздействия, внедрения новых механизмов воздействия на осужденного в целях его ресоциализации.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства было обусловлено необходимостью преодоления обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве, повышения эффективности досудебных и судебных процедур, обеспечения необходимых процессуальных гарантий для подозреваемых, обвиняемых и потерпевших» [1, с. 129–130].

Анализ следственно-судебной практики и прокурорского надзора с момента обновления уголовного и уголовно-процессуального законодательства показал, что отдельные новеллы кодексов не оправдались в правоприменительной деятельности. Промедления в принятии изменений и дополнений в законодательство могут привести к правовому коллапсу и, как следствие, росту нарушений прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Реформа уголовного законодательства не обеспечила задачу по гуманизации правосудия. К примеру, в УК КР к преступлениям, совершенным в сфере таможенного регулирования, относятся «Экономическая контрабанда» (ст. 223), «Уклонение от уплаты таможенных платежей» (ст. 230). Преступления, совершенные по ч. 1 указанных статей, классифицированы как менее тяжкие преступления, тогда как по старому УК КР (*Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68 // [Электронный ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568> (дата обращения: 10.04.2021)*) относились к преступлениям небольшой тяжести.

Необходимо отметить, что пороговая сумма для квалификации экономической контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей в крупном размере осталась без изменений. Сумма уклонения от уплаты таможенных платежей для квалификации в крупном размере устарела и не менялась с 2007 г., не были учтены инфляция и рост цен на товары и услуги.

В крупном размере признается неуплата таможенных платежей, которая превышает 100 000 сомов (на сегодняшний день примерно

1100 долларов США), в особо крупном размере – 500 000 сомов (5500 долларов США). Указанные суммы крупного и особо крупного размеров при уклонении от уплаты таможенных платежей являются самыми низкими пороговыми суммами среди государств-членов Евразийского экономического союза.

В Российской Федерации пороговой суммой, при которой наступает уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, составляет в крупном размере – 2 млн рублей, в особо крупном размере – 6 млн рублей, а уголовная ответственность за контрабанду наступает только при незаконном перемещении через таможенную границу денежных средств, алкогольной продукции и табачных изделий.

В Республике Беларусь пороговая сумма, при которой наступает уголовная ответственность за контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей, составляет 2000 базовых величин (1,6 млн сомов). При этом необходимо отметить, что уголовная ответственность за контрабанду наступает только на товары, которые запрещены или ограничены к перемещению.

В Республике Казахстан уголовная ответственность по экономической контрабанде наступает, если стоимость товара превышает 10 000 месячных расчетных показателей (крупный размер), что эквивалентно 5 млн сомов, 20 000 месячных расчетных показателей (особо крупный размер) эквивалентны 10 млн сомов. По уклонению от уплаты таможенных платежей установлена пороговая сумма в 5000 месячных расчетных показателей, что составляет 2,5 млн сомов.

В Республике Армения уголовная ответственность по контрабанде наступает, если стоимость товаров в 2000 раз превышает минимальный размер заработной платы, что соразмерно 3,7 млн сомов, при уклонении от уплаты таможенных платежей в 1000 раз, что соразмерно 1,8 млн сомов.

Учитывая, что экономическая контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей не посягают на жизнь, здоровье и личную свободу человека, можно сделать вывод, что процесс гуманизации не коснулся указанных составов преступлений, более того, ответственность за их совершение ужесточилась.

По непонятным основаниям из уголовного законодательства был исключен институт рецидива преступления, что привело, как показывают материалы следственно-судебной практики, к повышению профессионализации преступников, а в первую очередь – совершающих преступления

против собственности. Правоохранительные органы лишены возможности проведения профилактической работы с соответствующим контингентом лиц при наличии оперативной информации о готовящихся преступлениях.

Проблемным в уголовном судопроизводстве является начальный этап досудебного производства, связанный с регистрацией заявлений и сообщений о совершенном или готовящемся преступлении (проступке). Проведение досудебного производства по неподтвержденным и необоснованным заявлениям и сообщениям приводит к существенным нарушениям конституционных прав и свобод человека. Так, следователь по поступившему заявлению вправе проводить отдельные следственные и специальные следственные действия (обыск жилища, осмотр и изъятие документов, вещей, предметов и др.).

Как результат, заинтересованные лица подают заявления о привлечении к уголовной ответственности следователей, уполномоченных работников органов дознания, оперативных сотрудников с регистрацией в ЕРПП (Единый реестр преступлений и проступков) за действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей по рассмотрению их заявлений и качество проведения досудебного производства.

Отдельные отечественные ученые-процессуалисты и практические работники едины во мнении о необходимости возврата в уголовное судопроизводство института возбуждения уголовного дела, а в ст. 149 УПК КР внести понятия повода и основания возбуждения уголовного дела.

При этом не ограничивать регистрацию заявлений сообщениями о преступлениях (проступках) в ЖУИ (журнал учета информации). В связи с чем считаем целесообразным ст. 5 УПК КР дополнить понятием «журнал учета информации».

Журнал учета информации — автоматизированная база данных и документ, в который вносятся сведения о преступлениях, а также иная информация о происшествиях. Необходимо предусмотреть по ним соответствующие проверки в установленные сроки с возможностью проведения необходимых следственных действий (осмотр, назначение экспертизы, допрос свидетелей и др.). По их результатам принимать решение о возбуждении уголовного дела либо в его отказе. В отдельных случаях (например, получение результатов экспертизы) предусмотреть возможность продления срока проверки с согласия надзирающего прокурора. При возбуждении уголовного дела предусмотреть обязательность согласования с надзирающим прокурором.

Внесение изменений и дополнений, предложенных по результатам анализа УПК КР, позволяют:

- сократить факты необоснованного заведения досудебного производства, в особенности в отношении субъектов предпринимательства;
- уменьшить волокиту досудебного производства;
- повысить оперативность проведения процессуальных действия и принятия решений. Зачастую после регистрации досудебного производства из-за отсутствия законодательно установленных сроков проведения следователи не проводят следственные, специальные следственные действия, не выносят соответствующих процессуальных решений, вследствие чего увеличивается количество досудебных производств;
- снизить количество уголовных дел, нагрузку следователей, что позволит повысить качество досудебного производства. Следователи сосредоточатся на расследовании дел, в которых усматриваются признаки преступления;
- повысить качество прокурорского надзора за расследованием в связи с тем, что обоснованность решения о возбуждении уголовного дела (его отказе) будет под контролем надзирающего прокурора, который будет изучать содержание материалов уголовных дел, принимать по ним решения. Тогда как в настоящее время из-за большого количества регистраций досудебных производств в ЕРПП прокурор видит их в ЕРПП (где указана краткая фабула), зачастую не зная содержания материалов досудебных производств. Исключения составляют только резонансные и должностные преступления.

Проблемным с точки зрения защиты прав предпринимателей (юридических и физических лиц) остается вопрос регулирования общественных отношений в части уклонения от налогов и (или) других обязательных платежей в бюджет государства (ст. 231, 232 УК КР).

Факт уклонения субъекта предпринимательской деятельности от уплаты налога и других обязательных платежей в бюджет устанавливается или опровергается результатами налоговой проверки, проведенной по месту регистрации, о чем выносится мотивированное решение и доводится до сведения налогоплательщика путем вручения в порядке, установленном налоговым законодательством (*Налоговый кодекс Кыргызской Респу-*

блики от 17 октября 2008 г. № 230 // [Электронный ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202445> (дата обращения: 22.04.2021)).

При этом налогоплательщик вправе обжаловать решение органов налоговой службы в соответствующем управлении государственной налоговой службы в течение 30 календарных дней со дня, следующего за днем вручения ему данного решения, либо обжаловать это решение в судебном порядке по общим правилам гражданского судопроизводства.

Досудебное производство по данным категориям уголовных дел затягивается в связи с обжалованием налогоплательщиком решения налогового органа о доначислении налоговых обязательств, а в случаях удовлетворения этих жалоб, уголовные дела прекращаются за отсутствием состава преступления, что требует немалых человеческих и материальных ресурсов.

В связи с чем считаем целесообразным дополнить ст. 231, 232 УК КР примечанием следующего содержания:

«Факты по уклонению от уплаты налога и других обязательных платежей в бюджет подлежат регистрации в ЖУИ, ЕРПП только при наличии мотивированного обращения налогового органа с приложением вступившего в законную силу решения о начислении налоговых обязательств, подлежащих уплате в бюджет».

Таким образом, поступившие в правоохранительные органы заявления и обращения граждан, сообщения юридических лиц и государственных органов, за исключением органов налоговой службы, будут перенаправляться для проведения проверки в налоговые органы по месту регистрации налогоплательщика, либо возвращаться заявителям с разъяснением его права на обращение в налоговые органы для инициирования налоговой проверки.

Положительными новеллами уголовного законодательства являются «Пробационный надзор» (гл. 13 УК КР), «Иные принудительные меры уголовно-правового воздействия (меры безопасности)» (гл. 16 УК КР), «Принудительные меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» (гл. 20 УК КР), уголовная ответственность за неисполнение приказа (ст. 364 УК КР), за уклонение от мероприятий призыва по мобилизации (ст. 363 УК КР) и др.

В УК КР (ст. 62) предусмотрено, что лицо освобождается от уголовной ответственности судом, если со дня совершения им преступления и до дня вступления приговора в законную силу истекли установленные законом сроки. В УПК КР (ст. 292) регламентировано, что дело подлежит прекраще-

нию в судебном заседании, если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в пп. 3–14 ч. 1 ст. 26 УПК КР. Однако в ст. 339 ч. 4 п. 2 УПК КР прописано, что суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания в случаях, если к моменту его вынесения истек срок давности привлечения лица к уголовной ответственности за данное преступление либо к ответственности за проступок. При такой законодательной регламентации в отношении лица наступают негативные последствия общеправового и уголовно-правового характера.

К примеру, согласно ст. 14 ч. 1 закона «О местной государственной администрации» (Закон Кыргызской Республики от 14 июля 2011 г. № 96 «О местной государственной администрации» // [Электронный ресурс]: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203101> (дата обращения: 23.04.2021)) не может быть акимом гражданин Кыргызской Республики, имеющий судимость за совершение преступления, независимо от того, погашена она или снята.

В старой редакции УПК КР в таких случаях следователь имел право освободить лицо от уголовной ответственности путем вынесения постановления о прекращении уголовного дела на стадии следствия. При этом лицо не считалось судимым.

В ст. 155 УПК КР прописано, что не допускается продление срока досудебного производства по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях свыше одного года. Однако в правоприменительной практике имеют место «тупиковые» ситуации, в частности, при экстрадиции лиц из других государств, разыскиваемых за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. При непосредственном их обнаружении на территории другого государства выдаваемая сторона применяет экстрадиционный арест, и производство следствия возобновляется, идут переписки по требованиям международных соглашений. До объявления в розыск подозреваемого (обвиняемого) следствие может затянуться на более длительный срок, причиной может быть ожидание результатов экспертиз, установление других причастных к совершению лиц и др. С момента выдачи подозреваемого (обвиняемого) иностранным государством, этапирование на территорию Кыргызской Республики проходит срок, превышающий установленный УПК КР. В итоге подозреваемый (обвиняемый) не понесет должного наказания за совершенное деяние. Тем самым нарушается принцип неотвратимости уголовной ответственности (ст. 10 УК КР).

Положительными нововведениями уголовного судопроизводства являются: «Обеспечение

безопасности участников уголовного судопроизводства» (гл. 9); «Преюдиция» (ст. 97); «Запрет на приближение» как иная мера обеспечения уголовного судопроизводства (ст. 124); «Депонирование показаний» как разновидность допроса потерпевших и свидетелей (гл. 26) и др.

«Несомненным достоинством УПК КР является то, что в нем имеется гл. 9 «Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства», в которой содержатся нормы, предусматривающие систему мер безопасности в отношении различных субъектов уголовного судопроизводства, в том числе лиц, участвующих в судебном разбирательстве» [2, с. 28].

Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики проведена выборочная проверка в АИС ЕРПП законности и обоснованности изменений квалификации подозрений правоохранительными органами Кыргызской Республики с менее тяжких на тяжкие и особо тяжкие преступления за 8 месяцев 2020 г. В ходе проверки выявлена тенденция искусственного завышения показателей работы. Сотрудники органов внутренних дел уклоняются от раскрытия преступлений на этапе их регистрации, переводят преступления в категорию иных правонарушений, умышленно квалифицируют их как менее тяжкие преступления и только в случае раскрытия изменяют квалификацию преступлений на тяжкие и особо тяжкие.

На учет не попадают совершенные тяжкие и особо тяжкие преступления, сокрытые под менее тяжкими преступлениями. Существуют и иные способы уклонения от учета преступлений, в результате чего по сегодняшний день они

остаются нераскрытыми и числятся как менее тяжкие преступления. Тем самым грубо искажается уголовно-правовая статистика.

Основной причиной такого положения являются критерии оценки деятельности правоохранительных органов. Такая практика приводит к тому, что всю статистику подгоняют под предыдущий год, чтобы раскрываемость этого года соответствовала прошлому. В первую очередь раскрываются очевидные преступления. Неочевидные тяжкие и особо тяжкие преступления стараются замаскировать различными способами путем укрывательства преступлений среди проступков, неправильной квалификации как менее тяжкое преступление.

Исключение института отказа в возбуждении уголовного дела не решило проблему, связанную с укрывательством преступлений.

В заключение хотелось бы обозначить авторское видение совершенствования отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства:

1) разработать и принять новые уголовный и уголовно-процессуальный кодексы с базовыми нормами Кодексов в редакции 1997 и 1999 гг., при этом оставляя положительно зарекомендовавшие в правоприменительной практике институты действующих кодифицированных актов;

2) по Кодексу о проступках внести предложения о признании его утратившим силу. Уголовно-противоправные деяния, предусмотренные в этом Кодексе, в зависимости от степени причиненного вреда включить в нормы УК КР, а остальные нормы учесть при разработке законопроекта по правонарушениям.

Литература

1. Шамурзаев Т.Т., Балашов Т.Т. Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 129–135.
2. Зайцев О.А., Шамурзаев Т.Т. Обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства (сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики) // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 25–31.

References

1. Shamurzaev T.T., Balashov T.T. Novelty ugolovno i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Kyrgyzskoi Respubliki [Innovations of the criminal and criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*, 2019, no. 1, pp. 129–135. (In Russian, abstract in English and in German)
2. Zaitsev O.A., Shamurzaev T.T. Obespechenie gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugolovno sudoproizvodstva (sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i Kyrgyzskoi Respubliki) [Ensuring state protection of participants in criminal proceedings (comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*, 2018, no. 2, pp. 25–31. (In Russian, abstract in English and in German)

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ЛИЦАМ, СТРАДАЮЩИМ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И РАССТРОЙСТВОМ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

*Мазулина Софья Александровна
Емелькина Яна Васильевна*

Цель: рассмотреть актуальные принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, страдающим психическими расстройствами и расстройством сексуальных предпочтений. Дать исторический анализ развития этого института. Исследовать реакцию общественности на методы борьбы с преступлениями, совершаемыми лицами, страдающими психическими расстройствами.

Методология: анализ, сравнительно-правовой метод, формально-правовой метод.

Выводы. К душевнобольным лицам всегда было особое отношение со стороны уголовного закона. В наши дни существует четкая правовая регламентация порядка применения принудительных мер медицинского характера, в том числе и со стороны международного права, не позволяющая допускать использование этих мер в качестве политического инструмента давления.

Научная и практическая значимость. Выводы, приведенные в данной научной статье, позволяют рассмотреть комплексность проблематики применения мер медицинского характера, применяемых к лицам, страдающим психическими расстройствами и расстройством сексуальных предпочтений. Примеры из судебной практики и теоретические умозаключения могут быть полезны как для правоприменителей, так и для медицинских работников.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, психические расстройства, расстройство сексуальных предпочтений, общественность, преступность.

Введение

«Подавляющее большинство самых жестоких преступлений совершается психически нормальными людьми. Психически нездоровые люди совершают минимальное количество преступлений» (Романова Е. *Интервью с А.О. Бухановским. Подавляющее большинство самых жестоких преступлений совершается психически нормальными людьми!* // [Электронный ресурс]: URL: <https://161.ru/text/gorod/2008/09/08/57357471/> (дата обращения: 01.04.2021)), — эти слова принадлежат д. м. н., профессору, психиатру А.О. Бухановскому, известному своей выдающейся экспертной деятельностью в расследовании насильственных преступлений.

Впрочем, необходимость выделения лиц, страдающих личностными расстройствами, в качестве специальной, требующей особого подхода группы справедливо сохраняется вне зависимости от количества совершаемых ими преступных деяний.

Представляется очевидным, что среди всех обстоятельств, опосредующих преступные деяния, первоочередное внимание уделено личности виновного. Например, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает ответственность за убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы

(ст. 105 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 09.03.2022)). Таким образом законодатель фокусирует внимание на личностных установках потенциальных преступников, придавая им решающее значение в рамках определения тяжести предусматриваемого наказания.

Итак, личность и ее психофизиологические особенности занимают центральное место в российском уголовном праве. Тем более важно принимать во внимание характерные психические дефекты, которые зачастую могут оказывать определяющее влияние на линию поведения лица и, соответственно, непосредственно обуславливать совершение преступлений.

Вышеизложенные идеи получили официальное признание и в УК РФ путем закрепления в ст. 97 УК РФ оснований применения принудительных мер медицинского характера, включающих такие понятия как «невменяемость», «психическое расстройство» и «расстройство сексуальных предпочтений (педофилия)». Кроме того, соответствующие нормы были закреплены в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации и в ст. 13 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ВСНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913).

Таким образом вектор государственного принуждения в отношении указанных лиц смещен от наказания к «излечению или улучшению [их] психического состояния <...>, а также предупреждению совершения ими новых предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний» (ст. 98 УК РФ).

Основной фокус данной работы будет сосредоточен на аспектах применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами и расстройством сексуальных предпочтений. Иными словами, будет проведен разносторонний анализ пп. «а», «б», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

История развития института принудительных мер медицинского характера в отечественном законодательстве

Впервые в российских правовых источниках категория «душевнобольных» встречается в законодательстве эпохи Владимира Мономаха: документы, датированные XII в., закрепляют понятие «бесных свидетелей». Начиная с XVII в. лица, страдающие психическими заболеваниями, номинально освобождались от уголовной ответственности, однако применение мер медицинского характера в их отношении предусмотрено еще не были — зачастую такие люди принудительно изолировались от обще-

ства в монастырях [1, с. 14]. Впрочем, принятая норма не получила в то время широкого практического применения, и, как правило, психическое заболевание не препятствовало применению к преступнику обычных мер наказания.

Начало более внимательному и относительно гуманному отношению к душевнобольным со стороны государства было положено лишь во второй половине XVIII в., когда в целях изоляции и лечения душевнобольных были учреждены приказы общественного призрения. С этого момента правовое регулирование применения мер медицинского характера в отношении преступников, страдающих психическими девиациями, становилось более детализированным [2, с. 45].

Впервые норма о принудительном лечении душевнобольных преступников была введена в составе Свода законов Российской империи от 1832 г. Правило распространялось на лиц, совершивших убийство «в состоянии безумия», и предусматривало содержание в медицинской организации в течение пяти лет. Спустя пять лет принятый срок был сокращен на три года.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 г. в период правления Николая I, содержало уже достаточно полную регламентацию функционирования института принудительного лечения «безумных» преступников. Ст. 98 указанного документа рассматривала «безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятовство» как «причину, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину» (Ст. 98 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845 // [Электронный ресурс]: URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13654> (дата обращения: 01.04.2021)). В ст. 101 уточняется: преступление, совершенное «безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший, по состоянию своему в то время, не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния». При этом, в соответствии с той же статьей, лица, совершившие убийство либо попытку убийства или самоубийства, «заключаются в дом умалишенных, даже и в случае, когда бы их родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотреть за ними и лечить их у себя» (Ст. 101 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845 // [Электронный ресурс]: URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13654> (дата обращения: 01.04.2021)).

Уголовно-процессуальный кодекс 1922 г. в ст. 202 предусматривал возможность помещения обвиняемого «для наблюдения в соответствующее лечебное заведение» по распоряжению суда в том случае, если «имеющиеся в деле данные недостаточны для суждения о психическом состоянии обвиняемого» (*Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.»*) // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#05082136372243562> (дата обращения: 01.04.2021)). В остальных случаях дело либо прекращалось, либо приостанавливалось до выздоровления обвиняемого (*Там же, ст. 200*).

В ст. 11 Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. было закреплено понятие невменяемости как такого состояния, «в котором лицо не может отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни» (*Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996)* // [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 01.04.2021)). К такому лицу, равно как и к лицу, совершившему преступление в состоянии невменяемости, но впоследствии до вынесения решения суда заболевшему душевной болезнью, по назначению суда могли быть применены принудительные меры медицинского характера. При этом предполагалось размещение в психиатрическую больницу с различиями в строгости содержания: с обычным, усиленным или строгим наблюдением.

К сожалению, в Советском Союзе данное законодательство стало механизмом политических репрессий. Речь идет о политическом злоупотреблении психиатрией, или «карательной психотерапии», то есть неверном использовании психиатрического диагноза, лечения и заключения в психиатрическую больницу в целях устранения неугодных власти лиц [3].

Действительно, в обществе, пропитанном единой идеологией, любой, кто думает иначе, может сойти за сумасшедшего. Очевидно, что и медицинская, и юридическая стороны данного института были очень слабы в разработке и подчинены государственной власти. Как утверждает в исследованиях данной темы, постановка диагнозов диссидентам проходила по разработанной профессором А.В. Снежневским весьма специфичной теории шизофрении (*Reich W. The World of Soviet Psychiatry (Мир советской психиатрии)* // *The New York Times (USA). 1983. January 30* // [Электронный ресурс]: URL: <https://inosmi.ru/inrussia/20080515/241381>.

html (дата обращения: 01.04.2021)). Со стороны правоприменения очевидно нарушение прав на открытое судебное разбирательство, равенство перед судом, независимую экспертизу.

К 1983 г. нарушения прав человека подобными злоупотреблениями в СССР вызывали все больше осуждения и подозрения со стороны западных государств, из-за чего Всесоюзному психиатрическому сообществу пришлось покинуть Всемирную психиатрическую ассоциацию (ВПА).

Лишь в 1989 г. советские представители были снова приняты в ВПА, обязавшись публично признать злоупотребление психиатрией в Советском Союзе и реабилитировать пострадавших. Во исполнение условий ВПА в России был принят Закон от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Статья 10 провозглашает, что диагноз психического расстройства ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами и не может основываться только на несогласии гражданина с принятыми в обществе моральными, культурными, политическими или религиозными ценностями либо на иных причинах, непосредственно не связанных с состоянием его психического здоровья [4].

Кажется, что на проблеме злоупотребления психиатрией в нашей стране сегодня должна быть поставлена точка.

Тем не менее становится очевидным наличие морально-этического аспекта принудительных мер медицинского характера. Всемирная организация здравоохранения называет среди признаков психического или поведенческого расстройства нарушения мышления, настроения или поведения, которые выходят за рамки существующих культурных убеждений и норм (*Каковы ранние признаки психических расстройств?* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.who.int/features/qa/38/ru/> (дата обращения: 01.04.2021)). Что считать рамками культурных убеждений? Какие убеждения считать верными? Или что делать в ситуациях, когда в одном обществе поведение считается нормальным, в то время как в других обществах является психическим отклонением?

2. Действующее законодательство о принудительных мерах медицинского характера

2.1. Цели применения

На сегодняшний день ПММХ регулируются главой 15 УК РФ и относятся к иным мерам уголовно-правового характера. В то время как цели применения ПММХ определены в ст. 98 УК РФ

и заключаются в: 1) излечении или улучшении психического состояния указанных лиц, 2) а также предупреждении совершения ими новых предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний. Также стоит принять во внимание, что ПММХ назначаются, только когда существует возможность причинения этими лицами иного существенного вреда, либо лицо создает опасность для себя или других лиц (ст. 97 УК РФ). При анализе этих положений становится очевидным, что институт применения наказания ставит в приоритет общественный интерес, восстанавливая справедливость, защищая общество от опасности, а институт медицинских мер направлен как на поддержание общественной безопасности, так и на помощь отдельной личности, страдающей от психического расстройства.

Двусторонний характер целей применения мер медицинского характера связан и с тем, что институт находится на границе двух наук – юридической и медицинской. С одной стороны, порядок и основания применения ПММХ определяется уголовным законом, и данные меры могут быть назначены только по решению суда, но, с другой стороны, особенности лечебного процесса определяются не юридическими нормами, а положениями медицинской науки психиатрии, устанавливающей порядок проведения лечебно-реабилитационных мероприятий и медицинских вмешательств [5].

В литературе высказывается мнение, что ПММХ должны быть нацелены исключительно на улучшение психического состояния пациента, тогда как устранение опасности может в ряде случаев оказаться результатом не улучшения, а ухудшения его болезненного состояния или влияния других неблагоприятных в медицинском отношении факторов [6]. Это предположение видится довольно гуманным, тем более, сегодня психические расстройства включены в Перечень социально значимых заболеваний, а не заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Однако, в этом случае пропадает главная цель уголовного права – поддержание общественной безопасности. Кроме того, очевидно, что состояние лица может быть безнадежным и неизлечимым, тогда достижение этой цели будет невозможно.

Если, наоборот, главной целью было лишь устранение общественной опасности, применялись бы меры медицинского вмешательства, действительно снижающие агрессивность больного, но при этом ухудшающие его здоровье, вызывающие у него апатию, эмоциональную тупость, нарушения речи и координации движений (к таким

медицинским процедурам относится, например, запрещенная с 1950 г. лоботомия) (*Приказ Минздрава СССР от 9 декабря 1950 г. № 1003. Текст Приказа в журнале «Невропатология и психиатрия». 1951. Т. XX. № 1. С. 17–18.*). Естественно, что такой подход нарушал бы базовые права человека. Тем не менее, даже в наше время предлагается и остается дискуссионным разрешение применения химической кастрации к лицам с расстройствами сексуального предпочтения (*Проект Федерального закона № 577813-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // [Электронный ресурс]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/577813-5> (дата обращения: 01.04.2021).*)

На наш взгляд, в применении принудительных медицинских мер должен соблюдаться баланс общественного и частного, и достижение обеих целей одинаково необходимо. Кроме того, обе цели взаимосвязаны пациент, излечившийся от заболевания или достигший стойкой ремиссии, в результате лечения утрачивает и патологию, обусловившую ранее имевшее место общественно опасное поведение.

2.2. Субъектный состав лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера

Перечень лиц, к которым могут применяться принудительные медицинские меры, установлен ст. 97 УК РФ, является закрытым, и внутри него можно выделить несколько категорий.

К первой категории, установленной пунктом «а» ст. 97 УК РФ, относятся лица, совершившие деяния, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса, в состоянии невменяемости. Признание лица невменяемым требует наличия медицинского (соответствующего психического заболевания) и юридического (интеллектуального и/или волевого) критериев невменяемости. Первый из них устанавливается по итогам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, на основании которой судом принимается решение относительно наличия второго критерия (*п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (в ред. от 03.03.2015).*)

В данном контексте необходимо сделать небольшое отступление в целях уточнения понятия невменяемости, которое закрепляется в ст. 21 УК РФ. Согласно данной норме, невменяемость –

это такое состояние, когда лицо не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Выделяют на основании законодательного определения два обязательных критерия невменяемости, наличие которых при совершении преступления повлечет освобождение от уголовной ответственности лица: медицинский и юридический [7, с. 210].

Медицинский критерий выражается болезненными состояниями психики, установленными ч. 1 ст. 21 УК РФ. С сожалением приходится отмечать, что российское законодательство не закрепляет перечисленные в указанной норме понятия. В связи с этим их определения могут быть выведены в первую очередь из правовой доктрины.

Так, под хроническим психическим расстройством следует понимать «длительно протекающее психическое заболевание, имеющее тенденцию к прогрессированию, то есть к постепенному нарастанию и усложнению психических расстройств» [8, с. 12–16]. Примерами таких расстройств служат шизофрения, эпилепсия, прогрессивный паралич, предстарческие и старческие психозы, маниакально-депрессивный психоз и др. [7, с. 210].

Временное психическое расстройство представляет собой заболевание неопределенной длительности (от нескольких минут до нескольких лет), которое в итоге заканчивается выздоровлением. К таким заболеваниям относятся, в частности, патологическое опьянение, патологический аффект, сумеречные расстройства сознания и реактивные состояния [7, с. 210].

Понятием «слабоумие» описываются все нарушения психики, связанные с интеллектуальной деятельностью и потенциально носящие как врожденный (олигофрения), так и приобретенный характер.

К иным болезненным состояниям психики относят глубокие психопатии — такие состояния, при которых лицо лишено личностной адаптации вследствие повседневных психотравмирующих воздействий, и инфантилизм — приостановление развития психики, обнаруживающееся, как правило, в подростковом возрасте и прекращающееся к 20–25 годам [9, с. 238].

Юридический критерий определения невменяемости выражен, в свою очередь, двумя альтернативными элементами: интеллектуальным и волевым. Интеллектуальный юридический признак

невменяемости свидетельствует о том, что лицо, совершающее преступление, не понимает его общественной опасности. Волевой же признак характеризуется неспособностью лица руководить своими действиями.

Таким образом, признание лица невменяемым требует наличия медицинского (соответствующего психического заболевания) и юридического (интеллектуального и/или волевого) критериев невменяемости. Первый из них устанавливается по итогам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, на основании которой судом принимается решение относительно наличия второго критерия (*п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (в ред. от 03.03.2015)*).

Далее перечнем установлены лица с психическим расстройством, которое или наступило после совершения преступления и сделало невозможным назначение или исполнение наказания (пункт «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ), или уже было у лица, совершившего преступление, и не исключает его вменяемости (пункт «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Наличие психического расстройства определяется с помощью судебно-психиатрической экспертизы, определяющей характер и степень психического расстройства во время совершения деяния в ходе предварительного расследования или рассмотрения дела судом (п. 6 ПП ВС).

Однако не всегда наличие психического расстройства свидетельствует о необходимости применения принудительных мер медицинского характера. Так, в одном деле (*Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29 мая 2019 г. по делу № 2-036/2018 // [Электронный ресурс]: URL://sudact.ru/vsrfd/doc/LIMfXC0EtJQ/ (дата обращения: 01.04.2021)*), рассматриваемом коллегией по уголовным делам Верховного Суда, суд приходит к выводу, что выявленные у подсудимого множественные расстройства сексуального предпочтения в виде гомицидомании, некросадизма лишь определили направленность совершенных убийств женщин, расчленение их трупов, однако не лишили его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Из чего следует, что подсудимый **не** нуждается в применении принудительных мер медицинского характера. На наш взгляд, очевидно, что подсудимый с таким перечнем психических расстройств является опасным для общества и нуждается в лечении. Однако и суд первой инстанции, и Верховный суд, вынося апелляционное определение, будто специально

игнорируют результаты судебно-психиатрической экспертизы, не назначая даже амбулаторного наблюдения у психиатра.

Первая редакция действующего УК РФ в п. «г» ч. 1 ст. 97 устанавливала применение принудительных мер медицинского характера в отношении четырех категорий обвиняемых, в том числе тех, которые были признаны нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании. Спустя семь лет с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ данная мера в отношении указанных лиц была упразднена. С этого времени до принятия Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, то есть более восьми лет принудительному лечению могли быть подвергнуты только лица, страдающие психическими расстройствами. С принятием нового Федерального закона ч. 1 ст. 97 УК РФ была дополнена пунктом «д», устанавливающим возможности применения аналогичных медицинских мер к лицам, «совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости».

В аннотации к указанному ФЗ от 29 февраля 2012 г. отмечается: «По мнению законодателей, такой комплекс [принудительных мер медицинского характера] может включать возможность применения профилактических медикаментозных средств, в том числе химической кастрации». Более того, исходя из смысла формулировки «осужденному за преступления против половой неприкосновенности <...> предоставляется возможность добровольно пройти освидетельствование комиссией врачей-психиатров, чтобы выявить педофилию (ее отсутствие) и определить соответствующие меры медицинского характера», можно сделать вывод о том, что законодатель прямо рассматривает педофилию в качестве психического расстройства.

В связи с этим представляется необходимым выяснить медицинские предпосылки развития педофилии. Тем более что российское законодательство подспудно приравнивает эту форму девиации к психическим расстройствам. Однако сам факт вынесения данного отклонения в отдельный пункт ст. 97 УК РФ свидетельствует об обратном. Что, в свою очередь, вызывает вопросы о том, какова природа педофилии, если не психоневрологическая, и, соответственно, обоснованно ли применение мер принудительного лечения к таким лицам. Словом, есть ли от чего их лечить, и будет ли лечение эффективнее наказания в части

исправления осужденного и восстановления социальной справедливости?

На первый вопрос позволяет дать утвердительный ответ тот факт, что диагноз «F65.4 Педофилия» закрепляется в Международной классификации болезней десятого пересмотра МКБ-10 в разделе «Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте» наряду с такими расстройствами сексуального предпочтения, как фетишизм, фетишистский трансвестизм, эксгибиционизм, вуайеризм, садомазохизм, множественные расстройства сексуального предпочтения, другие расстройства сексуального предпочтения, расстройство сексуального предпочтения неуточненное. Под педофилией понимается «сексуальная тяга к детям (мальчикам, девочкам или к тем и другим), обычно препубертатного или раннего пубертатного возраста» [10]. Таким образом, важно понимать, что педофилия как таковая не является и не может являться преступлением, поскольку в буквальном смысле означает влечение взрослого человека к детям определенного возраста, но непосредственным образом не связана с совершением характерных действий. Так, И.С. Кон замечает: «Педофилия, то есть исключительное сексуальное влечение к детям, и сексуальное злоупотребление детьми (изнасилование, приставание или соблазнение) представляют собой различные по своей сути явления. Первое является объектом познания психологов, психиатров и сексологов, второе – педагогов и юристов» (Кон И.С. *Сексуальное злоупотребление мальчиками. Псевдология* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Zarnetki/SexZloupotrebleiiiBoys.htm> (дата обращения: 01.04.2021)).

Более того, по утверждению И.С. Кона, основная часть лиц, совершающих насильственные преступления сексуального характера в отношении малолетних, не относятся к категории педофилов, а являются мужчинами с нормальной психикой, состоящими в браке и воспитывающими детей, совершающими преступные деяния по причине слабохарактерности и неуверенности в себе.

Исходя из вышесказанного, согласимся с позицией Д.М. Ефременко, согласно которой лицо, совершившее преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет, не может быть признано педофилом «по умолчанию». Это положение отражено и в тексте п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, устанавливающим возможность принудительного лечения в отношении осужденного с подтвержденным диагнозом «педофилия». Следовательно, психически здоровые лица, осужденные по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, от уголовной ответственности не освобождаются [11].

Что касается эффективности мер, направленных на излечение лиц, страдающих педофилией, имеющиеся на данный момент исследовательские данные в силу своей противоречивости не позволяют сделать категорические выводы о лабильности данного заболевания. По мнению руководителя Всероссийского общественного движения по противодействию насилию над детьми «Сдай педофила» А. Левченко, «осужденные педофилы в 97–99 процентах случаев потом снова совершают преступления. Педофила не исправит ни тюрьмой, ни химической кастрацией, — разве только физическим отрубанием головы. Он, оказываясь на свободе, опять начинает совращать детей» (*Брынцева Г. Скрытая угроза: как спасти детей от педофила. Российская газета. № 257(6529). 12.11.2014 // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2014/11/09/pedofil-site.html> (дата обращения: 01.04.2021)*).

Это утверждение подтверждается и судебной практикой. В 2019 г. коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассматривала дело (*Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2019 г. по делу № 2-5/2019 // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/OuQjhpzLRfw/> (дата обращения: 01.04.2021)*) в отношении лица, который в 1997, 2005 году уже был судим по ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера в отношении не достигших четырнадцатилетнего возраста), и в 2018 г. снова был признан виновным за совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы у осужденного было выявлено расстройство сексуального предпочтения в виде гомосексуальной педофилии. Однако ни одним из приговоров ему не были назначены принудительные меры медицинского характера, хотя, очевидно, что рецидивист нуждался в психиатрической помощи, и, может быть, если бы она была оказана, то дальнейших преступлений удалось бы избежать.

Вероятно, российский законодатель обособил педофилию от психических заболеваний, закрепленных в пп. «а», «б» и «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ, имея в виду соображения, схожие с приведенными нами выше. Впрочем, данное умозаключение поднимает более значимые вопросы о том, является ли применение мер медицинского характера к лицам, страдающим педофилией, с медицинской точки зрения оправданным и целесообразным, и какие меры уголовной ответственности стоит применять к таким преступникам.

3. Химическая кастрация как принудительная мера медицинского характера

Одной из возможных мер, применяемой к лицам, страдающим педофилией, может выступать химическая кастрация. Эта процедура представляет собой введение медпрепаратов, уменьшающих либидо и сексуальную активность, чаще всего уменьшающих уровень тестостерона в крови (*Rondeaux C. Can Castration Be a Solution for Sex Offenders? Washington Post, 5 июля 2006 // [Электронный ресурс]: URL: https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/07/04/AR2006070400960_pf.html (дата обращения: 01.04.2021)*). В отличие от хирургической кастрации химическая не предполагает удаление органов и считается обратимой при прекращении применения препаратов.

Химическая кастрация применяется в некоторых странах, но в большинстве является добровольной и применяется только при согласии осужденного (Германия, Дания, Италия, Швеция, Канада и др.). Обязательной химическая кастрация является в некоторых штатах США (Флорида, Мичиган и Теннесси) [12].

В качестве иной меры уголовно-правового характера предлагалось ввести химическую кастрацию и в Уголовный кодекс РФ. В пояснительной записке к законопроекту ФЗ от 29 февраля 2012 г. пояснялось, что комплекс медицинских мер «может включать возможность применения профилактических медикаментозных средств, в том числе химической кастрации» (*Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних*). Тогда за введение этой процедуры выступал президент Д.А. Медведев, говоря, что «государство должно применять все меры воздействия. Либеральный подход здесь абсолютно неприемлем» (*Химическая кастрация педофилов признана слишком затратной. Росбалт. 4 июля 2011 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rosbalt.ru/main/2011/07/04/865921.html> (дата обращения: 01.04.2021)*). Однако Правительство РФ признало, что эта идея носит затратный характер, и это положение не было принято.

Осенью 2020 г. химическая кастрация вновь стала темой для обсуждения в российском парламенте (*Дума уже подготовила проект о химической кастрации педофилов. Вести.ру. 26 октября 2020 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vesti.ru/article/2477144> (дата обращения: 01.04.2021)*). Законопроект пока не подготовлен, но предполага-

ется точно так же применять ее в качестве одной из принудительных мер медицинского характера.

Действительно, химическая кастрация кажется эффективной мерой по борьбе с педофилией и рецидивами совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Тем более, на сегодняшний день процедура выглядит довольно гуманной и цивилизованной по сравнению с хирургической кастрацией, применяемой в Средних веках.

Однако существуют и аргументы против введения химической кастрации. В первую очередь они связаны с нарушением прав личности. Запрет на медицинское вмешательство без добровольного согласия декларируется Статьей 21 Конституции РФ. Кроме того, до конца не изучены последствия и побочные действия применения препаратов, несмотря на общую обратимость их эффекта. Так, например, у пациентов, применявших гормональный препарат Деро-Провера (*Patient Labeling, Pharmacia and Upjohn Company, Division of Pfizer*), наблюдалась пониженная плотность костей. В любом случае, достижение цели химической кастрации возможно только при применении препаратов в течение всей жизни, что ведет к прекращению репродуктивной функции человека, невозможности иметь детей. В этом случае встает вопрос о соразмерности наказания совершенному деянию. Оправдано ли лишение лица, уже понесшего наказание, права иметь своих собственных детей?

Таким образом, и при введении этого института возникает дискуссия о приоритете общественного над частным. Что важнее: общественная безопасность или соблюдение прав одного лица?

В отношении введения химической кастрации, как и в отношении любого другого нововведения, затрагивающего моральные установки, должен быть поставлен вопрос о готовности общества к таким изменениям.

Мы провели опрос с постановкой вопроса об одобрении введения химической кастрации как принудительной меры медицинского характера. В опросе приняли участие 65 респондентов, средний возраст которых составляет 20 лет. Результаты показывают, что доли сторонников и противников введения химической кастрации примерно одинаковы – 57 и 43% соответственно. Следовательно, можно прийти к выводу, что общество и не настроено исключительно негативно, и не полностью одобряет введение таких мер.

Вероятно, обязательная химическая кастрация является слишком радикальной мерой, потому вводить ее надо постепенно. Одним из вариантов «плавного» ввода было бы добровольное согласие

на химическую кастрацию. Однако, очевидно, что согласившихся лиц будет крайне мало, если они вообще будут. На наш взгляд, заслуживает внимания предложенный Е.И. Якобом компромисс разрешения данного спора, который заключается в применении химической кастрации не как принудительной меры, а как условия условно-досрочного освобождения или освобождения после отбытия наказания. А также предлагает применять ее совместно с наблюдением у врача-психиатра и других необходимых специалистов, например, у сексолога [12].

Заключение

Принудительные меры медицинского характера не только являются институтом уголовного права, но и затрагивают такие сферы общественной жизни, как медицина, политика и этика. По этой причине регулирование их применения вызывает много вопросов и дискуссий.

Исторический анализ развития этого института показал, что к душевнобольным лицам всегда было особое отношение со стороны уголовного закона, а в последующем его применением государство злоупотребляло в политических целях. Но к сегодняшнему дню сложилась четкая правовая регламентация порядка применения ПММХ, в том числе и со стороны международного права, не позволяющая допускать «карательную психотерапию».

Определение целей ПММХ сводится к необходимости баланса между достижением общественной безопасности и улучшением здоровья больного, совершившего преступление. Перечень лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера, ограничен законом. Факторами для выделения категорий являются невменяемость, наличие психического расстройства или расстройства сексуального предпочтения.

Особенно интересным для изучения представляется выделение в отдельную категорию лиц, страдающих расстройством сексуальных предпочтений, и медицинских мер, которые возможно было бы к ним применить.

Одной из таких мер является химическая кастрация, вопрос о введении которой является дискуссионным. Согласно данным опроса, общество на сегодняшний день делится на две практически равные части противников и сторонников введения такой меры. Однако, на наш взгляд, в столь тонких этических вопросах законодатель должен действовать аккуратно и постепенно, вводя первоначально возможность добровольного согласия на химическую кастрацию или же ее введения как условия для условно-досрочного освобождения.

DIE ANWENDUNG MEDIZINISCHER ZWANGSMASSNAHMEN GEGEN PERSONEN, DIE AN PSYCHISCHEN UND SEXUELLEN STÖRUNGEN LEIDEN

Einführung

Die Persönlichkeit und ihre psychophysiologischen Besonderheiten stehen im Mittelpunkt des russischen Strafrechts. Es ist wichtig, die typischen psychischen Defekte zu berücksichtigen, die oft einen entscheidenden Einfluss auf das Verhalten einer Person haben können und dementsprechend die Begehung von Verbrechen direkt verursachen. Diese Ideen wurden im Art. 97 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation (StGB RF) in einer Form der Gründe für die Anwendung von medizinischen Zwangsmaßnahmen und Begriffe wie „Wahnsinn“, „psychische Störung“ und „Störung der sexuellen Vorlieben (Pädophilie)“ anerkannt.

Der Schwerpunkt dieser Arbeit liegt auf den Aspekten der Anwendung medizinischer Zwangsmaßnahmen gegen Personen, die an psychischen und sexuellen Störungen leiden. Mit anderen Worten, es wird eine vielseitige Analyse der Absätze „a“, „b“, „d“ Teil I Art. 97 der StGB RF durchgeführt.

Die Geschichte der Entwicklung des Instituts von medizinischen Zwangsmaßnahmen in der heimischen Gesetzgebung

Zum ersten Mal erscheinen Normen über psychisch kranke Menschen in der Gesetzgebung der Zeiten vom Zaren Vladimir Monomach: Dokumente aus dem XII. Jahrhundert festigen den Begriff der „dämonischen Zeugen“. Aber die erste Norm über die erzwungene Behandlung solcher Verbrecher wurde als Teil des Gesetzesblatts vom 1832 eingeführt. Die Regel gilt für Personen, die den Mord „in einem Zustand des Wahnsinns“ begangen haben und den Inhalt in der medizinischen Organisation vorsehen.

Art. 202 der Strafprozessordnung vom 1922 sah die Möglichkeit „der Unterbringung des Angeklagten“ zur Beobachtung in der entsprechenden medizinischen Einrichtung auf Anordnung des Gerichts vor, „wenn die in dem Fall verfügbaren Daten für das Urteil über den psychischen Zustand des Angeklagten unzureichend sind“.

Im Art. 11 des Strafgesetzbuchs der RSFSR vom 1960 wurde das Konzept der Verwirrung als ein Zustand gefestigt, „in dem eine Person aufgrund einer chronischen Geisteskrankheit nicht in der Lage ist, sich ihrer Handlungen bewusst zu sein oder sie zu leiten“. Leider ist diese Vorschrift in der Sowjetunion zu einem Mechanismus politischer Repressionen geworden. Es

geht um politischen Missbrauch der Psychiatrie oder „Strafpsychotherapie“, also die falsche Verwendung der psychiatrischen Diagnose, Behandlung und Inhaftierung in einem psychiatrischen Krankenhaus, um missbräuchliche Machtverhältnisse zu beseitigen.

Erst im Jahr 1992 wurde in Russland das Gesetz „Über die psychiatrische Hilfe und Garantien der Rechte der Bürger bei ihrer Bereitstellung“ vom 02.07.1992 № 3185-1 verabschiedet. Sein Art. 10 erklärt, dass die Diagnose einer psychischen Störung nicht nur auf der Meinungsverschiedenheit des Bürgers mit den in der Gesellschaft akzeptierten moralischen, kulturellen, politischen oder religiösen Werten oder auf anderen Gründen beruhen kann, die nicht direkt mit dem Zustand seiner psychischen Gesundheit verbunden sind.

Geltende Gesetzgebung über medizinische Zwangsmaßnahmen

Die Ziele der medizinischen Zwangsmaßnahmen sind im Art. 98 des StGB RF definiert und sind: 1) Heilung oder Verbesserung des psychischen Zustandes der genannten Personen, 2) Verhinderung der Begehung von ihnen durch das Strafrecht für sozial gefährliche Handlungen. Daraus folgt, dass das Institut für medizinische Maßnahmen sowohl auf die Aufrechterhaltung der öffentlichen Sicherheit als auch auf die Unterstützung einer einzelnen Person, die an einer psychischen Störung leidet, abzielt. Dies liegt an der bilateralen Natur der medizinischen Zwangsmaßnahmen – rechtlichen und medizinischen. Aus unserer Sicht muss bei der Anwendung von medizinischen Zwangsmaßnahmen ein Gleichgewicht zwischen öffentlichem und Privatem eingehalten werden, und die Erreichung beider Ziele ist gleichermaßen notwendig.

Die ausführliche Liste der Personen, auf die medizinischen Zwangsmaßnahmen angewendet werden können, wird von Art. 97 des StGB RF festgelegt. Zu der ersten Kategorie, die durch Abs. „a“ Art. 97 des StGB RF eingeführt wurde, gehören Personen in einem Zustand der Verwirrung. Man legt ein medizinisches Kriterium fest, das sich durch schmerzhaft psychische Zustände ausdrückt, und ein juristisches Kriterium, das auf ein Missverständnis der Person durch die öffentliche Gefahr und die Unfähigkeit der Person, ihre Handlungen zu leiten, hinweist.

Außerdem enthält die Liste von Personen mit psychischen Störungen, die entweder nach der Begehung eines Verbrechens aufgetreten sind und die Ernennung oder Ausführung der Strafe unmöglich gemacht haben (Abs. „b“ Art. 97 des StGB RF), oder waren bereits bei der Person, die das Verbrechen begangen hat, und schließt seine Vernunft (Abs. „b“ Teil 1 Art. 97 des StGB RF) nicht aus. In einem Fall, der von dem Obersten Gericht RF betrachtet wird, wurde jedoch festgestellt, dass ein Angeklagter, der an Homizidomanie und Nekrosadismus litt, keine medizinischen Zwangsmaßnahmen benötigte. Aus unserer Sicht ist es offensichtlich, dass der Angeklagte mit einer solchen Liste von psychischen Störungen für die Gesellschaft gefährlich ist und eine Behandlung benötigt.

Teil 1 Art. 97 des StGB RF wurde durch den Abs. „d“ ergänzt, der die Möglichkeit der Anwendung von medizinischen Zwangsmaßnahmen auf Personen mit Pädophilie festlegt. Es ist wichtig zu verstehen, dass Pädophilie kein Verbrechen ist und nicht sein kann, da es buchstäblich die Anziehung eines Erwachsenen zu Kindern eines bestimmten Alters bedeutet, aber nicht direkt die Begehung von charakteristischen Handlungen beinhaltet.

Chemische Kastration als medizinische Zwangsmaßnahme

Eine mögliche Maßnahme, die auf Personen angewendet wird, die an Pädophilie leiden, kann chemische Kastration sein. Dieses Verfahren ist die Einführung von Medikamenten, die Libido und sexuelle Aktivität reduzieren. Die chemische Kastration wird in einigen Ländern verwendet, ist aber in den meisten Fällen freiwillig und wird nur mit Zustimmung des Verurteilten (Deutschland, Dänemark, Italien, Schweden, Kanada usw.) angewendet. Obligatorische

chemische Kastration wird in einigen US-Staaten durchgeführt.

Es wurde vorgeschlagen, die chemische Kastration im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation im Jahr 2012 einzuführen, und die chemische Kastration wurde im Jahr 2020 erneut zum Diskussionsthema im russischen Parlament. Die chemische Kastration scheint eine wirksame Maßnahme gegen Pädophilie und Rückfälle von Verbrechen gegen die sexuelle Unversehrtheit von Minderjährigen zu sein. Das Verfahren sieht im Vergleich zur chirurgischen Kastration im Mittelalter menschenfreundlich und zivilisiert aus.

Andererseits, laut Art. 21 der Verfassung der Russischen Föderation gibt es ein Verbot der medizinischen Intervention ohne freiwillige Zustimmung einer Person. Darüber hinaus wurden die Auswirkungen und Nebenwirkungen der Verwendung von Medikamenten trotz der allgemeinen Reversibilität ihrer Wirkung nicht vollständig untersucht. In Bezug auf die Einführung der chemischen Kastration, wie mit allen anderen Neuerungen betreffen moralische Werte, muss die Frage nach der Bereitschaft der Gesellschaft, ihr Verhalten zu ändern, diskutiert werden.

Wir haben eine Umfrage durchgeführt, mit der Frage der Genehmigung der Einführung der chemischen Kastration als medizinische Zwangsmaßnahme. An der Umfrage nahmen 65 Befragte teil, deren Durchschnittsalter 20 Jahre ist. Die Ergebnisse zeigen, dass der Anteil der Befürworter und Gegner der Einführung der chemischen Kastration ungefähr gleich ist – 57% bzw. 43%. Wahrscheinlich ist die obligatorische chemische Kastration eine zu radikale Maßnahme, deswegen muss sie schrittweise eingeführt werden.

Литература

1. *Жарко Н.В., Павлухин А.Н., Хухуа З.Д.* Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): монография / под ред. А.Н. Павлухина. М.: Юнити, 2007. 144 с.
2. *Скрипченко Н.Ю.* История развития уголовного законодательства, регулирующего применение принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних // История государства и права. 2012. № 7. С. 45–47.
3. *Ворен Р. Ван.* Психиатрия как средство репрессий в постсоветских странах. Европейский парламент. Департамент политики. Генеральное управление по внешней политике Евросоюза, 2013. 28 с.
4. *Abuse of psychiatry in the Soviet Union: hearing before the Subcommittee on Human Rights and International Organizations of the Committee on Foreign Affairs and the Commission on Security and Cooperation in Europe, House of Representatives, Ninety-eighth Congress, first session, September 20, 1983.* Washington: U.S. Government Printing Office, 1984. 106 с.
5. *Лантев Д.Б.* О правовой природе принудительных мер медицинского характера // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 24–27.
6. *Назаренко Г.В.* Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «Меры общественной безопасности» // Lex Russica. 2017. № 8. С. 101–111.

7. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чуцаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2008. 559 с.
8. Дмитриев А.С., Клименко Т.В. Судебная психиатрия. М.: ООО «Улгид», 1996. 127 с.
9. Руководство по судебной психиатрии / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. М.: Медицина, 2004. 592 с.
10. Okami P., Goldberg A. Personality Correlates of Pedophilia: Are They Reliable Indicators? // *Journal of Sex Research*. 1992. Т. 29. № 3. С. 297–328.
11. Ефременко Д.М. Педофилия как составляющая часть личности преступника при расследовании насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении малолетних // *Вестник Омской юридической академии*. 2017. Т. 14. № 1. С. 49–52.
12. Яков Е.И. Химическая кастрация как вид принудительных мер медицинского характера // *Современное право*. 2017. № 7. С. 92–98.

References

1. Zharko N.V., Pavlukhin A.N., Khukhua Z.D. Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera (ugolovno-pravovoi aspekt): monografiya [Compulsory medical measures (criminal-legal aspect): monograph]. Ed. A.N. Pavlukhin. Moscow, Yuniti Publ., 2007. 144 p. (In Russian)
2. Skripchenko N.Yu. Istoriya razvitiya ugolovno zakonodatel'stva, reguliruyushchego primeneniye prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera v otnoshenii nesovershennoletnikh [History of the development of criminal legislation regulating the use of compulsory medical measures against minors]. *Istoriya gosudarstva i prava [History of the State and law]*, Moscow, 2012, no. 7, pp. 45–47. (In Russian)
3. Van Voren R. Psikhatriya kak sredstvo repressii v postsovetskikh stranakh. Evropeiskii parlament. Departament politiki. General'noe upravlenie po vneshnei politike Evrosoyuza [Psychiatry as a means of repression in post-Soviet countries. The European Parliament. Department of Politics. General Directorate for Foreign Policy of the European Union]. 2013. 28 p. (In Russian)
4. Abuse of psychiatry in the Soviet Union: hearing before the Subcommittee on Human Rights and International Organizations of the Committee on Foreign Affairs and the Commission on Security and Cooperation in Europe, House of Representatives, Ninety-eighth Congress, first session, September 20, 1983. Washington: U.S. Government Printing Office, 1984. – 106 p. (in English)
5. Laptev D.B. O pravovoi prirode prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera [On the legal nature of compulsory medical measures]. *Rossiiskaya yustitsiya [Russian Justice]*, Moscow, 2019, no. 2. pp. 24–27. (In Russian)
6. Nazarenko G.V. Prinuditel'nye mery meditsinskogo vozdeistviya: razdel «Mery obshchestvennoi bezopasnosti» [Compulsory medical measures: section «Public safety measures»]. *Lex Russica*, 2017, no. 8, pp. 101–111. (in Russian, abstract in English)
7. Ugolovnoe pravo. Obschaya chast': uchebnik [Criminal law. General part: Tutorial]. Eds. L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog, A.I. Chuchayev. 2nd ed., Moscow, Kontrakt, Infra-M Publ., 2008. 559 p. (In Russian)
8. Dmitriev A.S., Klimenko T.V. Sudebnaya psikhatriya [Forensic psychiatry], Moscow, ООО Улгид Publ., 1996. 127 p. (In Russian)
9. Rukovodstvo po sudebnoi psikhatrii [Handbook of Forensic Psychiatry]. Eds. T.B. Dmitrieva, B.V. Shostakovich, A.A. Tkachenko. Moscow, Meditsina Publ., 2004. 592 p. (In Russian)
10. Okami P., Goldberg A. Personality Correlates of Pedophilia: Are They Reliable Indicators? *Journal of Sex Research*. 1992. Vol. 29, no. 3. P. 297–328. (in English)
11. Efremenko D.M. Pedofiliya kak sostavlyayushchaya chast' lichnosti prestupnika pri rassledovanii nasil'stvennykh prestuplenii seksual'nogo kharaktera, sovershaemykh v otnoshenii maloletnikh [Pedophilia as an integral part of the criminal's personality in the investigation of violent sexual crimes committed against minors]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii [Bulletin of the Omsk Law Academy]*. Moscow, 2017. Vol. 14, no. 1, pp. 49–52. (In Russian, abstract in English)
12. Yakob E.I. Khimicheskaya kastratsiya kak vid prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera [Chemical castration as a type of compulsory medical measures]. *Sovremennoe parvo [Modern law]*. Moscow, 2017, no. 7, pp. 92–98. (In Russian, abstract in English)

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Саддарова Ксения Олеговна

Цель: на основе проведенного исследования определить область нерешенных теоретических и практических проблем в области применения принудительных мер медицинского характера и дать им характеристику.

Методология: общенаучный, диалектический метод познания общественных отношений, метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, формально-логический метод.

Выводы. В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в настоящее время не разъясняется, как должно осуществляться обязательное лечение по отношению к осужденным лицам. Результаты проведенного анкетирования показали, что люди не всегда способны различать такие механизмы, как обязательное лечение и принудительные меры медицинского характера. При этом все же необходимо эти понятия разграничивать, как поступают законодатели в ряде западных государств.

Научная и практическая значимость. Научная и практическая значимость статьи определяется возможностью использования ее выводов при совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства, при составлении и реализации федеральных и региональных программ, а также при разработке методических рекомендаций по вопросам исполнения наказания совместно с мерами медицинского характера, монографий, учебных пособий, учебников и методических материалов для образовательных организаций, в том числе вузов ФСИН России, при изучении таких дисциплин, как «Уголовное право», «Уголовно-исполнительное право», «Криминология», в системе повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы. (удалено)

Ключевые слова: обязательное лечение, принудительные меры медицинского характера, ВИЧ-инфекция, психические расстройства, пенитенциарные системы. (удалено)

Принудительные меры медицинского характера (далее – ПММХ) являются специфическим правовым институтом, сочетающим в себе юридические и медицинские аспекты. В настоящее время в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации они представлены принудительными мерами медицинского характера и обязательным лечением, которые могут применяться судом, а в отдельных случаях предусмотрены законом, медицинской комиссией исправительного учреждения в связи с совершенным общественно опасным деянием, к особой категории лиц – имеющих психические расстройства.

Отметим, что по данным Всемирной организации здравоохранения во всем мире уровень распространенности психических расстройств

граждан растет, в частности, в нашей стране психические расстройства наблюдаются у каждого третьего россиянина. На фоне общей распространенности психических заболеваний граждан во всем мире достаточно большой процент занимают лица, имеющие психические расстройства и совершившие общественно опасные деяния. По статистическим данным Судебного департамента Российской Федерации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, увеличивается количество дел о применении судами принудительных мер медицинского характера (*Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная*

статистика // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 23.01.2021)).

Отметим, что тема психического здоровья и права была освещена на III Конгрессе в Амстердаме «Психическое здоровье человека в XXI в.», а наиболее обсуждаемым вопросом стало увеличение количества лиц, страдающих психопатиями, а также увеличение количества сексуальных преступлений, совершенных лицами, страдающими педофилией. В нашей стране, согласно данным информационно-аналитического центра МВД РФ, за период 2015–2020 гг. почти в два раза, с 8 490 до 13 487, увеличилось количество возбужденных уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет (*Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г.* // [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 12.01.2021)).

Внимание к такой особой категории лиц со стороны различных звеньев государственного аппарата повышено ввиду имеющихся у данных лиц психических расстройств как исключаяющих, так и не исключаяющих вменяемости (психопатии различной степени, слабоумие в степени дебильности, расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии, хронический алкоголизм, наркомания и др.). Отметим, что в распоряжении Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)”» и постановлении Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» указывается, что «большинство подозреваемых, обвиняемых и осужденных относятся к социально уязвимым группам населения, а также страдают различными заболеваниями, прежде всего социально значимыми. Многие из них до помещения под стражу находились вне поля зрения общественного здравоохранения и социальных служб».

Актуализирует тему исследования применение и исполнение мер медицинского характера в отношении этой категории лиц в исправительных учреждениях. Согласно сведениям о социально значимых заболеваниях лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, и отдельных показателях деятельности медицинской службы за четвертый квартал 2020 г., а также отчету о больных психическими и наркологическими расстройствами в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России содержится большой процент

лиц, страдающих различными психическими расстройствами (*Сведения о социально значимых заболеваниях у лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, и отдельных показателях деятельности медицинской службы за четвертый квартал 2020 года. Форма ФСИН-6; Отчет о больных психическими и наркологическими расстройствами (Форма Пин-6)*). Ко всем этим категориям совместно с наказанием применяются принудительные меры медицинского характера ввиду особенностей их личности, обусловленных психическим заболеванием.

Таким образом, исследуемые нами меры являются не просто сложным правовым явлением, они применяются в отношении особой категории лиц, что еще больше актуализирует выбранную нами проблематику. Отметим, что, несмотря на достаточный интерес к мерам медицинского характера со стороны специалистов различных областей знания – юриспруденции, психологии, психиатрии, неврологии, сексологии, социологии и др., многие вопросы в настоящее время так и остаются не разрешенными как в теоретическом, так и в практико-правовом поле:

- понятие, правовая природа, цели принудительных мер медицинского характера не находят единого отклика в науке;
- понятие, правовая природа и цели обязательного лечения не исследованы в теоретическом поле;
- применение и исполнение обязательного лечения не находят должного законодательного закрепления, что порождает существенные практические проблемы;
- регламентация данных мер в законодательстве в настоящее время недостаточна и нуждается в совершенствовании аспектов применения и исполнения мер вместе с наказаниями как в виде лишения свободы, так и без изоляции от общества, которым в настоящее время отведена лишь одна статья в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации (ст. 18 УИК РФ);
- отсутствует комплексный подход в практике применения исследуемых мер, а именно система реабилитации и постпенитенциарного воздействия на лиц после освобождения от отбывания наказания, а также после прекращения лечения.

На двойственность правовой природы исследуемых мер обращают свое внимание многие ученые и исследователи в своих трудах [1; 2; 3]. Отметим мнение профессора, доктора юридических наук А.В. Наумова, который дает следующее определе-

ние ПММХ: «Это особые меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния и нуждающимся в специализированной медицинской помощи». В данном определении ученый отмечает двойственную юридическую природу этих мер, так как, с одной стороны, обращает внимание на их уголовно-правовую составляющую, а с другой, на оказание специализированной медицинской помощи.

С.В. Борodin полагает, что юридическими меры являются потому, что основания, цели, виды, а также порядок их применения и прекращения определяются уголовным законом, процедура их назначения — уголовно-процессуальным, а порядок их исполнения уголовно-исполнительным законодательством [4, с. 156]. В то же время данные меры тесно связаны с вопросами медицины, психологии, психиатрии, а рекомендации по их применению выносит комиссия врачей-психиатров, либо в предусмотренных случаях судебно-психиатрическая экспертиза. Экспертиза включает в себя выводы о диагнозе заболевания, невменяемости или ограниченной вменяемости, об алкоголизме и наркомании, о назначении и проведении лечения, о профилактике психических расстройств, а также необходимых социально-реабилитационных мероприятиях [5, с. 115].

ПММХ рассматривается как одна из форм реализации уголовной ответственности, мотивируя тем, что сущность уголовной ответственности как неблагоприятных для виновного правовых последствий совершения преступления выражается именно в обязанности лица, совершившего преступление, дать отчет перед государством в содеянном, подвергнуться осуждению, наказанию и иным неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренных уголовным законом [6, с. 56]. Однако также отмечается дискуссионность и этой точки зрения. Во-первых, назначение ПММХ в настоящее время — это право, а не обязанность суда, то есть их назначение возможно, но не обязательно. Во-вторых, ПММХ хотя и назначаются вместе с наказанием, но к уголовному наказанию не относятся, даже если и сопряжены с ним. Следует привести мнение Н.Г. Иванова, что глава XVI действующего уголовного закона выделяет некарательные действия на лиц, имеющих психические расстройства и совершивших общественно опасные деяния и преступления [7, с. 544]. А.В. Васеловская считает, что принудительное лечение в медицинских организациях невменяемых лиц, совершивших общественно опасные деяния, не несет в себе осуждения со стороны государства, поскольку совершение деяния лицом либо невозможность от-

бывать им наказание обусловлено болезненным состоянием психики. Наличие у лица какого-либо заболевания (в том числе психического) не может выступать предметом порицания [8, с. 83–85]. Отметим, что иная ситуация складывается в случае назначения мер медицинского характера вместе с наказанием, однако сложно ответить на вопрос, как эти два процесса — наказание и лечение — реализуются в настоящее время, так как очень много дискуссионных аспектов касается именно исполнения мер медицинского характера в исправительных учреждениях. Также отметим, что, несмотря на мнения и исследования, а также практику исполнения мер медицинского характера, еще не до конца понятно, являются ли лечение и наказание взаимодополняющими или это два параллельно организованных процесса. Считаем, что этот вопрос необходимо прорабатывать на теоретическом и законодательном уровне. Это важно для определения сути исследуемых мер и их места в структуре правовых явлений.

Анализируя точки зрения ученых и специалистов из различных наук на правовую природу ПММХ, можно сделать вывод, что единого определения сущности данной дефиниции на сегодняшний день нет, как и нет определения данных мер в Уголовном кодексе Российской Федерации, несмотря на многолетние исследования. Определить правовую природу этих двойственных мер сложно, и многие специалисты акцентируют внимание на медицинском аспекте исследуемых мер, приводя сущностные его признаки [9]. Однако мы считаем, что сущность данных мер необходимо определять, исходя из сочетания юридического и медицинского критериев. Такой подход некоторые специалисты, изучающие данную проблематику, еще обозначают как компромиссный [10].

По нашему мнению, ПММХ — это уголовно-правовые, медицинские и реабилитационные меры, которые могут быть назначены судом вместе с наказаниями как в виде лишения свободы, так и без изоляции осужденных от общества в отношении особой категории лиц в случае совершения ими преступлений. В данном определении мы хотели отразить существенные признаки рассматриваемых мер:

- они не являются наказанием, а в первую очередь представляют собой специфический вид мер уголовно-правового характера. Институт ПММХ существенно отличается от других институтов в том числе в силу двойственности уголовно-правовой природы;
- назначаются в отношении особой категории лиц, невменяемых, но имеющих психические

расстройства, не исключая вменяемости, а также имеющих такой диагноз, как педофилия;

- они могут быть назначены судом, а могут и не быть, так как окончательное решение о применении ПММХ выносит суд, заслушавшая результаты экспертизы и рекомендации врача-психиатра;
- могут быть назначены как вместе с наказанием в виде лишения свободы, так и с наказаниями без изоляции от общества;
- представляют собой комплекс мероприятий юридического, медицинского, психологического, постпенитенциарного и реабилитационного характера.

В свою очередь, ПММХ, которые в настоящее время применяются в отношении категории лиц, предусмотренной п. «а» п. 1 ст. 97 УК РФ, целесообразно заменить на меры безопасности, которые будут представлять собой специфические медицинские меры, применяемые к лицам в связи с совершенным общественно опасным деянием для предотвращения повторных непрогнозируемых опасных действий этих лиц в отношении себя и общества. Таким образом, рассматриваемые ПММХ мы рекомендуем применять в отношении особой категории лиц, совершивших преступления, а также в случае, если у лица наступило психическое расстройство после совершенного деяния, делающее невозможным дальнейшее отбывание наказания.

Кроме того, многие специалисты [11, с. 205] отмечают важность такой цели ПММХ, как предупреждение повторных, запрещенных уголовным законом деяний. В своем диссертационном исследовании Т.Н. Журавлева предложила создать специальную службу профилактики рецидивной преступности лиц, совершивших общественно опасные деяния и имеющие психические расстройства, в которой одним из приоритетных направлений будет индивидуальная профилактика [12]. По исследованиям В.И. Мельник, в 75% случаев повторные общественно опасные деяния совершаются в трехлетний период после освобождения [13, с. 252]. Именно в этот период необходима интенсивная работа по управлению процессами социальной адаптации освобожденных. Нами рассматривается особая категория лиц, которая совершила общественно опасные деяния, в связи с этим возникает необходимость разработать рекомендации по дифференцированной профилактике поведения осужденных, освобожденных от отбывания наказания и которым были назначены ПММХ в амбулаторных условиях.

Стоит обратить внимание и на то, что к предупреждению относится не только совершение «новых общественно опасных деяний», но и предупреждение совершения преступлений лицами, которым были назначены ПММХ, у которых наступило психическое расстройство после совершения преступлений и которые после лечения подлежат уголовной ответственности. В данном случае предупреждение новых преступлений лицами, имеющими психические отклонения, нельзя отделять от общей деятельности по предупреждению преступлений.

Цель предупреждения совершения лицом новых преступлений, может быть в полной мере достигнута путем проведения реабилитационных мероприятий, а также постпенитенциарного воздействия. Кроме того, врачи-психиатры, проанкетированные нами, отмечают, что после наступления ремиссии прогнозировать психическое состояние осужденного или невменяемого лица сложно, ремиссия не обуславливает то, что лицо больше никогда не совершит подобных деяний вновь. Поэтому для достижения цели предупреждения совершения преступлений необходим механизм воздействия на осужденного постпенитенциарных и реабилитационных мер. В настоящее время сложно сказать, какие меры применяются к таким лицам и насколько они эффективны.

Анализ различной статистики также показал, что в места лишения свободы попадает все больше лиц, имеющих диагнозы хронический алкоголизм и наркомания, которые мешают нормальному формированию и развитию личности, способствуют совершению антиобщественных действий как в период отбывания ими наказания, так и после его отбытия (*Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // [Электронный ресурс]: URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 10.07.2021)*).

Ранее, согласно российскому уголовному законодательству, к лицам, имеющим данный диагноз, применялись принудительные меры медицинского характера, которые в настоящее время не потеряли своей актуальности в отношении лиц, имеющих психические расстройства, в том числе не исключая вменяемости (ст. 97 УК РФ). Отметим, что, согласно международной классификации болезней 10-го пересмотра, хронический алкоголизм и наркомания относятся к прогрессирующим хроническим психическим заболеваниям, искусственно вызываемым и имеющим широкое распространение.

Выделяют следующие их виды: заболевания, вызванные употреблением веществ с вредными последствиями (самоназначение психотропных веществ или эпизоды депрессивного расстройства

при длительном употреблении алкоголя), синдром зависимости (хронический алкоголизм, наркомания, дипсомания), синдром отмены (употребление психоактивного вещества после долгого постоянного его употребления, как правило, осложнено судорогами), синдром отмены с делирием (белая горячка), психотическое расстройство (употребление психоактивных веществ с сопровождением галлюцинаций, как правило, слуховых, расстройствами восприятия, бредом, например, мания преследования). Встречается также алкогольный бред, бред ревности, паранойя, амнестический синдром, выраженный в хроническом снижении памяти, нарушение ощущения времени и последовательности, психоз Корсакова, связанный с употреблением алкоголя, резидуальное состояние и психическое расстройство с отставленным дебютом (алкогольная деменция, алкогольный церебральный синдром).

Тем самым законодатель игнорирует факт отнесения вышеперечисленных расстройств к психическим, приравнивая их к соматическим заболеваниям (ст. 18 УИК РФ).

Кроме того, ряд важных теоретических и практических вопросов применения обязательного лечения остается неразрешенным. Так, в настоящее время правовая природа обязательного лечения не раскрыта.

В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве на данный момент не имеется никаких разъяснений и о том, как должно быть осуществлено применение к осужденным обязательного лечения, а проанкетированные нами по данному вопросу респонденты отмечают, что не видят принципиальной разницы между исполнением обязательного лечения и исполнением принудительных мер медицинского характера.

Соответственно необоснованное и, возможно, поспешное исключение данной нормы из уголовного законодательства приводит к неоднозначному пониманию правовой природы обязательного лечения. При этом норма о применении принудительных мер медицинского характера к лицам, имеющим хронический алкоголизм и наркоманию, продолжает успешно существовать в ряде зарубежных государств (Австрия, Великобритания, Германия, Польша).

MEDIZINISCHE ZWANGSMASSNAHMEN IM RUSSISCHEN STRAFRECHT

Das Konzept der Sicherheitsmaßnahmen erregt die wissenschaftliche Aufmerksamkeit von Spezialisten in verschiedenen Wissensgebieten – Rechtswissenschaft, Medizin, Psychologie, Soziologie usw. Trotz der verfügbaren Forschung auf diesem Gebiet ist jedoch eine Reihe von theoretischen, rechtlichen und praktischen Fragen nicht gelöst, und zusätzliche Forschungen sind erforderlich.

In Russland wurde diese Konzeption vom Doktor der Rechtswissenschaften Professor N.W. Schtschedrin am umfassendsten betrachtet. Sicherheitsmaßnahmen sind eine Art gesetzlicher Beschränkung, die dazu dienen, die schädliche Wirkung einer erhöhten Gefahrenquelle zu unterdrücken und einen Gegenstand erhöhten Schutzes zu schützen, der sich in ihren Hauptmerkmalen deutlich von anderen Arten gesetzlicher Beschränkungen.

Von uns wurde auch die Arbeit des Wissenschaftlers und Kriminologen A.A. Zhizhilenko untersucht, in der er Sicherheitsmaßnahmen als Maßnahmen definierte, die auf Personen angewendet werden, die kriminelle Handlungen begangen haben, und unter Berücksichtigung auf ihre besonderen geistigen

Eigenschaften abzielen, durch Beeinflussung und Maßnahmen an neuen kriminellen Handlungen zu hindern.

Professor Zhizhilenko stellte fest, dass im Falle einer Bestrafung, die kriminelle Handlung selbst und im Falle von Sicherheitsmaßnahmen die Gefahr des Aktivisten berücksichtigt werden muss.

Ein ähnlicher Ansatz ist in der sowjetischen Periode der Staatsentwicklung zu beobachten. Im Mittelpunkt der Wissenschaft stand die Persönlichkeit des Rechtsbrechers. Und die auf diese Personen angewandten Maßnahmen wurden als „Maßnahmen des sozialen Schutzes“ bezeichnet und im Strafgesetzbuch der UdSSR festgeschrieben.

Heute haben Sicherheitsmaßnahmen noch keine Rechtsform gefunden, sondern spiegeln sich nur in theoretischen Untersuchungsarbeiten wider.

In entsprechender Weise bleibt die Frage der praktischen Verwirklichung dieser Maßnahmen offen.

Einige Fachkenner glauben, dass Sicherheitsmaßnahmen in der russischen Gesetzgebung als obligatorische medizinische Maßnahmen dargestellt werden. Also, R.I. Micheew, A.V. Belowodskij, W.A. Worobej

argumentierten in ihren Forschungsarbeiten, dass die Stellungnahme der obligatorischen medizinischen Maßnahmen geeint ist. Der Unterschied besteht nur in der strengeren Anwendung dieser Maßnahmen.

Unter Berücksichtigung anderer Ansichte von Wissenschaftlern stellen wir jedoch fest, dass wir die Zuordnung von medizinischen Zwangsmaßnahmen zu Sicherheitsmaßnahmen nur teilweise sehen, nämlich Personen, die sozialgefährliche Tathandlungen begangen haben und durch die forensisch-psychiatrische Untersuchung als verrückt anerkannt sind.

Eine ähnliche Position in ihrer Dissertation vertritt A. Wasselowskaja, die davon ausgeht, dass medizinische Zwangsmaßnahmen in Form einer Zwangsbehandlung in einer medizinischen Institution die stationäre psychiatrische Versorgung anbieten. Sie werden als Sicherheitsmaßnahmen definiert und können nicht strafende gesetzliche Beschränkung sein, die speziell angewendet wird, um die schädlichen Auswirkungen einer Quelle erhöhter Gefahr zu verhindern.

Von wissenschaftlichem Interesse sind auch andere Maßnahmen nämlich:

- die Verpflichtung einen Probanden sich eine Therapiekur gegen Alkoholismus, Drogensucht, Drogenmissbrauch oder einer Geschlechtskrankheit zu unterziehen;
- aufgeschobene Strafverbüßung eines Drogenabhängigen unter Vorbehalt, dass die Person einer Behandlungskur der Drogensucht, einer medizinischen und sozialen Rehabilitation zustimmt.

Bedingungsweise können diese Maßnahmen mit den Hauptmerkmalen der Sicherheitsmaßnahmen verglichen werden, die von Professor A.A. Zhizhilenko hervorgehoben wurden:

- im Zusammenhang mit einer vorgenommenen gesellschaftsgefährlichen Handlung verwendet werden;
- die gefährliche Geistesstörung der Person wird berücksichtigt;
- Verursachen, die darauf abzielen, um neue gesellschaftsgefährliche Handlungen durch Exposition gegenüber diesen Maßnahmen zu verhindern.

Man muss zugeben, dass sich Alkoholismus und Drogensucht nach der internationalen Klassifikation der Krankheiten der 10. Revision auf eine fortschreitende hartnäckige Krankheit beziehen, die künstlich verursacht werden und weit verbreitet sind.

Die Maßnahmen gelten jedoch für Personen nicht nur mit psychischen Erkrankungen, sondern auch lebensverändernde Drogensucht. Solche Maßnahmen sind verschieden.

Einerseits werden obligatorische medizinische Maßnahmen gegen Personen angewendet, die Zwangsarbeit, Festnahme, Inhaftierung und psychischen Störungen ausgesetzt sind, die in einem separaten Kapitel des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation verankert sind. Andererseits kann ein Proband mit einer Maßnahme zur Behandlung von Alkohol- und Drogensucht angeklagt werden.

Wenn eine Person bestimmte Straftaten begangen hat, kann ihre Strafe zur Bewährung ausgesetzt werden, wenn sie freiwillig erklärt, dass sie sich bessern will.

Gleichzeitig sind die Maßnahmen in den ersten beiden Fällen unfreiwillig und bei einer Aussetzung auf eine drogenabhängige Person steht die freiwillige Genesungswille im Vordergrund. Außerdem können für Verurteilte zur Festnahme, Zwangsarbeit, Freiheitsstrafe, Haftanstalten sowie die genannten Strafen eine obligatorische Behandlung angewandt werden.

Trotz der Tatsache, dass alle von uns markierten Maßnahmen auf eine bestimmte Kategorie von Menschen abzielen – eine spezielle Kategorie mit Geistesstörungen, lässt eine solche Abgrenzung von Normen und eine unklare terminologische Abgrenzung die Frage offen, was wir auf Sicherheitsmaßnahmen zurückführen können, die so aktiv in der wissenschaftlichen Gemeinschaft diskutiert. Welche Ziele, Auswahlkriterien usw.

Nebenhin ist heutzutage noch unklar, wie effektiv alle von uns aufgezeigten Maßnahmen im praktischen und rechtlichen Bereich sind. Im Falle der Gewährung einer Aussetzung an eine drogenabhängige Person gibt es also keine Kriterien, nach denen auf eine vollständige Heilung der Person geschlossen und ihr zukünftiges Verhalten vorhergesagt werden konnte.

Wir meinen, dass dieses Thema interessant ist und zusätzliche Forschung erfordert. Sicherheitsmaßnahmen sollten in der Strafgesetzgebung festgestellt werden.

Im Gegenzug sollten sie von medizinischen Zwangsmaßnahmen unterschieden werden, die ihre eigenen Eigenschaften haben und sie aus einer breiteren Perspektive betrachten:

- Durchführung der Behandlung;
- medizinische und soziale Rehabilitation;
- Psychokorrektur.

Литература

1. Герасина Ю.А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2013. 26 с.

2. *Спасенников Б.А., Спасенников С.Б.* Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.
3. *Исмагулова А.Т.* Регламентация принудительных мер медицинского характера по законодательству Российской Федерации и республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Челябинск, 2010. 30 с.
4. *Бородин С.В.* Принудительные меры медицинского характера // Новое уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие. М.: Зерцало, 1996. 168 с.
5. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001. 767 с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Инфра-М, 2008. 300 с.
7. Российское уголовное право: общая часть. В 2 т. Т. 1 / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Инфра-М, 2003. 623 с.
8. *Васеловская А.В.* Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Томск, 2019. 212 с.
9. *Батанов А.Н.* Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 150–154.
10. *Карташов И.И., Саликова В.В.* Докторальные подходы к сущности принудительных мер медицинского характера в контексте соотношения правовых и медицинских критериев // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 2 (100). С. 150–155.
11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Юрист, 2002. 511 с.
12. *Журавлева Т.Н.* Институт принудительных мер медицинского характера в законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Ростов н/Д, 2002. 212 с.
13. *Спасенников Б.А.* Судебная психология и судебная психиатрия. Общая часть. Архангельск, 2002. 288 с.

References

1. *Gerasina Yu.A.* Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera: ponyatie, vidy, primeneniye [Compulsory medical measures: concept, types, application]. Avtoref. diss. ... kand. yurid nauk. 12.00.08. Moscow, 2013. 26 p. (In Russian)
2. *Spasennikov B.A., Spasennikov S.B.* Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera v ugovnom prave Rossii [Compulsory medical measures in the criminal law of Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012, 192 p. (In Russian)
3. *Ismagulova A.T.* Reglamentatsiya prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii i respubliki Kazakhstan [Regulation of compulsory medical measures under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. Avtoref. diss. ... kand. yurid nauk. 12.00.08. Chelyabinsk, 2010. 30 p. (In Russian)
4. *Borodin S.V.* Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera [Compulsory medical measures]. *Novoe ugovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': ucheb. posobie.* Moscow, Zertsalo Publ., 1996. 168 p. (in Russian)
5. Kurs rossiiskogo ugovnogo prava. Obshchaya chast' [Course of Russian criminal law. General part]. Eds. V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. Moscow, Spark Publ., 2001. 767 p. (in Russian)
6. Ugovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 021100 "Yurisprudentsiya" [Criminal law of the Russian Federation. General part: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty 021100 "Jurisprudence"]. Eds. L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. Moscow, Infra-M Publ., 2008, 300 p. (in Russian)
7. Rossiiskoe ugovnoe pravo: obshchaya chast'. V 2-kh tomakh. T. 1 [Russian criminal law: textbook in 2 volumes. Vol. 1]. Eds. L.V. Inogamova-Khegai, V.S. Komissarov, A.I. Rarog. Moscow, Infra-M Publ., 2003. 623 p. (in Russian)

8. *Vaslovskaya A.V.* Prinuditel'noe lechenie v meditsinskoj organizatsii, okazyvayushchei psixiatricheskuyu pomoshch' v stacionarnykh usloviyakh, po Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Compulsory treatment in a medical organization providing psychiatric care in a hospital under the Criminal Code of the Russian Federation]. Diss. ... kand. yurid nauk. 12.00.08. Tomsk, 2019, 212 p. (in Russian, abstract in English)
9. *Batanov A.N.* Inye mery ugovovno-pravovogo kharaktera – samostoyatel'nyi institut rossiiskogo ugovovnogo zakonodatel'stva? [Are other measures of a criminal law nature an independent institution of Russian criminal law?]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2011, no. 5 (37), pp. 150–154. (In Russian)
10. *I.I. Kartashov, V.V. Salikova.* Doktoral'nye podkhody k sushchnosti prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera v kontekste sootnosheniya pravovykh i meditsinskikh kriteriev [Doctoral approaches to the essence of compulsory medical measures in the context of the correlation of legal and medical criteria]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law]*, 2019, no. 2 (100), pp. 150–155. (In Russian, abstract in English)
11. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnyk [Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook]. Ed. A.I. Rarog, Moscow, Jurist Publ., 2002, 511 p. (In Russian)
12. *Zhuravleva T.N.* Institut prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera v zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii: [Institute of compulsory medical measures in the legislation of the Russian Federation]. Diss. ... kand. yurid nauk. 12.00.08. Rostov-on-Don, 2002, 212 p. (In Russian)
13. *Spasennikov B.A.* Sudebnaya psikhologiya i sudebnaya psixiatriya. Obshchaya chast' [Forensic psychology and forensic psychiatry. General part]. Arkhangel'sk, 2002, 288 p. (In Russian)

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА И ЕЕ ВИДЫ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РФ

Немашкалова Дарья Юрьевна

Цель: на основе анализа нормативно-правовых актов, а также доктрины уголовного права рассмотреть конфискацию имущества как иную меру уголовно-правового характера и ее виды.

Кроме того, целью работы является выявление отличий конфискации как иной меры уголовно-правового характера от уголовного наказания, а также установление и описание существенных характеристик видов конфискации имущества. Анализ указанных категорий производится на основе положений доктрины уголовного права и нормативных требований Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методология: в работе использованы общенаучные (историко-правовой метод, анализ, индукция, дедукция, сравнение, системный метод) и специально-юридические (формально-юридический метод, метод толкования права) методы исследования.

Выводы. До 2003 г. конфискация имущества являлась одним из видов наказаний. В настоящее время российский законодатель относит конфискацию к иным мерам уголовно-правового характера. Конфискация отличается от наказания по целям, содержанию, основаниям применения и правовым последствиям, и именно поэтому ее нельзя отождествлять с уголовным наказанием. Конфискация в российском уголовном процессуальном праве представляет собой отдельный правовой институт, не являющийся идентичным уголовно-правовой конфискации. Исходя из норм УК РФ и доктрины уголовного права, следует выделить специальную общую и специальную частичную конфискации. Кроме того, имеются все основания для выделения конфискации имущества по наличию или отсутствию права собственности на изымаемое имущество, по предмету конфискации и виду совершенного преступления, за которое назначена конфискация.

Научная и практическая значимость. Вопрос соотношения иных мер уголовно-правового характера и наказания до сих пор остается дискуссионным. Значимость исследования обусловлена необходимостью развития доктринальных основ, касающихся конфискации имущества.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, наказание, конфискация имущества, принудительное изъятие, уголовное право, уголовное процессуальное право, виды конфискации имущества.

Вплоть до 2003 г. конфискация имущества в российском уголовном праве представляла собой дополнительный вид наказания.

В 2003 г. Федеральным законом от 21 ноября 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» нормы, предусматривающие конфискацию имущества, были исключены из УК РФ. Основным аргументом, изложенным в пояснительной записке к законопроекту, послужила низкая эффективность наказания ввиду редких случаев применения. Его предлагалось заменить штрафом в качестве дополнительного наказания (*Пояснительная записка*

к проекту Федерального закона № 304898-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL:<https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2021)).

Однако большинство ученых-юристов считают, что сокращение случаев применения конфискации говорит лишь о фактах непривлечения субъектов преступлений к уголовной ответственности.

К выводу о том, что конфискацию необходимо вернуть в Уголовный кодекс РФ, пришли в 2006 г. Это было связано в первую очередь с необходимостью приведения законодательства РФ

в соответствие с Палермской Конвенцией ООН, направленной против деятельности транснациональной организованной преступности.

Правоведы уже неоднократно отмечали, что новый институт конфискации как иной меры уголовно-правового характера не является прежней моделью, существовавшей до 2003 г. (*Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона № 282601-4 «О противодействии терроризму»* // URL:<https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2021)).

В связи с этим укажем, чем же иные меры уголовно-правового характера отличаются от наказания и каково место конфискации имущества в российском уголовном праве теперь.

В Общей части Уголовного кодекса РФ встречается формулировка «наказание и иные меры уголовно-правового характера», что позволяет сделать вывод о том, что иные меры, как и наказание, являются частью общей системы мер уголовно-правового характера.

В доктрине уголовного права под мерами уголовно-правового характера понимаются назначаемые от имени государства принудительные меры, заключающиеся в предусмотренных законом лишениях и ограничениях, выступающие в качестве правовых последствий нарушения уголовно-правовых запретов и применяемые в соответствии с нормами УК РФ. То есть к ним относят такие меры, которые изменяют уголовно-правовой статус лиц вследствие их поведения, имеющего уголовно-правовое значение.

Несмотря на то, что наказание и иные меры входят в одну группу мер уголовно-правового характера, их нельзя отождествлять, хотя бы исходя из грамматического толкования норм Уголовного кодекса, в котором два рассматриваемых понятия написаны через «и», а не через «или».

Иные меры уголовно-правового характера имеют некоторое сходство с наказанием, а именно: назначаются только по приговору суда; применяются к лицам, совершившим преступное деяние; лишают или ограничивают виновных в правах. При этом иные меры уголовно-правового характера не включены законодателем в систему наказаний и не указаны в санкциях Особенной части УК РФ, в отличие от наказаний. Можно говорить о том, что конфискация имущества преследует те же цели, что и наказание: она направлена на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, а также общую и частную превенцию, однако конфискация имеет и свои собственные

цели, среди которых можно выделить лишение осужденного имущественных прав, недопущение финансирования терроризма, экстремизма, организованной преступной деятельности, изъятие доходов, полученных преступным путем, воздействие на экономические основы преступности.

Основанием применения к лицу наказания является совершение деяния, обладающего признаками преступления, в то время как конфискация допускает принудительное изъятие имущества у третьих лиц, не причастных к преступлению. Ученые-правоведы также сходятся во мнении о том, что конфискация не имеет карательного содержания, в отличие от наказания. В большинстве случаев конфискация предполагает изъятие имущества, на которое у лица не было права собственности либо же такое право было им ранее утрачено. Поэтому конфискация не рассматривается как лишение или ограничение прав лица, в отличие от конфискации-наказания, существовавшей до 2003 г. [1, с. 124].

Кроме того, конфискация не влечет обязательной судимости лица в отличие от наказания.

Таким образом, конфискация отличается от наказания по целям, содержанию, основаниям применения и правовым последствиям, ввиду чего конфискацию нельзя отождествлять с уголовным наказанием [3].

Кроме того, необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном праве наличествует специальная конфискация. Согласно п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ конфискации подлежат орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. Несмотря на то, что подобное положение содержится в п. «Г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, понятие конфискации по уголовному и уголовно-процессуальному праву смешивать нельзя.

Конфискации по уголовно-процессуальному закону подлежат только те предметы, которые были признаны судом вещественными доказательствами по делу. Многие правоведы отмечают также тот факт, что конфискация как процессуальная мера является обязательной, чего нельзя сказать о конфискации как иной мере уголовно-правового характера, которая может быть применена по усмотрению суда.

Различны и основания применения данных мер. Конфискация по уголовному праву может быть назначена только по приговору суда, в то время как процессуальная конфискация назначается приговором суда, определением или постановлением о прекращении уголовного дела, то есть может быть назначена до вынесения обвинительного приговора суда.

Кроме того, конфискация по УПК РФ применяется независимо от того, о каком преступлении

идет речь, а УК РФ ограничивает применение конфискации определенными составами преступлений.

В уголовно-правовом смысле по критерию объема конфискуемого имущества принято выделять полную и частичную конфискацию. Под полной конфискацией понимается такая конфискация, при которой изымается все имущество осужденного, за исключением того, что не подлежит изъятию в соответствии с утвержденным властью перечнем. Частичная же конфискация предполагает изъятие части имущества, которая должна быть указана в приговоре суда [2, с. 12].

В правовой доктрине речь ведут об общем и специальном видах конфискации имущества. Общая конфискация предполагает изъятие имущества, приобретенного законным путем, в то время как специальная направлена на изъятие только тех предметов, которые были использованы при совершении преступления или приобретены преступным путем. По мнению Д.И. Самгиной, к специальной конфискации относится принудительное изъятие орудий и средств совершения преступления, а также предметов, добытых в результате преступной деятельности [2, с. 11].

Ранние редакции Уголовного кодекса России предусматривали существование как общей, так и специальной конфискации, причем в рамках общей конфискации выделялись полная и частичная ее виды. Общая конфискация была ограничена перечнем имущества, не подлежащего изъятию, что касается специальной конфискации, то случаи ее применения были четко определены в законе.

На сегодняшний день в Уголовном кодексе РФ нашла свое отражение специальная конфискация, потому как изъятию подлежит такое имущество, которое непосредственно связано с совершением преступления. Однако в теории может сложиться такая ситуация, когда лицо будет использовать все свое имущество для совершения преступления. Тогда конфискации будет подлежать все имуще-

ство виновного лица, получается, такая компенсация будет полной.

Таким образом, в некоторых ситуациях представляется возможным выделение специальной и специальной частичной конфискации.

После того как 14 июня 2018 г. вышло постановление Пленума Верховного суда РФ № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», стало возможным выделить еще несколько видов конфискации имущества по различным основаниям (*Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2018. 22 июня*). По наличию или отсутствию права собственности на изымаемое имущество можно выделить: конфискацию денег, ценностей и иного имущества, на которое лицо не имеет права собственности, и конфискацию денег, ценностей и имущества, на которое лицо имеет право собственности.

По предмету конфискации можно выделить конфискацию денег, ценностей и иного имущества, а также конфискацию орудий, оборудования и иных средств совершения преступления.

По виду совершенного преступления можно выделить конфискацию за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. В настоящее время конфискация имущества по данному пункту статьи УК РФ применяется по 84 составам преступлений; конфискация за совершение любого преступления, однако здесь будет применяться оговорка о том, что возможна конфискация только орудий, оборудования и иных средств совершения преступления; конфискация за совершение преступлений террористической, экстремистской направленности или связанная с организованной преступной деятельностью.

VERMÖGENSKONFISKATION UND IHRE ARTEN IM STRAFRECHT DER RUSSISCHEN FÖDERATION

Die Vermögenskonfiskation ist eine rechtliche Folge der Begehung eines Verbrechens. Ihr Ziel ist es, dem Täter etwas zu entfernen, das ihm nach Gerechtigkeit und Gesetz nicht gehören sollte.

Die Vermögenskonfiskation ist eine sonstige Strafmaßnahme, die durch die Zwangsentziehung

von Eigentum mit der anschließenden Umwandlung in staatliches Eigentum aufgrund eines Urteils gekennzeichnet ist.

Sonstige Strafmaßnahmen haben einige Ähnlichkeiten mit der Strafe, nämlich: werden nur durch das Urteil des Gerichts ernannt; gelten für

Personen, die eine Straftat begangen haben; entziehen oder einschränken Rechte eines Verbrechers.

Jedoch sind sonstige Strafmaßnahmen vom Gesetzgeber in das Strafsystem nicht enthalten und in den Sanktionen des besonderen Teils des Strafgesetzbuches, im Gegensatz zu den Strafen nicht angegeben.

Die Vermögenskonfiskation hat andere Ziele als die Strafe: die Entziehung der Eigentumsrechte des Verbrechers, die Verhinderung der Finanzierung von Terrorismus, Extremismus, organisierter krimineller Aktivitäten, die Einziehung von kriminellen Einkommen, die Auswirkungen auf die wirtschaftlichen Grundlagen der Kriminalität.

Die Grundlage für die Anwendung der Strafe ist die Begehung einer Straftat, während die Vermögenskonfiskation die Zwangsentziehung des Eigentums von Dritten, die nicht an der Straftat beteiligt sind, ermöglicht.

Außerdem führt die Vermögenskonfiskation nicht unbedingt zu einer Verurteilung der betreffenden Person.

Die Vermögenskonfiskation unterscheidet sich von der Bestrafung nach Zweck, Inhalt, Anwendungsgrund und Rechtsfolgen und ist daher nicht mit Kriminalstrafe gleichzusetzen.

Die Normen der Vermögenskonfiskation sind sowohl im Strafrecht als auch im Strafprozessrecht vorhanden, aber sie sind nicht identisch.

Nach dem Strafprozessrecht werden Gegenstände entzogen, die vom Gericht als materielle Beweise für den Fall anerkannt werden.

Die Vermögenskonfiskation ist als strafprozessuale Maßnahme obligatorisch, die strafrechtliche Vermögenskonfiskation kann nach Ermessen des Gerichts angewendet werden.

Strafrechtliche Vermögenskonfiskation kann nur nach einem Gerichtsurteil angeordnet werden, während die prozessuale Vermögenskonfiskation vor der Verurteilung angeordnet werden kann.

Laut der Plenarentscheidung des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation Nr. 17 vom 14 Juni 2018 „Über einige Fragen im Zusammenhang mit der Anwendung der Vermögenskonfiskation in Strafverfahren“ kann man einige Arten der Vermögenskonfiskation nach verschiedenen Gründen identifizieren:

nach der Anwesenheit oder Abwesenheit des Eigentumsrechts an dem beschlagnahmten Eigentum;

nach dem beschlagnahmten Gegenstand (Geld, Wertsachen, anderes Eigentum oder Werkzeuge, Geräte und andere Mittel zur Begehung eines Verbrechens);

nach der Art des begangenen Verbrechens (Vermögenskonfiskation für Begehung einer Straftat

nach Absatz «а» Teil 1 Art. 104¹ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, für die Begehung Straftaten jeder Art, für die Begehung von terroristischen, extremistischen Straftaten oder organisierter krimineller Aktivitäten).

Die Besonderheit des Artikel 104² des StGB ist, dass das Eigentum, das nicht mit der Begehung der Straftat verbunden ist, der Vermögenskonfiskation unterliegt. Sie ist ein Äquivalent und drückt die monetäre oder vermögensrechtliche Form der in Art. 104¹ genannten Gegenstände aus. Eine Substitution liegt vor, wenn die der Vermögenskonfiskation unterliegenden Gegenstände nicht in ihrem natürlichen, ursprünglichen oder veränderten Zustand beschlagnahmt werden können.

Diese Norm gilt in zwei Situationen. Die erste ist die Vermögenskonfiskation nach Art. 104¹ des StGB und die zweite ist die Unmöglichkeit des Verfalls eines bestimmten Gegenstandes zum Zeitpunkt der Entscheidung des Gerichts über die Einziehung. Das Gesetz definiert die Liste solcher Umstände nicht streng und nennt als Beispiele die Nutzung von Eigentum oder dessen Verkauf. In der Gerichtspraxis gibt es Fälle, in denen die dem Täter gehörende Ausrüstung in der Produktion verwendet wird und ihre Vermögenskonfiskation zur Beendigung des Unternehmens führen kann, wenn das Eigentum verloren geht, verkauft oder gespendet wird. Das Strafrecht stellt eine offene Liste von Umständen auf, in denen eine Ersetzung möglich ist.

Der Artikel ist eine Maßnahme zum Schutz der Interessen der rechtmäßigen Eigentümer. Die Norm kann auf Personen angewandt werden, die keine Straftat begangen haben, diese aber aufgrund von Bösgläubigkeit von einem Straftäter erhalten haben.

Bei der Entscheidung über die Ersetzung hat Geld Priorität (Teil 1 des Art. 104² des StGB), mit Ausnahme von solchem, das aus dem zivilen Verkehr gezogen oder eingeschränkt ist. Die Bewertung des Objekts und seine Verhältnismäßigkeit sollte sich an seinem Handelswert orientieren, der durch forensische Untersuchung ermittelt werden kann. Die Justizkammer für Strafsachen des Obersten Gerichts der RF hat festgestellt, dass bei Geldmangel auch anderes Vermögen des Täters, dessen Wert dem des zu einziehenden Gegenstands entspricht oder vergleichbar ist, dem Verfall unterliegt. Es ist wichtig, dass der Betrag des beschlagnahmten Vermögens nicht den Betrag des durch die Straftaten erzielten Einkommens übersteigt.

Das Strafrecht ist auf den Schutz des öffentlichen Interesses ausgerichtet, so dass der Staat die Rolle eines „Quasi-Opfers“ einnimmt. In der Regel haben der Staat und seine Interessen immer eine vorherrschende

Rolle, aber in Bezug auf Artikel 104³ des StGB ist das gegensätzliche Konzept verankert. Bei Geldmangel stehen die Vermögensinteressen des Opfers an erster Stelle. Das bedeutet, dass nur der Teil, der nach der Entschädigung des Rechtsinhabers verbleibt, zu den Einnahmen des Staates gehört.

Литература

1. Брагин В.М., Степашин В.М. Иные меры уголовно-правового характера и судебный штраф // Вестник Омского университета. 2019. № 3. С. 121–131.
2. Николаев К.Д. Виды конфискации имущества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. С. 10–14.
3. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 266 с.

References

1. Bragin V.M., Stepashin V.M. Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera i sudebnyi shtraf [Other measures of a criminal law nature and a judicial fine]. *Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]*, 2019, no. 3, pp. 121–131. (In Russian, abstract in English)
2. Nikolaev K.D. Vidy konfiskatsii imushchestva [Types of property confiscation]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*, 2016, pp. 10–14. (In Russian, abstract in English)
3. Propostin A.A. Konfiskatsiya imushchestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee: monografiya [Confiscation of property: past, present, future: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 266 p. (In Russian)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ОСНОВНАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

Иванова Екатерина Сергеевна

Цель: в настоящей статье рассмотрено, что собой представляет административный надзор, каковы формы его осуществления и какие пробелы существуют при установлении данного надзора.

Методология: общенаучный, диалектический метод познания общественных отношений, метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, формально-логический метод.

Выводы. Можно сказать, что административный надзор необходим для предотвращения рецидивов со стороны осужденных лиц, но при этом необходима некая реформация данного закона для устранения имеющихся пробелов.

Научная и практическая значимость. Данная статья обращает внимание законодателя на имеющиеся несовершенства в данном надзоре, чтобы в дальнейшем происходило совершенствование ФЗ на основании выводов данной статьи.

Ключевые слова: административный надзор, осуществление надзора, рецидив преступления, пробелы.

Каждый год из мест лишения свободы освобождается довольно большое количество осужденных лиц, но при этом большинство из них готовы на совершение рецидива, то есть повторных преступлений. Поэтому за данными лицами необходим контроль, который бы заключался в предотвращении новых преступлений. В Российской Федерации таким контролем является административный надзор за лицами, отбывшими наказание в тюрьме. При этом можно говорить, что данный надзор однозначно необходим для нашей страны в борьбе с рецидивной преступностью.

Можно задаться вопросом, на сколько данный надзор способен уменьшить рецидивы и есть ли в нем какие-то пробелы, которые необходимо устранить законодателю. При разборе данной темы нам необходимо понять, что собой представляет административный надзор, в чем он выражается, какие нерешенные проблемы в нем имеются.

Административный надзор – это контроль и мониторинг, устанавливаемый органами внутренних дел Российской Федерации, за освобожденным лицом, с соблюдением и выполнением временных ограничений, установленных судом, которые будут заключаться в уменьшении прав и свобод данного лица.

Для того чтобы понять, что собой представляет административный надзор на данный момент, какие изменения вносил законодатель в данную систему контроля, необходимо обратиться к истории.

Отметим, что административно-правовой надзор осуществлялся еще с 1966 г. Основная задача данного института была направлена на контроль за теми лицами, которые были освобождены, а также на предотвращение новых рецидивов со стороны этих граждан. Можно сказать, что данный институт стал основополагающим для современного административного

надзора, но при этом стоит отметить, что нормы данного института неоднократно изменяли для совершенствования административного надзора. В настоящее время административный надзор за гражданами, вышедшими из мест лишения свободы, осуществляется на основании Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ (Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900).

Говоря об административном надзоре, необходимо обратить внимание, в какой форме принуждения осуществляется данный надзор, ведь принуждение, обеспечивающее правопорядок, – «это организованное принуждение, осуществляемое специально созданными органами государства» [1, с. 71].

Установление административного надзора является прерогативой суда, именно суд утверждает административный надзор за гражданином, вышедшим из мест лишения свободы. Кроме утверждения надзора, суд может принять решение об отмене или же, наоборот, продлении данного надзора. В данном случае мы можем задаться вопросом, с какой целью суд может принять решение о продлении данного надзора, ведь данное лицо и так уже отбыло наказание.

Данное решение об увеличении административного надзора связывают, прежде всего, с необходимостью защиты общества и государства в целом от повторных преступных деяний данных лиц. Можно сделать вывод о том, что многие лица, отбыв наказание, готовы к совершению новых преступлений, а наше государство стремится обезопасить общество.

Вывод о том, что лица, недавно вышедшие на свободу, готовы к совершению повторных преступлений, можно сделать на основе статистики. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2020 г. практически каждый третий, нарушивший уголовный закон, был ранее судим (29,7%, 130,5 тыс.), действия каждого седьмого признаны рецидивом (13,9%, 61 тыс.) (Данные главного управления правовой статистики и информационных технологий за январь – июль 2020 года). А значит, что даже после освобождения такие лица готовы пойти на совершение рецидивов, и это уже показывает несовершенство назначения и исполнения наказания, а в дальнейшем и профилактической деятельности за лицами под надзором.

Осуществление надзора в определенной степени обеспечивает безопасность свидетелей и потерпевших, в том числе препятствует возможности реализации поднадзорным лицом, ранее

совершившим особо тяжкие преступления, после освобождения из мест лишения свободы мести указанным лицам.

Решение о надзоре принимает суд, но инициатором может стать исправительное учреждение, где отбывал наказание осужденный, или же органы внутренних дел. Ограничения для поднадзорного лица могут выражаться в следующем:

- невозможность лица посещать определенные места или некоторые мероприятия;
- невозможность посещения митингов, демонстраций, то есть всех массовых мероприятий, а тем более принимать в них активное участие;
- обязанность поднадзорного лица в установленное время находиться дома;
- запрет на выезд за определенную территорию, установленную судом;
- обязанность лица являться в надзорные органы по месту жительства для регистрации от 1 до 4 раз в месяц.

Итак, говоря об административном надзоре, мы должны учитывать следующее: он, прежде всего, устанавливается по решению суда, по общим правилам надзор применяется в отношении совершеннолетних лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих неснятую судимость.

Можно сказать, что административный надзор имеет очень сложную систему, которая складывалась годами, но при этом на сегодняшний день ее нельзя назвать совершенной. Довольно много вопросов может возникнуть при рассмотрении дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Поэтому можно выделить некоторые проблемы в данном надзоре.

Наш мир не стоит на месте, люди всегда стремились к чему-то новому, сейчас в связи с цифровизацией значимые изменения в жизни общества происходят чуть ли не ежедневно. Если человека оторвать от внешнего мира хотя бы на месяц, то для его адаптации понадобится несколько дней. А что мы можем говорить о людях, которые оторваны от мира на год, а то и на несколько лет. В данном случае мы говорим о том, что люди, находящиеся в местах лишения свободы, становятся отделенными от социума, от новых введений, изменений, происходящих в мире, у них свой круг общения с такими же, как и они, отделенными от социума людьми. Такие люди, отбыв наказание и возвращаясь к нормальной жизни, чаще не приспособлены к новому этапу развития общественных отношений. В качестве примера можно

привести события 1991 г., когда люди начинали отбывать наказание еще в Советском Союзе, а возвращались из мест лишения свободы уже в новую Россию с совершенно другим укладом и строем. Многие лица, отбывшие наказание, не были готовы к таким изменениям, и это во многом служило причиной рецидивов преступлений. Можно сделать вывод о том, что законодатель до сих пор не учел данную проблему и не принял меры по ее решению.

На данный момент процедура осуществления надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, стала более структурированной и понятной. На законодательном уровне ежегодно принимаются изменения, призванные ликвидировать существующие пробелы. На сегодняшний день существует достаточно большой процент лиц, стремящихся уклониться от установления надзора за ними после освобождения из мест лишения свободы, а существующая система его проведения не всегда срабатывает достаточно эффективно. Совершенствование административного надзора находится в сфере внимания законодателя. Так, в настоящее время установлена уголовная ответственность за уклонение от административного надзора. Представляется, что недостаточным является взаимодействие контролирующих органов с поднадзорными лицами, в частности требуется увеличение количества проводимых с ними профилактических бесед. Еще одной проблемой осуществления надзора является установление действительного адреса проживания поднадзорного лица.

Следующая проблема, на которой необходимо остановиться, это взаимодействие органов внутренних дел с потерпевшими. На законодательном уровне закреплена необходимость уведомления потерпевшего о снятии административного надзора за лицом, отбывшим наказание. Если в слу-

чае совершения особо тяжких преступлений лицо отбывало наказание в течение 15 лет, после чего за ним был установлен административный надзор, то после прекращения данного надзора могут возникнуть проблемы с уведомлением потерпевшего о прекращении данного надзора, поскольку имеющиеся в распоряжении надзорных органов персональные данные потерпевшего за 20 лет могут устареть.

Другой очень актуальной проблемой является возможность трудоустройства лиц после отбытия ими наказания и освобождения их из мест лишения свободы. На данный момент рынок труда переполнен высококвалифицированными специалистами, и лицу, имеющему среднее профессиональное образование или вообще не имеющему образования, довольно трудно найти хорошую работу. А если у человека есть судимость, то работодатели зачастую даже не рассматривают данную кандидатуру. Отсутствие возможности трудоустройства и получения легального заработка напрямую негативно влияет на рост рецидивов преступлений.

Еще одна проблема осуществления надзора — это установление дополнительных ограничений прав и свобод после освобождения лица из мест лишения свободы. Условно можно сказать, как отмечают многие правозащитники, что в этом случае поднадзорные лица отбывают наказание повторно, что является с международно-правовой точки зрения повторным «преданием суду» и повторным наказанием за неисправимость, за непризнание своей вины, за то, что «не встал на путь исправления» [2, с. 67].

На основании вышеизложенного можно сказать, что административный надзор необходим для предотвращения рецидивов со стороны осужденных, но при этом необходима реформа данного закона для устранения имеющихся пробелов.

VERWALTUNGSAUFSICHT ÜBER HAFTENTLASSENE: DIE HAUPTFORM DER UMSETZUNG UND PROBLEME DER VERWALTUNGSAUFSICHT

Die Verwaltungsaufsicht wird von den Organen für innere Angelegenheiten der Russischen Föderation zur Kontrolle über Haftentlassene eingerichtet, wobei die vom Gericht festgelegten vorübergehenden Beschränkungen, die in der Einschränkung der Rechte

und Freiheiten dieser Personen bestehen, beachtet und umgesetzt werden.

Wenn wir über die Verwaltungsaufsicht sprechen, fragen wir uns, mit welcher Form von Zwang diese Aufsicht durchgeführt wird, denn der Zwang, der für

Recht und Ordnung sorgt, ist „ein organisierter Zwang, der von eigens geschaffenen Staatsorganen ausgeübt wird“.

Die Einrichtung einer Verwaltungsaufsicht ist das Vorrecht des Gerichts, das die Verwaltungsaufsicht eines aus dem Freiheitsentzug entlassenen Bürgers genehmigt. Gleichzeitig wird diese Aufsicht für Personen eingerichtet, die eine Straftat begangen haben:

- 1) ein schweres oder besonders schweres Verbrechen;
- 2) ein Rückfallverbrechen;
- 3) eine vorsätzliche Straftat gegen einen Minderjährigen.

Neben der Genehmigung der Verwaltungsaufsicht kann das Gericht auch den Widerruf oder die Verlängerung der Aufsicht beschließen. Diese Entscheidung, die Verwaltungsaufsicht zu verstärken, hängt mit der Notwendigkeit zusammen, die Gesellschaft und den Staat vor Rückfallverbrechen dieser Personen zu schützen.

Viele Menschen sind bereit, nach Verbüßung ihrer Strafe erneut straffällig zu werden, und unser Staat ist verpflichtet, die Gesellschaft zu schützen. Die Schlussfolgerung ist es, dass Personen, die kürzlich aus dem Gefängnis entlassen wurden, bereit sind, wieder Rückfallverbrechen zu begehen, lässt sich anhand von Statistiken ziehen. Nach Angaben der Generalstaatsanwaltschaft der Russischen Föderation wurde im Jahr 2020 fast jede dritte Person, die gegen das Strafrecht verstoßen hat, bereits zuvor verurteilt (29,7 %, 130,5 Tausend), die Handlungen jeder siebten Person werden als Rückfallverbrechen gewertet (13,9 %, 61 Tausend). Das bedeutet, dass diese Personen auch nach der Entlassung bereit sind, Rückfallverbrechen zu begehen, was die Unzulänglichkeit der Zuweisung und des Vollzugs von Strafen und in der Folge von Präventionsmaßnahmen für Personen unter Verwaltungsaufsicht zeigt. Die Entscheidung über die Verwaltungsaufsicht wird von einem Gericht getroffen, kann aber auch von der Justizvollzugsanstalt, in der der Verurteilte seine Strafe verbüßt hat, oder von den Behörden für innere Angelegenheiten eingeleitet werden.

Für Personen, die unter Aufsicht stehen, gelten zusätzliche Einschränkungen ihrer Rechte und Freiheiten. Diese Personen verbüßen erneut ihre Strafe, was im Sinne des Völkerrechts ein wiederholtes „vor Gericht bringen“ und eine wiederholte Bestrafung für die Unverbesserlichkeit, für das Nichtanerkennen der eigenen Schuld, für das „Nichteinschlagen des Weges der Besserung“ ist.

Diese Einschränkungen werden wie folgt ausgedrückt:

- Verbot, bestimmte Orte oder bestimmte Veranstaltungen zu besuchen.
- Verbot des Besuchs oder der Teilnahme an Versammlungen, Demonstrationen, d.h. an allen Massenveranstaltungen.
- Die Verpflichtung, zu einer bestimmten Zeit zu Hause zu bleiben.
- Verbot, außerhalb eines bestimmten, vom Gericht festgelegten Gebiets zu reisen.
- Verpflichtung, sich 1 bis 4 Mal pro Monat am Wohnort zur Anmeldung zu kommen.

Man kann sagen, dass das System der Verwaltungsaufsicht ein sehr komplexes System ist, das sich im Laufe der Jahre entwickelt hat, aber gleichzeitig kann es heute nicht als perfekt bezeichnet werden. Bei der Verwaltungsaufsicht von Personen, die aus einem Freiheitsentzug entlassen werden, können eine Reihe von Problemen auftreten. Daher können einige Probleme bei dieser Aufsicht hervorgehoben werden.

Die Verwaltungsaufsicht über Haftentlassene, ist inzwischen strukturierter und klarer geworden, aber es gibt immer noch viele Bürger, die versuchen, sich der Aufsicht zu entziehen. Man kann sagen, dass die Arbeit der Organe für innere Angelegenheiten nicht effektiv genug ist. Es gibt nur wenige präventive Gespräche mit diesen Personen und wenig Interaktion. So gibt es beispielsweise häufig Probleme bei der Ermittlung der tatsächlichen Wohnanschrift einer Haftentlassenen. In dieser Situation ist es erwähnenswert, dass der Gesetzgeber versucht, dieses Problem zu beseitigen. Die Umgehung der Verwaltungsaufsicht ist nun strafbar.

Als Nächstes ist das Problem der Interaktion der Behörden mit den Opfern zu nennen. Der Gesetzgeber hat die Notwendigkeit verankert, das Opfer über die Aufhebung der Verwaltungsaufsicht über die Person, die die Strafe verbüßt hat, zu informieren. Es war jedoch nicht vorgesehen, die Einrichtung dieser Aufsicht zu notifizieren. Wir sollten auch über besonders schwere Straftaten sprechen: wenn zum Beispiel eine Person eine Strafe von 15 Jahren verbüßt hat und dann eine Verwaltungsaufsicht für sie eingerichtet wird, kann es nach deren Beendigung ein Problem geben, das Opfer über die Beendigung dieser Aufsicht zu informieren. Das heißt, die persönlichen Daten des Opfers sind in der Datei enthalten, die aber nach 15 Jahren veraltet sein können.

Die Verwaltungsaufsicht ist also notwendig, um die Rückfallverbrechen zu verhindern, doch muss das Gesetz reformiert werden, um die Lücken zu schließen.

Литература

1. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008 г. 246 с.
2. *Давыдова Е.А.* Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 2 (39). С. 66–70.

References

1. *Leist O.E.* Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. [The essence of law. Problems of theory and philosophy of law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2008, 246 p. (In Russian)
2. *Davydova E.A.* Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody [Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law], 2017, no. 2 (39), pp. 66–70. (In Russian, abstract in English)

СИСТЕМА И ФУНКЦИИ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

*Серебренникова Анна Валерьевна
Кузнецов Андрей Юрьевич
Мустафазаде Ровшан Шахин Оглы*

Цель: российское уголовное законодательство в качестве правовых последствий совершения общественно опасных деяний предусматривает возможность назначения не только наказаний, но и иных мер уголовно-правового характера (далее – иные меры). Однако вопрос системы и функций иных мер в науке российского уголовного права является одним из наиболее дискуссионных, что порождает неопределенность в отнесении к иным мерам самых разных мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных в УК РФ, неопределенность их правовой природы и функций, которые выполняют данные меры. В статье представлена палитра позиций по рассматриваемой проблеме и высказывается авторская позиция по вопросу отнесения к иным мерам уголовно-правового характера предусмотренных уголовным законом мер.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод.

Выводы. к иным мерам уголовно-правового характера следует относить условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 и 93 УК РФ), замену неотбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 80 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочку отбывания наказания (ст. 82 и 821 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 и 92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискацию имущества (гл. 15.1 УК РФ) и судебный штраф (гл. 15.2 и ст. 76² УК РФ).

Научная и практическая значимость. В настоящее время в доктрине уголовного права нет устоявшейся позиции по вопросу правовой природы, системы и функций иных мер уголовно-правового характера, что приводит к неопределенности объема понятия «иные меры уголовно-правового характера», непониманию сущности и целей применения ряда мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных УК РФ. Возникшая путаница в рассматриваемом вопросе не позволяет сформировать единого представления об иных мерах уголовно-правового характера и не способствует наиболее эффективному применению регламентирующих их уголовно-правовых норм. В статье делается вывод о том, что объем понятия «иные меры уголовно-правового характера» весьма широк (иные, кроме наказания, меры), чем продиктована разноплановость рассматриваемых мер по своей правовой природе и целевому назначению. Представляется, что сделанный вывод может способствовать более ясному представлению о системе и функциях иных мер уголовно-правового характера и на этой основе более эффективному их назначению на практике.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, меры исправления и безопасности, уголовная ответственность.

Формулировка «иные меры уголовно-правового характера» в российском уголовном законодательстве впервые появилась в 1996 г. с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Однако это не должно создавать ложной иллюзии, что подоб-

ные меры не были известны советскому законодательству.

В ст. 46 УК РСФСР 1922 г. содержался перечень так называемых «других мер социальной защиты», которые позднее перекочевали в измененном виде в ст. 24–25 УК РСФСР 1926 г. в качестве мер социальной защиты медицинского и медико-педагогического характера. Позднее в гл. 6 УК РСФСР 1960 г. стройно и отдельно от наказаний были расположены принудительные меры медицинского и воспитательного характера.

Нельзя не отметить, что уже в первой редакции УК РФ 1996 г. в ст. 2, 6 и 7 УК РФ наряду с наказанием указывалось и на «иные меры уголовно-правового характера», которые между тем не находили законодательной регламентации в самостоятельном разделе или самостоятельной главе уголовного закона.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»» раздел VI УК РФ получил наименование «Иные меры уголовно-правового характера» и был дополнен гл. 15.1 «Конфискация имущества», а Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ – гл. 15.2 «Судебный штраф».

Тем самым законодательно было оформлено существование самостоятельного уголовно-правового института – иных мер уголовно-правового характера, к которым, помимо принудительных мер медицинского характера, законодатель отнес конфискацию имущества и судебный штраф.

Вместе с тем в доктрине уголовного права, помимо обозначенных трех мер, к иным мерам уголовно-правового характера относят гораздо большее число мер, влекущих различные уголовно-правовые последствия. К примеру, Д.Ю. Борченко к иным мерам уголовно-правового характера относит также условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и отсрочку отбывания наказания [1, с. 161].

Между тем И.Э. Звечаровский, напротив, принудительные меры воспитательного воздействия и медицинского характера не относит к иным мерам уголовно-правового характера, объясняя это тем, что деяния, совершенные данными категориями лиц, не являются уголовно наказуемыми в силу их психических особенностей [2, с. 20]. Систему таковых мер, по его мнению, составляют условное осуждение, все виды освобождения от

уголовной ответственности и наказания, замена неотбытой части наказания и снятие судимости [3, с. 35].

Обобщая все имеющие место в уголовно-правовой литературе позиции, можно резюмировать, что к иным мерам уголовно-правового характера авторы относят самые разнообразные меры уголовно-правового воздействия (как условное осуждение, так и виды освобождения от наказания или отсрочку отбывания наказания определенными категориями лиц, а также снятие судимости и др.).

Представляется, что проблема осложняется отнесением некоторыми авторами к иным мерам уголовно-правового характера только таких, которые не являются формами реализации уголовной ответственности [4]. В то время как другие авторы, напротив, считают иные меры формами реализации уголовной ответственности [7, с. 543].

Такое положение дел порождает полную неопределенность объема понятия «иные меры уголовно-правового характера», что не позволяет сформировать единого представления о рассматриваемых мерах и не способствует наиболее эффективному применению регламентирующих их уголовно-правовых норм.

Сама формулировка «наказание и иные меры уголовно-правового характера» в условиях отсутствия единого раздела или главы уголовного закона, озаглавленных как «иные меры уголовно-правового характера» (что и наблюдалось до 2006 г.), говорит, по всей видимости, о том, что к иным мерам относятся все остальные регламентированные УК РФ меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему общественно опасное деяние, кроме наказания. Одновременно с этим это меры именно *уголовно-правового* характера, как наиболее строгие из имеющегося арсенала правовых мер воздействия на участников общественных отношений. Такие меры должны налагать на лицо, совершившее общественно опасное деяние, определенные правоограничения и влечь определенные правовые последствия.

По названным соображениям к таким мерам не могут быть отнесены только безусловные виды освобождения от уголовной ответственности и от наказания, поскольку они *не связаны с уголовно-правовым воздействием*. В этой связи представляется, что данному критерию удовлетворяют такие меры уголовно-правового воздействия, как условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 и 93 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 80 УК РФ), освобожде-

ние от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 и 82¹ УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 и 92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискация имущества (гл. 15¹ УК РФ) и судебный штраф (гл. 15² и ст. 76² УК РФ).

Некоторые авторы, ошибочно приравнивают иные меры уголовно-правового характера к так называемым мерам безопасности, существующим в законодательствах ряда зарубежных стран. Фактически такие меры известны и российском уголовному закону (принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия), однако законодатель не выделил под названные меры самостоятельного раздела в УК РФ в силу системного изложения нормативного материала.

По всей видимости, этим объяснимо и отнесение к иным мерам уголовно-правового характера конфискации имущества и судебного штрафа, которые расположились в разделе VI УК РФ. Другое дело – вопрос обоснованности включения в уголовное законодательство двухколейной системы мер уголовно-правового воздействия. В системе наказаний и в системе иных мер уголовно-правового характера, по сути, допущено дублирование идентичных мер – штрафа-наказания и судебного штрафа, а также ограничения свободы в качестве наказания, назначаемого несовершеннолетним, и принудительной меры воспитательного воздействия в виде ограничения досуга и установления определенных требований к поведению несовершеннолетнего.

Чтобы не допускать подобного «раздвоения», следует четко определить подсистемы наказаний и подсистемы иных мер уголовно-правового характера, исключив возможность создания лишних, не вписывающихся в существующие системы мер уголовно-правового воздействия «наказания» и «иные меры уголовно-правового характера» подсистем.

Дополнительным аргументом в силу того, что перечень иных мер уголовно-правового характера не ограничивается лишь мерами безопасности, является то обстоятельство, что принципы уголовного законодательства распространяются на все меры уголовно-правового воздействия – как наказания, так и все иные меры. Именно поэтому в соответствующих статьях Кодекса обобщенно говорится о наказаниях и иных мерах уголовно-правового характера. Иное означало бы сужение сферы действия уголовно-правовых принципов, и получилось бы, что назначать и применять

иные, кроме мер безопасности, меры (например, условное осуждение), можно было бы, не руководствуясь принципами уголовного права.

Иные меры уголовно-правового характера так же, как и наказания, можно классифицировать по различным основаниям. Ранее уже отмечалось, что некоторые представители юридической общности считают, что иные меры уголовно-правового характера не являются формами реализации уголовной ответственности [4], тогда как иные представители уголовно-правовой науки считают, что рассматриваемые меры являются последствием уголовной ответственности [7, с. 543].

Вместе с тем представляется ошибочным указывать данный критерий в качестве отличительной черты иных мер уголовно-правового характера. Исходя из этого, в зависимости от связи данных мер с уголовной ответственностью, их можно поделить на *иные меры, являющиеся формами реализации уголовной ответственности* (условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 и 93 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 80 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 и 82¹ УК РФ)), и *иные меры, которые формами реализации уголовной ответственности не являются* (принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 и 92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискация имущества (гл. 15¹ УК РФ) и судебный штраф (гл. 15² и ст. 76² УК РФ)).

В силу того, что объем понятия «иные меры уголовно-правового характера» весьма широк (иные, кроме наказания, меры), этим продиктована разноплановость рассматриваемых мер по своей правовой природе и целевому назначению. Поэтому по правовой природе рассматриваемые меры можно классифицировать на *виды освобождения от наказания* (условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 и 93 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 80 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 и 82¹ УК РФ)), *меры безопасности* (принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 и 92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискация имущества (гл. 15¹ УК РФ) [6, с. 173] и *виды освобождения от уголовной ответственности* (судебный штраф (гл. 15² и ст. 76² УК РФ)).

В зависимости от основания назначения иные меры уголовно-правового характера можно поделить на *назначаемые за совершение деяния, содержащего в себе признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ* (принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 и 92 УК РФ), конфискация имущества (гл. 15¹ УК РФ) и судебный штраф (гл. 15² и ст. 76² УК РФ)), *назначаемые в силу опасного состояния личности* (принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ)), *применимые в силу возможности исправления лица без дальнейшего отбывания назначенного наказания* (условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 и 93 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 80 УК РФ)), *в силу болезни* освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), а также *в силу беременности или наличия несовершеннолетнего ребенка, не достигшего возраста 14 лет; наличия заболевания в виде наркомании* (отсрочка отбывания наказания (ст. 82 и 82¹ УК РФ)).

Расположение всех иных мер уголовно-правового характера в самостоятельном разделе в силу системности уголовного закона нецелесообразно. К примеру, то обстоятельство, что принудительные меры воспитательного воздействия не находят своего отражения в разделе VI УК РФ, обусловлено не стремлением законодателя вывести указанные меры из числа иных мер уголовно-правового характера, а удобством отражения всех особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних в самостоятельном разделе V Кодекса с соответствующим названием. Достаточно, чтобы иные меры нашли свое отражение в соответствующих их правовой природе главах уголовного закона. К примеру, условное осуждение, будучи условным освобождением от отбывания наказания, должно найти свое отражение в главе 12 УК РФ.

Функциональное назначение иных мер уголовно-правового характера весьма различно. Если сущностью наказания в целом, по общепризнанному мнению, является кара, понимаемая как справедливое осуждение, то сущность иных мер уголовно-правового характера, как правило, не связывается с карательным воздействием (за исключением, пожалуй, наличия судимости как неотъемлемого атрибута ряда иных мер уголовно-правового характера). К примеру, принудительные меры воспитательного воздействия хотя и являются принудительными по своей форме, имеют своей сущностью воспитание. Отсюда специалисты в области ювенальной юстиции (в традиционном ее понимании) выводят и цель указанных мер —

воспитательную. Вместе с тем представляется, что цели принудительных мер воспитательного воздействия тем не менее идентичны целям наказания. Это отчетливо видно на примере сравнения наказания в виде ограничения свободы и воспитательной меры в виде ограничения досуга и установления определенных требований к поведению несовершеннолетних. Указанные меры совпадают по своему содержанию и принципиально отличаются лишь в одном — в уголовно-правовом последствии в виде судимости, которую влечет наказание и не влечет воспитательная мера.

Иначе обстоят дела с принудительными мерами медицинского характера. Очевидно, что их функциональное назначение состоит в излечении или улучшении состояния больного и предупреждении совершения им новых общественно опасных деяний (в том числе путем его изоляции от общества). Аналогичным образом звучат и цели указанных мер в ст. 98 УК РФ. По этой причине сущностью медицинских мер никак не может являться кара. Другое дело, что они могут быть соединены с наказанием как самостоятельной формой реализации уголовной ответственности.

Конфискация имущества также не оказывает карательного воздействия на лицо, совершившее преступление, а является имущественной мерой криминологической безопасности [6, с. 173], призванной предупредить совершение новых общественно опасных посягательств, поскольку предметом конфискации является не любое или даже не преступно нажитое имущество, а предметы, полученные в результате совершения преступлений, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности и др., а также орудия или средства совершения преступления (ст. 104¹ УК РФ). Вместе с тем данная мера уголовно-правового характера пока еще не нашла своего объективного места в вопросах качественного использования уголовных средств и наказаний, предусмотренных в действующем законодательстве, а ее возвращение привело к еще большей дискуссионности института конфискации, чем ранее, и еще раз подчеркнуло несовершенство правовых норм, связанных с механизмами ее использования. Однако необходимость данной меры обусловлена актуальностью решения проблемы возмещения ущерба от правонарушений, прежде всего, коррупционного характера.

В связи с тем, что в перечне рассматриваемых мер имеются «дубликаты» наказаний, трудно сказать, что в настоящее время сложилась единая и непротиворечивая система иных мер уголов-

но-правового характера. Очевидно, что судебный штраф не вписывается в эту систему. Одновременно с этим Верховный суд РФ предлагает пойти по пути дальнейшего (не самого удачного) расширения перечня иных мер уголовно-правового характера за счет признания таковыми исправительных работ, обязательных работ или даже лишения свободы, которые применялись бы к уголовному проступку (Юшков М., Ламова Е. Верховный суд вновь предложил ввести в УК понятие «уголовный проступок» // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/society/15/02/2021/602a83179a7947cb8e74a25d> (дата обращения: 30.11.2021)).

На основе сказанного можно скорректировать сходные и отличительные признаки наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предложенные В.С. Комиссаровым [7, с. 543]. К числу сходных признаков относятся: а) они обладают свойством нормативности (предусмотрены в УК РФ); б) они применяются за совершение общественно опасных деяний, запрещенных законом; в) они являются мерами государственного принуждения и применяются от имени государства; и г) по своему содержанию они выражаются в определенных лишениях или ограничениях прав и свобод, предусмотренных УК РФ.

К числу отличительных черт иных мер уголовно-правового характера относятся: а) сущность иных мер уголовно-правового характера, как правило, связана не с карой, а с государственным принуждением в целях защиты общества и предупреждения совершения этими лицами новых общественно опасных деяний; б) они не предусмотрены в санкциях статей Особенной части, а назначаются на основании норм Общей части УК; в) цели иных мер уголовно-правового характера, с одной стороны, имеют более узкую направленность и связаны прежде всего со специальным предупреждением, а с другой – более широкую направленность (например, цели принудительных мер медицинского характера).

Ряд иных меры уголовно-правового характера может влечь судимость, тогда как некоторые из них не влекут такого состояния; одни меры могут являться формами реализации уголовной ответственности и могут содержать отрицательную оценку со стороны государства, тогда как другие не являются таковыми и не порицаются государством; некоторым иным мерам свойственна особая процессуальная форма оценки государства в виде приговора суда, тогда как другие из них могут назначаться и на основании иных процессуальных документов.

Литература

1. Борченко Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения. Дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Тольятти, 2007. – 199 с.
2. Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
3. Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 35–39.
4. Крылова Н.Е. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. №3. С. 25–37.
5. Павлова А.А. Категория «Иные меры уголовно-правового характера» в уголовном праве России // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 901–904.
6. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. – 264 с.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. – 879 с.

References

1. Borchenko D.Yu. Konfiskatsiya imushchestva kak mera ugovovno-pravovogo kharaktera: ponyatie, priroda, sotsial'noe prednaznachenie i poryadok primeneniya [Confiscation of property as a criminal law measure: concept, nature, social purpose, and application procedure]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Tolyatti, 2007. 199 p. (In Russian)
2. Zvecharovskii I.E. Ponyatie mer ugovovno-pravovogo kharaktera [The concept of measures of a criminal-legal nature]. *Zakonnost [Legality]*, 2007, no. 1, pp. 19–21. (In Russian, abstract in English)

3. Zvecharovskii I.E. Mery ugolovno-pravovogo kharaktera: ponyatie, sistema, vidy [Measures of a criminal-legal nature: concept, system, types]. *Zakonnost [Legality]*. 1999, no. 3, pp. 35–39. (In Russian, abstract in English)
4. Krylova N.E. Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: problemy zakonodatel'noi reglamentatsii i pravoprimereniya [Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine: problems of legislative regulation and law enforcement]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo [Moscow University Bulletin. Series 11. Law]*, 2016, no. 3, pp. 25–37. (In Russian, abstract in English)
5. Pavlova A.A. Kategoriya «Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera» v ugolovnom prave Rossii [Category “Other measures of a criminal-legal nature” in the criminal law of Russia]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanities and Social Sciences]*. 2014, no. 2, pp. 901–904. (In Russian, abstract in English)
6. Propostin A.A. Konfiskatsiya imushchestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee: monografiya [Confiscation of property: past, present, future: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 264 p. (In Russian)
7. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnyk dlya vuzov [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook for universities]. Eds. V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. Moscow, Statut Publ., 2012. 879 p. (In Russian)

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Овчинникова *Елизавета Олеговна*

Цель: в данной научной статье рассматривается практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Целью исследования является подтверждение факта необходимости развивать и больше применять на практике данный правовой институт, который играет роль важного механизма гуманизации российского уголовного законодательства.

Методология: формально-юридический метод, статистика.

Выводы. Институт принудительных мер воспитательного воздействия применяется в том случае, если может быть доказано, что несовершеннолетний может исправиться. Воспитательные меры воздействия служат заменой реального уголовного наказания. Данный подход позволяет изучить личность подростка, его мотивы и интересы, а также составить индивидуальный план профилактической работы с несовершеннолетним преступником. Однако применение воспитательных мер воздействия в России обладает своей спецификой. В том числе в правоприменительной практике они недостаточно часто используются, что значительно препятствует развитию данного института.

Научная и практическая значимость. Гуманизация уголовного законодательства и деятельности органов пенитенциарной системы является важным процессом в любом развитом государстве. В научной статье показано, как в российских реалиях реализуется институт принудительных мер воспитательного воздействия, а также обосновывается необходимость его более активного развития.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, подростковая преступность, профилактика правонарушений, индивидуальный подход, гуманизация уголовного законодательства, альтернатива наказанию.

Данные криминальной статистики свидетельствуют, что совершение преступлений несовершеннолетними, к большому сожалению, — совсем не единичные случаи. Выбор и назначение наказания таким лицам безусловно определяется составом преступления и степенью тяжести совершенного деяния, но вместе с тем он осложняется рядом социально-психологических предпосылок и морально-этических нюансов, которые могут явиться основанием альтернативного применения в отношении оступившихся подростков мер воспитательного воздействия, также регламентированных нормами УК РФ.

Несовершеннолетними в соответствии со ст. 87 УК РФ признаются лица, которым ко времени

совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Но тема воспитательного аспекта уголовно-правовых норм актуальна и для 19–20-летних граждан, ведь психика и интеллект индивидуума не развиваются «по часам», иногда происходит задержка их развития, причиной которой не является психическое заболевание. Именно психологический и когнитивный факторы выступают основными детерминантами социального поведения личности. Законодательство предусматривает подобные случаи, о чем будет сказано далее.

В статье 61 УК РФ несовершеннолетие виновного закреплено как одно из смягчающих обстоятельств, что можно объяснить рядом причин.

В частности, спецификой эмоционально-психологического развития личности. Ведь в подростковом возрасте происходит наиболее активное знакомство человека с внешним миром, обществом и более глубокое осознание себя как, с одной стороны, отдельной личности со своими правами и потребностями, а с другой, как единицы этого общества с немалочисленными обязанностями. Подросток еще не обладает достаточным социальным и духовным опытом. Он только формирует свою устойчивую систему ценностей и ориентиров, а пробуждающееся самосознание нередко заставляет воспринимать требования социума как посягательство на его личное пространство. Таким образом, нередко возникает внутренний конфликт, который подросток будет стремиться «решать» при помощи доступных и известных ему средств и методов.

Другим ключевым фактором формирования предрасположенности подростка к противоправному поведению является та среда, в которую он помещен. Любое травмирующее событие, которое переживает подросток в детском возрасте или на очередном этапе жизни, накладывает определенный отпечаток на его психику. Так, если ребенок погружен в среду, в которой он вынужден быть свидетелем или объектом насилия, проявляемого в физической и/или психологической форме, он будет запоминать данную модель взаимодействия и бессознательно деформироваться (подстраивать свое поведение) в целях элементарной самозащиты. Нередки случаи, когда при совершении преступлений «незрелыми исполнителями» руководит лицо или группа лиц, достигших совершеннолетнего возраста.

Кроме того, широко освещается проблема практически свободного доступа к содержащему сцены насилия контенту в Интернете, в компьютерных играх, по телевизору, а как результат — его популяризация среди несовершеннолетней аудитории. Наблюдается тенденция к «игровизации» процесса совершения преступлений, когда подростки начинают стирать грань между реальностью и виртуальной действительностью и руководствоваться шаблонами поведения придуманных персонажей, для которых девиантное поведение является обыденностью, нормой.

Подростковая преступность — сложный, неоднозначный, но глубоко деструктивный феномен. Не достигшие совершеннолетия преступники, несомненно, могут представлять большую опасность для общества. В силу юного возраста они, совершая то или иное противоправное деяние, не всегда могут дать себе отчет не только в объ-

ективности своего проступка, но даже в большей степени в серьезности его последствий. В работе с такой категорией лиц с не окончательно сформированным сознанием решающими являются максимально возможные усилия государственной системы и общества в целом скорректировать их поврежденное негативными обстоятельствами мировосприятие и, как следствие, их дальнейшее поведение, предоставив им шанс реализовать себя в будущем как здоровую личность и достойного гражданина.

Руководствуясь именно такими ориентирами, УК РФ предусмотрел особенности назначения наказания несовершеннолетним, которые «находят свое отражение в сужении перечня наказаний, уменьшении размеров и сроков назначаемых наказаний, применении принудительных мер воспитательного воздействия» [1, с. 302]. Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним, отражены в Главе 14 УК РФ, в том числе в его ст. 58 (пункт 3), 87, 88, 89, 90, 91, 92. Статья 96 УК РФ в качестве исключения характеризует схожий подход в работе с правонарушителями в возрастной категории от восемнадцати до двадцати лет, когда с учетом особых персональных характеристик субъекта преступления, перешагнувшего рубеж совершеннолетия, он тоже может быть освобожден от наказания.

Подростку (молодому человеку), совершившему преступление, назначается судебно-психологическая экспертиза, в ходе проведения которой исследуются мотивы совершения преступления, а также психологическое и психическое состояние личности, ее зрелость и вменяемость. Определяется, прежде всего, способность человека контролировать свои поступки и принимать осознанные решения, понимать их смысл, возможное воздействие на окружающих, а также их последствия. Кроме того, такие «герои» в качестве юношеской бравады могут сознательно симулировать свой возраст или психологически относить себя к иной возрастной категории (*Экспертиза несовершеннолетних обвиняемых // [Электронный ресурс]: URL: <https://mnk-expertiza.ru/ekspertiza-nesovershennoletnix.html> (дата обращения: 11.05.2021)*). Все это требует особого подхода со стороны суда при выборе мер уголовно-правового характера.

Анализ ст. 88 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что к несовершеннолетним применимы такие виды уголовных наказаний, как штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы

на определенный срок. Причем предельные сроки такого наказания, как лишение свободы, для несовершеннолетних существенно ограничены, а в целом «наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые» (ч. 6 ст. 88 УК РФ). При этом, если несовершеннолетнему был назначен этот вид наказания, то отбывать его он будет в воспитательной колонии. Так, даже при применении самой суровой меры уголовного наказания акцент перемещен на воспитательный аспект.

Не отступаются закон и общество также от тех подростков, которые совершили преступления средней тяжести или тяжкое преступление. В статье 92 УК РФ «Освобождение от наказания несовершеннолетних» предусматривается возможность замены уголовного наказания в виде лишения свободы на помещение несовершеннолетнего преступника в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на срок не более трех лет. Эта мера используется «в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода» (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Таким образом, даже в рамках реализации требуемой в таких случаях более жесткой общественной реакции на содеянное, в законе не упущена возможная, и порой так необходимая составляющая воспитательного воздействия.

В чем заключается специфика принудительного воспитательного процесса, и к каким несовершеннолетним правонарушителям такие меры применяются? В статьях 90 и 91 УК РФ отражен перечень принудительных мер воспитательного воздействия и их содержание. Само понятие «принудительные меры воспитательного воздействия» можно трактовать как «меры государственного принуждения, которые не являются наказанием и применяются к несовершеннолетним, совершившим преступление, с целью их исправления» (Применение принудительных мер воспитательного воздействия (статья 90 УК РФ) // [Электронный ресурс]: URL: <https://64.mvd.pf/pravoinform/pravodetiya/pamyatki/item/9650333/> (дата обращения: 11.05.2021)). Важной характеристикой данных мер является то, что они не «ставят лицо в положение осужденного, не создают судимости и не могут рассматриваться как наказание» (Принудительные меры воспитательного воздействия // [Электрон-

ный ресурс]: URL: <http://ugolovnyj-zakon.ru/pravo/19-ugolovnaja-otvetstvennost-nesovershennoletnih/3-prinuditelnye-mery-vospitatelnogo-vozdeystviya.html#:~:text=Согласно%20ч.%203%20ст.%2090,следующие%20принудительные%20меры%20воспитательного%20воздействия%3A> (дата обращения: 11.05.2021)).

К основным мерам принудительного воспитательного воздействия, непосредственно определенным ч. 2 ст. 90 УК РФ, относятся следующие. Прежде всего, предупреждение – на этом этапе компетентные лица обязаны объяснить подростку серьезность его противоправных деяний и их последствия. Также может быть произведена передача несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Кроме того, на нарушителя может быть возложена обязанность загладить причиненный вред. Помимо этого, в отношении него могут быть установлены определенные ограничения досуга, особые требования к поведению, требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться.

На практике данные меры могут и должны применяться комплексно. Так, ознакомление с судебными решениями по уголовным делам в Ульяновской области показало, что «к несовершеннолетним лицам, освобождаемым как от уголовной ответственности, так и от наказания, назначается одновременно на основании ч. 3 ст. 90 УК РФ несколько видов принудительных мер воспитательного воздействия» [2, с. 279]. Такой подход можно объяснить сложностью поставленной задачи – перевоспитания личности, которая в раннем возрасте нарушает закон в силу определенным образом сформировавшегося мировоззрения и сложившихся жизненных обстоятельств. Выбор принудительных мер воспитательного воздействия должен производиться с учетом всех индивидуальных и часто противоречивых факторов.

Согласно исследованию судебной практики по уголовным делам за период с 2010 по 2017 г., проведенному профессором Е.А. Антонян, «доля несовершеннолетних, на которую приходится основное количество вынесенных судами решений о назначении принудительных мер воспитательного воздействия, приходится на возрастную категорию 14–15 лет и составляет 65%» [3, с. 113]. Однако эта возрастная категория правонарушителей в целом привлекается к ответственности примерно в два раза меньше, чем несовершеннолетние в возрасте 16–17 лет. Безусловно, статистические данные свидетельствуют о постепенной, но явной гуманизации практики применения уголовно-

правовых мер в отношении несовершеннолетних. С другой стороны, вариант назначения принудительных мер вместо наказания реализуется недостаточно, особенно применительно к молодым людям более старшего возраста, которым также необходимо давать шанс на восстановление репутации, оказывать помощь на пути исправления при неформальном последующем контроле за этой социальной и духовной работой человека над собой. Ведь в большинстве случаев судами было назначено наказание в виде лишения свободы [3, с. 112].

Следует отметить, что в 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации внес в Государственную Думу Российской Федерации законопроект о введении в УК РФ и УПК РФ понятия «уголовный проступок». Этот феномен следует понимать как совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы (за исключением ряда преступлений).

В законопроекте представлена обновленная редакция ст. 90 УК РФ, в которой говорится, что «несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок, освобождается судом от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия». В случаях необходимости возмещения ущерба, причиненного несовершеннолетним, его смогут возместить родители или законные представители. Следует отметить обязательный характер освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего уголовный проступок. Однако если подросток систематически будет игнорировать установленную воспитательную меру, она будет отменена, после чего подростка привлекут к уголовной ответственности в установленном законом порядке.

Отдельно следует сказать про замену уголовного наказания на такую меру воспитательного воздействия, как помещение несовершеннолетнего правонарушителя в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ) на срок не более трех лет. Особенность СУВУЗТ заключается в том, что, являясь местами принудительного содержания несовершеннолетних, данные учреждения проводят профилактическую работу «не только в отношении поднадзорных несовершеннолетних, но и их близких» [4, с. 102]. Профилактическая работа с контингентом носит комплексный и индивидуальный характер и включает в себя, прежде всего, изоляцию правонарушителя от общества и контроль соблюдения им установленного режима, включение подростка

в образовательный процесс, воспитательные меры и привлечение к трудовой (профорientационной и общественно полезной) деятельности. Кроме того, могут привлекаться внешние организации для наиболее эффективного воздействия на личность несовершеннолетнего. В рамках деятельности СУВУЗТ проводится наблюдение за психологическим состоянием несовершеннолетнего, изучение его поведения и мотивов, которые обусловили совершение им противозаконного деяния, а также ведется сотрудничество с правоохранительными органами и надзор за ближайшим окружением ребенка.

Несмотря на большой конструктивный потенциал, заложенный в учреждениях данного типа, статистика говорит о недостаточной разработанности системы профилактики правонарушений в России, в частности, среди лиц, не достигших возраста 18 лет. Так, в 2017 г. в СУВУЗТ было направлено 384 подростка, а в 2018 г. освобождено от наказания с направлением в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа 303 человека на 40 860 выявленных преступлений с участием несовершеннолетних, тогда как в 2019 г. число освобожденных от наказания несовершеннолетних составило 296 человек [4, с. 102].

В том случае, если несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет все же оказались привлечены к уголовной ответственности, отбывают наказание в воспитательных колониях. По достижении преступниками совершеннолетия их переводят в воспитательные колонии. Если осужденный, который достиг возраста 18 лет, получил отрицательную характеристику в период пребывания в воспитательной колонии, его могут перевести в изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, или в исправительную колонию общего режима (*ч. 1 ст. 140 УИК РФ*). В колонию общего режима переводятся все осужденные по достижении 19 лет (*ч. 3 ст. 140 УИК РФ*).

Порядок оставления в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших возраста 18 лет, регулирует ст. 139 УИК РФ. Примечательно, что в соответствии с Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ в УК РФ в качестве предельного возраста осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии, был установлен 21 год. Такой же возраст был закреплен в ст. 74 «Виды исправительных учреждений» и ст. 140 «Перевод осужденных к лишению свободы из воспитательных колоний в исправительные колонии» УИК РФ. В 2008 г.

предельный возраст пребывания в учреждении данного типа был снижен до 19 лет (Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 261-ФЗ). В то же время в 2012 г. ФСИН подготовила законопроект, который бы позволил несовершеннолетним заключенным отбывать наказание в воспитательных колониях до 25 лет при условии наличия положительной характеристики. Существовало также предположение, что при поддержке проекта Государственной Думой Российской Федерации можно было бы пойти дальше и добиться разрешения оставлять уже совершеннолетних правонарушителей в воспитательных колониях на весь срок отбывания наказания. Предлагая подобную поправку в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, пенитенциарная служба России преследовала цель сократить число молодых преступников во «взрослых» колониях и помочь им в дальнейшей социализации, а также позволить им дольше находиться в более комфортных условиях воспитательных колоний (*Заключенным продлевают детство* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2012/03/27/4107469.shtml?updated> (дата обращения 21.05.2021)). Однако Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ был сохранен предельный срок содержания осужденного в «детской» колонии — 19 лет.

В 2020 г. по данным ФСИН выявилась положительная тенденция значительного сокращения числа заключенных в возрасте до 25 лет, отбывающих наказание в колониях. Статистика охватила реалии пенитенциарных учреждений за последние 13 лет, с 2007 до конца 2019 г. По данным ФСИН, если

в 2007 г. в исправительных колониях общего режима содержалось 195 тыс. молодых заключенных, то в 2019 г. — 52 тыс. человек. Отрицательная динамика наблюдается и в воспитательных колониях — за данный период число несовершеннолетних заключенных там уменьшилось практически в 9 раз — с 10,7 тыс. в 2007 г. до 1155 человек на конец 2019 г. (*Число молодых заключенных в колониях России за 13 лет сократилось в четыре раза* // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/obschestvo/7945593> (дата обращения 03.06.2021)).

Данный феномен может быть объяснен как общей стабилизацией социально-политической ситуации в стране и средним повышением качества жизни населения России, так и постепенным изменением подхода в деятельности органов исполнения наказания.

Представляется, что процесс гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации — положительная и необходимая тенденция, которая может и должна быть осознана и поддержана на разных уровнях общества. Прежде всего, это должно коснуться работы с несовершеннолетними правонарушителями. Для компетентных органов главной задачей должно являться воспитание и перевоспитание подростков, возвращение оступившихся персон в социум и приобщение их к конструктивной деятельности и здоровому, добропорядочному образу жизни. Работа с несовершеннолетними является залогом не только безопасного сосуществования в будущем, но и развития государства в положительном направлении.

STRAFRECHTLICHE UND ERZIEHERISCHE MASSNAHMEN NACH DEM STRAFKODEX DER RUSSISCHEN FÖDERATION

Die jährlichen Daten der Kriminalstatistik der Russischen Föderation zeigen, dass die Begehung der Verbrechen durch Minderjährige bedauerlicherweise sehr verbreitet ist. Die Wahl und Festsetzung der Strafe für solche Personen werden in erster Linie durch den Tatbestand und die Schwere des Verbrechens bestimmt. Gleichzeitig wird es durch zahlreiche sozialpsychologische Voraussetzungen und moralisch-ethische Nuancen kompliziert, die als Grundlage für die Anwendung von obligatorischen Maßnahmen des Bildungseinflusses für Problemjugendliche gelten können, die ebenfalls durch das Strafgesetzbuch geregelt sind.

Als Minderjährige werden gemäß Artikel 87 des Strafgesetzbuches Russlands die Personen betrachtet, die zum Zeitpunkt der Begehung des Verbrechens im Alter von vierzehn bis achtzehn Jahren waren. Das Thema Erziehungsaspekte der strafrechtlichen Normen ist jedoch auch für die neunzehn- bis zwanzigjährigen Heranwachsenden relevant.

In Artikel 61 des Strafgesetzbuches ist die Minderjährigkeit des Täters als einer der mildernden Umstände verankert, was durch eine Reihe von Gründen erklärt werden kann. Im Einzelnen spielt die Spezifität der emotional-psychologischen Entwicklung der Persönlichkeit des Teenagers eine große Rolle. Der

Mangel an Lebenserfahrung und das sich entwickelnde Selbstbewusstsein des Individuums können das Auftreten von Krisenzuständen verursachen. Ein weiterer wichtiger Faktor für die Bildung der Veranlagung eines Teenagers zu rechtswidrigem Verhalten wäre die Umgebung, in der man sich befindet. Jedes traumatische Ereignis, das ein Teenager in der Kindheit oder in der nächsten Lebensphase erlebt, prägt seine Psyche und verhärtet ihn vermutlich. Es gibt auch Fälle, wenn die eigentlichen Organisatoren von Verbrechen, die durch die sogenannten „unreifen Täter“ begangen werden, eine volljährige Person oder eine Gruppe von volljährigen Personen sind.

In Russland ist das Problem der Popularisierung von Gewalt unter Minderjährigen und Heranwachsenden durch Inhalte, die im Internet und im Fernsehen verbreitet werden, sehr relevant. Es gibt eine Tendenz, den Prozess der Begehung von Verbrechen als Spiel anzunehmen, die Grenze zwischen der Realität und der virtuellen Welt zu löschen, die Charaktere zu imitieren, denen destruktives Verhalten eigen ist.

Infolge des jungen Alters können sich Teenager, die ungesetzliche Handlung begangen, nicht immer der Objektivität ihres Fehlverhaltens und der Schwere der Folgen bewusst sein. Bei der Arbeit mit dieser Kategorie von Personen sollten die größtmöglichen Bemühungen des staatlichen Systems und der ganzen Gesellschaft darauf ausgerichtet sein, ihre durch negative Umstände beschädigte Weltsicht und als Folge ihres weiteren Verhaltens zu korrigieren und den Straftätigen eine Chance zu geben, sich in der Zukunft als gesunde Personen und würdige Bürger zu verwirklichen.

Laut diesen Richtlinien sieht das Strafgesetzbuch einige Besonderheiten der Straffestsetzung für Minderjährige vor. Vor allem ermöglicht es, eine Strafe durch Zuchtmittel und Erziehungsmaßnahmen zu ersetzen. Die Arten von Strafen, die einem Minderjährigen zugewiesen werden, spiegeln sich in Kapitel 14 des Strafgesetzbuches wider. Artikel 96 bestimmt einen ähnlichen Ansatz in der Arbeit mit Straftätern von achtzehn bis zwanzig Jahren, indem die persönlichen Merkmale des Subjekts des Verbrechens berücksichtigt werden. Selbst wenn man volljährig wird, kann man dennoch von der Strafe befreit werden.

Dem jungen Mann, der ein Verbrechen begangen hat, wird eine forensisch-psychologische Begutachtung angeordnet, um nicht nur die Motive der Begehung solcher Taten, sondern auch psychologischen und mentalen Zustand der Persönlichkeit, ihre Reife und Vernunft zu untersuchen. Das alles erfordert eine besondere Herangehensweise des Gerichts bei der Auswahl von strafrechtlichen Maßnahmen.

Die Analyse des Artikels 88 des Strafgesetzbuches lässt den Schluss zu, dass für Minderjährige folgende

Arten von Strafen gelten: Geldstrafe; Entzug des Rechts, sich an bestimmten Aktivitäten zu beteiligen; Pflichtarbeit; Besserungsarbeit; Jugendarrest. Wenn dem Minderjährigen die Strafe in der Form der Haft angeordnet wurde, wird er die in der Arbeitserziehungskolonie dienen. So verlagert sich der Schwerpunkt sogar bei der Anwendung des strengsten Strafmaßes auf den Erziehungsaspekt.

Artikel 92 des Strafgesetzbuches „Befreiung von der Bestrafung von Minderjährigen“ sieht die Möglichkeit vor, die gerichtliche Strafe in Form von Inhaftierung durch die Unterbringung des Jugendtäters in einer geschlossenen Erziehungsanstalt auf die Dauer nicht mehr als drei Jahre, zu ersetzen. Dieses Zuchtmittel dient der Besserung eines Minderjährigen, der besondere Erziehungs- und Lernbedingungen, sowie einen speziellen pädagogischen Ansatz, erfordert.

Artikel 90 und 91 des Strafgesetzbuches spiegeln die Liste der obligatorischen Maßnahmen des Bildungseinflusses und deren Inhalt wider. Der Begriff „obligatorische Maßnahmen des Bildungseinflusses“ kann als Maßregeln des staatlichen Zwangs, die keine Kriminalstrafen darstellen, interpretiert werden. Sie gelten für Minderjährige, die ein Verbrechen begangen haben, um sie zu korrigieren.

Zu den wichtigsten Erziehungsmaßnahmen gehört vor allem die Warnung – in dieser Phase sind die zuständigen Personen verpflichtet, dem Teenager die Schwere seines Unrechts und dessen Folgen zu erklären. Es kann auch eine Übertragung der Aufsicht des minderjährigen Jugendlichen auf die Eltern, erziehungsbeauftragte Personen oder eine spezialisierte staatliche Behörde erfolgen. Darüber hinaus kann der Jugendtäter verpflichtet werden, den verursachten Schaden wiedergutzumachen. Außerdem können Freizeitarreste, besondere Verhaltensanforderungen, die Anforderung, eine Ausbildungs- oder Arbeitsstelle anzunehmen, in Bezug auf ihn festgelegt werden.

In der Praxis können und sollen mehrere Zuchtmittel und Erziehungsmaßnahmen nebeneinander angeordnet werden. Dieser Ansatz wurde im Gebiet Uljanowsk der Russischen Föderation verwendet. Dort wurden Minderjährigen als freigelassenen Personen von der strafrechtlichen Verantwortung und von der Strafe auf der Grundlage von Teil 3 des Artikels 90 des Strafgesetzbuches gleichzeitig mehrere Arten von obligatorischen Maßnahmen des Bildungseinflusses angeordnet. Die Auswahl der Maßnahmen sollte unter Berücksichtigung aller individuellen und oft widersprüchlichen Faktoren erfolgen, die die Persönlichkeitsbildung eines Problemteenagers verursacht haben.

Laut Studie der Kriminalpolizei in der Russischen Föderation für den Zeitraum von 2010 bis 2017

von Professorin Elena Antonjan, können wir schließen, dass die obligatorischen Maßnahmen des Bildungseinflusses meist vierzehn–fünfzehnjährigen auferlegt werden. Diese Altersgruppe von Tätern wird jedoch etwa doppelt so selten strafrechtlich verfolgt als Minderjährige im Alter von sechzehn bis siebzehn Jahren. In Russland gibt es einen Prozess der expliziten Humanisierung des Strafvollzugssystems. Die Praxis der Anwendung von Erziehungsmaßnahmen gegen Minderjährige, insbesondere im höheren Alter, ist jedoch nicht ausreichend entwickelt.

Die Autorin des Aufsatzes geht davon aus, dass der Prozess der Humanisierung der Strafgesetzgebung der Russischen Föderation eine positive und notwendige Tendenz ist, die auf verschiedenen Ebenen der Gesellschaft erkannt und unterstützt werden kann und muss. Besonders bedeutend ist es für die Arbeit mit Jugendtätern. Für die zuständigen Behörden sollte die Hauptaufgabe die Erziehung und Umerziehung von Jugendlichen sein, die Rückkehr der Gestrauchten in die Gesellschaft und die Einbeziehung von ihnen in konstruktive Aktivitäten und einen gesunden, respektvollen Lebensstil.

Литература

1. Волкова В.Р. Особенности назначения наказания несовершеннолетним преступникам // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 5. С. 300–304.
2. Александрова Н.С. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 3. С. 278–280.
3. Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 9. С. 112–118.
4. Бутова М.В. Специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как субъект системы профилактики правонарушений несовершеннолетних: история и современное состояние // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 2(10). С. 101–105.

References

1. Volkova V.R. Osobennosti naznacheniya nakazaniya nesovershennoletnim prestupnikam [Features of appointment of punishment juvenile offenders]. *Sovremennyye nauchnye issledovaniya i innovatsii [Modern scientific researches and innovations]*, 2016, no. 5, pp. 300–304. (In Russian, abstract in English)
2. Aleksandrova N.S. Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya: problemy pravoprimereniya [Compulsory educational measures: problems of law enforcement]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Proceedings of the Orenburg State Agrarian University]*, 2013, no. 3, pp. 278–280. (In Russian, abstract in English)
3. Antonyan E.A. Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya: problemy naznacheniya i primeneniya [Compulsory educational measures: problems of appointment and application]. *Lex russica*, 2018, no. 9, pp. 112–118. (In Russian, abstract in English)
4. Butova M.V. Spetsial'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa kak sub"ekt sistemy profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnikh: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Custodial Institutions as a Subject of Prevention of Juvenile Delinquency: History and Modern State]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia]*, 2020, vol. 5, no 2(10), pp. 101–105. (In Russian, abstract in English)

ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАМЕНЫ ПРЕДМЕТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ КОНФИСКАЦИИ, И ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗАКОННОМУ ВЛАДЕЛЬЦУ

Ефимова Дарья Петровна

Цель: выявить особенности конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации, а также проанализировать основные проблемы возмещения вреда, причиненного законному владельцу.

Методология: в статье применяются общенаучные (анализ, синтез, систематизация) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Выводы. Сущность конфискации имеет смешанный, особый характер, двойственность которого обусловлена внесением самим российским законодателем изменений в Уголовный кодекс. В настоящее время ее правовая природа установлена разделом VI УК РФ и определяется как иная мера уголовно-правового характера. Статья 104² УК РФ выполняет обеспечительную функцию, а ст. 104³ УК РФ устанавливает порядок реализации компенсационной функции уголовного права. Отдельные случаи, связанные с судьбой имущества при передаче его третьему лицу на добросовестной и возмездной основе, уголовным законодательством не закреплены. Неурегулированность вопросов установления соразмерности подлежащего замене имущества, а также требований законного владельца о возмещении вреда восполняются разъяснениями соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Научная и практическая значимость. Положения ст. 104² УК РФ о замене позволяют сделать вывод о необходимости дополнения перечня обстоятельств, которые привели к невозможной конфискации имущества, непосредственно связанного с совершением преступления. Юридическая техника нормы о возмещении причиненного преступлением имеет погрешность в несовпадении понятий ущерба в заглавии и вреда в содержании.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный кодекс, иные меры уголовно-правового характера, конфискация, изъятие, имущество, денежные средства, возмещение вреда, законный владелец, компенсация.

Конфискация есть правовое последствие совершения преступления. Ее цель заключается в том, чтобы изъять у преступника то, что не должно принадлежать ему по справедливости и по закону [1, с. 133]. Конфискация по ст. 104² УК РФ имеет все признаки, указанные в ч. 1 ст. 104¹, поэтому характеризуется как изъятие принудительного и безвозмездного характера с последующим обращением в собственность государства по обвинительному приговору. Особенность данной статьи заключается в том, что конфискации подлежит имущество, не связанное с совершением преступления. Оно является эквивалентом, так

как выражает денежную или имущественную форму предметов, указанных в ст. 104¹. Такая замена происходит, когда подлежащие конфискации предметы невозможно изъять в их натуральном, прежнем или видоизмененном состоянии.

Необходимость применения положений данной нормы возникает при наличии двух условий – при назначении конфискации по ст. 104¹ УК РФ и невозможности обратиться с иском о конкретном предмете на момент принятия судом решения о конфискации, что может быть обусловлено любыми обстоятельствами, поскольку закон строго не определяет их перечень, обозначая в качестве

примеров использование имущества или его продажу. В судебной практике встречаются случаи, когда принадлежащее виновному оборудование используется в производстве и его изъятие может привести к прекращению деятельности предприятия, известны также и случаи потери имущества, его отчуждение – продажа или дарение. Таким образом, уголовным законом установлен открытый перечень обстоятельств, при которых возможна замена.

Ранее конфискация являлась одним из видов наказания. Однако на данный момент она закреплена как иная мера уголовно-правового характера. Она направлена на возмещение причиненного преступлением ущерба, поэтому может применяться и к лицам, которые не совершали преступное деяние, но с учетом недобросовестности получили его от преступника. Иными словами, это мера защиты интересов законных владельцев имущества. Необходимо отметить, что в российском гражданском праве (ст. 301, 302 ГК РФ) незаконное владение не позволяет передать имущество в собственность другого лица, поскольку нельзя передать больше прав, чем имеешь сам. На практике роль играет добросовестность получателя, которая сохраняет за ним право собственности и дает защиту от конфискации, вследствие чего такое имущество будет заменено эквивалентом. Когда происходит передача лицу, которое обладает сведениями о том, что предмет был получен преступным путем, то замещение не происходит и применяется ст. 104¹ УК РФ. Законом не урегулировано такое существенное условие передачи, как возмездность. Судебная практика рассматривает факт дарения добросовестному пользователю как основание для замены по ст. 104² УК РФ. С нашей точки зрения, обоснованным представляется конкретизация данного момента, по которому добросовестное безвозмездное приобретение получателем имущества от «владельца не собственника» нарушает права «не владеющего собственника». Дело в том, что при изъятии незаконно переданного имущества покупателю и возвращении его собственнику, конфискация не приведет к ограничению законных прав и свобод виновного. Рассматриваемое имущество является выраженной в денежной оценке выгодой, получаемой им в результате совершения преступления, то есть при конфискации преступление теряет смысл для виновного. В то же время добросовестный приобретатель может не только не извлечь выгоду, а наоборот произвести существенные денежные затраты, направленные на поддержание состояния имущества в соответствии с его

назначением. Безусловно в дальнейшем при подаче виндикационного иска, можно урегулировать данный вопрос и в части расчетов затрат.

При решении вопроса о замене имущества, подлежащего конфискации, приоритет имеют денежные средства (ч. 1 ст. 104² УК РФ), за исключением тех, что имеют ограничения или изъяты из гражданского оборота. Законом об исполнительном производстве по ст. 101 к доходам, конфискация которых невозможна, относятся, например, алименты, компенсационные выплаты, пенсии по случаю потери кормильца и др. (*Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849*). Что касается имущества, то ст. 446 ГПК РФ определяет перечень, по которому не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, среди которых, например, государственные награды, почетные и памятные знаки, которыми награжден гражданин-должник.

Трудность при реализации вызывает и ч. 2 ст. 104² УК РФ. Стоимостная оценка предмета и его соразмерность должна опираться на его рыночную цену, при необходимости применяются положения ст. 424 ГК РФ или определение происхождения на основе судебной экспертизы, о чем свидетельствует постановление Пленума Верховного Суда от 14 июня 2018 г. № 179 (*п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8*).

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РФ было отмечено, что в силу ч. 2 ст. 104² УК РФ при недостатке денежной массы, взыскание обращается и на иное имущество виновного, стоимость которого соответствует предмету, подлежащему конфискации, либо сопоставима с ним (*апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2017 г. по делу № 50-АПУ16-23 // [Электронный ресурс]: URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08022017-po-delu-n-50-aru16-23/> (дата обращения: 05.05.2021)*). Рассматривалось дело гражданина Г., который был признан виновным в сбыте наркотических средств на общую сумму 42 000 рублей. Суд принял решение о конфискации имущества, принадлежащего осужденному Г. (автомашины и земельного участка), без выяснения их стоимости. Соответственно, не проверялся судом и вопрос о том, сопоставима ли стоимость конфискованного имущества с размером денежных средств,

полученных в результате совершения преступлений. Таким образом, размер конфискованного имущества превысил размер дохода, полученного в результате преступлений.

Судьба конфискованного имущества определяется в ст. 104³ УК РФ, которая устанавливает порядок возмещения причиненного преступлением ущерба. В названии статьи используется понятие ущерба, но в самом содержании применяется понятие вреда, которое было введено в связи с ратификацией Конвенции ООН против Коррупции 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (*Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6235*). На практике принципиальная разница отсутствует, хотя целью такого изменения является повышение гарантий защиты законных владельцев. Дело в том, что понятие вреда имеет более широкое толкование и перечень объектов. В доктрине такая теория включает в себя два элемента: возмещение ущерба – в натуральной форме, и возмещение убытков, т. е. денежного эквивалента [2]. Следует отличать возмещение от заглаживания причиненного вреда, так как последнее имеет место при причинении физических или нравственных страданий и нарушении личных неимущественных прав или нематериальных благ.

Уголовное право в первую очередь направлено на охрану публичного интереса, поэтому неотъемлемым участником уголовно-правовых отношений является государство. Оно выполняет роль «квазипотерпевшего», тем самым устраняя угрозы правопорядку как основе жизнедеятельности общества. Это означает, что, даже когда посягательство происходит на интересы конкретного лица, возникают двойственные отношения: «причинитель вреда – общество» и «причинитель вреда – потерпевший». Как правило, государство и его интересы всегда имеют главенствующую роль, но применительно к ст. 104³ УК РФ прямо закреплена концепция «причинитель вреда – по-

терпевший – государство». В тот момент, когда шло активное обсуждение вопроса о возвращении конфискации в уголовное законодательство, С.Ф. Мазур подчеркнул, что фактически это может привести к значительному оттоку капиталов из страны [3, с. 105].

Статья 104³ УК РФ не относится к самостоятельной мере уголовно-правового характера, направленной на реализацию установленного в ст. 52 конституционного права потерпевшего на компенсацию. Это продиктовано тем, что потерпевший может выступать не только в рамках уголовно-правового регулирования, но и гражданского. Обеспечение исполнения гражданского иска и иных взысканий на имущество обвиняемого в уголовном деле основано на аресте по ст. 115 УПК РФ. В таком случае удовлетворение компенсационных требований (моральных или материальных) осуществляется за счет ареста законного имущества, которое не подлежит конфискации по ст. 104¹ и 104² УК РФ. Статья 104³ УК РФ предусматривает возмещение исключительно материального вреда, и в ситуации, когда законные средства для этого отсутствуют, ущерб возмещается за счет конфискуемого имущества, из которого в доход государства идет только часть, которая осталась от возмещения причиненного вреда. Таким образом, возмещение вреда законному владельцу первично и имеет приоритет перед конфискацией имущества или соразмерных ему денежных средств. Даная норма носит императивный публичный характер и вместе с тем выполняет компенсационную функцию. Поэтому, когда суд принимает решение о конфискации, он должен удостовериться в том, что вред законному владельцу возмещен.

Закон предусматривает конфискацию имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера. Однако на практике возникают ситуации, при которых изъять имущество, связанное с совершением преступления, не представляется возможным. Для этого законодательно урегулирован механизм замены соразмерным ему денежным или имущественным эквивалентом. Кроме того, при конфискации имущества в первую очередь решается вопрос о возмещении вреда законному владельцу. Таким образом, даже при недостатке средств на первом месте стоят имущественные интересы потерпевшего.

Литература

1. Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6. С. 131–135.

2. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательствах. М.: Юрид. лит., 1950. 416 с.
3. Тогоидзе Н.В. Уголовный закон и интересы страны: обзор материалов научного обсуждения на круглом столе // Государство и право. 2006. № 1. С. 105–123.

References

1. Yani P.S. Konfiskatsiya imushchestva i ugovnaya otvetstvennost' [Confiscation of property and criminal liability]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*, 2006, no. 6, pp. 131–135. (In Russian)
2. Novitskii I.B. Obshchee uchenie ob obyazatel'stvakh [The general doctrine of obligations]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1950. 416 p. (In Russian)
3. Tогоидзе N.V. Ugolovnyi zakon i interesy strany: obzor materialov nauchnogo obsuzhdeniya na kruglom stole [Criminal law and the interests of the country: a review of the materials of the scientific discussion at the round table]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2006, no. 1, pp. 105–123. (In Russian)

ЗАПРЕТ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Торак Ирина

Цель: данная статья посвящена запрету заниматься определенной профессиональной деятельностью в соответствии с § 70 УУ ФРГ (и последующих параграфов этой главы). В частности, представлены условия назначения этой меры, а также руководящие начала, которым необходимо следовать при прогнозе опасности или проверке соразмерности назначения этой меры.

Методология: формально-юридический метод (тщательное изучение статей, комментариев и другой литературы).

Выводы. Уголовно-правовой запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью не распространяется на все группы профессий. Данная мера не применяется в отношении государственных служащих и нотариусов. Из-за ограничивающего профессиональную деятельность характера §§ 70 (абз. 1) УУ ФРГ и 132a УПК ФРГ должно быть представлено подробное обоснование назначения такой меры, которое суд выводит непосредственно из общего представления об исполнителе и о деянии. Это необходимо для того, чтобы гарантировать исполнителю эффективный контроль за назначением принудительной меры. В целом можно сказать, что проверка соразмерности в большинстве случаев оказывается в пользу исполнителя, хотя не всегда возможно однозначные критерии оценки. Кроме того, суд должен конкретно и подробно указать объем запрета, чтобы не допустить значительного ущемления профессиональной свободы в соответствии со ст. 12 Основного Закона ФРГ.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование призвано показать, что запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью служит исключительно для превенции и ресоциализации исполнителя, а не для компенсации вины.

Ключевые слова: запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью, прогноз опасности, злоупотребление профессиональной деятельностью, грубое нарушение обязанностей, запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью на определенный срок или пожизненно.

В уголовном праве Германии проводится различие между наказаниями, к которым относятся денежный штраф и лишение свободы, запрет управления транспортным средством в качестве дополнительного вида наказания (§ 44 УУ ФРГ), и утрата пригодности занимать определенные должности, права быть избранным и права голоса в качестве дополнительных последствий (§ 45 и последующие параграфы данной главы УУ ФРГ), а также меры исправления и безопасности (§ 63 и последующие параграфы данной главы УУ ФРГ). Наказание назначается за виновно совершенное противоправное деяние, в то время как меры исправления и безопасности могут быть

применены и в отношении исполнителя, действовавший без вины, если на основании соответствующего прогноза исполнитель отнесен к категории особо опасных.

Запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью согласно § 70 и последующим положениям УУ ФРГ является одной из мер исправления и безопасности. В соответствии с положениями, установленными в § 70 (абз. 1) УУ ФРГ, суд может запретить заниматься профессиональной или коммерческой деятельностью на срок от одного года до пяти лет, а в некоторых исключительных случаях запрет может быть назначен даже навсегда (абз. 2). Если существуют веские осно-

вания для предположения, что будет назначен запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью, может быть наложен временный запрет заниматься профессиональной деятельностью в соответствии с § 132a УПК.

I. Предпосылки назначения запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью

В § 70 (абз. 1) УУ ФРГ указаны требования к назначению запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью. Исполнитель должен совершить противоправное деяние, злоупотребляя своей профессиональной или коммерческой деятельностью или грубо нарушая связанные с этой деятельностью обязанности. Для принятия решения о наложении запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью судья по уголовным делам также должен иметь положительный прогноз опасности относительно вероятности совершения значительных противоправных деяний.

1. Деяние при осуществлении профессиональной или коммерческой деятельности

а) Понятия профессиональной и коммерческой деятельности

Запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью требует совершения противоправного деяния в смысле § 11 (абз. 1, № 5) УУ ФРГ. Принудительная мера может быть назначена в отношении исполнителя независимо от невынесения обвинительного приговора из-за доказанного состояния невменяемости [4, § 70 колонцифра 10]. Кроме того, мера допустима только в том случае, если деяние тесно связано с осуществляемой профессиональной или коммерческой деятельностью. Понятия профессиональной и коммерческой деятельности не раскрываются в § 70 УУ ФРГ. Применения гражданско-правовых или публично-правовых терминов не требуется, поскольку «защитная цель определения принудительной меры требует автономного толкования» [5, § 70 колонцифра 11]. Однако для термина «профессиональная деятельность» характерна и общепризнана любая долгосрочная деятельность, которая характеризуется финансовой возмездностью и требует соответствующей профессиональной компетенции [4, § 70 колонцифры 12–14].

В обществе деятельность часто имеет типично фиксированный образ [3, § 70 колонцифра 14], что может сыграть решающую роль при определении объема запрета. Неважно, является ли соответствующая деятельность источником основного или дополнительного дохода [5, § 70 ко-

лонцифра 12]. Запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью не может быть наложен на государственных служащих и нотариусов, поскольку § 45 УУ ФРГ применяется в их отношении как *lex specialis* [8, с. 60]. Коммерческая деятельность (дословно: промысел [*Gewerbe*]) – это «любая разрешенная, самостоятельная, внешне узнаваемая деятельность, осуществляемая по плану, в течение определенного периода времени и с целью получения прибыли и не являющаяся свободной профессией» [5, § 70 колонцифра 14]. Указание на определенное образование или особая особый вид деятельности не требуется.

б) Злоупотребление профессиональной или коммерческой деятельностью / грубое нарушение обязанности

Деяние, направленное на совершение преступления заключается либо в злоупотреблении профессиональной или коммерческой деятельностью, либо в грубом нарушении связанных с этой деятельностью обязанностей (альтернативные отношения) [5, § 70 колонцифра 15]. Злоупотребление означает сознательное использование профессиональных или коммерческих задач в не относящихся к профессии целях (*BGH StV 2008, 80, 81*). В отличие от второй альтернативы нормы, первый требует умышленного использования, а не конкретного нарушения связанных с конкретной деятельностью обязанностей [5, § 70 колонцифра 16]. Из этого следует, что грубое нарушение обязанностей необязательно требует наличия умысла, а скорее включает нарушение обязанностей по неосторожности. Это снижает требования к форме вины [5, § 70 колонцифра 17]. Решающим является значение нарушенной обязанности и вытекающая из этого степень нарушения обязанности (*BGH MDR 1953, 19; OLG Hamburg NJW 1955, 1568, 1569*). Значимыми для нарушения профессиональных обязанностей являются грубые, то есть особо весомые нарушения профессиональных обязанностей [3, § 70 колонцифра 19; 5, § 70 колонцифра 17]. Оба способа совершения деяния должны иметь внутреннюю, типичную для этой профессии связь с выполняемой деятельностью (*BGH StV 2008, 80, JR 2004, 469; wistra 2003*). Типичными примерами, подпадающими под состав злоупотребления, являются ненадлежащее назначение психотропных средств врачом (*BGH NJW 1975, 2249*), неправомерное использование данных о состоянии здоровья пациента [6, с. 215], передача оружия защитником своему находящемуся в заключении подзащитному (*BGHSt 28, 85*) или распространение незаконных произведений торговцами книг [9, § 70 колонцифра 10]. Типич-

ными нарушениями обязанностей, связанными с профессиональной деятельностью, являются мошенничество при выставлении счетов врачом (*Koblenz wistra 97, 280*), удаление отходов в рамках коммерческой деятельности экологически опасным способом (*LG Frankfurt NStZ 83, 171*) или нарушение предписаний законодательства, связанного с продовольственными товарами, продавцом таких товаров, как, например, введение в оборот негодного мяса (*LG Essen 56 KLS 7/06 v. 26.3.07*).

2. Прогноз опасности

Назначение запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью предполагает опасность исполнителя в будущем. Это определяется с помощью прогноза опасности [5, § 70 колонцифры 18–22]. Суд должен провести общую оценку деяния и поведения исполнителя и определить, будет ли исполнитель при дальнейшем занятии профессиональной или коммерческой деятельностью совершать значительные противоправные деяния. Самой возможности повторения преступных деяний в будущем недостаточно [7, § 70 колонцифры 14 и след.; 2, § 70 колонцифра 9]. Применительно к ст. 12 Основного Закона не могут быть предусмотрены менее жесткие требования к значимости деяний с целью избежания назначения данной меры в незначительных случаях [9, § 70 колонцифра 15]. Порога значимости достигают преступные деяния средней тяжести, которые также совершаются против и в ущерб отдельного лица, если последнее принадлежит к определенной группе лиц, или в ущерб группе лиц, представляющих широкую общественность [5, § 70 колонцифра 21]. При общей оценке должны быть приняты во внимание все соответствующие аспекты и обстоятельства. В частности, необходимо проверить, говорит ли отдельный фактор за или против такой вероятности [5, § 70 колонцифра 22] и какой вес он имеет в общей картине. В принципе учитываются не только ранее совершенные преступные деяния, но и черты характера, психологические недостатки, пригодность и усердие в профессиональной деятельности [5, § 70 колонцифра 22]. Чтобы взвесить все факторы таким образом, чтобы это было справедливо по отношению к исполнителю, необходимо соблюдать принцип соразмерности, т. е. вмешательство должно преследовать законную цель и быть подходящим, необходимым и целесообразным для достижения этой цели. Сомнительно, являются ли дисциплинарные или судебные меры более мягким средством. Это в принципе отрицается, поскольку они преследуют цели, отличные от запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью

[5, § 70 колонцифра 23]. Вмешательство уместно, если предполагаемая цель запрета «является соразмерной причине назначения принудительной меры» [5, § 70 колонцифра 23].

II. Правовые последствия

1. Длительность срока запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью

а) *Временный или пожизненный запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью*

§ 70 УУ ФРГ предусматривает временный и пожизненный запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью. Поскольку последующее продление или сокращение не допускается [2, § 70 колонцифра 14], «предполагаемый период опасности» имеет решающее значение для исчисления длительности запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью на определенный срок [9, § 70 колонцифра 23]. Если назначается максимальный срок запрета в 5 лет, то это решение требует подробного обоснования (*BGH VRS 15, 115; 31 188*). В случае запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью пожизненно, его назначение необходимо только в том случае, если ожидается, что 5 лет будет недостаточно для предотвращения опасности, исходящей от исполнителя [9, § 70 колонцифра 24]. Назначение пожизненного запрета из-за постоянного вмешательства в охраняемые правом свободы допустимо только в тяжелых исключительных случаях, например, в случае особо тяжелых и связанных со склонностью исполнителя к совершению профессиональных преступлений [9, § 70 колонцифра 24]. Так Федеральный Верховный суд Германии отменил пожизненный запрет в отношении строительного подрядчика, который, скрывая нелегальную трудовую деятельность, совершил уклонение от уплаты подоходного налога с физических лиц в размере 700 000 немецких марок, поскольку это было первое преступное деяние исполнителя (*BGH, Beschluss vom 12.09.1994 – 5 StR 487/94*). § 70a (абз. 1) УУ ФРГ предоставляет возможность заменить запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью испытательным сроком, если опасности больше не существует.

б) *Временный запрет заниматься профессиональной деятельностью*

Согласно § 132a УПК ФРГ, временный запрет заниматься профессиональной деятельностью может быть наложен, если есть неотложные причины предполагать, что будет назначен запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью. Предпосылкой является нали-

чие существенного подозрения, как в § 112 УПК [1, с. 382]. Таким образом, исходя из имеющихся фактов, должна существовать высокая вероятность того, что обвиняемый является исполнителем или соучастником противоправного деяния. Кроме того, с вероятностью, граничащей с полной уверенностью, следует ожидать, что запрет назначен со стороны суда [9, § 70 колонцифры 22–27]. Вероятностный прогноз должен учитывать все признаки § 70 УУ ФРГ. Поскольку § 132а УПК является диспозитивным положением, применение этих мер остается на усмотрение судьи.

2. Объем запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью

Суд должен конкретно и точно определить необходимый объем ограничений. Обстоятельства конкретного случая должны быть приняты во внимание при принятии решения об исполнении назначенного запрета, при этом объем запрета должен быть поставлен в зависимость от поведения, на который этот запрет налагается [5, § 70 колонцифра 25].

3. Воздействия запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью

Пока на исполнителя распространяется запрет, в соответствии с § 70 (абз. 3) УУ ФРГ, он не может заниматься профессиональной деятельностью, определенным видом профессиональной деятельности, коммерческой деятельностью или определенным видом коммерческой деятельности в интересах другого лица или поручать осуществлять эту деятельность другому лицу, зависящему от его указаний. Тем самым предотвращается обход запрета. Подразумеваются все сферы деятель-

ности, которые затрагивают или поддерживают запрещенную профессиональную или коммерческую деятельность. Даже назначение управляющим директором или осуществление подчиненной деятельности нарушает запрет. Исключением при коммерческой деятельности является осуществление данной деятельности со стороны третьего лица с дозволением затронутого [ср. 7, § 70 колонцифра 31; 2, § 70 колонцифра 16]. Нарушение запрета наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом согласно § 145с УУ ФРГ.

4. Эффективность запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью

Согласно § 70 (абз. 4, предл. 1) УУ ФРГ, запрет вступает в силу с момента вступления в законную силу приговора. В соответствии с условиями § 456с (абз. 1 и 3) УПК вступление в силу запрета может быть отложено не более чем на 6 месяцев [4, § 70 колонцифра 80].

III. Подведение итогов

Подводя итог, можно сказать, что запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью выполняет свою превентивную защитную функцию. Из-за характера, ограничивающего профессиональную деятельность §§ 70 (абз. 1) УУ ФРГ и 132а УПК, должно иметься подробное обоснование назначения принудительной меры, которое суд выводит непосредственно из полного представления об исполнителе и деянии. Это необходимо для того, чтобы гарантировать исполнителю эффективный контроль за назначением запрета. Кроме того, суд должен конкретно и подробно указать объем запрета.

BERUFSSVERBOT

Charakteristisch für das deutsche Strafrecht ist ein duales Rechtsfolgensystem. Dieses unterscheidet zwischen Strafe und Maßregeln der Besserung und Sicherung. Begeht der Täter also eine Straftat, so muss er neben der Geldbuße oder Freiheitsstrafe auch mit den Nebenstrafen (§ 45 StGB) bzw. Nebenfolgen (§§ 63 ff. StGB) rechnen. Die Nebenfolgen einer Straftat können nicht isoliert, sondern nur im Zusammenhang mit der Hauptstrafe verhängt werden. Diese dürfen vom Gericht nur dann angeordnet werden, wenn der Täter aufgrund einer entsprechenden Prognose als besonders gefährlich eingestuft wird.

Zu einer der Nebenfolgen gehört auch das Berufsverbot nach §§ 70 ff. StGB. Das Gericht kann die die Ausübung des Berufs oder Gewerbes für die Dauer von einem Jahr bis zu fünf Jahren verbieten. In einigen Ausnahmefällen kann das Verbot lebenslang angeordnet werden. Davon soll nur Gebrauch gemacht werden, wenn damit zu rechnen ist, dass eine 5-jährige Verbotsdauer zur Abwehr der vom Täter drohenden Gefahr nicht ausreicht. Das Verbot kann auch schon vorläufig angeordnet werden, so § 132a StPO. Die Nebenfolge bezieht sich auf alle Berufe oder Gewerbe; auch auf die ehrengerichtlichen und verwaltungsrechtlichen Berufe, wie Ärzte und

Steuerberater. Nach vorherrschender Meinung können für Vertreter solcher Berufe Verbote neben möglichen oder erfolgten ehrengerichtlichen oder verwaltungsrechtlichen Maßnahmen eintreten. Strittig bleibt jedoch die Frage der Möglichkeit eines Berufsverbots für Journalisten und Beamte.

Voraussetzung der Anordnung ist zunächst die Begehung einer rechtswidrigen Tat der bezeichneten Art. Diese müsste dann zum Missbrauch des Berufes oder Gewerbes oder unter grober Verletzung der mit ihnen verbundenen Pflichten zu rechtswidrigen Taten führen. Typische Beispiele für den Missbrauch eines Berufes stellen zum Beispiel die Übermittlung wichtiger Informationen an inhaftierte Terroristen oder die Entwendung von Opiaten durch den Arzt dar. Als grobe Pflichtverletzung gilt z. B. umweltgefährdende Abfallbeseitigung bei einem Galvanik-Betrieb oder die Verletzung gesundheitspolizeilicher Vorschriften durch Gewerbetreibende. Entscheidend ist, dass die Tat zumindest in einem sog. inneren berufsspezifischen Zusammenhang mit der Ausübung der Berufstätigkeit selbst steht.

Weiterhin dürfen die Entscheidungen über die Verbotsanordnung sowie ihr Umfang dem Verhältnismäßigkeitsprinzip nicht zuwiderlaufen.

Die Beurteilung der Gefährlichkeit der Tat sowie die Ausübung des richterlichen Ermessens darf zur Bedeutung eines Berufsverbots nicht außer Verhältnis stehen. Insbesondere der Umfang des Verbots muss auf die Art des drohenden Missbrauchs eindeutig angelegentlich und konkret auf den betroffenen Teilbereich beschränkt werden.

Die Folge des Berufsverbots ist die Untersagung der berufsspezifischen Ausübung innerhalb der vom Gericht festgelegten Zeit. Um Strohmanggeschäfte zu unterbinden, bestimmt § 70 Abs. 3, dass der Täter die verbotene Tätigkeit auch nicht für andere ausüben darf. Verstößt er gegen die strafrechtlich untersagte Berufsausübung, wird der Täter mit Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr oder mit Geldstrafe bestraft, sodass die Nebenfolgen der Straftat auch nicht gegenstandslos bleiben.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass das Berufsverbot als reine Sicherungsmaßregel seine Schutzfunktion gegen die spezifischen Gefahren erfüllt. Daneben wird nicht nur eine präventive Wirkung vor künftigen Straftaten, sondern die resozialisierende Einwirkung auf den Täter ausgelöst.

Литература

1. *Dahns, Christian*, Das strafrechtliche Berufsverbot in NJW-Spezial 2020.
2. *Fischer, Thomas*, Strafgesetzbuch und Nebengesetze, Kommentar, 66. Auflage 2019.
3. *Kindhäuser, Urs / Neumann, Ulfrid / Paeffgen, Hans-Ullrich* (Hrsg.), Nomos Kommentar, Band 1: §§ 1–79 StGB, 5. Auflage 2017.
4. Leipziger Kommentar, Band 3: §§ 56–79b, 12 Auflage 2008.
5. *Matt, Holger / Renzikowski, Joachim*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 2. Auflage 2020.
6. *Meier, Bernd-Dieter*, Strafrechtliche Sanktionen, 5. Aufl. 2019.
7. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 2: §§ 38–79b StGB, 4. Aufl., 2020.
8. *NJW-Sonderheft für Gerhard Schäfer zum 65. Geburtstag, 2002*, S. 57.
9. *Schönke, Adolf / Schröder, Horst*, Strafgesetzbuch Kommentar, 30. Auflage 2019.

References

1. *Dahns, Christian*, Das strafrechtliche Berufsverbot in NJW-Spezial 2020.
2. *Fischer, Thomas*, Strafgesetzbuch und Nebengesetze, Kommentar, 66. Auflage 2019.
3. *Kindhäuser, Urs / Neumann, Ulfrid / Paeffgen, Hans-Ullrich* (Hrsg.), Nomos Kommentar, Band 1: §§ 1–79 StGB, 5. Auflage 2017.
4. Leipziger Kommentar, Band 3: §§ 56–79b, 12 Auflage 2008.
5. *Matt, Holger / Renzikowski, Joachim*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 2. Auflage 2020.
6. *Meier, Bernd-Dieter*, Strafrechtliche Sanktionen, 5. Aufl. 2019.
7. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 2: §§ 38–79b StGB, 4. Aufl., 2020.
8. *NJW-Sonderheft für Gerhard Schäfer zum 65. Geburtstag, 2002*, S. 57.
9. *Schönke, Adolf / Schröder, Horst*, Strafgesetzbuch Kommentar, 30. Auflage 2019.

ПОМЕЩЕНИЕ В ЛЕЧЕБНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩЕЕСЯ НА ЛЕЧЕНИИ ОТ АЛКОГОЛЬНОЙ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ, СОГЛАСНО § 64 УУ ФРГ, С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЙ, ВНЕСЕННЫХ РЕФОРМОЙ

Виктория Штальберг

Цель: *нередки случаи, когда в дополнение к наказанию в виде лишения свободы назначается мера исправления и безопасности. Такой мерой является помещение в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости согласно § 64 УУ ФРГ. Основное внимание в этой статье уделяется не объяснению отдельных требований состава преступления, а скорее изменениям, внесенным в результате реформы. Следовательно, будут представлены соответствующие изменения, внесенные реформой в контексте требований состава преступления. Далее рассматриваются причины, которые привели к провалу реформы. Для обеспечения полноты также представлены некоторые предложения по реформированию.*

Методология: *формально-юридический метод и эмпирический метод.*

Выводы. *Даже если некоторые из внесенных изменений поначалу казались многообещающими, по разным причинам их в итоге оказалось недостаточно для достижения желаемого снижения числа помещенных в лечебное учреждение. Провал реформы связан, в частности, с тем, что § 64 (предл. 2) УУ ФРГ является дискреционной нормой. Это следует из того, что для судов установлены исключительные случаи, в которых они могут воздержаться от помещения в лечебное учреждение. Следует также учитывать, что, согласно § 67 (абз. 4) УУ ФРГ, существует возможность засчитывать время исполнения принудительной меры в срок наказания. В результате целью защитника стало помещение подзащитного в лечебное учреждение, даже если в этом нет необходимости, чтобы сделать лишение свободы максимально приятным.*

Научная и практическая значимость. *Тематика имеет практическое значение, особенно для законодателя. Это связано с тем, что, несмотря на реформу 2007 г., число помещенных в лечебное учреждение лиц отнюдь не уменьшилось, а увеличилось. Для того чтобы реально добиться того снижения, которого законодатель пытался достичь, срочно нужна новая реформа. Но для ее целесообразной реализации, помимо реформы со стороны законодателя, также требуется сотрудничество между местами лишения свободы и лечебными учреждениями.*

Ключевые слова: *меры исправления и безопасности, число помещенных в лечебное учреждение, реформа, перспективы успеха, дискреционная норма, цель защитника, законодатель.*

А. Введение

В случае помещения в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости, речь идет о мере исправления и безопасности, сопряженной с изоляцией от общества. § 64 УУ ФРГ в основном связан с реформой 2007 г.

Б. Общая информация

1. Цели и содержание реформы

Целью реформы было достижение более эффективного использования соответствующих лечебных учреждений, специализирующихся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости [12, с. 69]. Эффективность должна была

отражаться в снижении количества помещенных лиц [11, с. 433].

II. § 64 УУ ФРГ

Согласно § 36 (абз. 1, предл. 2) Закона земли Бранденбург о психических заболеваниях, помещение в лечебное учреждение должно способствовать исцелению склонности исполнителя, а также исправлению его поведения, вытекающего из этой склонности [10, с. 82]. Помещение в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости, служит защите общественности от опасных исполнителей (*BGHSt 28, 327, 332; BGH, NStZ – RR 1996, 257, 257*) из-за их зависимости от разных веществ [3, § 64 колонцифра 2]. Вместе с тем мера служит цели исцеления (*BVerfGE 91, 1, 28*) [3, § 64 колонцифра 2] зависимого лица, то есть улучшения его состояния (*OLG München, NJW 1978, 552, 552; OLG Nürnberg, NStZ 1990, 253, 253; OLG Hamm, MDR 1989, 664, 665*) [8, с. 417; 4, колонцифра 474]. Между ними существует соотношение цели и средства [13, § 64 колонцифра 1; 6, § 64 колонцифра 6]. Аналогичную позицию имеет также Федеральный Конституционный суд: «Помещение в лечебное учреждение должно быть направлено на защиту широкой общественности посредством излечения у лица соответствующей зависимости» (*BVerfGE 91, 1, 28*).

III. Эмпирические данные

С 1970-х гг. наблюдается количественный рост случаев алкоголизма и наркомании [6, § 64 колонцифра 9]. Примерно в то же время увеличилось число назначений этой меры [6, § 64 колонцифра 2]. В 2014 г. число помещенных в лечебные учреждения лиц составляло 3 822. По сравнению с 1996 г. наблюдается трехкратный рост этого показателя [14].

С. Признаки состава § 64 (абз. 1) УУ ФРГ

1.2 Предпосылка: склонность к чрезмерному употреблению алкоголя и наркотических психотропных средств

Во-первых, лицо должно иметь склонность к чрезмерному употреблению алкогольных напитков или других психотропных средств.

1. Наличие зависимости

Зависимость имеет место, когда есть устойчивая тяга к употреблению указанных веществ, которая связана с психологической предрасположенностью или приобретается в следствие повышенной потребности употреблять психотропные вещества снова и снова (*stRspr: zB. BGH, NStZ – RR 1997, 291, 291; 2003, 106, 107; 2006, 103, 104; 2011, 242, 243; BGH, NStZ 2019, 265, 266; BGH, NStZ – RR 2020, 38, 38; LG Lübeck, NStZ – RR 2009, 383,*

383). Такая склонность, скорее всего, имеет место, когда у социально благополучного человека по причине злоупотребления алкоголем либо иными психотропными веществами наблюдается деградация личности, он теряет социальную адаптацию и в результате совершает преступное деяние [1, с. 415].

2. Различные виды психотропных веществ

Помимо алкоголя, психотропными средствами считаются все вещества, вызывающие состояние опьянения [3, § 64 колонцифра 5].

3. Чрезмерное употребление

Лицо, имеющее зависимость, также должно принимать эти психотропные средства в больших количествах. Даже если тяжелое состояние здоровья и отсутствие трудоспособности могут свидетельствовать о наличии склонности (*BGH, NStZ 2005, 210, 210; BGH, NStZ – RR 2019, 175, 175*) [2, с. 685] и часто связаны с чрезмерным употреблением психотропных веществ, отсутствие такового не исключает признак их чрезмерного употребления (*BGH, NStZ – RR 2004, 384, 385; 2018, 140, 140; 2019, 76, 76*) [2, с. 685].

II.2. Предпосылка: противоправное деяние, обусловленное склонностью

Кроме того, зависимое лицо должно быть осуждено за противоправное деяние [10, с. 81], совершенное в состоянии опьянения или связанное с этой склонностью, или не осужден за это деяние только потому, что его невменяемость доказана или не исключена. Требуется установить взаимосвязь между употреблением психотропных веществ и совершением преступления (*stRspr: zB. BGH, NJW 1990, 3282, 3283; BGH, NStZ – RR 48, 48; 2017, 198, 198; 2019, 244, 244*). Она имеет место, когда деяние совершается по причине наличия у лица, совершившего противоправное деяние, алкогольной или наркотической зависимости (*BGH, NStZ – RR 2006, 204, 204; 2014, 75, 76; 2017, 336, 336*). Основная сфера применения рассматриваемой нормы – преступления, продиктованные необходимостью получения очередной дозы (*BGH, NStZ – RR 2005, 210, 210; 2017, 239, 239; 2020, 168, 169*).

III. 3. Предпосылка: прогноз общественной опасности

Последней предпосылкой § 64 (предл. 1) УУ ФРГ является опасность, что вследствие этой склонности исполнитель будет в дальнейшем совершать значительные противоправные деяния. Для этого требуется обоснованная или очевидная вероятность (*BGH, NStZ – RR 2019, 75, 75*). Здесь также должна быть взаимосвязь между склонностью и вероятными деяниями (*BGH, NStZ 2000, 25, 36; BGH, NStZ – RR 2013, 54, 55*).

Д. Изменения, внесенные реформой

1. Положение в смысле «должен»

Из формулировки «...должен...» следует, что § 64 УУ ФРГ теперь является дискреционной нормой в смысле «должен». Судам предоставлено ограниченное усмотрение (*BT – Dr. 16/1344, с. 12 и 16/5137 с. 10*). Несмотря на наличие предпосылок, в исключительных случаях можно отказаться от назначения такой меры, как помещение в лечебное учреждение (*BT – Dr. 16/5137, с. 10*). Такой исключительный случай имеет место, когда деяние в первую очередь связано с наличием у правонарушителя такого личностного недостатка, как зависимость (*BT – Dr. 16/1344, с. 12*).

II. Необходимость перспективы успеха. § 64 (предл. 2) УУФРГ

В соответствии с § 64 (предл. 2) УУ ФРГ помещение в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости, может быть назначено только в том случае, если существует достаточно высокая вероятность успешного лечения (*о старой редакции уже в BGH, NSiZ-RR 2003, 214, 214; BGH, NSiZ 2009, 442, 443*). Точнее, требуются конкретные основания для оценки перспектив успеха, а именно, что помещение зависимого лица в лечебное учреждение приведет к его исцелению или к длительному периоду без рецидива зависимости данного лица (*BGH, NSiZ 2009, 442, 443*) [13, § 64 колонцифра 14], которая должна проводиться в каждом отдельном случае [7, § 64 колонцифра 64; 16, § 64 колонцифра 12]. Готовность пройти лечение не является единственным решающим фактором перспективы успеха [12, с. 69]. Наконец, затронутое лицо не имеет права выбора в отношении назначения помещения в лечебное учреждение [7, § 64 колонцифра 64]. Достаточно, чтобы исполнитель имел стремление к лечению и выражал готовность к нему (*BGH, NSiZ – RR 2007, 171, 172; 2011, 203, 203*). С этим связан вопрос о том, в какой степени коммуникативные трудности влияют на перспективы успеха у лица, проходящего терапию [15, с. 316]. Законодатель придерживается мнения, что коммуникативные трудности следует принимать во внимание только в исключительных случаях (*BGH, StV 2012, 281, 282*). Этот подход соответствует цели реформы 2007 г. по разгрузке соответствующих лечебных учреждений (*BGH, BeckRS 2008, 694 Rn. 17*).

III. Завершение срока помещения в лечебное учреждение. § 67d (абз. 5, предл. 1) УУФРГ

Согласно § 67d (абз. 5, предл. 1) УУ ФРГ суд признает принудительное помещение в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости, ис-

черпанным, если больше не имеется предпосылок, установленных в § 64 (предл. 2) УУ ФРГ. Пребывание в лечебном учреждении может продолжаться только до тех пор, пока имеется возможность достижения целей применения данной меры [13, § 67d колонцифра 1].

IV. Порядок исполнения. § 67 (абз. 2, предл. 2 и 4) УУФРГ

В основном, согласно § 67 (абз. 1), исполнение меры осуществляется перед исполнением наказания. Однако § 67 (абз. 2) после реформы предусматривает еще два исключения из этого порядка исполнения в предложениях 2 и 4 [12, с. 70]. Согласно § 67 (абз. 2, предл. 2), наказание должно быть исполнено до меры, если оно длительное – сроком не менее трех лет (*BGH, NSiZ 2009, 261, 262; BGH, NSiZ – RR 2011, 106, 107*) – лишение свободы. Пожизненное лишение свободы под это не подпадает [5, с. 240]. Согласно § 67 (абз. 2, предл. 4), наказание исполняется до исполнения принудительной меры, если осужденное лицо депортируется за пределы Германии и ожидается, что его пребывание в пространстве действия немецкого уголовного закона будет прекращено в процессе или непосредственно после отбытия наказания.

V. Зачет времени исполнения меры в срок наказания. § 67 (абз. 4, предл. 1) УУФРГ

Согласно § 67 (абз. 4, предл. 1), если принудительная мера полностью или частично исполняется перед исполнением наказания, то время исполнения принудительной меры засчитывается в срок наказания до тех пор, пока таким образом не исполнено две трети наказания.

VI. Обязательство по привлечению эксперта. § 246a (абз. 1, предл. 2) УПК ФРГ

Обязательство по привлечению эксперта в соответствии с § 246a (абз. 1, предл. 2) УПК ФРГ связан с преобразованием § 64 УУ ФРГ в положение с ограниченным усмотрением [12, с. 69]. Согласно § 246a (абз. 1, предл. 2) УПК ФРГ, привлечение эксперта обязательно, если суд рассматривает вопрос о помещении в лечебное учреждение. Привлечение эксперта не требуется только в том случае, если помещение в лечебное учреждение явно не может быть применено (*BT – Dr. 16/5137. S. 11*) [12, с. 70].

Е. Провал реформы

Как уже отмечалось, цель реформы заключалась в снижении числа лиц, помещенных в лечебное учреждение, посредством применения упомянутых новых положений уголовного закона. Однако, исходя из уже приведенных выше статистических данных, становится ясно, что эта

цель не была достигнута. Основная причина заключается в том, что, несмотря на оформление § 64 в качестве дискреционной нормы, суд может воздержаться от помещения в лечебное учреждение только в исключительных случаях [11, с. 434]. Фактически суд **должен** по-прежнему назначать данную меру. В результате появились различные предложения по дальнейшему проведению реформ. Частичным решением может стать отмена субсидиарности помещения в лечебное учреждение [11, с. 434]. Кроме того, путем расширения § 81 УПК ФРГ заключение эксперта может предшествовать оценке степени зависимости лица в лечебном учреждении, в которое его должны будут поместить [9, с. 510]. Представляется также возможным, до основного помещения лица в лечебное учреждение назначить пробационное помещение сроком на три месяца. В дополнение к пробационному помещению можно также в течение его срока проводить регулярные оценки перспектив терапевтического успеха [9, с. 510].

Ф. Заключение

Подводя итог, можно сказать, что, даже если снижение числа помещенных в лечебные учреждения лиц, на которое была нацелена реформа,

не было достигнуто, внесенные изменения являются положительными. В частности, оформление положения в качестве дискреционной нормы само по себе имеет перспективы. Если соответствующее положение действительно было бы **настоящей** дискреционной нормой, то следовало бы исходить из того, что желаемое снижение числа помещенных имело место. Причиной неуклонного увеличения числа лиц, помещаемых в лечебные учреждения, кроется, в частности, в возможности зачета времени исполнения меры в срок наказания в соответствии со статьей 67 (абз. 4, предл. 1) УУ ФРГ. В результате этого помещение подзащитного в лечебное учреждение стало целью защитника [11, с. 434]. Имеется в виду, что на практике защитники пытаются достичь назначения этой меры, даже если она не является абсолютно необходимой, чтобы в итоге наказание было менее строгим, нежели лишение свободы. Однако в будущем потребуются законодательные нововведения. В некоторых случаях будет достаточно введения или отмены отдельных положений (например, как в § 81 УПК ФРГ), в то время как в других местах будет необходимо разработать совершенно новые концепции терапии [9, с. 513].

UNTERBRINGUNG IN EINER ENTZIEHUNGSANSTALT GEMÄSS § 64 STGB MIT FOKUS AUF DIE DURCH DIE REFORM VORGENOMMENEN ÄNDERUNGEN

Sinn des § 64 ist die Heilung von stoffgebundenen Abhängigkeiten, wobei der Schutz der Öffentlichkeit im Vordergrund steht. Eine Unterbringung ist nur möglich, sofern dies dem Schutz der Öffentlichkeit vor Abhängigkeiten dienen soll, sogenanntes Zweck-Mittel-Verhältnis.

Durch die Neufassung des § 64 – aufgrund des Gesetzes zur Sicherung der Unterbringung in einem psychiatrischen Krankenhaus und in einer Entziehungsanstalt vom 16.06.2007 (BGBl I, 1327) – wurde die Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts vom 16.03.1994 umgesetzt. Neben der Umsetzung der Vorgaben des BVerfG – nach 13 Jahren – wollte die Reform eine bessere und zielgerichtete Nutzung der Kapazitäten des Maßregelvollzugs schaffen.

Soweit es dem Bundesgesetzgeber möglich war, wurde die Unterbringung in einer Entziehungsanstalt an die Erfolgsaussichten geknüpft. Dies wird heute

ausdrücklich in § 64 S. 2 gefordert. Dies wirkte sich (unter anderem) auf weitere Bereiche aus: Auf die Voraussetzungen für die Anordnung und Fortdauer der Unterbringung und auf Lockerungen zur Pflicht eines Sachverständigengutachtens (§ 246a I S. 1 StPO). § 64 ist nun als Ermessensnorm zu qualifizieren.

Zur Unterbringung in einer Entziehungsanstalt muss (1) jemand den Hang haben, alkoholische Getränke oder andere berauschende Mittel im Übermaß einzunehmen, (2) aufgrund einer rechtswidrigen Tat, die sie im Rausch begangen hat oder die auf ihren Hang zurückgeht, verurteilt oder deshalb nicht verurteilt worden sein, weil ihre Schuldunfähigkeit erwiesen oder nicht auszuschließen ist und (3) die Begehung erheblicher Straftaten infolge des Hangs nicht auszuschließen sind (§ 64 S. 1). Zusätzlich bedarf es gemäß § 64 S. 2 der geforderten Erfolgsaussicht.

Entgegen des mit der Reform angestrebten Zieles erreichte die Zahl der Untergebrachten mit 3.822 im Jahr 2014 einen Höchststand. Immer mehr Kritiker fordern eine erneute Reform.

Die Anordnung der Unterbringung erfolgt in einem „zweistufigen Verfahren“. Mangels Beschwer für den Betroffenen scheidet eine Revision gegen die Nichtunterbringung aus.

Литература

1. *Dannhorn, Reinhold*, Zur Unterbringung in einer Entziehungsanstalt (§ 64 StGB); NStZ 2012, S. 414.
2. *Detter, Klaus*, Zum Maßregelrecht; NStZ 2015, S. 683.
3. *Fischer, Thomas*, Strafgesetzbuch, mit Nebengesetzen; 68. Aufl.; München 2021.
4. *Grünebaum, Rolf / Volckart, Bernd*, Maßregelvollzug, Das Recht des Vollzuges der Unterbringung nach §§ 63, 64 StGB in einem psychiatrischen Krankenhaus und in einer Entziehungsanstalt; 7. Aufl., Köln 2009.
5. *Kreicker, Helmut*, Die Unterbringung in einer Entziehungsanstalt neben lebenslanger Freiheitsstrafe; NStZ 2010, S. 239.
6. Leipziger Kommentar, StGB, Band 3, §§ 56–79b; 12. Aufl.; Berlin 2008.
7. Münchener Kommentar, Strafgesetzbuch, Band 2, §§ 38–79b; 4. Aufl.; München 2020.
8. *Menges, Anne*, Entziehungsanstalten als Verwahranstalten?; StV 1981, 415.
9. *Querregässer, Jan / Ross, Thomas / Bulla, Jan / Hoffmann, Klaus*, Neue Wege in die Entziehungsanstalt – Reformvorschläge für den § 64 StGB; NStZ 2016, S. 508.
10. *Reinke, Sebastian*, Privatisierung des Maßregelvollzugs nach §§ 63, 64 StGB, § 7 JGG und der Aufgaben nach §§ 81, 126a StPO, dargestellt am Beispiel des Brandenburger Modells; Potsdam 2010.
11. *Schalast, Norbert*, Missbrauch der Entziehungsanstalt; NStZ 2017, S. 433.
12. *Schneider, Ursula*, Die Reform des Maßregelrechts; NStZ 2008, S. 68.
13. *Schönke, Adolf / Schröder, Horst*, Strafgesetzbuch, Kommentar; 30. Aufl.; München 2019.
14. Statistisches Bundesamt, Strafvollzugsstatistik: Maßregelvollzug 2013/2014; 2015.
15. *Von der Haar, Michael*, Zum Urteil des BVerfG über die Unterbringung in einer Entziehungsanstalt gemäß § 64 StGB vom 16.3.1994 (NStZ 1994, 578) aus klinischer Sicht; NStZ 1995, S. 315.
16. *Von Heintschel – Heinegg, Bernd*, BeckOK StGB; 49. Ed.; München 2021.

References

1. *Dannhorn, Reinhold*, Zur Unterbringung in einer Entziehungsanstalt (§ 64 StGB); NStZ 2012, S. 414.
2. *Detter, Klaus*, Zum Maßregelrecht; NStZ 2015, S. 683.
3. *Fischer, Thomas*, Strafgesetzbuch, mit Nebengesetzen; 68. Aufl.; München 2021.
4. *Grünebaum, Rolf / Volckart, Bernd*, Maßregelvollzug, Das Recht des Vollzuges der Unterbringung nach §§ 63, 64 StGB in einem psychiatrischen Krankenhaus und in einer Entziehungsanstalt; 7. Aufl., Köln 2009.
5. *Kreicker, Helmut*, Die Unterbringung in einer Entziehungsanstalt neben lebenslanger Freiheitsstrafe; NStZ 2010, S. 239.
6. Leipziger Kommentar, StGB, Band 3, §§ 56–79b; 12. Aufl.; Berlin 2008.
7. Münchener Kommentar, Strafgesetzbuch, Band 2, §§ 38–79b; 4. Aufl.; München 2020.
8. *Menges, Anne*, Entziehungsanstalten als Verwahranstalten?; StV 1981, 415.
9. *Querregässer, Jan / Ross, Thomas / Bulla, Jan / Hoffmann, Klaus*, Neue Wege in die Entziehungsanstalt – Reformvorschläge für den § 64 StGB; NStZ 2016, S. 508.
10. *Reinke, Sebastian*, Privatisierung des Maßregelvollzugs nach §§ 63, 64 StGB, § 7 JGG und der Aufgaben nach §§ 81, 126a StPO, dargestellt am Beispiel des Brandenburger Modells; Potsdam 2010.
11. *Schalast, Norbert*, Missbrauch der Entziehungsanstalt; NStZ 2017, S. 433.
12. *Schneider, Ursula*, Die Reform des Maßregelrechts; NStZ 2008, S. 68.
13. *Schönke, Adolf / Schröder, Horst*, Strafgesetzbuch, Kommentar; 30. Aufl.; München 2019.
14. Statistisches Bundesamt, Strafvollzugsstatistik: Maßregelvollzug 2013/2014; 2015.
15. *Von der Haar, Michael*, Zum Urteil des BVerfG über die Unterbringung in einer Entziehungsanstalt gemäß § 64 StGB vom 16.3.1994 (NStZ 1994, 578) aus klinischer Sicht; NStZ 1995, S. 315.
16. *Von Heintschel – Heinegg, Bernd*, BeckOK StGB; 49. Ed.; München 2021.

ПРЕВЕНТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОБЗОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРЕВЕНТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В 1990–2011 ГГ.

Келер Лаура

Цель: дать представление о мере превентивного заключения. Рассматривается историческое развитие, а также наиболее важные судебные решения и их последствия. Эта мера является очень спорной и часто подвергается критике, а также дать оценку периода с 1990 по 2011 г., в котором данная мера реформировалась наиболее часто и была предметом решений верховных судов. При непростой тематике данной меры статья может показать основное направление для тех, кто хочет углубиться в эту тему или просто получить общее представление.

Методология: анализ, исторический метод.

Выводы. Превентивное заключение является если не самой, то одной из неоднозначных мер исправления и безопасности в уголовном праве Германии. Ее цель и эффективность часто оспариваются, но ее возникновение и развитие особенно интересны.

Научная и практическая значимость. Превентивное заключение — чрезвычайно обширная тема. Значимость статьи заключается в формировании более ясного представления об институте превентивного заключения в исторической перспективе.

Ключевые слова: превентивное заключение, приговор, опасные преступления.

Превентивное заключение как независимая от вины мера исправления и безопасности, сопряженная с лишением свободы, представляет собой попытку законодателя поставить под контроль группу людей, которые уже совершили тяжкие преступные деяния или, имея эту склонность, представляют длительную угрозу общественной безопасности. Ввиду их опасности они не освобождаются после отбытия наказания в местах лишения свободы, а остаются под постоянным контролем в превентивном заключении. Нормы, регулирующие превентивное заключение, формировались и постоянно изменялись в результате многочисленных постановлений Верховного суда и законодательных актов. Истоки этой и без того противоречивой меры часто уходят корнями в эпоху национал-социализма. В 1933 г. «Закон против опасных рецидивистов и о мерах уголовно-правового характера» (RGBl. I 1933 S. 995) создал правовую основу в Уголовном уложении Рей-

ха (*Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich*), благодаря которой опасные рецидивисты, то есть согласно § 20a УУ Рейха, лица, которым грозит значительный риск повторного совершения преступления, могли быть подвергнуты превентивному заключению в дополнение к уголовному наказанию в соответствии с § 42e УУ Рейха [11, § 66 колонцифра 18; 4, с. 87, 89; 2, с. 727]. Таким образом, дуалистическая система правовых последствий уголовно наказуемого деяния вошла в УУ ФРГ [8, с. 261, 262]. § 42e УУ Рейха гласил: «Если лицо осуждено в соответствии с § 20a как опасный рецидивист, суд должен назначить превентивное заключение в дополнение к основному наказанию, если это необходимо в целях защиты общественного спокойствия». Ужесточение наказания по § 20a было позже расширено до возможности применения смертной казни введением § 1 Закона от 4 сентября 1941 г. (RGBl. I 1941 I S.550) [16, история становления § 66]. Уже

в 1934 г. было вынесено 3723 постановления, что говорит о высокой частоте применения закона, которая объясняется также гибкими материальными предпосылками вынесения приговора того времени [9, с. 703, 711]. В последующем в результате использования рассматриваемой меры в корыстных целях для навязывания национал-социалистической идеологии более 15 000 человек были заключены в тюрьмы, а с 1942 г. помещены в концентрационные лагеря, часто задним числом [11, § 66 колонцифра 18; 3, с. 25]. Гитлер публично объявил об «истреблении преступников» в своем выступлении в берлинском Дворце спорта в 1942 г. [25, с. 599]. «Истребление через труд» привело к смерти не менее 8 000 человек, содержащихся в превентивном заключении [3, с. 25; 25, с. 599]. Однако превентивное заключение берет свое начало не в национал-социалистическом законодательстве [17, с. 31], а в предварительном проекте Уголовного уложения Швейцарии 1893 г., который предусматривал предупредительное наказание, то есть содержание в местах лишения свободы независимо от вины для защиты населения [1, с. 280, 281]. Кроме того, Уголовное уложение Рейха 1871 г. уже содержало отдельные положения, имевшие целью обеспечение безопасности. Однако система уголовно-правовых санкций все еще была монистической, — не существовало превентивных мер исправления и безопасности, а лишь возмездие за совершенное преступное деяние [23, с. 21]. После падения Третьего рейха Союзнический Контрольный совет хотел отменить все нацистские законы, в том числе и превентивное заключение [3, с. 25]. За исключением последующего превентивного заключения, а также § 1 Закона от 4 сентября 1941 г., который Союзнический Контрольный совет фактически отменил 30 января 1946 г. во время денацификации, §§ 42e и 20a без изменений стали частью Уголовного уложения ФРГ в 1953 г. Между тем злоупотребление этой мерой со стороны судебной власти в нацистскую эпоху привело к тому, что суды применяли ее лишь ограниченно [23, с. 21, 27]. В период с 1958 по 1969 г. количество постановлений о превентивном заключении сократилось всего до 200 случаев в год [12, § 66 колонцифра 11; 11, § 66 колонцифра 19]. Только после принятия в 1969 г. Первого закона о реформе уголовного законодательства (*BGBI 1969 I S. 645*) впервые с 1945 г. была проведена глубокая реорганизация системы превентивного заключения. Был кардинально изменен § 42e УУ Рейха, а § 20a был полностью отменен [12, § 66 колонцифра 2; 16, история становления § 66]. Новая

редакция § 42e была направлена в первую очередь на усиление характера данной меры как *ultima ratio*. Принцип *ultima ratio* гласит, что превентивное заключение может быть назначено только в качестве крайней меры и только в том случае, если менее жесткие меры недостаточны для удовлетворения интересов безопасности общественности [24, § 66с колонцифра 19]. Эти изменения были призваны противодействовать назначению превентивного заключения за мелкие правонарушения, которые до этого часто имели место [1, с. 280, 281; 4, с. 87, 89]. Повышение требований к порядку наложения данной меры привело к значительному сокращению числа лиц, находящихся в превентивном заключении (*BverfGE 109, 133, 136; Statistisches Bundesamt 2011, Tab. 1.1*) [22, с. 47, 48]. В соответствии со вторым законом о реформе уголовного законодательства § 42e (абз. 1 и 2) УУ Рейха стал § 66 (абз. 1 и 2) УУ ФРГ с неизменным содержанием. В 1980-х и начале 1990-х гг. превентивное заключение уже почти собирались отменить [1, с. 280, 281; 5, с. 48, 49; 3, с. 29]. Количество постановлений о превентивном заключении составляло около 30–40 случаев в год [9, с. 703, 714]. Однако в конце 90-х гг. убийства детей, сопряженные с изнасилованием, убийства детей на сексуальной почве, совершенные ранее судимыми преступниками в Германии и Бельгии, в первую очередь благодаря соответствующему освещению этих инцидентов в средствах массовой информации заставили законодательные органы отреагировать на неуклонно растущее недовольство населения в отношении борьбы с половыми преступлениями принятием 26 января 1998 г. Закона «О предупреждении преступлений против половой неприкосновенности и других опасных преступлений» (*BGBI. 1998 I S. 160*) [6, с. 99; 21, с. 1257]. Произошло изменение взглядов общества на вопросы безопасности, что привело к возрождению данного правового института и постоянному расширению положений превентивного заключения. Указанный закон вступил в силу в январе 1998 г. (*BGBI. I 1998*) [9, с. 703, 704]. Таким образом применение меры было облегчено [9, с. 703, 706]. Наконец, в 2002 г. был введен § 66a УУ ФРГ «Оговорка о назначении превентивного заключения», согласно которому суд может оговорить в приговоре назначение превентивного заключения, если исполнитель осужден за совершение одного из уголовно наказуемых деяний, указанных в § 66 (абз. 3 предл. 1) УУ ФРГ и не представляется возможным с достаточной уверенностью установить, но вероятно, что он представляет угрозу для общества в соответ-

ствии с § 66 (абз. 1 № 3) УУ ФРГ и наличествуют остальные предпосылки, указанные в § 66 (абз. 3) УУ ФРГ [7, с. 3204, 3205; 20, колонцифра 501]. В 2004 г. последовало введение в Уголовное уложение § 66b, регулирующего последующее назначение превентивного заключения [15, с. 2559, 2560]. Это дало возможность суду дополнительно назначать превентивное заключение в определенных случаях, даже в отношении уже осужденных преступников, отбывающих тюремное заключение [13, с. 3599]. В период с 2004 по 2016 г. немецкая практика назначения превентивного заключения стала предметом нескольких решений Федерального Конституционного суда и Европейского суда по правам человека. При рассмотрении отмены максимального срока назначения в десять лет на предмет соответствия ст. 103 (абз. 2) Основного Закона ФРГ, Федеральный Конституционный Суд в своем решении от 5 февраля 2004 г. (*BVerfGE 109, 133*) классифицировал превентивное заключение как меру исправления и безопасности, а не как наказание (*BVerfGE 109, 133, 167*). Эта классификация была одним из наиболее важных различий в решениях Федерального Конституционного Суда и Европейского суда по правам человека. Решение ЕСПЧ от 17 декабря 2009 г. было направлено против последующего или имеющего обратную силу уголовного наказания в случае, если лицо представляет опасность для общества [14, с. 491]. Суд рассмотрел вопрос о том, нарушает ли применение превентивного заключения на срок более десяти лет право на свободу, закрепленное в ст. 5 и принцип *Nulla Poena Sine Lege* ст. 7 (абз. 1) ЕКПЧ (*JuS 2010, 1121, 1122*) [14, с. 491, 492]. Суд пришел к выводу, что превентивное заключение в Германии, как и приговор о назначении наказания в виде лишения свободы, ведет к лишению свободы. Кроме того, лица, находящиеся в превентивном заключении, содержатся в обычных учреждениях уголовно-исполнительной системы, хотя и в отдельных блоках. Существует лишь малое количество правовых положений, конкретно регулирующих исполнение превентивного заключения, облегченные условия содержания, а также инструменты или методы, направленные на снижение опасности, исходящей от лица, находящегося в превентивном заключении (*JuS 2010, 1121, 1122/1123*). Суд считает, что превентивное заключение является одной из самых суровых, если не самой суровой мерой, которая может быть назначена. Она также имела ярко выраженный эффект устрашения. По этим причинам ЕСПЧ расценил назначение превентивно-

го заключения как наказание (*JuS 2010, 1121, 1122/1123*). После того как ЕСПЧ с 2009 г. неоднократно подвергал критике немецкую практику назначения превентивного заключения как противоречащую Европейской конвенции по правам человека, в частности, последующее продление и последующее его назначение, Федеральному Конституционному суду пришлось пересмотреть свою позицию в свете заключений ЕСПЧ (*JuS 2011, 854, 855*). Он должен был привести свое предыдущее судопроизводство в соответствие с решениями ЕСПЧ и в то же время обосновать классификацию превентивного заключения как меры исправления и безопасности [11, §60 колонцифра 40; 14, с. 491, 492]. В своем решении от 4 мая 2011 г. (*BVerfGE, 128, 326*) Федеральный Конституционный суд объявил § 66 УУ ФРГ и большинство других норм регулирования превентивного заключения несоответствующими конституции (*BVerfGE, 128, 326; NJW 2011, 1931*) [11, §60 колонцифра 1]. Решение ЕСПЧ от 17 декабря 2009 г. было в большой степени основано на том, что в то время разница между исполнением приговоров, связанных с лишением свободы, и превентивным заключением была слишком незначительной [14, с. 491, 492]. Лицам, находящимся в превентивном заключении, должны быть обеспечены облегченные условия содержания, льготы и, прежде всего, психологическая помощь, которая четко отделяет превентивное заключение от обычного тюремного заключения. Требование отделения от обычного отбывания наказания осужденными, уже сформулированное в решении Федерального Конституционного суда от 5 февраля 2004 г., не было достаточно конкретизировано. Таким образом, Федеральный Конституционный суд должен был создать конституционные критерии для разработки независимой от вины меры исправления и безопасности, которые бы явно отличались от критериев, предъявляемых к наказанию. Федеральный Конституционный суд сформулировал семь принципов, которые должны были стать ориентиром для детализированного законодательства, чтобы регулирование реализации права на свободу лиц, находящихся в превентивном заключении, полностью осуществлялось законодательной властью, а не тюремной администрацией и уголовными судами. Законодатель отреагировал на это принятием Федерального закона об обеспечении федеральным законодательством Германии соблюдения требования разграничения правового института превентивного заключения и уголовного наказания (*BGBI. 2012, S. 2425*). Особое значение имеет § 66c УУ ФРГ,

который был введен этим законом и содержит в себе принципы Федерального Конституционного суда в отношении требования отделения от обычного отбывания наказания заключенными и, таким образом, порядка исполнения приговора [1, с. 161, 172; 14, с. 491, 493]. Ориентиром для последующего регулирования должен был стать § 2 Федерального закона о помещении на предупредительное лечение психически неуравновешенных преступников [19, с. 1638, 1639]. Положения §§ 66–66b УУ ФРГ, которые когда-то были признаны неконсти-

туционными, были приняты практически без изменений [12, § 66 колонцифра 7]. Наследием этих решений является ориентированное на терапию превентивное заключение, которое четко отделено от отбывания наказания. Кроме того, решения Федерального Конституционного суда дают понять, что в будущем никто из лиц, находящихся в превентивном заключении, не может считаться неисправимым, и даже в сложных случаях необходимо искать пути, которые могут привести к освобождению.

DIE SICHERUNGSVERWAHRUNG. EINE DARSTELLUNG DER ENTWICKLUNG DER SICHERUNGSVERWAHRUNG MIT SCHWERPUNKT AUF DIE JAHRE 1990–2011

Die Sicherungsverwahrung als schuldunabhängige, freiheitsentziehende Maßregel zur Besserung und Sicherung stellt den Versuch des Gesetzgebers dar, eine Gruppe von Menschen unter Kontrolle zu bringen, die bereits schwere Straftaten begangen haben und wegen eines Hangs zur Begehung von Straftaten fortdauernd eine Gefahr für die öffentliche Sicherheit darstellen. Durch ihre Gefährlichkeit werden sie auch nach der Abbüßung der Strafe in einer Vollzugsanstalt nicht freigelassen, sondern verbleiben unter stetiger Begutachtung in der Sicherungsverwahrung. Gesetzlich geregelt ist die Maßregel in den §§ 66, 66a, 66b, 66c StGB. Die Geschichte der Sicherungsverwahrung zeigt, wie problematisch diese Maßregel ist. Ihren Ursprung fand sie bereits in einem Vorentwurf eines Schweizer Gesetzbuches im Jahr 1893. Ihren Einzug in ein deutsches Gesetzeswerk fand sie jedoch erst im Jahr 1933, unter der Herrschaft der Nationalsozialisten. Dort wurde diese Maßregel später zur Durchsetzung der Nationalsozialistischen Ideologien missbraucht. Mit Ende des zweiten Weltkrieges wurde sie trotz Entnazifizierung der Gesetze durch den Alliierten Kontrollrat Teil des StGB. Gerade auch durch diese Vergangenheit wurde die Maßregel bis in die neunziger Jahre des letzten Jahrhunderts so selten von der Justiz angewandt, dass sie kurz vor der Abschaffung stand. Ein Umschwung in Sachen Sicherheitsdenken der Gesellschaft sollte jedoch Ende der neunziger Jahre dazu führen, dass der Gesetzgeber die Sicherungsverwahrung wiederentdeckte und belebte. Auslöser dieses Umdenkens waren mehrere Sexualmorde an Kindern von bereits vorbestraften Sexualtätern in Deutschland und Belgien. Durch die

Verabschiedung des Gesetzes zur Bekämpfung von Sexualdelikten und anderen gefährlichen Straftaten im Januar 1998 wurden die formellen Anforderungen an die Unterbringung gesenkt. Somit wurde die Unterbringung erleichtert. Was folgte war eine stetige Ausweitung der Vorschriften zur Unterbringung in der Sicherungsverwahrung. Dies beschäftigte in den Jahren 2004 bis 2016 sowohl das Bundesverfassungsgericht (BVerfG) als auch den Europäischen Gerichtshof für Menschenrechte (EGMR). Sowohl die nachträgliche als auch die vorbehaltene Sicherungsverwahrung, die Einordnung der Sicherungsverwahrung als Strafe oder Maßregel und die Unterbringungsrealität in der Sicherungsverwahrung waren Hauptpunkte des Dialoges zwischen den beiden Gerichten. Das BVerfG erklärte die damaligen Regelungen der Sicherungsverwahrung im Jahre 2011 schließlich für verfassungswidrig und ordnete eine Reformierung derselben an. Das Erbe dieser jahrelangen Rechtsprechung ist zum einen, dass die Sicherungsverwahrung mit Therapieangeboten eine Perspektive für Straftäter mit einem Hang zu gefährlichen Straftaten bieten soll, und dass sich der Maßregelvollzug klar von dem Strafvollzug zu unterscheiden hat. Es müssen den Verwahrten Hafterleichterungen und Privilegierungen gewährt werden. Da die Sicherungsverwahrung nicht an bereits begangenes Unrecht anknüpft, sondern mit ihr versucht wird, zukünftiges Unrecht zu verhindern, ist der Abstand zum regulären Strafvollzug erforderlich. Dieses sogenannte Abstandsgebot ist in § 66c StGB normiert.

§ 66 StGB stellt verschiedene Anforderungen an die Täter und ihre begangenen Taten. Abs. I betrifft mehrfach vorverurteilte Wiederholungstäter, Abs. II

bezieht sich auf mehrere Anlasstaten, Abs. III auf bestimmte Katalogtaten und Abs. IV gibt Aufschluss über die Vorverurteilungen, die nicht berücksichtigt werden dürfen. Materielle Voraussetzung des § 66 I S. 1 Nr. 4 StGB ist ein Täter, der infolge eines Hanges zum Zeitpunkt der Verurteilung für die Allgemeinheit gefährlich und zur Begehung erheblicher Straftaten in der Lage ist. Die Gefährlichkeitsprognose soll eine taugliche Entscheidungsgrundlage liefern, inwiefern die Person eine Gefahr für die Allgemeinheit

darstellt. Hier ergeben sich jedoch Probleme wie Falschprognosen und eine tendenziell eher hoch angelegte Gefährlichkeit durch die Gutachter. Die Problematik wird vom BVerfG zugestanden, aber als unumgängliches Risiko, das mit dem Recht einhergeht, gesehen.

Die Maßregel der Sicherungsverwahrung gibt immer wieder Anlass, zwischen der Freiheit des Einzelnen und der Sicherheit Vieler abwägen zu müssen.

Литература

1. *Bartsch, Tillmann*, Verfassungsrechtlicher Anspruch und Vollzugwirklichkeit – Ergebnisse einer Empirischen Studie zum Vollzug der Sicherungsverwahrung, *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, 2008.
2. *Esser, Robert*, Sicherungsverwahrung, *Fachzeitschrift Juristische Arbeitsblätter* 2011.
3. *Harzer, Regina (Hrsg.) / Mushoff, Tobias*, Strafe – Maßregel – Sicherungsverwahrung, Eine Kritische Untersuchung über das Verhältnis von Schuld und Prävention, Peter Lang, Frankfurt am Main 2008.
4. *Höffler, Karin / Kaspar, Johannes*, Warum das Abstandsgebot die Probleme der Sicherungsverwahrung nicht lösen kann, *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft* 2012.
5. *Kinzig, Jörg*, Die Entwicklung der Gesetzgebung zur Sicherungsverwahrung und die damit verbundenen Auswirkungen auf ihre Klientel, *Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie* 2010.
6. *Kinzig, Jörg*, Die Sicherungsverwahrung: bewährt oder obsolet? *Zeitschrift für Rechtspolitik*, 1997.
7. *Kinzig, Jörg*, Das Gesetz zur Einführung der vorbehaltenen Sicherungsverwahrung, *Neue Juristische Wochenschrift* 2002.
8. *Kröber, Hans-Ludwig*, Psychiatrische Aspekte der Sicherungsverwahrung, *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, Band 87 Heft 3, De Gruyter 2004.
9. *Laubenthal, Klaus*, Die Renaissance der Sicherungsverwahrung, *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft* 2004, Heft 3.
10. *Meier, Bernd-Dieter*, *Strafrechtliche Sanktionen*, 5. Aufl., Hannover 2019.
11. *Münchener Kommentar zum StGB*, Band 2: §§ 38–79 b StGB, 4. Auflage, München 2020.
12. *Nomos Kommentar zum StGB*, Band 1: §§ 1–358 StGB, 5. Auflage, Baden – Baden 2017.
13. *Peglau, Jens*, Die nachträgliche Sicherungsverwahrung, das Rechtsmittelverfahren und das Verschlechterungsverbot, *Neue Juristische Wochenschrift* 2004.
14. *Peglau, Jens*, Die Sicherungsverwahrung im Dialog zwischen EGMR und BVerfG, *Juristische Rundschau* 2016.
15. *Poseck, Roman*, Das Gesetz zur Einführung der nachträglichen Sicherungsverwahrung, *Neue Juristische Wochenschrift* 2004.
16. *Rissig-van Saan / Peglau, Jens*, *Leipziger Kommentar StGB Online*, De Gruyter 2014.
17. *Regler, Claudia*, Sicherungsverwahrung im Kontext von Sicherheitskultur, Eine sicherheitskulturelle Analyse der Gesetzgebung zur Maßregel der Sicherungsverwahrung im Deutschen Bundestag von 1994 bis 2013.
18. *BM-Online Elektronische Schriftenreihe der KrimZ*, Band 21, Wiesbaden 2020.
19. *Renzikowski, Joachim*, Abstand halten! – die Neuregelung der Sicherungsverwahrung, *Neue Juristische Wochenschrift*. 2013.
20. *Schäfer, Gerhard / Sander, Günther / Van Gemmeren, Gerhard*, *Praxis der Strafzumessung*, 6. Auflage, München 2017.
21. *Schöch, Heinz*, Das Gesetz zur Bekämpfung von Sexualdelikten und anderen gefährlichen Straftaten vom 26. 01. 1998, *Neue Juristische Wochenzeitschrift* 1998.
22. *Schöch, Heinz*, Sicherungsverwahrung im Übergang, *Neue Kriminalpolitik* 2012.
23. *Stisser, Davina Theresa*, *Schriften zur Kriminologie*, Band 14, Die Sicherungsverwahrung – de lege lata et de lege ferenda, 1. Aufl. 2019.
24. *Von Heintschel – Heinegg, Bernd (Hrsg.) / Ziegler, Theo*, *Beckscher Online-Kommentar*, 48. Edition, München 2020.

25. *Wiedemann, Felix*, Band 67, Heft 4: „Anständige“ Täter – „asoziale“ Opfer; Vierteljahrs Heft für Zeitgeschichte, De Gruyter 2019.

References

1. *Bartsch, Tillmann*, Verfassungsrechtlicher Anspruch und Vollzugwirklichkeit – Ergebnisse einer Empirischen Studie zum Vollzug der Sicherungsverwahrung, Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik, 2008.
2. *Esser, Robert*, Sicherungsverwahrung, Fachzeitschrift Juristische Arbeitsblätter 2011.
3. *Harzer, Regina (Hrsg.) / Mushoff, Tobias*, Strafe – Maßregel – Sicherungsverwahrung, Eine Kritische Untersuchung über das Verhältnis von Schuld und Prävention, Peter Lang, Frankfurt am Main 2008.
4. *Höffler, Karin / Kaspar, Johannes*, Warum das Abstandsgebot die Probleme der Sicherungsverwahrung nicht lösen kann, Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft 2012.
5. *Kinzig, Jörg*, Die Entwicklung der Gesetzgebung zur Sicherungsverwahrung und die damit verbundenen Auswirkungen auf ihre Klientel, Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie 2010.
6. *Kinzig, Jörg*, Die Sicherungsverwahrung: bewährt oder obsolet? Zeitschrift für Rechtspolitik, 1997.
7. *Kinzig, Jörg*, Das Gesetz zur Einführung der vorbehaltenen Sicherungsverwahrung, Neue Juristische Wochenschrift 2002.
8. *Kröber, Hans-Ludwig*, Psychiatrische Aspekte der Sicherungsverwahrung, Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform, Band 87 Heft 3, De Gruyter 2004.
9. *Laubenthal, Klaus*, Die Renaissance der Sicherungsverwahrung, Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft 2004, Heft 3.
10. *Meier, Bernd-Dieter*, Strafrechtliche Sanktionen, 5. Aufl., Hannover 2019.
11. Münchener Kommentar zum StGB, Band 2: §§ 38–79 b StGB, 4. Auflage, München 2020.
12. Nomos Kommentar zum StGB, Band 1: §§ 1–358 StGB, 5. Auflage, Baden – Baden 2017.
13. *Peglau, Jens*, Die nachträgliche Sicherungsverwahrung, das Rechtsmittelverfahren und das Verschlechterungsverbot, Neue Juristische Wochenschrift 2004.
14. *Peglau, Jens*, Die Sicherungsverwahrung im Dialog zwischen EGMR und BVerfG, Juristische Rundschau 2016.
15. *Poseck, Roman*, Das Gesetz zur Einführung der nachträglichen Sicherungsverwahrung, Neue Juristische Wochenschrift 2004.
16. *Rissig-van Saan / Peglau, Jens*, Leipziger Kommentar StGB Online, De Gruyter 2014.
17. *Regler, Claudia*, Sicherungsverwahrung im Kontext von Sicherheitskultur, Eine sicherheitskulturelle Analyse der Gesetzgebung zur Maßregel der Sicherungsverwahrung im Deutschen Bundestag von 1994 bis 2013.
18. BM-Online Elektronische Schriftenreihe der KrimZ, Band 21, Wiesbaden 2020.
19. *Renzikowski, Joachim*, Abstand halten! – die Neuregelung der Sicherungsverwahrung, Neue Juristische Wochenschrift. 2013.
20. *Schäfer, Gerhard / Sander, Günther / Van Gernerren, Gerhard*, Praxis der Strafzumessung, 6. Auflage, München 2017.
21. *Schöch, Heinz*, Das Gesetz zur Bekämpfung von Sexualdelikten und anderen gefährlichen Straftaten vom 26. 01. 1998, Neue Juristische Wochenzeitschrift 1998.
22. *Schöch, Heinz*, Sicherungsverwahrung im Übergang, Neue Kriminalpolitik 2012.
23. *Stisser, Davina Theresa*, Schriften zur Kriminologie Band 14, Die Sicherungsverwahrung – de lege lata et de lege ferenda, 1. Aufl. 2019.
24. *Von Heintschel – Heinegg, Bernd (Hrsg.) / Ziegler, Theo*, Beckscher Online-Kommentar, 48. Edition, München 2020.
25. *Wiedemann, Felix*, Band 67 Heft 4: „Anständige“ Täter – „asoziale“ Opfer; Vierteljahrs Heft für Zeitgeschichte, De Gruyter 2019.

НАДЗОР ЗА ПОВЕДЕНИЕМ

Йохим Феликс

Цель: предметом статьи является изложение существующих опасений и критических замечаний относительно института надзора за поведением согласно § 61 (№ 4) УУ ФРГ. Основное внимание здесь уделяется аспектам угрозы наказания в соответствии с § 145а УУ ФРГ, судебного постановления о назначении надзора за поведением, согласно § 68 (абз. 1) УУ ФРГ, полного отбывания срока наказания в соответствии с § 68f УУ ФРГ и отсутствия средств надзора за поведением. При введении в тематику сначала будут рассмотрены основные пункты надзора за поведением.

Методология: формально-юридический метод.

Выводы. Надзор за поведением является функциональной мерой при правильном применении. Сегодня она признана уголовной санкцией, но все же имеет слабые места. В частности, должны быть выделены достаточные финансовые ресурсы, чтобы надзор за поведением мог функционировать как эффективный институт.

Научная и практическая значимость. Разъяснения показывают, что существующая критика относительно института надзора за поведением, с одной стороны, оправдана, а с другой стороны, может быть в значительной степени устранена. Анализ существующих недостатков призван привлечь внимание к проблеме.

Ключевые слова: надзор за поведением, угроза наказания, нарушение указаний, § 145а УУ ФРГ, судебное постановление, полное отбывание наказания, § 68f УУ ФРГ, отсутствие средств надзора.

I. Общее

Чтобы не освобождать лиц, совершивших преступление, склонных к совершению аналогичных деяний, вслепую после отбывания или тюремного заключения или исполнения принудительной меры, существует институт надзора за поведением, регламентируемый § 61 (№ 4) УУ ФРГ. Надзор за поведением является мерой, не связанной с лишением свободы [14, § 68 колонцифра 1], и подробно регулируется в § 68 и в последующих параграфах этой главы. Целью является как поддержка, так и наблюдение за осужденными с негативным правовым прогнозом [14, § 68 колонцифра 1; 6, глава 6 колонцифра 28; 18, перед § 68 колонцифра 1], что служит ресоциализации и предотвращению дальнейших преступлений (*BVerfGE* 55, 28, 29). Поэтому говорят о так называемой «двойной функции» надзора за поведением [8, перед §§ 68–68g колонцифра 9; 28 § 68 колонцифра 2].

Эта мера действует с 1975 г. и заменила резко критикуемый полицейский надзор [24, перед § 68 колонцифра 1, 27, § 68 колонцифра 1; 25, с. 442]. После введения надзор за поведением был реформирован и значительно расширен впервые в 2007 г., а затем в 2011 г. [4, с. 268].

Надзор за поведением может осуществляться либо на основании судебного постановления (§ 68 абз. 1 УУ ФРГ), либо на основании закона (§ 68 абз. 2 УУ ФРГ) [27, § 68 колонцифра 4; 12, § 68 колонцифра 1]. К органам, упомянутым в § 68а УУ ФРГ, относятся орган надзора, уголовно-исполнительная инспекция, суд и судебная амбулатория. В рамках § 68b УУ ФРГ осужденные могут быть ограничены указаниями суда. В принципе длительность срока надзора за поведением составляет минимум два года и максимум пять лет (§ 68с абз. 1 предл. 1 УУ ФРГ). Однако в случаях, предусмотренных § 68с

(абз. 2 и 3) УУ ФРГ, также возможно установление бессрочного надзора.

II. Опасения и критические замечания

Надзор за поведением с самого начала подвергался резкой критике [27, § 68 колонцифра 2; 8, перед §§ 68–68g колонцифра 12]. В прошлом предлагались не только альтернативы, но и полная отмена данного института [20, с. 525; 26, с. 369, 370]. Однако альтернативные предложения не очень подходили в качестве замены института надзора за поведением и в итоге имели больше недостатков, чем достоинств [20, с. 525]. Например, согласно одному из проектов контрольную функцию надзора за поведением должны были практически полностью отменить, что было бы недопустимо и безответственно с точки зрения безопасности населения. Законодатель сохранил надзор за поведением и реформировал его [14, § 68 колонцифра 1]. Благодаря этому голоса, призывающие к упразднению института надзора, в значительной степени затихли [22, гл. 8 с. 268]. Сегодня надзор за поведением признан уголовной санкцией [23, с. 262], но все же имеет существенные недостатки [8, перед §§ 68–68g колонцифра 13].

1. Угроза наказания § 145a УУ ФРГ

Во-первых, широко критикуется угроза наказания при нарушении поднадзорным лицом указаний во время производства надзора за его поведением согласно § 145a УУ ФРГ.

а) Назначение наказания за простое неповиновение

Что касается указаний в № 8 и 9 § 68b (абз. 1, предл. 1) УУ ФРГ, то частично предполагается, что § 145a УУ ФРГ не соответствует конституции [22, гл. 3 с. 42; 12, § 68b колонцифра 18; 27, § 145a колонцифра 2]. Это обосновывается тем, что возможное несообщение об изменении места жительства или безработице никоим образом не может привести к уголовно-правовой опасности и тем самым к угрозе обществу, требующей назначения принудительной меры в смысле § 145a УУ ФРГ. Несоблюдение этих правил поведения не должно наказываться, поскольку таким образом наказанию подлежало бы только простое неповиновение.

Однако возражения против этой позиции заключаются в том, что определенные места жительства и работы могут способствовать рецидиву осужденных [13, § 145a колонцифра 6; 27, § 145a колонцифра 7]. Налагая обязательство незамедлительно сообщать о любых изменениях в этом отношении, орган надзора может реагировать на

потенциальные опасности, исходящие от среды [13, § 145a колонцифра 6]. Кроме того, указание предотвращает разрыв контактов при утаивании смены места жительства, чтобы можно было по-прежнему обеспечивать наблюдение за осужденным [5, § 145a колонцифра 8; 13, § 145a колонцифра 6].

Что касается безработицы, то нарушение указаний всегда может быть сопряжено с уголовно-правовой опасностью, если исполнители, у которых уже имеется негативный прогноз правового поведения, пренебрегают поиском работы после освобождения из мест лишения свободы и со временем считают более привлекательным для себя зарабатывать деньги, снова совершая преступления, а не работая на законных основаниях [13, § 145a колонцифра 6].

При таких обстоятельствах наказуемо создание угрозы нарушения целей принудительной меры, как того требует § 145a УУ ФРГ, а не простое неповиновение, поэтому следует исходить из конституционности данного положения.

б) Дальнейшая критика

Кроме того, критикуется то, что санкция за нарушение указаний, которое призвано помочь осужденному, не учитывает идею ресоциализации надзора за поведением [9, § 145a колонцифра 7; 26, с. 370]. Угроза наказания форсирует ресоциализацию затрагиваемых лиц, что противоречит собственно идее уголовно-исполнительной инспекции и ведет к утрате доверия со стороны осужденного к уголовно-исполнительному инспектору [9, § 145a колонцифра 7; 26, с. 370; 29, с. 255].

Кроме того, уголовная ответственность за нарушение указаний подвергается критике за то, что уклонение от государственного контроля за преступностью не должно квалифицироваться как наказуемое деяние так же, как и в случае побега из мест лишения свободы [21, с. 411].

Хотя высказывались мнения о необходимости отмены § 145a УУ ФРГ, законодатель решил повысить предел наказания [3, с. 279; 16, с. 154]. Значимость § 145a УУ ФРГ для законодателя является очевидной, поскольку ранее высказывались соображения об отказе от надзора за поведением в целом, если требования о наказании за нарушение указаний не могут быть выполнены [13, § 145a колонцифра 2]. За нарушение указаний может быть применено адекватное наказание только с помощью этого положения, что означает, что § 68b (абз. 1) УУ ФРГ приобретает все большее значение и только благодаря этому становится эффективным инструментом надзора за поведением [2, с. 406; 20, с. 526; 13, § 145a колонцифра 2].

Кроме того, применение § 145а УУ ФРГ должно быть ограничено отдельными разумными случаями и не применяться для наказания каждого нарушения [18, перед § 68 колонцифра 5; 20, с. 526].

К тому же § 145а УУ ФРГ в любом случае применяется с осторожностью и ограничен несколькими случаями (505 обвинительных приговоров в 2013 г.) [19, § 145а колонцифра 6]. Даже если обоснованная критика сохраняется, § 145а УУ ФРГ может быть эффективным средством [18, перед § 68 колонцифра 5; 20, с. 526].

2. Судебное постановление о назначении надзора за поведением

Еще одним предметом критики является необходимость судебного постановления о назначении надзора за поведением поднадзорного лица в соответствии с § 68 (абз. 1) УУ ФРГ [16, с. 154; 8 перед §§ 68–68g колонцифра 22; 26, с. 370]. Проблема в том, что судьи уже во время вынесения обвинительного приговора в отношении исполнителя должны составить прогноз негативного поведения на период после его освобождения из мест лишения свободы [2, с. 404; 26, с. 370].

Однако во время вынесения приговора трудно предугадать, будет ли осужденный продолжать представлять опасность после отбытия наказания в виде лишения свободы [2, с. 404].

По этой причине надзор за поведением в силу судебного постановления на практике применяется редко (25 случаев в 2017 г.) [15, гл. 5 с. 284] и теряет свое значение [26, с. 370].

Сохранение этого инструмента нельзя объяснить целью, преследуемой судебным постановлением, а именно удовлетворением потребностей населения в безопасности (*BT-Dr 16/1993, S. 14*) [3, с. 280]. Чувство безопасности нельзя усилить этим положением, поскольку оно и так почти не замечается обществом [3, с. 280]. Закон предлагает достаточно возможностей для охраны общественной безопасности (например, § 68f абз. 1 УУ ФРГ), поэтому судебное постановление является излишним [2, с. 404; 3, с. 280].

3. Лица, полностью отбывшие наказание

Есть также опасения по поводу надзора за поведением после полного отбытия наказания согласно § 68f УУ ФРГ [14, § 68 колонцифра 2; 17, с. 189; 8, § 68f колонцифра 2].

Основания отбывания наказания в полном объеме заключаются не только в том, что относительно оставшейся части наказания не могло быть применено условное наказание с испытательным сроком в связи с отсутствием положительного прогноза, но и в добровольном отказе осужденного от условно-досрочного освобождения от наказания

(§ 57 УУ ФРГ). В связи с этим тотальное предположение о потенциальной опасности для этой группы считается недопустимым [17, с. 189]. Кроме того, критикуется также тотальное предположение о потенциальной опасности в том смысле, что рецидив у осужденных, полностью отбывших наказание, не увеличивается существенно по сравнению с группой исполнителей, в отношении которых относительно оставшегося периода наказания было применено условное наказание с испытательным сроком, и поэтому не является оправданным [17, с. 190].

В связи с длительным лишением свободы надзор за поведением, как правило, считается необходимым для ресоциализации и наблюдения в качестве «замены испытательного срока», а также в случае отбытия наказания в полном объеме только потому, что осужденный не дал согласия на применения условного наказания с испытательным сроком в соответствии с § 57 (абз. 1 предл. 1 № 3) УУ ФРГ [2, с. 405]. Кроме того, положение в § 68f (абз. 2) гарантирует, что надзор за поведением не устанавливается, если правовой прогноз положительный, и что в отдельных случаях может быть принято соразмерное решение (*BVerfGE 55, 28, 31*). Таким образом, существующие опасения могут быть в значительной степени устранены.

4. Отсутствие средств для осуществления надзора

Законодательные разработки и реформы надзора за поведением являются шагами в правильном направлении, однако от них мало пользы, если они не могут быть реализованы на практике [10, с. 248; 16, с. 154; 25, с. 447; 29, с. 255]. Есть случаи, когда один уголовно-исполнительный инспектор отвечает примерно за 100 осужденных (в их числе лица, в отношении которых было применено условное наказание с испытательным сроком и надзор за поведением) [1, с. 13]. По этой причине существуют призывы как к увеличению штата [3, с. 277; 11, перед § 68 колонцифра 2; 21, с. 402], так и к расширению судебно-медицинских амбулаторий и неотложных коек в системе исполнения мер исправления и безопасности [25, с. 447]. Даже если это поначалу повлечет за собой определенные расходы для федеральных земель, в долгосрочной перспективе расходы можно сократить за счет ожидаемого сокращения стационарных мер. Кроме того, предоставление финансовых средств для обеспечения безопасности общества должно быть для земель само собой разумеющимся.

Следует также инвестировать в дальнейшее обучение персонала, чтобы он имел достаточную квалификацию, особенно для работы с широким кругом лиц, имеющих психические заболевания [7, с. 9].

III. Заключение

В будущем еще предстоит увидеть, будет ли судебное постановление полностью отменено из-за все большей потери его значимости и в какой мере будут выделены достаточные финансовые средства для надзора за поведением. Что касается

угрозы для целей принудительной меры наказания по § 145a УУ ФРГ и полного отбывания по § 68f УУ ФРГ, опасения в основном рассеялись.

Несмотря на недостатки, надзор за поведением является эффективной и общепризнанной мерой исправления и безопасности.

FÜHRUNGSAUFSICHT

Die Führungsaufsicht gehört nach § 61 Nr. 4 des deutschen Strafgesetzbuches zu den Maßregeln der Besserung und Sicherung. Sie dient der Prävention von Straftaten und ist in den §§ 68 ff. StGB geregelt. Die Führungsaufsicht ist eine nicht freiheitsentziehende Maßregel. Sie stellt dabei keine doppelte Sanktionierung derselben Tat dar, sondern ist eine an die eigentliche Verurteilung anknüpfende Maßregel.

Die Führungsaufsicht entstand 1975 aufgrund einer Strafrechtsreform und ersetzte die bis dahin geltende Polizeiaufsicht. Zudem wurden insbesondere in den Jahren 2007 und 2011 umfassende Überarbeitungen vorgenommen. Auf diese Entstehungsgeschichte und die weitere Entwicklung wird in der Arbeit eingegangen.

Der Zweck besteht darin, dass aus der Haft oder aus dem Maßregelvollzug entlassene besonders gefährdete StraftäterInnen über einen gewissen Zeitraum unterstützt und überwacht werden. Die Verurteilten unterstehen dabei einer Aufsichtsstelle und bekommen über den gesamten Zeitraum der Führungsaufsicht einen Bewährungshelfer zugeordnet, § 68a I StGB. Das Ziel ist dabei sowohl die Resozialisierung des Täters als auch die Verhinderung weiterer Straftaten zum Schutz der Allgemeinheit.

Beispielhafte Straftaten, bei denen eine solche Aufsicht vorgesehen ist, ist unter anderem sexueller Missbrauch von Kindern oder die Bildung terroristischer Vereinigungen. Eingeschlossen ist auch die versuchte Tat (§ 22 StGB), die Teilnahme (§§ 26, 27 StGB) und die versuchte Beteiligung (§ 30 StGB).

Auf die Funktionen und Aufgaben der Führungsaufsicht sowie auf die rechtlichen Grundlagen, wird in der Arbeit umfassend eingegangen. Im Besonderen werden die Weisungen nach § 68b StGB dargestellt und erläutert. Hierbei handelt es sich beispielsweise um ein Verbot alkoholischer Getränke oder ein Aufenthaltsverbot für gewisse Orte, um einem möglichen Auslöser für die Begehung weiterer Straftaten entgegenzuwirken.

Letztlich werden nicht nur die Vorteile und der Nutzen dargestellt, sondern ebenso kritische Ansichten gegenüber der Führungsaufsicht aufgezeigt. Auch wenn das Bundesverfassungsgericht sie für verfassungskonform erklärte, werden in der Literatur seit Anbeginn einige Bedenken geäußert. Kritisiert werden unter anderem organisatorische Schwierigkeiten und die Sanktionierung von Weisungsverstößen nach § 145a StGB.

Литература

1. Baur, Alexander, Feinjustierung an einem stumpfen Schwert? Zu Verbesserungsmöglichkeiten der Führungsaufsicht de lege lata und de lege ferenda, *Kriminalpolitische Zeitschrift* 2016, 11.
2. Baur, Alexander / Groß, Kathrin, Die Führungsaufsicht, *Juristische Schulung* 2010, 404.
3. Dessecker, Axel, Die Reform der Führungsaufsicht und ihre Grenze, *Bewährungshilfe* 2007, 276.
4. Dessecker, Axel, Die Wandlungen der Führungsaufsicht, *Bewährungshilfe* 2011, 267.
5. Fischer, Thomas, Kommentar, *Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen*, 68. Aufl., München 2021.
6. Frister, Helmut, *Strafrecht, Allgemeiner Teil*, 9. Aufl., München 2020.
7. Hahn, Gernot, Anmerkungen zur Reform der Führungsaufsicht aus Sicht des Maßregelvollzugs, *Neue Kriminalpolitik* 2007, 7.
8. Kindhäuser, Urs / Neumann, Ulfrid / Paeffgen, Hans-Ulrich (Hrsg.), Band 1: §§ 1–79b StGB, 5. Aufl., Baden-Baden 2017.
9. Kindhäuser, Urs / Neumann, Ulfrid / Paeffgen, Hans-Ulrich (Hrsg.), Band 2: §§ 80–231 StGB, 5. Aufl., Baden-Baden 2017.

10. *Kinzig, Jörg*, Die Maßregel der Führungsaufsicht: vom Stiefkind zur Avantgarde?, *Neue Kriminalpolitik* 2015, 230.
11. *Lackner, Karl / Kühl, Kristian*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Aufl., München 2018.
12. *Leipziger Kommentar*, Band 3: §§ 56–79b, 12. Aufl., Berlin 2008.
13. *Leipziger Kommentar*, Band 5: §§ 110–145d, 12. Aufl., Berlin 2009.
14. *Matt, Holger / Renzikowski, Joachim*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 2. Aufl., München 2020.
15. *Meier, Bernd-Dieter*, Strafrechtliche Sanktionen, 5. Aufl., Berlin 2019.
16. *Morgenstern, Christine*, Neues zur Führungsaufsicht, *Neue Kriminalpolitik* 2006, 152.
17. *Morgenstern, Christine*, Risiko – Prävention – Prognose: Im Zweifel Kontrolle. Das Beispiel der Führungsaufsicht, *Strafverteidigervereinigungen* 2018, 171.
18. *Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch*, Band 2: §§ 38–79b StGB, 4. Aufl., München 2020.
19. *Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch*, Band 3: §§ 80–184j StGB, 3. Aufl., München 2017.
20. *Nißl, Günter*, Die Führungsaufsicht – 20 Jahre in der Kritik – hier eine Laudatio, *Neue Zeitschrift für Strafrecht* 1995, 525.
21. *Pollähne, Helmut*, Effektivere Sicherheit der Bevölkerung und schärfere Kontrolle der Lebensführung – Zur Reform des Maßregelrechts und der Führungsaufsicht-, *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft* 2007, 386.
22. *Rohrbach, Moritz Philipp*, Die Entwicklung der Führungsaufsicht unter besonderer Berücksichtigung der Praxis in Mecklenburg-Vorpommern, *Schriften zum Strafvollzug, Jugendstrafrecht und zur Kriminologie*, Band 49, Mönchengladbach 2014.
23. *Rohrbach, Moritz Philipp*, Die Verschärfung der Führungsaufsicht, *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform* 2014, 245.
24. *Satzger, Helmut / Schluckebier, Wilhelm / Widmaier, Gunter*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 5. Aufl., Köln 2021.
25. *Schneider, Ursula*, Die Reform der Führungsaufsicht, *Neue Zeitschrift für Strafrecht* 2007, 441.
26. *Schöch, Heinz*, Bewährungshilfe und Führungsaufsicht in der Strafrechtspflege, *Neue Zeitschrift für Strafrecht* 1992, 364.
27. *Schönke, Adolf / Schröder, Horst*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 30. Aufl., München 2019.
28. *Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch*, Band II: §§ 38–79b StGB, 9. Aufl., Köln 2016.
29. *Weigelt, Enrico*, Was kann eine reformierte Führungsaufsicht leisten?, *Zeitschrift für Rechtspolitik* 2006, 253.

References

1. *Baur, Alexander*, Feinjustierung an einem stumpfen Schwert? Zu Verbesserungsmöglichkeiten der Führungsaufsicht de lege lata und de lege ferenda, *Kriminalpolitische Zeitschrift* 2016, 11.
2. *Baur, Alexander / Groß, Kathrin*, Die Führungsaufsicht, *Juristische Schulung* 2010, 404.
3. *Dessecker, Axel*, Die Reform der Führungsaufsicht und ihre Grenze, *Bewährungshilfe* 2007, 276.
4. *Dessecker, Axel*, Die Wandlungen der Führungsaufsicht, *Bewährungshilfe* 2011, 267.
5. *Fischer, Thomas*, Kommentar, Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen, 68. Aufl., München 2021.
6. *Frister, Helmut*, Strafrecht, Allgemeiner Teil, 9. Aufl., München 2020.
7. *Hahn, Gernot*, Anmerkungen zur Reform der Führungsaufsicht aus Sicht des Maßregelvollzugs, *Neue Kriminalpolitik* 2007, 7.
8. *Kindhäuser, Urs / Neumann, Ulfrid / Paeffgen, Hans-Ullrich* (Hrsg.), Band 1: §§ 1–79b StGB, 5. Aufl., Baden-Baden 2017.
9. *Kindhäuser, Urs / Neumann, Ulfrid / Paeffgen, Hans-Ullrich* (Hrsg.), Band 2: §§ 80–231 StGB, 5. Aufl., Baden-Baden 2017.
10. *Kinzig, Jörg*, Die Maßregel der Führungsaufsicht: vom Stiefkind zur Avantgarde?, *Neue Kriminalpolitik* 2015, 230.
11. *Lackner, Karl / Kühl, Kristian*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Aufl., München 2018.
12. *Leipziger Kommentar*, Band 3: §§ 56–79b, 12. Aufl., Berlin 2008.
13. *Leipziger Kommentar*, Band 5: §§ 110–145d, 12. Aufl., Berlin 2009.
14. *Matt, Holger / Renzikowski, Joachim*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 2. Aufl., München 2020.
15. *Meier, Bernd-Dieter*, Strafrechtliche Sanktionen, 5. Aufl., Berlin 2019.

16. *Morgenstern, Christine*, Neues zur Führungsaufsicht, Neue Kriminalpolitik 2006, 152.
17. *Morgenstern, Christine*, Risiko – Prävention – Prognose: Im Zweifel Kontrolle. Das Beispiel der Führungsaufsicht, Strafverteidigervereinigungen 2018, 171.
18. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 2: §§ 38–79b StGB, 4. Aufl., München 2020.
19. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 3: §§ 80–184j StGB, 3. Aufl., München 2017.
20. *Nißl, Günter*, Die Führungsaufsicht – 20 Jahre in der Kritik – hier eine Laudatio, Neue Zeitschrift für Strafrecht 1995, 525.
21. *Pollähne, Helmut*, Effektivere Sicherheit der Bevölkerung und schärfere Kontrolle der Lebensführung – Zur Reform des Maßregelrechts und der Führungsaufsicht -, Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 2007, 386.
22. *Rohrbach, Moritz Philipp*, Die Entwicklung der Führungsaufsicht unter besonderer Berücksichtigung der Praxis in Mecklenburg-Vorpommern, Schriften zum Strafvollzug, Jugendstrafrecht und zur Kriminologie, Band 49, Mönchengladbach 2014.
23. *Rohrbach, Moritz Philipp*, Die Verschärfung der Führungsaufsicht, Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform 2014, 245.
24. *Satzger, Helmut / Schluckebier, Wilhelm / Widmaier, Gunter*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 5. Aufl., Köln 2021.
25. *Schneider, Ursula*, Die Reform der Führungsaufsicht, Neue Zeitschrift für Strafrecht 2007, 441.
26. *Schöch, Heinz*, Bewährungshilfe und Führungsaufsicht in der Strafrechtspflege, Neue Zeitschrift für Strafrecht 1992, 364.
27. *Schönke, Adolf / Schröder, Horst*, Strafgesetzbuch, Kommentar, 30. Aufl., München 2019.
28. Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band II: §§ 38–79b StGB, 9. Aufl., Köln 2016.
29. *Weigelt, Enrico*, Was kann eine reformierte Führungsaufsicht leisten?, Zeitschrift für Rechtspolitik 2006, 253.

ЛИШЕНИЕ ВОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК МЕРА ИСПРАВЛЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ

Дорнбуш Леа

Цель: лишение водительских прав в соответствии с § 69 УУ ФРГ (и последующих параграфов этой нормы) может быть оправданной мерой исправления и безопасности, чтобы исключить из дорожного движения водителей, неспособных безопасно управлять транспортными средствами и, тем самым, обеспечить безопасность дорожного движения для общества. Для достижения этой цели необходимо подробно рассмотреть отдельные условия § 69 (абз. 1) УУ ФРГ. Цель работы – проанализировать эти условия и на их основе вывести обоснование меры лишения водительских прав.

Методология: Эмпирический метод, формально-юридический метод.

Выводы. Наличие всех условий статьи 69 (абз. 1) УУ ФРГ ведет к тому, что может быть назначена мера – лишение водительских прав. Поскольку в рамках определения условий для лишения водительских прав происходит всестороннее исследование обстоятельств правонарушения, в частности личности исполнителя, постановление о применении данной меры является целесообразным. За правомерность наложения данной меры говорит тот факт, что необходимым звеном является установление связи совершенного деяния со спецификой дорожного движения. Эта мера не оправдана, если проверка условий была проведена поверхностно.

Научная и практическая значимость. Введение в 1952 г. в Уголовное уложение Германии такой меры, как лишение водительских прав, обусловлено увеличением числа дорожно-транспортных происшествий. В связи с растущей автомобилизацией и связанными с ней дорожно-транспортными происшествиями, было решено обеспечить безопасность дорожного движения с помощью этих мер. Сегодня в рамках реализации уголовной политики государства лишение водительских прав является наиболее часто применяемой мерой. Это подтверждается статистическими данными за 2019 г., в которых лишение водительских прав составило 95,6% от общего числа вынесенных дисциплинарных взысканий. Особенно в масштабах, которые приняло современное дорожное движение, важно защитить общественность от водителей, не способных управлять транспортными средствами безопасно для окружающих.

Ключевые слова: непригодность, срок действия запрета, перечень уголовных проступков, уголовные проступки, связь со спецификой дорожного движения.

Лишение водительских прав является наиболее часто выносимым дисциплинарным взысканием в 2019 г. – 95,6% [1]. Превентивный характер [10, § 69 колонцифра 1; 16, § 69 колонцифра 2] нормы направлен на защиту общества в дорожном движении от лиц, доказавших свою неспособность безопасно управлять транспортным средством. Необходимо работать над предотвращением возникновения в будущем соответствующих возможных угроз и рисков (*BGH NSStZ 2004, 86, 88*) [3, § 69 колонцифра 2; 15, § 69 колонцифра 4; 5, § 69 ко-

лонцифра 2; 13, с. 601]. Данная мера несет в себе исправительный аспект – будучи наложенной на исполнителя, она должна привести его к развитию ответственного поведения [6, ч. 2 колонцифра 8].

I. Условия для лишения водительских прав, § 69 УУ ФРГ

Необходимым условием § 69 УУ ФРГ является, прежде всего, то, что исполнитель должен быть либо осужден за это противоправное деяние, либо не осужден только потому, что была доказана или

не была исключена его невменяемость. Деяние является противоправным, если оно соответствует положениям уголовного закона и нет оснований для его оправдания – так называемое «основное деяние» [7, § 11 колонцифра 11]. Состав деяния конкретизируется далее тем, что оно должно быть совершено во время управления транспортным средством, в связи с управлением транспортным средством или с нарушением обязанностей водителя транспортного средства [12, Исполнение наказания колонцифра 391; 18, § 69 колонцифра 42, 43]. § 69 УУ ФРГ также применим, если исполнитель не был осужден за совершенное противоправное деяние, поскольку, например, было доказано или не было исключено его невменяемое состояние в соответствии с § 20 УУ ФРГ или исполнитель не подлежит ответственности согласно § 3 Федерального закона о судопроизводстве по делам несовершеннолетних (*BayObLG NStZ 1985, 90, 90*) [3, § 69 колонцифра 8; 18, § 69 колонцифра 80]. Помимо обвинительного приговора § 69 УУ ФРГ требует наличия дополнительных условий. Прежде всего, транспортные средства должны быть автотранспортными средствами, то есть наземными транспортными средствами, которые перемещаются с помощью машинной силы без привязки к железнодорожным путям (*BayObLG NVZ 1993, 239, 240; OLG Brandenburg NZV 2008, 474, 474, 475*) [11, с. 50–51; 15, § 69 колонцифра 15; 18, § 69 колонцифра 44]. Первый вариант правонарушения требует, чтобы основное деяние было совершено во время управления транспортным средством. Сюда относятся все противоправные деяния в области дорожного движения, такие как §§ 315с, 316 УУ ФРГ и § 21 Федерального закона о дорожном движении, а также иные общеуголовные преступные деяния, такие как нанесение телесных повреждений или убийство, при условии, что была установлена их связь со спецификой особой опасности дорожного движения [2, с. 231, 232; 16, § 69 колонцифра 14; 15, § 69 колонцифра 13; 14, § 69 колонцифра 31]. Исполнитель управляет транспортным средством, если он самостоятельно приводит его в движение, при этом использует его движущую силу по назначению, неся единоличную или общую ответственность (*BGHSt 35, 390, 393; BGHSt 36, 341, 343, 344*) [18, § 69 колонцифра 50]. Противоправное основное деяние в связи с управлением транспортным средством – так называемое связывающее деяние – имеет место, если между ними есть функциональная, внутренняя связь. Такая связь существует, если управление транспортным средством служит исполнителю для подготовки или совершения

преступления, или использования в дальнейшем его последствий, или его сокрытия (*BGHSt 22, 328, 329; OLG Karlsruhe NZV 2005, 590, 590*) [6, ч. 2 колонцифра 22]. Решающим фактором является то, что совершенное противоправное деяние дает основания для вывода, что правонарушитель готов поставить под угрозу безопасность дорожного движения [12, Исполнение наказания колонцифра 394]. В принципе вышеуказанная связь существует в случае противоправных деяний в области дорожного движения, перечисленных в § 69 (абз. 2) УУ ФРГ, и в случае преступлений, связанных с причинением вреда жизни, здоровью и имуществу, совершенных в условиях дорожного движения при управлении транспортным средством в ущерб другим участникам дорожного движения [14, § 69 колонцифра 33, 18, § 69 колонцифра 63]. Такие уголовные деяния, как кража или мошенничество, также могут нести в себе необходимую специфическую связь, но, согласно решению Большого сената по уголовным делам, только в том случае, если имеются конкретные признаки возможной угрозы дорожному движению и повышенной опасности для других участников дорожного движения со стороны исполнителя (*BGHSt 50, 93, 98*) [6, ч. 2 колонцифра 22; 16, § 69 колонцифра 15]. Третий вариант состава правонарушения включает в себя нарушение обязанностей водителя транспортного средства, в частности нарушение других обязанностей, то есть тех, которые возложены на водителя транспортного средства в целях обеспечения безопасности дорожного движения [14, § 69 колонцифра 48, 18, § 69 колонцифры 73–75]. Кроме того, основное деяние должно свидетельствовать о том, что исполнитель непригоден к управлению транспортным средством [3, § 69 колонцифра 14]. Непригодность считается установленной, если оценка физических, психических или характерных качеств, а также объективных и субъективных обстоятельств, которые их определяют, свидетельствует о том, что участие исполнителя в дорожном движении создаст существенную угрозу безопасности дорожного движения (*BGH NStZ 2015, 579, 579*). Поскольку определяющим временным пунктом для оценки непригодности является решение суда первой инстанции, в этот момент необходимо учитывать, что исполнитель был отстранен от управления транспортным средством в связи с предыдущим, временным лишением водительских прав или их изъятием, а также возможность развития у него чувства ответственности посредством последующего обучения или терапии (*BGHSt 7 165, 175; OLG Karlsruhe NZV 2004, 537, 538, 539*) [10, § 69

колонцифра 8; 17, § 69 колонцифра 19]. Определение непригодности осуществляется вне рамок § 69 II УУ ФРГ в случае уголовных проступков, не вошедших в перечень § 69 (абз. 2) УУ ФРГ, путем комплексной оценки всех юридически значимых фактов, которые были установлены по совершенному деянию и проявления в нем личности исполнителя. Для этого необходимо учитывать профессию исполнителя, его водительский стаж, возможные прежние судимости, а также предыдущие административные правонарушения (*BGH NStZ 2004, 144, 147*) [16, § 69 колонцифра 33; 17, § 69 колонцифра 16; 19, с. 193]. Лицо, совершившее одно из уголовных проступков, указанных в перечне норм § 69 (абз. 2) УУ ФРГ, считается непригодным к вождению транспортного средства, дополнительного обоснования непригодности при этом не требуется [3, § 69 колонцифра 21; 15, § 69 колонцифра 41; 17, § 69 колонцифры 17; 18, § 69 колонцифра 117]. Только в исключительных случаях в связи с особыми обстоятельствами необходимо произвести общую обоснованную оценку непригодности (*Juris, BGH 28.08.1996 – 3 StR 241/96 – Rn. 6*) [3, § 69 колонцифра 22; 14, § 69 колонцифра 65]. Предположение о непригодности может быть опровергнуто, если у судьи есть серьезные основания полагать, что речь идет об исключительном случае (*OLG Karlsruhe DAR 2017, 155, 155*) [18, § 69 колонцифра 135].

II. Действие и последствия меры исправления и безопасности

При наличии всех условий § 69 УУ ФРГ суд должен вынести решение о лишении водительских прав (*BGHSt 5, 168, 175, 176*) [19, § 69 колонцифра 10; 13, с. 601, 602]. После вступления приговора в законную силу водительское удостоверение полностью недействительно (*BGH NStZ 1983, 168, 168; VG NZV 2000, 271, 272*) [3, § 69 колонцифра 52; 5, § 69 колонцифра 48]. Одновременно налагается запрет на выдачу нового водительского удостоверения на срок от шести месяцев до пяти лет или пожизненно, в соответствии с § 69а (абз. 1) УУ ФРГ (*BVerfGE 20, 365, 368, 369*) [16, § 69а колонцифры 7–8; 13, с. 601, 603; 17, § 69 колонцифры 21; 18, § 69а колонцифра 26]. Целью запрета является защита общественности от опасностей дорожного движения и в то же время обеспечение того, чтобы правонарушитель не получил новое водительское удостоверение от административного органа в течение предполагаемого срока его отстранения от управления транспортным средством (*BGH NStZ 2004, 144, 147*) [16, § 69а колонцифра 1]. Некоторые виды транспортных средств

могут быть исключены из запрета, если особые объективные и субъективные обстоятельства дают основания считать, что цель данной меры не будет поставлена под угрозу [15, § 69а колонцифра 15; 6, с. 56–57]. Однако запрет может быть отменен только в исключительных случаях, определяемых строгими критериями (*BayObLG NZV 2005, 592, 593*). В принципе возможно досрочное снятие запрета в соответствии с § 69а (абз. 7) УУ ФРГ [3, § 69а колонцифры 40–42; 18, § 69а колонцифры 90–96]. Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы формально истек минимальный трехмесячный срок или, если в течение последних трех лет до совершения деяния в отношении исполнителя хотя бы однажды уже был назначен запрет на выдачу водительских прав, одногодичный срок (ср. § 69а (абз. 7 предл. 2) УУ ФРГ) (*BGBI I 1964, S. 921, 922; BT-Drs. IV/651, S. 20–21*) [18, § 69а колонцифра 93]. В материально-правовом аспекте должны присутствовать новые существенные факты, еще неизвестные на момент вынесения приговора, которые не подтверждают негативный прогноз и оправдывают иную оценку вопроса о пригодности (*OLG Hamburg DAR 2004, 660, 660; KG Berlin DAR 2004, 657, 657*).

III. Заключение

Следует отметить, что более 91% дел, по которым назначается данная мера, – это правонарушения в области дорожного движения. Лишь в 9% случаев причиной применения меры послужили другие правонарушения [1]. В целом о применении меры лишения водительских прав, предпосылках, ее действии и обосновании можно сказать следующее: это одна из самых важных мер исправления и безопасности Уголовного уложения Германии. Дорожное движение сопровождает каждого из нас самыми разными способами, будь то пешеходы, велосипедисты или водители, поэтому безопасность должна быть гарантирована всеми возможными способами, в том числе потому, что количество транспортных средств на дорогах постоянно растет. Посредством лишения водительских прав в качестве превентивной меры делается попытка обеспечить именно эту безопасность, поскольку с помощью этой меры исключается участие в дорожном движении водителей, не допущенных к управлению транспортным средством. Данная мера является достаточно оправданной, поскольку деяния, вошедшие в перечень § 69 (абз. 2) УУ ФРГ, как и деяния, там не указанные, по сути являются веским основанием. Однако предположение о непригодности водителя к управлению транспортными средствами в связи с деяниями, пере-

численными в § 69 (абз. 2) УУ ФРГ, не должно вытекать только из указания на эти деяния, а иметь под собой предварительную подробную оценку. В отношении борьбы с преступными деяниями и применения рассматриваемой меры правоприменительная практика Большого сената по уголовным делам показывает, что решение о лишении водительских прав в случае совершения указанных деяний может быть принято, только если в результате их совершения возникает явная опасность для других участников дорожного движения. В этом случае важно соблюдать цель меры. В современном автомобилизованном обществе лишение водительских прав является радикальным вмешательством, особенно в общую свободу действий правонарушителя. Это вмешательство

может быть серьезным не только для профессиональной деятельности, но и для социальной интеграции в общество. Для того чтобы оправдать такое вмешательство, необходимо всесторонне оценить необходимость лишения водительских прав, в том числе в отношении предполагаемой непригодности лица к управлению транспортными средствами по причине совершения им деяний, перечисленных в § 69 (абз. 2) УУ ФРГ. Если отсутствуют условия для лишения водительских прав, можно прибегнуть к менее радикальным мерам, как, например, запрет на управление транспортным средством согласно § 44 УУ ФРГ. Лишение водительских прав является оправданной превентивной мерой защиты общества от опасного поведения участников дорожного движения.

DIE ENTZIEHUNG DER FAHRERLAUBNIS ALS MASSREGEL DER SICHERUNG UND BESSERUNG

Die Entziehung der Fahrerlaubnis, §§ 69 ff. StGB, ist eine der Maßregeln der Sicherung und Besserung. Da unsere Gesellschaft in einer motorisierten Welt lebt, ist die Fahrerlaubnis ein wichtiger Bestandteil jedes Einzelnen. In dieser Arbeit habe ich mich nach einem Überblick über die Normen mit der Frage beschäftigt, inwieweit sich die Maßregel der Entziehung der Fahrerlaubnis rechtfertigen lässt.

Damit eine solche Maßregel überhaupt erst erlassen werden kann, müssen verschiedenen Voraussetzungen gegeben sein. Der Täter muss eine Tat bei bzw. im Zusammenhang mit dem Führen eines Kraftfahrzeugs begangen haben oder eine Kraftfahrzeugführerpflicht verletzen. Zu einer solchen Tat muss er entweder verurteilt oder nur deshalb nicht verurteilt werden, weil seine Schuldunfähigkeit erwiesen oder nicht auszuschließen ist. Neben diesen Voraussetzungen erfordert die Norm, dass der Täter zum Führen eines Kraftfahrzeugs ungeeignet ist. Die Ungeeignetheit wird differenziert geprüft. Im Rahmen des § 69 I StGB ist die Ungeeignetheit nur dann festzustellen, wenn eine umfassende Gesamtwürdigung des Täters erfolgt ist, das heißt die Betrachtung seiner Persönlichkeit, seiner bisherigen Fahrweise, etc. Hinsichtlich des § 69 II StGB ist eine solche umfassende Gesamtwürdigung nicht erforderlich, denn bei den dort aufgezählten Taten wird eine solche Ungeeignetheit indiziert. Grundsätzlich liegt eine Ungeeignetheit dann vor, wenn nach einer Würdigung der körperlichen, geistigen und charakterlichen Eigenschaften und den

gegebenen objektiven und subjektiven Umständen, eine Teilnahme des Täters am Straßenverkehr zu einer nicht hinnehmbaren Gefährdung des Straßenverkehrs führt. Wenn alle Voraussetzungen vorliegen, wird die Fahrerlaubnis eingezogen und vernichtet. Daneben erteilt das Gericht eine angemessen berechnete Sperre nach § 69a StGB, in welcher keine neue Fahrerlaubnis erteilt werden darf. Die Länge der Sperre liegt zwischen sechs Monaten bis zu fünf Jahren. Aus bestimmten Gründen können bestimmte Fahrzeugarten von dieser Sperre ausgenommen werden. In Ausnahmefällen besteht ebenfalls die Möglichkeit, die Sperre vorzeitig auszuheben. Nach den gleichen Grundsätzen wirkt die Maßregel auch bei einer Entziehung einer ausländischen Fahrerlaubnis, § 69b StGB.

Bei der Betrachtung der Entziehung der Fahrerlaubnis ist es wichtig, zwischen dem Fahrverbot, § 44 StGB und der verwaltungsrechtlichen Entziehung der Fahrerlaubnis zu unterscheiden. Grundsätzlich schließen sich das Fahrverbot und die Entziehung der Fahrerlaubnis aus, denn das Fahrverbot ist eine Nebenstrafe und die Entziehung der Fahrerlaubnis eine Maßregel der Sicherung und Besserung. Die verwaltungsrechtliche Entziehung der Fahrerlaubnis setzt eindeutig voraus, dass ein Eignungsmangel vorliegen muss, wohingegen bei einem Fahrverbot dies nicht erforderlich ist. Nur in Ausnahmefällen können sie nebeneinander ergehen. In den meisten Fällen tritt § 44 StGB jedoch als Alternative ein, wenn eine Verurteilung zur Entziehung der Fahrerlaubnis

unterbleibt. Hinsichtlich der verwaltungsrechtlichen Entziehung der Fahrerlaubnis ist zu beachten, dass diese den gleichen Zweck verfolgt wie die strafrechtliche Entziehung. Die strafrechtliche Entziehung hat jedoch Vorrang vor der Verwaltungsrechtlichen. Die Fahrerlaubnisbehörde darf nämlich nicht zum Nachteil des Betroffenen von dem strafrechtlichen Urteil abweichen.

Zur Rechtfertigung der Maßregel wird in der Betrachtung zwischen der Rechtfertigung hinsichtlich der Taten des § 69 II StGB und bezüglich der Straftaten der allgemeinen Kriminalität unterschieden. Dazu dienen unter anderem erstellte und ausgewertete Diagramme sowie die Darstellung der umstrittenen Frage der Zusammenhangstat. Anhand dessen komme ich zu dem Schluss, dass die Maßregel der Entziehung der Fahrerlaubnis gerechtfertigt ist. Der Straßenverkehr begleitet jeden von uns auf unterschiedlichste Art und Weise, sei es als Fußgänger, Fahrradfahrer oder Autofahrer, sodass in jeder erdenklichen Weise Sicherheit garantiert werden muss, auch weil die Motorisierung immer weiter fortschreitet. Durch

die Maßregel der Entziehung der Fahrerlaubnis als präventive Maßregel wird versucht, genau diese Sicherheit zu gewährleisten. Denn dadurch werden ungeeignete Kraftfahrer von der Teilnahme am Straßenverkehr ausgeschlossen. Ich kritisiere in meiner abschließenden Stellungnahme jedoch, dass die Feststellung der Ungeeignetheit im Rahmen des § 69 II StGB nicht nur indiziert werden darf. Auch hier ist meines Erachtens nach eine umfassende Gesamtwürdigung erforderlich. Außerdem führe ich an, dass bei der Anordnung der Maßregel eine genau Betrachtung der verfassungsrechtlichen Aspekte nicht fehlen darf. Zwar wird die verfassungsrechtliche Auslegung bezüglich der verwaltungsrechtlichen Entziehung der Fahrerlaubnis auch bei der strafrechtlichen Entziehung angewandt, jedoch scheint mir diese Anwendung zu gering. Es bedarf vielmehr einer eigenen Beurteilung. Letztlich kann, wenn die Voraussetzungen der Entziehung der Fahrerlaubnis nicht vorliegen, auf weniger einschneidende Maßnahmen zurückgegriffen werden, wie zum Beispiel das Fahrverbot, § 44 StGB.

Литература

1. Abgeurteilte mit Maßregel der Sicherung und Besserung – Entziehung der Fahrerlaubnis aus 2019, https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Strafverfolgung-Strafvollzug/strafverfolgung-2100300197004.pdf?__blob=publicationFile.
2. Dreher, Sonja / Fad, Frank, Entziehung der Fahrerlaubnis und Verhängung eines Fahrverbots bei Teilnehmern, *Neue Zeitschrift für Verkehrsrecht (NZV)* 2004, 231.
3. Fischer, Thomas, *Strafgesetzbuch und Nebengesetze, Kommentar*, 67. Auflage, München 2020.
4. Haus, Klaus-Ludwig / Krumm, Carsten / Quarch, Matthias [Hrsg.], *Nomos Kommentar – Gesamtes Verkehrsrecht*, 2. Auflage, Baden-Baden 2017.
5. Heintschel-Heinegg, Bernd [Hrsg.], *Beck'scher Online Strafgesetzbuch Kommentar*, 48. Edition, München 2020.
6. Hentschel, Peter / Krumm, Carsten, *Fahrerlaubnis Alkohol/Drogen im Straf- und Ordnungswidrigkeitenrecht*, 7. Auflage, Baden-Baden 2018.
7. Joecks, Wolfgang / Jäger, Christian, *Studienkommentar zum Strafgesetzbuch*, 12. Auflage, München 2018.
8. Koehl, Felix, Entziehung der Fahrerlaubnis: Konkurrenz zwischen Strafgericht und Fahrerlaubnisbehörde, *Deutsches Autorecht (DAR)* 2012, 682.
9. Krumm, Carsten, Bestimmung des „bedeutenden Fremdschadens“ nach Unfallflucht, *Neue Juristische Wochenschrift, (NJW)* 2012, 829.
10. Lackner, Karl / Kühl, Kristian / Heger, Martin, *Strafgesetzbuch Kommentar*, 29. Auflage, München 2018.
11. Laschewski, Gregor, Keine Anwendung des § 69 StGB auf betrunkenen Motorbootführerschein, *Anmerkung zum LG Oldenburg, Neue Zeitschrift für Verkehrsrecht (NZV)* 2008, 50, 50–51.
12. Laubenthal Klaus / Nestler, Nina, *Strafvollstreckung*, 2. Auflage, Berlin Heidelberg 2018.
13. Lehmann, Jens, Die Entziehung der Fahrerlaubnis (§§ 69, 69a StGB), *Juristische Ausbildung (JURA)* 2004, 601.
14. *Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch*, Band 2: §§ 38–79b StGB, 4. Auflage, München 2020.
15. Satzger, Helmut [Hrsg.] / Schluckebier, Wilhelm [Hrsg.], *Satzger u.a., Strafgesetzbuch Kommentar*, 5. Auflage, Köln 2021.
16. Schönke Adolf / Schröder, Horst, *Strafgesetzbuch, Kommentar*, 30. Auflage, München 2019.
17. *Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch*, Band 2: §§ 38–79b StGB, 9. Auflage, Köln 2016.
18. Valerius, Brain, *Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch Online*, Berlin 2020.

19. *Weder, Dietrich*, Führerscheinmaßnahmen begründen! – Vorsicht, wenn keine Regel-Ungeeignetheit vorliegt!, *Neue Zeitschrift für Verkehrsrecht (NZV)* 2018, 193; Anmerkung zu BGH-Entscheidung.

References

1. Abgeurteilte mit Maßregel der Sicherung und Besserung – Entziehung der Fahrerlaubnis aus 2019, https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Strafverfolgung-Strafvollzug/strafverfolgung-2100300197004.pdf?__blob=publicationFile.

2. *Dreher, Sonja / Fad, Frank*, Entziehung der Fahrerlaubnis und Verhängung eines Fahrverbots bei Teilnehmern, *Neue Zeitschrift für Verkehrsrecht (NZV)* 2004, 231.

3. *Fischer, Thomas*, Strafgesetzbuch und Nebengesetze, Kommentar, 67. Auflage, München 2020.

4. *Haus, Klaus-Ludwig / Krumm, Carsten / Quarch, Matthias* [Hrsg.], *Nomos Kommentar – Gesamtes Verkehrsrecht*, 2. Auflage, Baden-Baden 2017.

5. *Heintschel-Heinegg, Bernd* [Hrsg.], *Beck'scher Online Strafgesetzbuch Kommentar*, 48. Edition, München 2020.

6. *Hentschel, Peter / Krumm, Carsten*, Fahrerlaubnis Alkohol/Drogen im Straf- und Ordnungswidrigkeitenrecht, 7. Auflage, Baden-Baden 2018.

7. *Joecks, Wolfgang / Jäger, Christian*, *Studienkommentar zum Strafgesetzbuch*, 12. Auflage, München 2018.

8. *Koehl, Felix*, Entziehung der Fahrerlaubnis: Konkurrenz zwischen Strafgericht und Fahrerlaubnisbehörde, *Deutsches Autorecht (DAR)* 2012, 682.

9. *Krumm, Carsten*, Bestimmung des „bedeutenden Fremdschadens“ nach Unfallflucht, *Neue Juristische Wochenschrift, (NJW)* 2012, 829.

10. *Lackner, Karl / Kühl, Kristian / Heger, Martin*, *Strafgesetzbuch Kommentar*, 29. Auflage, München 2018.

11. *Laschewski, Gregor*, Keine Anwendung des § 69 StGB auf betrunkenen Motorbootführerschein, Anmerkung zum LG Oldenburg, *Neue Zeitschrift für Verkehrsrecht (NZV)* 2008, 50, 50–51.

12. *Laubenthal Klaus / Nestler, Nina*, *Strafvollstreckung*, 2. Auflage, Berlin Heideberg 2018.

13. *Lehmann, Jens*, Die Entziehung der Fahrerlaubnis (§§ 69, 69a StGB), *Juristische Ausbildung (JURA)* 2004, 601.

14. *Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch*, Band 2: §§ 38–79b StGB, 4. Auflage, München 2020.

15. *Satzger, Helmut* [Hrsg.] / *Schluckebier, Wilhelm* [Hrsg.], *Satzger u.a., Strafgesetzbuch Kommentar*, 5. Auflage, Köln 2021.

16. *Schönke Adolf / Schröder, Horst*, *Strafgesetzbuch, Kommentar*, 30. Auflage, München 2019.

17. *Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch*, Band 2: §§ 38–79b StGB, 9. Auflage, Köln 2016.

18. *Valerius, Brain*, *Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch Online*, Berlin 2020.

19. *Weder, Dietrich*, Führerscheinmaßnahmen begründen! – Vorsicht, wenn keine Regel-Ungeeignetheit vorliegt!, *Neue Zeitschrift für Verkehrsrecht (NZV)* 2018, 193; Anmerkung zu BGH-Entscheidung.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

КОРРУПЦИЯ В СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Мещерякова Элина Ильинична

Цель: несмотря на активную антикоррупционную государственную политику Российской Федерации, преступления коррупционной направленности, в том числе и в средних общеобразовательных учреждениях, до сих пор существуют. Несмотря на многообразие методов противодействия, эти методы не являются настолько действенными и эффективными, чтобы «излечить общество от недуга». Весомый массив научных работ, множество вступивших в законную силу нормативных правовых актов, разнообразный зарубежный опыт противодействия коррупции в итоге оказываются недостаточными, а вопрос о реформировании государственной политики в данной сфере и о введении новых способов преодоления проблемы до сих пор не теряет актуальности. В работе представлен нестандартный взгляд на проблему коррупции, особое внимание уделено воздействию на субъектов, представляющих будущее нашей страны, — несовершеннолетних. Исследованы факторы, оказывающие влияние на формирование у несовершеннолетних толерантного отношения к коррупции. В статье рассмотрен вопрос квалификации некоторых на сегодняшний момент законных действий как действий по сути своей противоречащих закону. Предлагается посмотреть на ставшие уже традиционными на практике подарки учителями и добровольно-принудительные дополнительные курсы как на скрытые формы преступлений коррупционной направленности. В статье также проанализированы некоторые существующие методы противодействия коррупции в средних общеобразовательных учреждениях и предложены дополнительные.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Коррупция — сложное явление, способы противодействия которому разнообразны, но недостаточно эффективны. Необходимость противодействия и предупреждения преступлений такого вида важна особенно на уровне общеобразовательных учреждений.

Научная и практическая значимость. Статья поможет заинтересованным лицам на проблему коррупции с иной стороны, увидеть свежую точку зрения на проблему, с которой автор непосредственно имел дело сравнительно недавно. Также работа может оказать воздействие на совершенствование способов и методов борьбы с преступлениями такого вида, а следственно, и на государственную антикоррупционную политику, даст повод для размышлений законодателю и тему для обсуждений криминологам, которые предметно занимаются данным явлением.

Ключевые слова: коррупция, взятка, взяткополучатель, взяткодатель, общеобразовательные учреждения, коррупционные преступления, экономические преступления, квалификация преступлений, противодействие коррупции, криминология.

Существует законодательное определение коррупции, под которой понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммер-

ческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды

в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица (*п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 24 апреля 2020 г.)*).

Если человек принимает участие в незаконном использовании своего или чье-либо должностного положения с целью получения материальной либо нематериальной выгоды, он становится частью коррупционной системы.

К сожалению, зачастую для людей дача мелких взяток для решения бытовых вопросов не противоречит собственному мировоззрению и нравственным ограничениям.

К коррупционным деяниям относятся следующие преступления: злоупотребление служебным положением (ст. 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), а также иные деяния, попадающие под понятие «коррупция», указанное выше (*ст. 201, 204, 285, 286, 290, 291 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2020 г.)*).

В исследовательских целях нами было проведено анонимное анкетирование. Респондентами выступили учащиеся средних общеобразовательных учреждений различных округов г. Москвы. Было опрошено 226 человек в возрасте от 14 до 18 лет. В анкете было предложено ответить на следующие вопросы:

1) сталкивались ли ваши родители или лично вы с предложением дать взятку в школе;

2) предлагали ли ваши родители или вы взятку школьному преподавателю или члену школьной администрации (деньги, подарок);

3) просил ли (намекал, настаивал) учитель или сотрудник школьной администрации ваших родителей или вас дать взятку (деньги, подарок) взамен на поощрение;

4) считаете ли вы коррупцию негативным явлением;

5) какое отношение к коррупции у ваших родителей (положительное, нейтральное, отрицательное);

6) была ли тема коррупции предметом обсуждения в вашем семейном кругу.

С помощью опроса мы пытались составить примерную статистическую картину, отражающую

общее отношение несовершеннолетних и их родителей к коррупции, узнать о наличии случаев коррупционных преступлений в школе и частоте их совершения, а также о роли сотрудников школы в совершении коррупционных преступлений.

Результат опроса показал, что 32% наших респондентов столкнулись с предложением дать взятку в школе, а 19% участников получали такие предложения от учителей. Около 46% школьников и (или) их родителей сами инициировали дачу взятки. Около 72% опрашиваемых ответили, что считают коррупцию негативным явлением и, соответственно, 28% не считают коррупцию негативным явлением. 62% родителей участников опроса считают коррупцию негативным явлением, 26% относятся нейтрально, 12% родителей школьников считают коррупцию положительным явлением. Всего 52% родителей опрашиваемых говорили с детьми о коррупции как явлении в обществе.

Из данных опроса был сделан вывод, что коррупция в школе существует, несмотря на то что выгодоприобретателями являются несовершеннолетние дети, зачастую не имеющие собственного дохода и средств к существованию. Родители либо получают незамаскированное предложение, либо сами чувствуют необходимость «что-то» принести. И это неудивительно, так как предложение принести материальную ценность, в конечном счете, всегда адресовано взрослым как платежеспособным субъектам. Отношение к коррупции у взрослых и несовершеннолетних является неоднородным, но, чаще всего, мнения родителя и ребенка совпадают. При этом всего около половины родителей участников говорили с детьми о коррупции, что, на наш взгляд, способствует формированию у школьников в целом равнодушного отношения к коррупции. Это явление начинает казаться несерьезным, не имеющим значимости, будто коррупция не является одной из самых опасных проблем в обществе и в государстве. Показатели невысоки, а ведь от кого еще подростку узнать об этой проблеме, как не от родителей? Конечно, всегда можно говорить о роли СМИ, но в этом и кроется опасность, поскольку подача информации о коррупционных преступлениях в СМИ часто является спорной. Во многих фильмах и сериалах акты взяточничества демонстрируются как обыденные события, происходящие в обществе в порядке вещей. Коррупция, исходя из данных опроса, понимается некоторыми подростками как явление само собой разумеющееся, без которого не обойтись, чтобы достигнуть определенной цели. Данные опроса

подчеркивают не теряющую актуальности тему научной статьи и заставляют задуматься над факторами, влияющими на толерантное отношение несовершеннолетних к коррупции, а также над средствами борьбы с «общественным недугом».

Данное исследование проводилось в кругу субъектов определенного возраста – лиц от 14 до 18 лет, мировоззрение которых пока еще слишком узко для образования объективного представления о существующих реалиях. Недостаток жизненного опыта и знаний является плодородной почвой для формирования у молодежи нейтрального или в худшем случае позитивного отношения к преступлениям коррупционной направленности. Поэтому оправданный интерес с точки зрения криминологии представляет изучение негативно влияющих факторов воздействия на мышление и психологию несовершеннолетних.

К определяющим негативным внешним факторам воздействия на личность, по нашему мнению, можно отнести: поощрение коррупции среди родственников; отсутствие развитого порицающего общественного мнения; некорректное освещение проблемы в средствах массовой информации; элементарное незнание законодательства Российской Федерации.

Семья играет ключевую роль в становлении личности, поскольку именно в ней закладываются ценностные ориентиры и взгляды несовершеннолетнего. Вопрос позитивного или негативного отношения к коррупции может как обсуждаться, так и не быть предметом обсуждения в кругу семьи, но дача взятки в любом случае, за редким исключением, будет согласовываться с родителями, поскольку исследуемая группа лиц, как правило, не имеет своего собственного дохода. Более того, дача взятки суть акт весьма деликатный, требующий особых коммуникативных навыков, поэтому сам несовершеннолетний обычно не принимает непосредственного участия: за него идут просить его родственники, которые в большинстве случаев и иницируют подкуп. Так или иначе, отношение к коррупции у родителя и ребенка в итоге будет совпадать.

Коррупция в образовательных учреждениях является особо опасным явлением потому, что проявляется на глазах у подрастающего поколения (*Пресс-центр Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Противодействие коррупции в научных и образовательных организациях* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2248 (дата обращения: 16.04.2020)). Субъекты взяточничества в школе – это те же люди, что учат детей, ездят на экскурсии, проводят внеклассные мероприятия, иными сло-

вами, оказывают непосредственное влияние на подрастающее поколение. То есть ребенок, глядя на коррумпированного учителя или сотрудника администрации школы, может перенять эту модель поведения, посчитать ее нормальной.

По общему настроению, у граждан Российской Федерации отношение к коррупции и коррупционерам однозначно резко негативное (*Пресс-выпуск аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр». Тревожащие проблемы* [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.levada.ru/2019/09/25/trevozhashhie-problemy-2/> (дата обращения: 25.04.2020)). Взятничество уже давно стало предметом анекдотов и «причиной всех проблем в стране». Вопреки всему, тех, кто эти взятки дает, общественность не порицает, порицает государство. По статистике, число осужденных за дачу взятки выросло по сравнению с предыдущими годами и почти сравнялось с числом осужденных за получение взятки (*В России в 2019 году выросло число осужденных за крупные взятки* [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4334846> (дата обращения: 30.04.2020)). Люди воспринимают подкуп как само собой разумеющееся, с пониманием и некоторым сочувствием относятся к дающему, поскольку убеждены, что дача взятки как минимум самый легкий способ решения проблемы, а как максимум единственный выход из ситуации. Это значит, что несовершеннолетний не будет осужден социумом, он даже может в некоторой степени оправдать свой противоправный поступок в глазах окружающих. Отсутствие общественного порицания в данном ключе является одновременно и отсутствием эффективного контрольного механизма противодействия развития коррупции, в том числе и в общеобразовательных учреждениях.

Говоря о средствах массовой информации, стоит подчеркнуть, что, во-первых, они несколько неверно расставляют акценты в репортажах о коррупционных преступлениях и, как следствие, искаженно доносят информацию до масс. Чаще всего особое внимание уделяется тем благам, которыми обладают взяточполучатели. Хотя особенно важно нарочито подчеркивать роль обеих сторон в злодеянии и на равных давать негативную оценку их поведению. Крайне редко в новостной хронике можно услышать историю о взяточдателе и плачевных последствиях его незаконных действий. Во-вторых, образовательная коррупция как «бытовое преступление» чаще всего вообще не становится поводом для очередного новостного сюжета. Таким образом, средства массовой информации не призывают фокусировать внимание общественности на реальной проблеме.

Учебная программа общеобразовательных учреждений, за редким исключением, предусматривает изучение правоведения в рамках обязательной учебной дисциплины, а федеральные государственные стандарты образования содержат лишь общие формулировки (*п. 9.4 Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования, утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413 (в ред. от 29.06.2017)*). Учащиеся могут попросту не иметь представления о существовании такого состава преступления, как дача взятки, а также об ответственности за ее совершение. Действительно, если людям со школьной скамьи вкладывать в голову хотя бы минимум основ уголовного законодательства, то они осознанно или подсознательно будут соблюдать порядок и остерегаться коррупции, отношение к которой станет порицающим.

Вне зависимости от внешних факторов, негативно влияющих на неокрепшие умы несовершеннолетних, есть способы, которые по своей сути являются легальными, но все-таки направлены на извлечение выгоды обеими сторонами, и, на наш взгляд, позиция законодателя по данному вопросу требует пересмотра. Чаще всего такие действия обличаются в форму добровольных благотворительных взносов и пожертвований, для того чтобы скрыть корыстные мотивы.

Внимание стоит заострить на вопросах квалификации довольно распространенных на практике неявных приемов взяточничества как действий коррупционной направленности. Речь идет о таких формах коррупции, как:

- платные образовательные курсы для школьников, которые навязываются сотрудниками и администрацией учреждения, без посещения которых преподаватель не поставит по предмету оценку выше удовлетворительной или будет постоянно придирается к работам ученика;
- совпадение школьного преподавателя и репетитора в одном лице, когда преподаватель занимается с учеником решением задач и контрольных работ, которые классу только предстоит решить;
- обращение к родителям ученика за услугой, которая будет предоставляться преподавателю целенаправленно на безвозмездной основе;
- обращение родителей учеников к учителю для того, чтобы тот уделял особенное внимание их ребенку, был более снисходительным и не ставил низких оценок, взамен на подарки, сертификаты, услуги и т. д.;
- вступительные взносы при поступлении ребенка в школу под видом благотворительности в форме финансового взноса конкретной суммы, предложение приобрести мебель, оплатить ремонт и т. д.;
- единовременный взнос на приобретение чего-либо (на учебники, форму, мебель, компьютеры и т. д.), на подготовку школы к началу учебного года и т. д.;
- вознаграждение учителю за содействие по зачислению ребенка в престижный класс, группу, факультатив и др.;
- благодарность родителей за более высокие оценки, исправление оценок при выпуске из школы и др.

Говоря о причинах появления коррупции в общеобразовательных учреждениях, можно отметить, что, с одной стороны, полное государственное обеспечение, развитие государственной политики в сторону увеличения финансирования должно снижать уровень коррупции, а с другой стороны, взяточничество в образовательной сфере зачастую не зависит от этих факторов и возникает, несмотря на бесплатность образования (*Собянин увеличил нормативы финансирования школ и детских садов в Москве с 2020 года // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/obschestvo/7363837> (дата обращения: 30.04.2020)*).

По нашему мнению, причины в данном аспекте можно разделить на две большие группы: направленные на получение блага, которое и так по праву положено субъекту, и направленные на получение блага, которое субъект своими силами не может достигнуть.

К первой группе причин, например, можно отнести ситуацию, когда преуспевающий ученик подает заявку на перевод в гимназический класс для дальнейшего обучения по более сложной развивающей программе, а администрация учебного заведения не осуществляет такой перевод без соответствующей платы. Также, например, когда право на получение положительной оценки зависит не только от знаний ученика, но еще и от того, дарит ли он подарки учителю и какие именно. Иначе учащийся просто не получит желаемого, хотя имеет на то полное право.

Ко второй группе, например, можно отнести ситуацию, когда учащийся имеет неудовлетворительно успеваемость по предмету и прибегает к даче взятки как к способу разрешения проблемы путем наименьшего сопротивления или когда ученик, несмотря на неудовлетворительную успеваемость и отсутствие дисциплины на занятиях, неуважительное по отношению к другим ученикам и учителям поведение, продолжает без проблем

посещать школу, так как его родители являются спонсорами школы. В этих ситуациях субъект получает благо, хотя права на них не имеет. В то же время другие ученики, родители которых не пытаются «откупиться», могут получать буквально то, что они заслужили соответственно своим знаниям или поведению — плохие оценки, выговоры и даже исключение из школы.

Также одной из причин коррупции в школе является низкая правовая культура и правовой нигилизм родителей учеников (*Национальная Юридическая Служба АМУЛЕКС и Аналитический Центр НАФИ. Результаты всероссийского исследования правовой грамотности // [Электронный ресурс]: URL: <http://blog.amulex.ru/pravogramma> (дата обращения: 30.04.2020)*). Незнание собственных прав и прав своего ребенка приводит к тому, что люди видят единственный выход в даче взятки. Они даже не задумываются о том, что можно обратиться к администрации школы, написать жалобу на учителя, обратиться в прокуратуру или в суд за защитой своих прав. А даже если и задумываются о таком варианте развития событий, то сразу в голову приходят такие типичные мысли, как «много времени придется потратить на решение мелкой проблемы», «зачем портить отношение с учителем, администрацией школы и другими родителями», «зачем создавать учителю проблемы и отрывать от учебного процесса, я так сделаю хуже своему ребенку», «нам еще здесь учиться, не стоит портить со всеми отношения и скандалить, поднимать шум». Наверняка даже многим из вас приходили в голову такие мысли, так как совершенно естественно для человека искать более простые пути решения проблемы. Однако именно отсутствие знаний о своих правах вкупе со страхом за возможную потерю социального статуса в обществе, а также желание получения сиюминутной выгоды — все это подталкивает к взяточничеству. Спецификой данной ситуации, на наш взгляд, является то, что в каждой школе существует свой определенный микроклимат, созданный той группой лиц, которая там учится и работает. Если пойти против негласных правил, то можно легко заработать плохую репутацию. Поэтому страх за потерю прежних социальных связей и за изменение отношений является одним из ключевых.

Одной из причин коррупции является психологическая неуверенность, неустойчивость субъекта в беседе с должностными лицами или лицами, имеющими влияние на субъекта или ситуацию [1].

Естественно, в какой-то степени должностное положение учителя, сотрудника школьной адми-

нистрации и даже председателя родительского совета может давить на ученика или на родителя, который понимает, что от этих людей зависит довольно многое в жизни ребенка. Эмоциональная привязанность и близость родителя и ребенка представляет способ манипуляции, действенный механизм, с помощью которого заинтересованные лица получают желаемое. Сам родитель чаще всего не имеет «безболезненных» для учащегося механизмов сопротивления лицу, требующему взятки, либо он попросту не собирается ими пользоваться.

Отдельно стоит сказать о страхе перед потерей своего социального статуса в обществе. В школьном обществе многие родители друг друга знают, учителя, завучи, директор тесно общаются с родителями. Это означает, и каждый родитель это понимает, что любая новость разлетается в таких кругах очень быстро. Информация о том, что родитель пошел поперек слова учителя или родительского комитета, например, когда выступил против очередного сбора денежных средств и отказался сдавать деньги, разлетится по школе и в конкретном классе моментально как среди сотрудников школы, так и среди учеников и их родителей. Такие действия родителя, скорее всего, спровоцируют негативную реакцию, и родитель это понимает. Ведь если кто-то выступает против общего решения, встает на защиту своего законного права, то своими действиями сразу отделяется от той группы лиц, которая платит и молчит. И если данный фактор будет решающим, и каждый родитель станет так думать, то состояние коррупции в школе продолжит свое существование и не изменится никогда.

Для борьбы с коррупцией необходимы системные и целенаправленные меры, которые, безусловно, невозможно провести на локальном уровне, например, в средних общеобразовательных учреждениях. Чтобы избавиться от этого преступного деяния раз и навсегда, единственно возможным представляется качественное изменение системы функционирования самого государства. Рыба гниет с головы — поговорка, которая точно передает происходящее в современной России. Однако, по опыту других стран, к которому можно и нужно обращаться, выход из ситуации все-таки есть. Здесь не будет идти речи о том, какие конкретно реформы необходимы нашему государству в целом, но будет сказано, что в наших силах повлиять на будущие умы страны на микроуровне общеобразовательных учреждений. Ведь если растить честолюбивых и совестливых людей, то коррупция не будет иметь право на существование априори.

Меры по борьбе с коррупционными преступлениями, как существующие, так и необходимые к введению, безусловно, должны носить комплексный, взаимодополняющий характер, поскольку высокая латентность данного вида противоправных деяний создает множество препятствий на пути осуществления противодействия (*Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Динамика экономических преступлений // [Электронный ресурс]: URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 30.04.2020)*).

Важнейшим способом пресечения преступлений коррупционной направленности является антикоррупционная политика государства, в числе которой особое место занимают законодательное регулирование и государственный контроль (надзор) за оборотом денежных средств в образовательных учреждениях. Начальное, основное общее, среднее общее и дополнительное образование признается в соответствии со ч. 2 ст. 43 Конституции РФ общедоступным и бесплатным. Органы государственной власти субъекта Российской Федерации обязаны реагировать на сообщения граждан о незаконных сборах денежных средств с родителей и законных представителей учащихся общеобразовательных организаций, проводить проверки по данным сообщениям и в рамках компетенции принимать исчерпывающие меры по пресечению и недопущению незаконных действий (*ст. 7 и 93 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 01.03.2020)*). Среди прочего законодатель обязывает общеобразовательные организации к периодическому опубликованию для всеобщего доступа отчетов о распоряжении денежными средствами (*пп. 5.1 п. 1 ст. 23 Налогового кодекса РФ*).

Одной из самых главных мер, на наш взгляд, является мера, которая должна быть направлена на изменение общего правосознания посредством влияния результатов достижений культуры на человека. Это сокращение сюжетов художественных фильмов и сериалов, связанных с взяточничеством, прекращение романтизации и оправдания героев-коррупционеров в художественных фильмах, прекращение эксплуатации сюжетов с взяточничеством в телевизионных шоу и передачах. И, наоборот, трансляция по новостным каналам историй о привлечении к уголовной ответственности за взяточничество, о негативном влиянии коррупционных поступков на общество, а также детальное освещение в СМИ негативных последствий данного вида преступлений.

Не менее важным способом борьбы является гражданская инициатива, поскольку именно

реакция несовершеннолетних и их законных представителей на неправомерные действия сотрудников общеобразовательных организаций оказывает существенное влияние на уровень коррупции. Актуализируется работа горячей линии по вопросам недопущения незаконных сборов денежных средств с родителей и законных представителей (*Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 сентября 2015 г. № ВК-2227/08 «О недопущении незаконных сборов денежных средств»*). Нельзя также исключать порядок разрешения проблемы путем обращения к администрации образовательного учреждения.

Борьба с коррупцией в образовательных учреждениях осложнена тем, что преступления коррупционной направленности всегда связаны с определенными корыстными мотивами конкретных личностей. Субъективный фактор в данном ключе – главный враг преодоления подкупности и продажности. В связи с этим выход из ситуации видится в переходе к максимально возможной компьютеризации и цифровизации различных образовательных процессов.

На данный момент существуют такие прозрачные цифровые модели образовательной оценки и контроля знаний, как Основной государственный экзамен (ОГЭ) и Государственный итоговый экзамен (ГИА), включающий Единый государственный экзамен (ЕГЭ) и Государственный выпускной экзамен (ГВЭ). Механизм их проведения исключает какое-либо возможное влияние на формирование экзаменационных заданий, ход проведения испытания, оценку работы по итогу написания, а также апелляцию. Система довольно сложная и затратная, но она помогает создать необходимые условия для равной конкурентной борьбы. Подкупить такую систему попросту не представляется возможным.

Одной из предлагаемых мер является выделение времени в учебной программе для анализа и изучения проблемы коррупции. Уроки, посвященные этой теме, могут проходить в рамках обществознания или ОБЖ. На сегодняшний момент в средних общеобразовательных учреждениях и не только проводятся различные антикоррупционные мероприятия, в том числе конкурсы социальной антикоррупционной рекламы, конкурсы законодательной инициативы на тему предупреждения коррупции.

Эффективным решением будет обсуждение данной проблемы родителями со своими детьми-школьниками в рамках свободного общения. Для детей зачастую особенно важно, что их родители думают на ту или иную тему, так как обычно

родители пользуются авторитетом у своих детей, между ними существует довольно тесная психологическая связь. И если родители будут говорить с детьми о коррупции, как о негативном явлении, наносящем реальный вред обществу, объяснять, почему это именно так, то у детей будет формироваться соответствующее отношение.

В коррупции всегда участвуют как минимум два субъекта. Сторона, которая дает взятку, и сторона, которая ее берет. Если не будет хотя бы одной, то сделка не состоится. Поэтому очень важна сознательность учителей, школьных завучей и директоров школ. Они должны осознавать, что необходимо ко всем ученикам относиться одинаково справедливо, бесстрастно, без учета их социального статуса и основываться только на знаниях ученика. Конечно, мы живем не в идеальном мире, но такое ответственное и честное поведение учителей минимизировало бы этот негативный аспект обучения и послужило бы примером для учеников. Препятствует достижению этого идеала и некое размытие границы между взяткой и традиционными подарками, которые приносят все дети в школу, например цветы на Первое сентября. По идее, в дарении цветов на праздник нельзя усмотреть ничего предвзятельного. Однако для учителя, принимающего цветы, может иметь значение размер букета, стоимость цветов. Возможно, с традицией дарить цветы на Первое сентября и подарки на Новый год ничего сделать нельзя, но можно сделать так, чтобы родители, которые покупают подарки для сотрудников школы, не переходили определенную черту и не задаривали учителей. Возможно, решением проблемы здесь будет введение каких-то ограничивающих правил. К сожалению, в этой области отношений нет четкого правового регулирования, поэтому имеют место различные злоупотребления.

Одной из проблем организации образовательного процесса в средних общеобразовательных учреждениях является сбор денежных средств на нужды класса и школы с родителей учеников. Этот вопрос хоть и урегулирован на законодательном уровне, но на практике всегда приводит к различным злоупотреблениям (ст. 4 *Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»* (в ред. от 18.12.2018)). Проблема заключается в том, что суммы, которые собирают родительские советы, зачастую являются крупными, собирают их несколько раз в год, а самое главное, на якобы благотворительные, но не на очень ясные цели. Случается, что такие цели даже не маскируются под законные. Все эти неоправданные сборы противоречат принципу бесплатности образования, а также походят на такую коррупционную схему, как отмыв денег. Контроль за такими сборами в настоящее время осуществляется по правилам, установленным Гражданским кодексом, где сборы рассматриваются в рамках благотворительности (ст. 583 *Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ* (в ред. от 28.04.2020)). Однако благотворительность и школьные сборы иногда могут быть совершенно не связанными между собой явлениями.

Ситуация как в стране, так и в общеобразовательных учреждениях характеризуется высоким уровнем коррумпированности, однако это не повод смириться с положением. Ни в коем случае нельзя прививать позицию выученной беспомощности новому поколению. Если на своем примере показывать непримиримость с коррупцией, объяснять детям, почему она несет вред обществу даже на самом незначительном уровне, то, с большой вероятностью, новое поколение может занять совершенно другую, противоположную позицию и все кардинально изменить.

Литература

1. Соснин В.А., Китова Д.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3. С. 6–38.

References

1. Sosnin V.A., Kitova D.A., Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Korruptsiya kak ob'ekt sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy: sostoyanie i perspektivy [Corruption as an object of social psychological studies: status and perspectives]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya [Social and economic psychology]*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 6–38. (In Russian, abstract in English)

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Рощенко Софья Владимировна

Цель: изучение личности жертвы домашнего насилия, причинности поведения, в результате которого женщина становится жертвой, исследование международных и российских правовых норм, работы центров помощи жертвам домашнего насилия.

Методология: анализ, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований, опрос.

Выводы. В Российской Федерации наблюдается высокий уровень домашнего насилия, низкий уровень правовой защиты, недостаточное количество центров помощи жертвам домашнего насилия.

Научная и практическая значимость. Исследование личности жертвы домашнего насилия позволяет выявить и охарактеризовать типы жертв домашнего насилия, определить причины зависимости от агрессора и выработать превентивные меры, а также обратить внимание государства на проблему домашнего насилия и незащищенность жертвы.

Ключевые слова: жертва, домашнее насилие, жертва насилия, уголовная ответственность, уголовное право, семейное насилие, побои, агрессия, виды насилия, убийство.

Насилие в семье – распространенное явление, которое может проявляться в различных формах: оскорблениях, унижениях, неоправданном контроле, ревности, ограничении общения с родственниками, знакомыми и друзьями, нанесении телесных повреждений и даже убийстве.

Домашнее насилие – это как систематическое, повторяющееся, так и разовое (единичное) поведение одного человека (агрессора), направленное на контролирование и подавление воли другого человека путем физического, сексуального, эмоционального, словесного, экономического воздействия. В большинстве случаев жертвами насилия становятся люди, которые в наименьшей степени готовы дать отпор агрессору – это женщины, дети и престарелые.

При написании работы был проведен опрос двадцати двух респондентов разного возраста, пола, рода занятий, места проживания, национальности. На вопрос «Считаете ли Вы домашнее насилие преступлением?», все они ответили утвердительно. Часть респондентов перед началом интервью спросили: «Домашнее насилие – это сексуальное насилие над жертвой»? То есть у немалой части людей отсутствует четкое понимание того,

что такое домашнее насилие в принципе. Один из респондентов сказал важную, на наш взгляд, мысль, которая характеризует понимание домашнего насилия: «Мне кажется, у нас в России большинство людей, живущих с проблемой домашнего насилия, может не осознавать этого, считая это нормой, не допускать возможности изменения ситуации».

Сложно оценить масштаб домашнего насилия в России. Несмотря на то, что сейчас домашнее насилие декриминализовано, по своей сути оно является преступлением против жизни и здоровья человека с высокой латентностью [1].

Одним из признаков домашнего насилия является то, что жертва и агрессор находятся в близкородственной связи – они могут быть супругами, родителями и детьми, любовными партнерами.

Уголовно-правовая реформа, ознаменовавшаяся декриминализацией домашнего насилия, была проведена в Российской Федерации в феврале 2017 г. В соответствии с ней, к административным правонарушениям стали причислять побои в отношении близких лиц. Ранее максимальное наказание за побои составляло до двух лет лишения свободы. Теперь за такое противоправное деяние

предусмотрен штраф (от 5 до 30 тыс. рублей), обязательные работы либо административный арест.

Российская Федерация не подписала Конвенцию Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием в семье (2011 г.) (*Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием* // [Электронный ресурс]: URL: <https://rm.coe.int/16806b0687> (дата обращения: 10.09.2021)). В преамбуле Конвенции подчеркивается, что исторически неравное соотношение сил между женщинами и мужчинами приводит к доминированию мужчин, а также к подверженности женщин и девочек более высоким рискам насилия. Преимущественно насилию в семье подвергаются женщины и дети. Именно дети нередко становятся немymi свидетелями домашнего насилия. Страны-участницы Конвенции серьезно озабочены тем, что девочки и женщины часто подвергаются различным формам насилия в семье, в том числе и жестоким.

Интересным и правильным, на наш взгляд, является положение Конвенции о проведении профилактических мероприятий и использовании лечебных программ, направленных на работу с лицами, которые совершили акты насилия в семье. Использование таких мер направлено на изменение модели поведения агрессора и предотвращение продолжения насилия в семье. Также Конвенция предусматривает участие СМИ в формировании политики, предотвращающей насилие в отношении женщин и повышающей уважение к их достоинству. Конвенция предусматривает создание круглосуточных общегосударственных конфиденциальных бесплатных горячих линий. В ней закреплены различные виды юридической ответственности, в том числе и уголовная, которая применяется независимо от характера взаимоотношений между жертвой и лицом, совершившим акт насилия.

Существует обширная мировая практика помощи жертвам домашнего насилия. Например, в странах Европы и в США применяется охранный приказ (ордер). Он может быть выдан правоохранительными органами в случае подтверждения случаев домашнего насилия. Охранный ордер нацелен на защиту жертвы посредством специальных охранных мер — агрессор должен оставить жилое помещение, даже если он является его собственником, также вводится запрет на приближение агрессора к жертве. Конечно, такой приказ не может полностью исключить агрессора из жизни жертвы и не дает гарантий того, что агрессор, при наличии такого приказа, не причинит жертве вред.

Но в то же время уже выданный охранный приказ, в случае повтора домашнего насилия, дает правоохранительным органам достаточно много полномочий для пресечения действий агрессора [2].

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует такая форма воздействия на агрессора как охранный приказ. В 2019 г. в Государственной думе РФ обсуждался законопроект, который содержал положения о таком способе предупреждения домашнего насилия, но до настоящего момента он введен не был.

На протяжении длительного времени и неоднократно, например в 2016 и 2019 гг., в Государственную думу РФ вносились проекты федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия». Обсуждение законопроектов по этой теме вызывает резонанс в обществе, но, к сожалению, пока данный закон не принят.

Значительные пробелы в праве, декриминализация, неприсоединение к международным конвенциям, отсутствие эффективных механизмов предотвращения и пресечения домашнего насилия — все это приводит к приравнению домашнего насилия к норме.

Одним из его итогов в семье является формирование в детях задатков потенциальных агрессоров и преступников, в том числе убийц и серийных убийц. В качестве примера приведем дело сестер Хачатурян, которые в 2018 г. совершили групповое убийство своего отца. Длительный период своей жизни они подвергались домашнему насилию со стороны отца, в результате чего совершили данное преступление. В марте 2021 г. сестры Хачатурян были признаны потерпевшими по ст. 117 (истязание) и ст. 131 (изнасилование) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Из вышесказанного следует, что проблему домашнего насилия нельзя игнорировать, тем более на уровне государства, потому что насилие порождает новое насилие.

Вышесказанное подтверждают ответы респондентов на вопрос: «По вашему мнению, необходимо ли принять закон о запрете домашнего насилия?»

Опрошенные нами респонденты отметили необходимость принятия закона о запрете домашнего насилия. Один из респондентов ответил, что только принятия закона недостаточно — необходимо произвести глобальные реформы, которые будут взаимодействовать с законом. Также один из респондентов ответил, что для ответа на этот вопрос ему необходимо ознакомиться с текстом закона.

Домашнее насилие не зависит от социального статуса, уровня дохода и образования, этниче-

ского происхождения, вероисповедания и других факторов.

Если жертва долгое время испытывает насилие, то у нее формируются защитные механизмы, в результате она начинает оправдывать своего агрессора и продолжает с ним отношения. Некоторые жертвы пытаются убедить себя в нормальности действий агрессора, женщина оправдывает свое поведение тем, что она пытается сохранить семью.

По мнению психологов, женщины-жертвы домашнего насилия обладают характерными чертами:

- традиционные представления о модели семьи;
- бессилие, чувство страха, одиночества и беспомощности, слабость, низкая самооценка, пессимизм, тревожность за себя и своих детей;
- устоявшееся мнение о том, что насилие в семье – это нормально;
- перекладывание ответственности за насильственные действия агрессора на себя;
- убежденность в том, что женщина существует для удовлетворения мужских сексуальных потребностей, что сексуальными отношениями можно наладить взаимоотношения жертвы и агрессора; у нее отсутствуют собственные желания;
- ощущение чувства стыда из-за сложившейся ситуации, чувство собственной вины из-за того, что не может что-то поменять.

Часто женщины-жертвы оправдывают действия агрессора по отношению к себе, пытаются оправдать агрессора в глазах окружающих, не замечать акты насилия с его стороны.

В связи с этим нами был задан вопрос респондентам: «Оказали бы Вы помощь, если бы Вам стал известен случай домашнего насилия? В чем бы заключалась Ваша помощь в случае положительного ответа?»

Этот вопрос вызвал наибольшее затруднение у респондентов. 20% из 100% однозначно ответили «нет». Один из респондентов объяснила это тем, что жертва делает осознанный выбор, находясь в таких отношениях. 50% ответили, что оказали бы помощь, она бы заключалась в психологической или финансовой поддержке. 30% сомневались с ответом, говоря, что помощь они могут оказать только близкому человеку и при полной убежденности, что женщина подвергается домашнему насилию.

На наш взгляд, помощь незнакомым людям в подобных ситуациях нужно оказывать тогда, ког-

да жертва или просит о том, или пытается убежать, то есть своими действиями старается спастись.

Респондентам было предложено ответить, по каким признакам, по их мнению, можно определить жертву домашнего насилия? В большинстве ответов указывали на физические (синяки, ссадины) и психологические признаки (апатия, боязнь высказывать свое мнение при партнере, пессимизм).

Однако, по мнению психологов, этих признаков намного больше. Они подразделяются на:

экономические признаки:

- финансовая зависимость от агрессора порой выражается в невозможности или недостаточной возможности пользования денежными средствами;
- жертва может отказываться от работы, получения образования из-за давления агрессора;
- агрессор забирает и распоряжается денежными средствами женщины, заставляет ее содержать его;
- внешние признаки (одежда, обувь не соответствует сезонности и уровню дохода семьи).

Сексуальные признаки:

- наличие заболеваний, передающихся половым путем, повреждение на половых органах;
- нарушение сексуальности жертвы;
- выкидыши у женщины, рождение мертворожденных детей, заболевания у новорожденных.

Физические признаки:

- наличие ссадин, синяков, укусов, гематом на теле жертвы;
- ухудшение как физического здоровья, так и психологического состояния жертвы;
- повреждения на теле жертвы не соответствуют ее объяснениям;
- истощение;
- небольшая масса тела, обезвоживание;

психологические признаки:

- страх, тревожное состояние, замкнутость, беспомощность;
- депрессия, мысли о суициде, навязчивые действия, мысли, идеи;
- чувство вины за действия агрессора по отношению к ней;
- прекращение контактов с родственниками, друзьями;
- настойчивый отказ от предложенной помощи обратиться в правоохранительные органы, к врачам и психологам, в центры помощи жертвам домашнего насилия;

- бессонница, сонливость, возбудимость, замедленность при совершении действий и разговоре, подозрительность;
- отсутствие зрительного контакта при разговоре с собеседником, сутулость, забитость;
- отсутствие адекватной оценки себя, своей жизни, своего будущего (*Как распознать насилие в семье? Психологические особенности женщин-жертв насилия в семье // [Электронный ресурс]: URL: <https://psy-practice.com/publications/travmy/kak-raspoznat-nasilie-v-seme-psykhologicheskie-osobennosti-zhenshchin-zhertv-nasiliya-v-seme/> (дата обращения: 10.09.2021)*).

Выделяются несколько причин, почему человек становится жертвой домашнего насилия. Во-первых, это может быть связано с низкой самооценкой. Причем низкая самооценка может сложиться еще до совершения акта домашнего насилия, в детстве или юности. Неуверенная в себе женщина является наиболее привлекательной для агрессора.

Во-вторых, зависимость жертвы от мнения окружающих. Агрессор может убеждать свою жертву в том, что выгодно ему (совершение определенных действий, навязывание жертве ложного представления о самой себе).

В-третьих, у жертвы может присутствовать страх неудачи. Женщина продолжает терпеть агрессора из-за боязни неудачи в личной жизни, из-за страха одиночества. Если у женщины и агрессора есть совместные дети, то также может присутствовать страх оставить детей без полной семьи.

В-четвертых, страх обратить на себя внимание. Не выносить ссор из избы, терпеть и делать вид, что все нормально, не проявлять свою индивидуальность – все это способствует активному поведению агрессора.

Также психологии выделяют несколько типов женщин, к которым относятся жертвы домашнего насилия.

В первый тип входят инфантильные женщины разного возраста. Они характеризуются незрелостью, боязнью брать на себя ответственность за поступки и решения. Психологи объясняют такую инфантильность гиперопекой в детстве. Эти женщины не приспособлены к жизни, если что-то им доставляет дискомфорт, они не склонны это менять (придумывают различные объяснения, почему так происходит, но менять это не хотят). В случае насилия над собой она либо начинает фантазировать, либо вспоминает совместное хорошее прошлое и пытается идеализировать агрессора.

При проведении исследования во время интервью одна из респонденток рассказала историю, которая хорошо иллюстрирует первый тип женщины-жертвы.

Когда респондент была подростком, ее соседка регулярно подвергалась домашнему насилию со стороны мужа, страдающего алкогольной зависимостью, который становился агрессором именно после распития спиртных напитков. Для окружающих она постоянно придумывала оправдания и объяснения действиям своего мужа. Это продолжалось до тех пор, пока не вырос их сын и однажды не пригрозил отцу. На протяжении длительного времени женщина не решалась взять на себя ответственность и положить конец этим отношениям.

Ко второму типу относятся женщины, которые убеждены в своей уникальности, они не боятся авантур, они рискуют и соперничают.

Третий тип – прагматичный тип женщин. Они растворяются полностью в своем партнере, живут его жизнью, создают уют и любовь в отношениях с мужчиной, а взамен ждут материальной поддержки. Такой тип женщин подвержен экономическому насилию со стороны партнера.

К четвертому типу относятся успешные женщины, которые самореализовались в карьере. Они не относятся к незащищенным группам, имеют самостоятельный доход и считают себя сильными женщинами. Для такого типа женщин вся жизнь, в том числе и семейная, – это борьба. Они часто меняют свои роли от заботливой жены до преследовательницы, которая считает своего партнера неудачником и не скрывает это от него. В результате мужчина не выдерживает и может совершить акт домашнего насилия (*Домашнее насилие или психология жертвы // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.b17.ru/blog/32973/> (дата обращения: 10.09.2021)*).

Одна из респонденток поделилась историей, которая служит ярким примером к характеристике четвертого типа: приятельница – успешный юрист десять лет назад была однократно очень сильно избита мужем. Заявлять в полицию она не стала, так как боялась испортить биографию своему ребенку. Также оправдывала мужа тем, что у него тяжелая работа криминалиста. С мужем живут вместе до сих пор, отношения хорошие. При этом полученные в день избиения травмы дают о себе знать и сейчас.

Оправдание агрессора, его действий в своих глазах и в глазах окружающих, преуменьшение и абстрагирование от ситуации домашнего насилия, видение причины только в себе – это все

ведет к необратимым, а порой и летальным последствиям.

Министерство внутренних дел Российской Федерации предоставляет следующую статистику за январь – февраль 2021 г.: в отчетном периоде на 3,5% уменьшилось число незаконных деяний в семейно-бытовой сфере, в том числе на 6,2% стало меньше фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 8% – средней тяжести и на 8,8% – легкого вреда здоровью (*Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-февраль 2021 года // [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/reports/item/23447482/> (дата обращения: 05.04.2021)*). Но, на наш взгляд, статистика не отражает действительного состояния.

В 2021 г. эксперты Консорциума женских неправительственных объединений (организация, которая предоставляет юридическое сопровождение для пострадавших от домашнего насилия на всей территории России) проанализировали приговоры, используя ГАС «Правосудие», по ч. 1, 2 ст. 105, ст. 107, ч. 4 ст. 111 Уголовного Кодекса РФ за 2018 г. Эксперты отобрали дела, где были убиты женщины, они составили 1/3 от общего числа. После эксперты вручную рассмотрели более пятисот дел, чтобы найти те, где речь идет о домашнем насилии. В результате исследования было выявлено, что в 2018 г. 61% убитых в России женщин лишились жизни в результате домашнего насилия. По официальной статистике МВД РФ, за 2018 г. в результате семейно-бытовых конфликтов было убито 253 женщины (около 3%) (*Правозащитники: две трети убитых в России женщин – жертвы домашнего насилия // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56083021> (дата обращения: 07.04.2021)*).

Согласно статистке, приведенной на официальном сайте мэра Москвы, число звонков на телефоны доверия Кризисного центра помощи женщинам и детям во время пандемии по состоянию на июль 2020 г. возросло в два раза (*Где получить помощь женщинам и детям, столкнувшимся с домашним насилием // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mos.ru/news/item/76999073/> (дата обращения: 28.03.2021)*). На официальном сайте мэра Москвы также содержится информация, где и какую помощь можно получить москвичам. Предлагается экстренная круглосуточная психологическая помощь. Ее можно получить, позвонив на телефон горячей линии, либо написав в анонимный психологический чат на сайте Московской службы психологической помощи населению.

Кроме того, в Москве действует Кризисный центр помощи женщинам и детям. В данном центре можно получить психологическую помощь, правовые, медицинские, развивающие и коррекционные услуги. У подвергающихся домашнему насилию женщин и женщин с детьми есть возможность воспользоваться стационарным отделением для проживания. Для приема женщине необходимо написать заявление или получить направление социальных служб. После комиссионного решения о зачислении женщины в стационар она может проживать там до шестидесяти дней. Если женщина оказалась в экстренной и трудной жизненной ситуации, она принимается в стационарное отделение по факту явки, а необходимые документы могут быть собраны позднее. В период пребывания женщины в центре ей подбирается индивидуальная реабилитационная программа и составляется план по выходу из трудной жизненной ситуации. В рамках реализуемой комплексной программы ей предоставляется помощь юридическая, медицинская, социальная, проводятся программы по обучению и осуществляется помощь в трудоустройстве. Оказываемые срочные социальные услуги и психологическая помощь москвичам предоставляются бесплатно.

Также в Москве действуют семейные центры, где психологи и другие специалисты помогают в конфликтных ситуациях, которые произошли в семье. Сейчас таких центров в различных районах по городу Москве действует больше тридцати.

НКО Центр «Насилию.нет» оказывает психологическую и юридическую помощь жертвам домашнего насилия, а также помощь агрессорам, которые решили отказаться от насилия.

Психологическая помощь делится на три типа:

- 1) индивидуальная консультация для пострадавших;
- 2) индивидуальная консультация для автора насилия;
- 3) группа поддержки для женщин.

На сайте «Насилию.нет» содержится инструкция для пострадавших от домашнего насилия. Во-первых, жертвам предлагается продумать план действий. Если насилие опять повторится, узнать телефоны и адреса необходимых служб и центров поддержки, рассказать о насилии тем, кому доверяет жертва (это могут быть родственники или друзья), также найти безопасное место, временное убежище в случае повторения акта насилия. Во-вторых, необходимо договориться с соседями, чтобы в случае криков из квартиры жертвы, они незамедлительно вызвали полицию. При возможности жертве предлагается фиксировать слу-

чаи угрозы или насилия посредством диктофона, видео или фото. Специалисты центра советуют спрятать необходимые вещи, ценности в безопасное и быстродоступное место, уничтожить все свидетельства того, где агрессор может найти жертву. Жертвам предлагается доверять своей интуиции, в критической ситуации незамедлительно покидать дом, даже если жертва не успела взять необходимые вещи.

На указанном сайте выложены подробные инструкции по вопросам: как обратиться в полицию и как себя там вести, как зафиксировать побои, как себя вести в случае, если уголовное дело возбудили и передали в суд. Жертвам рекомендуют не бояться и идти до конца. На этом же сайте есть карта всех российских центров социальной и психологической помощи, которые располагаются в ста российских городах (*Мы делаем проблему домашнего насилия видимой и поддерживаем тех, кому нужна наша помощь // [Электронный ресурс]: URL: <https://nasiliu.net/> (дата обращения: 10.09.2021)*).

На первый взгляд, география центров помощи кажется внушительной, но, если обратиться к общедоступным статистическим источникам, в России на 2020 г. число городов составило 1112. Сто городов, где располагаются центры помощи — это всего лишь 8,9% на всю Россию от общего числа городов, без учета поселков городского типа, деревень, сел, станиц и аулов.

Для того чтобы понять, как оказывается помощь в регионах и какой спектр услуг предоставляется жертвам домашнего насилия, мы провели исследование на примере Краснодарского края.

В Краснодарском крае действуют три центра помощи жертвам: Краснодарский краевой кризисный центр помощи женщинам, «Светлая обитель» непосредственно в г. Краснодар и Общественное движение женщин Тбилисского района «Надежда», действующее в Краснодарском крае, Тбилисский район, ст. Тбилисская.

Краснодарский краевой кризисный центр оказывает бесплатные социальные услуги женщинам, которые подверглись домашнему насилию в семье, а также женщинам (с детьми), которые потеряли работу или жилье и находятся в экстремальных условиях жизни.

Центр предоставляет психологическую и юридическую помощь, в случае угрозы жизни или здоровью — приют. В рабочие часы по будням действует не круглосуточная горячая линия.

По статистике, за 2020 г. были оказаны 44 373 социальные услуги, помощь получили 454 человека. Горячая линия зафиксировала 361 звонок (*Статистика. Краснодарский краевой кризисным*

центр помощи женщинам // [Электронный ресурс]: URL: <http://krasnodar-kc.ru/Onas/statistika/> (дата обращения: 28.03.2021)).

С 2011 г. за время существования учреждения услугами центра воспользовались более 37 тысяч граждан.

Во время проведения нашего исследования респондентам предлагалось ответить, какие центры социальной и психологической помощи им известны.

Подавляющее большинство, за исключением четырех человек, ответило, что они не знают никаких центров подобной направленности. Два респондента назвали центр «Насилию.нет». Два респондента назвали центр «Анна». Один человек слышал о центре «Ты не одна» и о Центре психологической помощи населению.

Какая помощь, помимо юридической и психологической, должна быть оказана жертве домашнего насилия?

Большинство респондентов ответили, что психологической и юридической помощи достаточно. Часть респондентов выделили помощь материальную и медицинскую, также отметили необходимость в поддержке со стороны близких людей. Один из респондентов предложил создавать больше временных убежищ для жертв домашнего насилия.

Респондентам также были заданы следующие вопросы: «По вашему мнению, достаточны ли меры, принимаемые государством, по предупреждению и оказанию помощи жертвам домашнего насилия?», «Исходя из Вашего личного опыта (из СМИ, общедоступной информации), насколько эффективно Вы оцениваете работу полиции и государства в этом вопросе?».

Респонденты дали отрицательную оценку работе полиции и указали на недостаточность мер, принимаемых на государственном уровне, для решения проблемы домашнего насилия. Только два человека из двадцати двух опрошенных оценили работу на удовлетворительно.

Таким образом, можно сделать вывод, что, если кризисные центры помощи жертвам домашнего насилия, расположенные в Москве, оказывают помощь круглосуточно, предлагают очень обширный спектр услуг, да и самих центров в Москве работает немало, то в регионах, где также ситуация требует пристального внимания, центры нередко работают не круглосуточно (надо учитывать, что агрессоры воздействуют на свою жертву в том числе вечером и ночью, а жертве обратиться некуда), список предлагаемых видов помощи очень ограничен.

Огромное количество, а точнее, подавляющее большинство населенных пунктов по всей России не имеют собственных кризисных центров помощи жертвам домашнего насилия. Как результат, жертва остается один на один со своей проблемой, болью и страхом. Нередко не только за себя, но и за своих детей, которые также страдают от действий агрессора. Только в еще большей степени.

На наш взгляд, одним из эффективных решений будет создание мобильного приложения «Спасение», суть работы которого заключается в следующем: на кодовое слово, выбранное женщиной, подвергающейся домашнему насилию, приложение автоматически направляет в полицию или специально созданный орган сведения о жертве, ее местонахождении, актуальной геолокации. Данные меры позволят оперативно сообщить о случае домашнего насилия и направить помощь жертве. А в случае, если агрессор будет увозить ее, то сотрудники полиции смогут в режиме реального времени отслеживать их геолокацию, что позволит быстро найти, остановить акт насилия и оказать помощь жертве.

Нами был задан вопрос: «По Вашему мнению, располагаете ли Вы достаточной информацией, куда можно обратиться в случае возникновения домашнего насилия с Вами или Вашими близкими, как себя вести в этих случаях?» Все респонденты ответили, что не располагают достаточной информацией, но в случае необходимости смогут найти ее в интернете или позвонить в полицию.

Полагаем, есть необходимость в том, чтобы как можно больше людей владело информацией, как себя вести, до совершения акта домашнего насилия, так как он может произойти неожиданно для жертвы, и уже в этот момент у нее не будет достаточно времени, чтобы искать необходимую информацию в Интернете. То есть можно сделать вывод, что государство и СМИ не дают достаточной информации о том, как спастись в случае домашнего насилия.

Домашнее насилие — это то, что может случиться с каждым человеком, при этом он не может рассчитывать на получение эффективной помощи, а со стороны государства не принято на данный момент законов, которые бы его защитили. Что касается правоохранительных органов, то при обращении к ним нельзя с уверенностью сказать, что помощь будет оказана [3].

Действующие центры помощи жертвам домашнего насилия малочисленны в нашей стране, о них редко кто знает, в подавляющем большинстве — это не государственные, а частные центры, созданные неравнодушными людьми.

В данной работе нами было уделено внимание Стамбульской Конвенции и охранному ордеру. Несмотря на то, что Российская Федерация ней не присоединилась, мы полагаем, что существующую мировую практику по предотвращению домашнего насилия необходимо перенимать и использовать в нашей стране.

Исходя из результатов нашего опроса, мы выяснили, что все респонденты (22 человека) не знают, куда обращаться (не считая полиции), как себя вести в случае домашнего насилия. То есть со стороны СМИ и государства информирование о действиях в случае домашнего насилия проводится в недостаточном объеме. По нашему мнению, минимум знаний по данной теме должен быть у любого человека, потому что насилие может произойти неожиданно, и тогда может не быть времени или возможности искать соответствующую информацию в Интернете.

Жертвы домашнего насилия, с детства приученные не выносить ссор из избы, не обращаются за квалифицированной психологической помощью, считая, что это стыдно или не нужно, что они сами справятся с проблемой.

Считаем, большой пользой будет создание мобильного приложения «Спасение» для оперативного реагирования в случае домашнего насилия.

Агрессоров необходимо принудительно отправлять на курсы коррекции поведения с участием психологов и психотерапевтов, потому что у взрослого человека модель поведения сама по себе не меняется. Существующая практика, когда агрессора увозят в отделение, а через короткий промежуток времени он возвращается домой в еще более озлобленном состоянии, не дает эффективных результатов. Из СМИ известны факты, когда уже отбывшие наказание агрессоры возвращались домой к своим же жертвам и продолжали их терроризировать.

Считаем обязательным условием для снижения уровня домашнего насилия воспитание семейных ценностей, формирование гуманной личности, неприятие низменных интересов, которые заполнили информационное пространство.

На наш взгляд, в ближайшее время необходимо принятие федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия». Но для его эффективной работы нужен комплекс мероприятий (повышение ответственности сотрудников правоохранительных органов, создание центров помощи жертвам, наличие общегосударственной круглосуточной горячей линии и др.).

Хочется отметить, что в недавнее время появились положительные тенденции в защиту жертв домашнего насилия.

6 апреля 2021 г. Верховный суд РФ предложил отменить институт частного обвинения в судах с целью защиты жертв домашнего насилия. Эту законодательную инициативу одобрил для внесения в Госдуму Пленум Верховного суда РФ. К делам частного обвинения в настоящее время относятся три состава преступлений: об умышленном причинении легкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 115 УК РФ), о нанесении побоев (ст. 116¹ УК РФ) и о клевете без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 128¹ УК РФ), которые нередко становятся следствием домашнего насилия. Эти статьи будут переведены в разряд частно-публичных, по которым будет обязательным предварительное дознание полиции. Основное бремя доказывания ляжет на правоохранительные органы в ходе обязательного предварительного расследования, в судах останутся только государственные обвинители (прокуроры), а решение о прекращении таких уголовных дел в связи с примирением сторон будет приниматься судом не безусловно, а с учетом всех обстоятельств дела и сведений об обвиняемом. По оценке ВС РФ, повысится эффективность предупреждения семейно-бытового насилия, повысится роль государства в защите граждан от клеветы, а в суд перестанут поступать дела, по которым отсутствует предвари-

тельное подтверждение наличия события и состава преступления (*ВС предложил защитить жертв домашнего насилия отменой частного обвинения в судах* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.vsrj.ru/press_center/mass_media/29837/ (дата обращения: 09.04.2021)).

9 апреля 2021 г. Конституционный суд Российской Федерации признал противоречащий Конституции ст. 116¹ УК РФ после проверки жалобы Людмилы С., которая систематически подвергалась побоям со стороны своего брата. Конституционный суд подчеркнул, что любое посягательство на личность, ее права и свободы, а тем более на физическую неприкосновенность является и посягательством на человеческое достоинство. Государство обязано обеспечить противодействие насилию, а также выбрать вид ответственности и соразмерные меры наказания. Конституционный Суд РФ защитил жертв домашнего насилия, нормы УК РФ должны быть изменены (*9 апреля 2021 г. Конституционный Суд РФ опубликовал Постановление № 11-П, принятое в соответствии со статьей 47.1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3591> (дата обращения: 10.09.2021))

Литература

1. Крутихина П.В. Декриминализация домашнего насилия: три года спустя // Закон. 2019. № 12. С. 112–119.
2. Зебницкая А.К. К вопросу о порядке получения Protective Order (охранного приказа) // Мировой судья. 2020. № 5. С. 28–33.
3. Насилие в семье. Методическое пособие для специалистов / под ред.: Е.А. Яблочкиной, Н.В. Васильевой, Е.Д. Огинской. Псков: ЛОГОС Плюс, 2013. 52 с.

References

1. *Krutikhina P.V.* Dekriminalizatsiya domashnego nasiliya: tri goda spustya [Decriminalization of domestic violence: three years later]. *Zakon [The Law]*, 2019, no. 12, pp. 112–119. (In Russian, abstract in English)
2. *Zebnitskaya A.K.* K voprosu o poryadke polucheniya Protective Order (okhrannogo prikaza) [To the question of the procedure for obtaining a Protective Order (protective order)]. *Mirovoi sud'ya [Justice of the Peace]*, 2020, no. 5, pp. 28–33. (In Russian, abstract in English)
3. *Nasilie v sem'e. Metodicheskoe posobie dlya spetsialistov* [Violence in family. Methodological guide for specialists]. Eds. E.A. Yablochkina, N.V. Vasil'eva, E.D. Oginskaya. Pskov: LOGOS Plyus Publ., 2013. 52 p. (In Russian)

ФЕНОМЕН РОМАНТИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СКУЛШУТЕРА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

*Махмутова Лилия Ринатовна
Семенова Ирина Владимировна*

Цель: среди случаев скулшутинга (нападений учащихся в образовательных учреждениях с применением оружия) в последнее время наблюдается печальная тенденция в сторону их распространения и увеличения числа.

К сожалению, в школах очень часто происходят инциденты, так или иначе связанные с насилием — буллинг (травля), межличностные конфликты и т. п. Однако скулшутинг обладает собственными специфическими признаками, которые позволяют отграничить его от аналогичных понятий.

В данной исследовательской работе были рассмотрены основные характеристики данного феномена, причины романтизации подростками такого противоправного поведения, а также мотивы индивидов, которые создают и вступают в сообщества, поддерживающие скулшутеров.

Для формирования более полного представления о данной проблеме нами были проведены два опроса — среди учащихся образовательных учреждений и среди их работников, а также были исследованы несколько интервью с психологами и непосредственными создателями и участниками колумбайн-сообществ.

Целью нашей работы было установить причины романтизации скулшутеров, выявить, чем руководствуются лица, создающие онлайн-сообщества, посвященные стрелкам, несмотря на то, что они убивают людей, наносят им физические и психологические травмы.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, статистическое наблюдение.

Выводы. Феномен романтизации касается не только идеологии скулшутинга и самого скулшутера, но и в целом отрицательных героев. Он определяется стремлением понять мотивацию поступков злодеев и изучением темной стороны собственного «Я». В подростковом возрасте люди проживают определенные эмоциональные проблемы, и каждый справляется с ними по-разному. Влияние деструктивного, депрессивного, суицидального контента может привести к неблагоприятным последствиям. Ярким примером выступают колумбайн-сообщества, которые способствуют формированию искаженного мировоззрения своей аудитории. Однако многие подростки (в том числе и создатели данных сообществ) имеют своей целью поиск тех, у кого схожие проблемы и переживания. Из этого следует вывод, что вступление в подобные сообщества еще не говорит о твердом намерении совершить преступление, но стоит обратить внимание на подобные знаки.

Научная и практическая значимость. Популяризация отрицательных героев достаточно давно распространена в кинематографии и литературе. Но стоит задуматься, к чему может привести романтизация школьных стрелков, как она влияет на психику подростков. Мнение об исключительно пагубном влиянии колумбайн-сообществ является преобладающим в обществе. В ходе нашего исследования мы выяснили, что большинство подростков вступают в подобные онлайн-сообщества, не потому что разделяют идеологию стрелков, а потому что чувствуют себя одиночками и находят там единомышленников, которым знакомы их чувства. Таким образом, сделанные выводы обращают внимание общественности на проблемы социализации подростков, отсутствие необходимого внимания и участия родителей.

Ключевые слова: скулшутинг, травля, проблемы современности, подростки, стрельба в школах, колумбайн-сообщества, колумбайнер, антагонисты.

1. Понятие скулшутинга и скулшутера

Широкий общественный резонанс вызывают массовые убийства с применением огнестрельного оружия в образовательных учреждениях, которые совершаются учениками или студентами. Феномен совершения подобных общественно опасных противоправных действий получил название скулшутинг. Данное понятие образовано от двух английских слов: school – школа, shoot – стрельба.

Первым случаем скулшутинга, получившим всемирную огласку, стало происшествие, случившееся 20 апреля 1999 г. в школе «Колумбайн» в США. Эрик Харрис и Дилан Клиболд, ученики старшей школы, напали на учащихся и сотрудников своей школы, используя стрелковое оружие и самодельные взрывные устройства. В результате они убили 13 человек, ранили 23, после чего застрелились. Впоследствии название школы «Колумбайн» стало употребляться как синоним скулшутинга, а сам инцидент стал негативным примером для подражания как в США, так и по всему миру.

Чем же характеризуется данный феномен?

Скулшутинг обладает своими специфическими признаками, которые позволяют отграничить его от сходных преступлений, в частности от захвата школ террористами, серийных убийств и других насильственных преступных деяний.

В.О. Карпов выделяет следующие признаки:

- 1) совершение преступлений в учебных учреждениях;
- 2) умысел преступника направлен на причинение вреда жизни и/или здоровью неограниченному кругу лиц;
- 3) использование в качестве орудия преступления стрелкового оружия и/или взрывных устройств [1, с. 48].

Одна из важнейших особенностей скулшутинга заключается в том, что преступник не персонифицирует заранее жертву своего криминального насилия. Данный признак позволяет отграничивать акты скулшутинга от убийств, совершенных на почве межличностных конфликтов, когда жертвой становится заранее определенное лицо.

От серийных убийств скулшутинг отличается тем, что убийства и ранения осуществляются как единая атака в ограниченный промежуток времени.

Цели совершения преступления – основное отличие данного деяния от террористического акта. В то время как целью террористического акта выступает дестабилизация обстановки и создание атмосферы страха в обществе, скулшутер

стремится утвердиться в глазах окружающих, стать замеченным другими людьми, возвыситься над ними путем применения насилия.

Преподаватель Университета сети европейских исследований Хельсинкского университета Лина Малкки выделяет еще один признак данного феномена – символический характер насилия. По мнению Малкки, преступник таким способом пытается сделать заявление, передать сообщение окружающим, т. е. насилие для него выполняет коммуникативную роль [2, с. 189].

Многие также отмечают определенную церемониальность, ритуальность скулшутинга – преступник выбирает специфическую одежду (черные длинные плащи, тяжелые ботинки, тактические перчатки); следование маршруту, который стрелки в большинстве случаев повторяют, – школьные коридоры, классы, библиотека. Ритуальную демонстративность и некую театрализованность преступления подчеркивает посткриминальный суицид [3, с. 118].

Таким образом, нельзя не согласиться с определением скулшутинга, данным Ю.В. Суходольской: «Скулшутинг или массовое убийство в образовательной организации – это убийство двух или более лиц, совершенное одновременно либо на протяжении небольшого промежутка времени в образовательной организации без периодов эмоционального охлаждения, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением при отсутствии террористических либо корыстных мотивов».

Исследуя данный вопрос, важно также дать характеристику самому преступнику.

По мнению Е.З. Сидоровой, *личность обучающегося, совершившего преступление*, – это ряд определенных социально значимых признаков человека, получающего образование, которые наряду с внешними условиями оказали влияние на выбор преступной модели поведения [4, с. 11]. Поскольку для того, чтобы совершить подобное преступление, направленное против жизни и здоровья окружающих скулшутера людей и его самого, преступник должен находиться в особом состоянии, которое обуславливается определенной совокупностью внутренних и внешних факторов, влияющих на подростка.

Среди *внешних* факторов можно выделить отсутствие внимания родителей к ребенку, трудности ребенка в общении со сверстниками, конфликты с ними и педагогами, буллинг (травля), интерес ребенка к компьютерным играм, в которых присутствуют сцены насилия, а также его

доступ к сайтам и группам в сети Интернет, пропагандирующим идеологию скулшутинга. К *внутренним* факторам следует отнести депрессивное состояние ребенка, его внушаемость и ведомость, психические отклонения.

При сочетании каких-либо из перечисленных факторов возможно совершение подростком правонарушения или даже преступления. В большинстве случаев многие факторы могут оказывать влияние с течением времени, то есть они влияли на психику и поведение несовершеннолетнего в течение длительного периода [5, с. 118].

С точки зрения психологии, характеристика скулшутера заключается в следующем: замкнутый, неуверенный, испытывающий проблемы с самореализацией подросток, использует стрелковое либо холодное оружие по отношению к ученикам или к персоналу в учебном заведении и заканчивает, либо пытается покончить жизнь самоубийством [6, с. 444].

В ходе нашего исследования мы провели два опроса – среди обучающихся в образовательных учреждениях и среди преподавателей и учителей, и получили следующие результаты:

- среди причин скулшутинга большая часть опрошенных выделяет *психические расстройства* (42% из числа учеников и 38% из числа педагогических работников) и *буллинг* (травлю) (30% и 32% соответственно);
- основная цель стрельбы, по мнению участников опроса, – месть (61,6% и 50% соответственно) или слава (17,4% и 22%);
- на вопрос относительно виновности стрелка в произошедшем практически все однозначно ответили положительно, поскольку выбор в пользу совершения данного преступления он сделал сам (84,1% и 92%).

По результатам изучения судебных приговоров, процессуальных решений, заключений психолого-психиатрических экспертиз исследователи делают следующие выводы относительно закономерностей механизма преступного поведения скулшутеров:

1. В большинстве случаев акты скулшутинга были тщательно спланированы, т. е. их нельзя назвать внезапными или импульсивными.

2. В преобладающем числе инцидентов другие люди знали об идее и (или) о плане нападения.

3. Мотивом большинства скулшутеров является устрашение окружающих, демонстрация своей значимости, месть учебному коллективу в связи с проблемами в личных взаимоотношениях, в некоторых случаях – подражание знаменитым массовым убийцам. Иногда мотивами

убийцы являются все вышеназванные причины в комплексе.

4. Большинство злоумышленников до инцидента проявляли некоторые особенности поведения, которое вызывало беспокойство у окружающих или указывало на необходимость оказания ему помощи.

5. Большинству преступников было трудно справиться с личными неудачами. Более того, некоторые скулшутеры думали о самоубийстве.

6. Многие нападавшие чувствовали себя запуганными, преследуемыми или были травмированы другими (физически или психически) до нападения.

7. Большинство нападавших имели доступ к оружию и использовали его до нападения.

8. Во многих случаях акт массового убийства в образовательной организации заканчивается посткриминальным суицидом или попыткой суицида (*Суходольская Ю.В. Причины совершения актов скулшутинга и способы их предупреждения // [Электронный ресурс]: URL: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2021/09/Sukhodolskaya-Prichiny-soversheniya-aktov-skulshutinga-.pdf> (дата обращения: 10.01.2021)*).

2. Феномен романтизации личности скулшутера

После трагического события, произошедшего 11 мая 2021 г. в Казани, где в результате взрыва и стрельбы в Гимназии № 175 погибли 9 человек и 32 пострадали, тема скулшутинга обрела новую волну. Скорбь выражала вся страна, но нашлись и те, кто глубоко сочувствовал стрелку и даже ему симпатизировал.

Феномен романтизации скулшутеров явление не новое, но последствия, которые оно может за собой повлечь, очень серьезные. Уже вечером после произошедшего 20 сентября 2011 г. на территории Пермского государственного университета массового убийства в социальной сети Telegram была найдена новость фанатов с объявлением о начале сборов денежных средств на адвоката Тимуру Бекмансурову.

Все началось с Эрика и Дилана, которые были не первыми стрелками в образовательных учреждениях, но первыми кумирами миллионов подростков по всему миру. Многие считают, что на это повлияла «кинематографичность» сценария бойни: *около часа вооруженные помповым ружьем, карабином и пистолетом старшеклассники ходили по школьным коридорам и расстреливали всех встретившихся им на пути. А потом покончили с собой.*

Под феноменом романтизации мы рассматриваем тенденцию приукрашивать личность злодея, который должен восприниматься как отрицательный герой, однако у некоторых он вызывает симпатию.

Ребекка Краузе и Дерек Ракер из Северо-Западного университета (*Эванстон, штат Иллинойс, США*) проводили социальные исследования на основе данных от компании CharacTour – сайта развлекательного характера, где на момент изучения поставленной задачи, было зарегистрировано более 230 тысяч пользователей (*Krause R., Rucker D. From Voldemort to Vader, fictional villains may draw us to darker versions of ourselves*) // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2020/04/200422214031.htm> (дата обращения: 06.11.2021)). Исследование касалось интереса к отрицательным персонажам кинематографа, чем он обусловлен. Выяснилось, что на это есть следующие причины: стремление понять мотивацию поступков злодеев и изучение темной стороны своей личности.

Поиск своего личного «Я» обусловлен биологической потребностью, благодаря кинематографу и большей мобильности мира человек имеет возможность примерить на себя как можно больше ролей.

В ходе исследования было выявлено, что половина фанатов какой-либо франшизы являются фанатами отрицательных героев. Также выяснилось, что люди, симпатизирующие злодеям, начинают испытывать негативные эмоции по отношению к положительным персонажам. При появлении симпатии к тому или иному герою возникает невольное желание сравнить себя с ним и перенять некоторые наиболее привлекающие черты. С каждым годом качество съемки фильмов и сериалов повышается, режиссеры стремятся создавать картины, которые все менее отличимы от реальности. Это может привести к размытию границы, разделяющей вымысел и реальную жизнь. Подростки как психически неустойчивые, еще несформированные до конца личности могут очень легко попасть под негативное влияние собственных фантазий и выбрать плохой пример для подражания.

Также стоит обратить внимание на то, что прослеживается определенная тенденция изменения внешнего вида злодеев. Ранее в кинематографе и литературе внешний вид героя напрямую был связан с его ролью, для усиления отращения использовались непривлекательные черты в описании внешности (полнота, бородавки, неприятный голос, морщины и т. д.) – все то, что

внешне отталкивает. Однако в данных реалиях четкое понимание красивого и уродливого, доброго и злого существенно размывается, теперь белое не кажется белым, как и черное чисто черным. Сейчас же внешний вид антагониста бывает куда привлекательнее, чем у положительного героя. Помимо этого, злодеи показаны как более сильные харизматичные личности, при виде которых другие чувствуют свою слабость и относятся к ним с осторожностью. Для подростков, которые подвергаются тому или иному насилию и находятся в поиске более удачной модели поведения, чтобы себя обезопасить, единственным доступным справочником являются фильмы. Что порождает серьезную волну подражания. Это может выражаться в использовании определенной атрибутики, ассоциирующейся с тем или иным героем, в большей заинтересованности в произошедшем, возможно, в планировании и экспериментах, которые основаны на вопросе «а смогу ли я так же?».

Стремление понять мотивацию поступков злодеев также тесно связано с познанием собственного «Я». Кинокомпании, создающие фильмы для массового проката, последние десять лет на главную роль берут изначально отрицательного героя и раскрывают личность с другой стороны, разясняя логику его поступков. Такими фильмами являются «Малефисента», «Круэлла», «Отряд самоубийц», «Джокер» 2019 г. и многие другие, основными зрителями которых являются именно подростки. Это, с одной стороны, учит рассматривать ситуацию с разных точек зрения, а с другой, позволяет найти оправдание любому поступку и романтизировать личность злодея.

Мотивацию поступков Харриса и Клиболда можно понять из их дневников. Они описали травлю одноклассниками, непонимание со стороны родителей, план побега в Мексику на угнанном самолете. Описанные ими истории стали причиной появления фанатов по всему миру, поскольку многие смогли разглядеть в них родственную душу с похожими проблемами.

После трагедии 20 сентября 2021 г. в Перми по сети быстро разлетелся предсмертный пост стрелка с описанием хронологии действий и его мыслями. Безусловно, как и написал сам автор, это существенно упростило работу служб по сбору информации, однако это могло повлиять и на тех, у кого есть схожие намерения. Этот пост, с одной стороны, буквально является инструкцией, каким способом возможно совершить такое преступление, а, с другой, неким доказательством в глазах несформированных личностей, что

у стрелка были причины для совершения этого поступка, что в этом нет его вины, что его довели. Это также подтверждается нашим опросом. «*Виноват ли скулшутер в произошедшем?*» – на этот вопрос больше 18% респондентов ответили: «*Нет, результат психической травмы*» и «*Нет, ввиду тяжелых жизненных обстоятельств (семья, учеба, друзья)*».

3. Сообщества, поддерживающие скулшутера, причины их появления

Виртуальные сообщества в настоящее время обладают большим влиянием на формирование мировоззрения и социализацию подростков. К сожалению, это используется в том числе и представителями преступного мира, которые благодаря социальным сетям активно продвигают свои идеи, привлекая последователей.

В подростковом возрасте люди проживают определенные эмоциональные проблемы, и каждый справляется с ними по-разному. В последнее время в социальных сетях очень распространен депрессивный, суицидальный и агрессивный контент, влияние которого сейчас активно обсуждается в обществе, поскольку в некоторых случаях оно приводит к необратимым последствиям. Ярким примером тому может служить деятельность в сети Интернет колумбайн-сообществ, а также отдельных лиц, создающих фан-арты (комиксы, зарисовки, картинки) и фанфики (истории, рассказы), которые популяризируют и романтизируют героев скулшутинга.

Подобные опасения со стороны общества далеко не беспочвенны. Многие случаи скулшутинга, произошедшие в том числе и в России, повторяют сценарий школы «Колумбайн» и совершены подростками, кумирами которых были Эрик Харрис и Дилан Клиболд. Яркими примерами, в частности, являются следующие происшествия.

5 сентября 2017 г. в Ивантеевке 15-летний школьник, взяв с собой кухонный топорик, самодельные петарды и травматический пистолет, отправился в школу № 1. Существует версия, что подросток хотел отомстить учительнице, с которой у него на протяжении нескольких лет были конфликты, и одноклассникам, насмехавшимся над его внешним видом. Впоследствии выяснилось, что подросток был кумиром «Героев Колумбайна» – в социальной сети «ВКонтакте» он был зарегистрирован под фамилией Клиболд. В его слова никто не верил, хотя сам подросток предупреждал о своих намерениях (*Подросток открыл стрельбу в школе в Ивантеевке* // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/incidents/20170905/1501781734.html> (дата обращения: 06.11.2021)).

15 января 2018 г. в Пермском крае двое 16-летних молодых людей напали на учеников пермской школы № 127: устроили поножовщину в кабинете, где проходил урок у четвероклассников – пострадали 15 человек. На странице в социальной сети «ВКонтакте» у одного из нападавших много сохраненных видеозаписей, посвященных нападению на американскую школу «Колумбайн» (*Пермский кошмар: как два подростка устроили поножовщину в школе* // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/incidents/20180115/1512651552.html> (дата обращения: 07.11.2021)).

И, к сожалению, это лишь малая часть подобных случаев.

Можно выделить следующие основополагающие черты, присущие таким деструктивным объединениям [7, с. 230].

1. *Лидеры*. Как правило подобные сообщества имеют идеолога, который одновременно может быть и организатором группы. Чаще всего никто из них не спешит самостоятельно выполнять свои замыслы, они лишь направляют других. При этом личность преступника, вовлекающего в деструктивные сообщества, характеризуется определенным набором психологических признаков, благодаря которым он оказывает давление, внушает свое видение ситуации.

2. *Аудитория*. Как показывает практика, колумбайн-сообщества привлекают в свои ряды молодежь, в частности учащихся общеобразовательных и средне-специальных учебных заведений.

3. *Локализация*. Колумбайн-сообщества обрели популярность благодаря повсеместному распространению своей идеологии в сети Интернет.

4. *Методы вовлечения*. Убеждение, угрозы, предложения, обман и прочие ненасильственные способы. Активным образом используются деструктивные психотехники. Следует отметить, что представители колумбайн-сообществ оказывают психологическое давление путем указания на конкретную проблему, которая привела индивида в группу («Ты изгой», «Твои одноклассники тебя не принимают? Так докажи им, кто ты!» и т. п.).

5. *Основной постулат*. В колумбайн-сообществах он схож с постулатами групп смерти, в которых полагают, что, подстрекая к самоубийству, они тем самым чистят планету от биомусора, что это – естественный отбор. Однако скулшутерам зачастую неважно, кто станет конечной жерт-

вой, нет цели отомстить конкретным людям. Эта особенность школьных расстрелов проявляется в церемониальности, театральности и даже торжественности действия, которое напоминает древние ритуалы, где исполнитель играет роль бога перед тем, как его казнят или он совершит самоубийство.

б. *Наличие атрибутики.* Классическими элементами внешности колумбайнеров являются: черные плащи, за которыми удобно прятать длинноствольное оружие; бейсболки; солнечные очки; однотонные футболки (белого или черного цвета) с надписями «Natural selection», «Shooting», «Columbine» и т. д.; высокие ботинки на шнуровке (берцы); прически, как у наиболее известных нападавших, и прочее.

Как отмечает Дейв Каллен, автор книги «Колумбайн», Харрис и Клиболд стали культовыми фигурами, вокруг них выросла целая субкультура. У них есть не только подражатели, но и обожатели – международный фандом, члены которого называют себя колумбайнерами (*Абаринов В. Антигерои Колумбайн: обожатели и подражатели школьных убийц // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.svoboda.org/a/29550192.html> (дата обращения: 07.11.2021)*). То есть колумбайнер – это не только тот, кто совершил или планирует совершить массовый расстрел в школе, данное понятие включает в себя также тех, кто проявляет интерес к событиям 20 апреля 1999 г. и считает Эрика и Дилана своими кумирами.

Сами колумбайнеры тоже отрицают мнение, что каждый из них потенциальный убийца. «Многие люди идентифицируют себя с чувствами стрелков. Так что мы в некотором роде утешаемся этим, так как многие из нас чувствуют депрессию и тревогу», – утверждает одна из девушек-колумбайнеров (*Российские колумбайнеры: откуда они появились // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.miloserdie.ru/article/rossijskie-kolumbajnerj-otkuda-oni-poyavilis-i-kak-im-potoch/> (дата обращения: 07.11.2021)*).

Аналогичное мнение у Влада, создателя одного из сообществ. Он характеризует себя как депрессивного, необщительного и одинокого человека. Отношения с одноклассниками у него не задались, и именно поэтому молодой человек создал «информационный паблик для тех, кого не принимает общество». На вопрос «Пробовал ли ты поделиться своими проблемами с родителями?» он ответил: «Конечно, нет. Как можно говорить с родителями о том, как тебя ненавидят и унижают?». Несмотря на то, что Владу неоднократно приходили в голову мысли повторить совер-

шенное Эриком и Диланом, он понимает, что не в состоянии совершить подобное: «Но в итоге все заканчивалось дракой. Убить человека не так-то легко...».

Еще одна девушка, Ира, до блокировки вела два сообщества, посвященных событиям в «Колумбайне». Она считает Дилана и Эрика не убийцами, а жертвами: «Да, я понимаю, что ребята совершили теракт, но убийцами я их не считаю. Они жертвы. Я сама сталкиваюсь с издевательствами в школе, мне легко понять, почему Эрик и Дилан пошли на это». Из-за болезни Ира находится на домашнем обучении, в школе она почти не появляется. А когда приходит, одноклассники начинают измываться над ней из-за лишнего веса. «Я создала колумбайн-сообщества не ради пропаганды насилия, – уверяет она. – Я хотела найти ребят с теми же проблемами, что и у меня». Девушка отмечает, что в жизни друзей у нее нет, но после того, как она стала администратором сообщества, у нее появилось множество единомышленников (*Что творится в закрытых колумбайн-сообществах, воспевающих подростков-убийц // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20180507/1519930073.html> (дата обращения: 07.11.2021)*).

Таким образом, помимо пропаганды насилия и скулшутинга, мы можем выделить следующие причины появления и развития подобных сообществ:

- безразличие родителей к проблемам своих детей – большинство опрошенных отмечали, что они не могут обсуждать что-то со своими родителями, потому что они либо смеются над их чувствами, либо вообще не обращают на них внимание;
- чувство одиночества, отсутствие друзей среди сверстников – подросткам не с кем поделиться своими переживаниями, они чувствуют себя одиночками, а в сообществах они находят поддержку единомышленников;
- буллинг (травля) в образовательных учреждениях;
- депрессивное настроение, суицидальные мысли;
- непонимание окружающими.

Психолог Кирилл Хломов отмечает, что факт состояния подростка в тематической группе говорит, прежде всего, о том, что у него есть потребность снять напряжение, найти какое-то разрешение внутреннего конфликта: «У тех, кто интересуется массовыми расстрелами, есть мотив, чтобы выбрать этот контент и предпочесть его большому количеству другого развлекательного контента в сети». (*Российские колумбайнеры:*

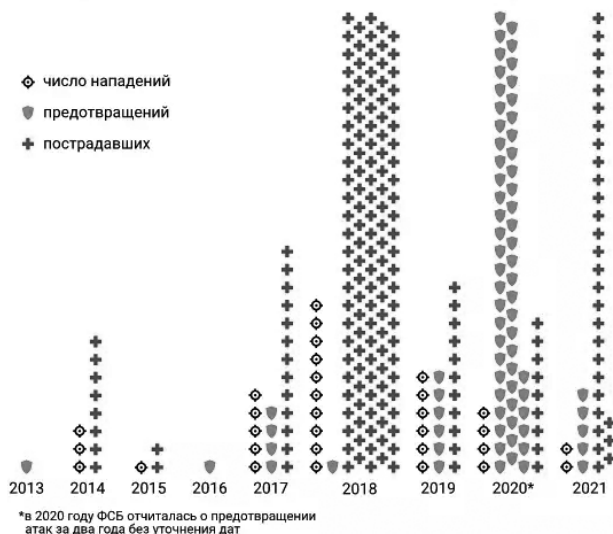
откуда они появились // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.miloserdie.ru/article/rossijskie-kolumbajnerj-otkuda-oni-poyavilis-i-kak-im-pomoch/> (дата обращения: 07.10.2021)).

Нужно понимать, что, если подросток вступает в подобное сообщество, это не значит, что он действительно намерен совершить акт скулшутинга. Но также важно обращать на этот факт внимание, поскольку для данного поступка тоже есть свои причины.

4. Борьба со вступлением подростков в деструктивные сообщества

С каждым годом статистика случаев скулшутинга в России ухудшается — с 2014 г. нападения на учебные заведения происходят практически каждый год.

«Шутинги» в России с 2014 года

Власти стараются принимать все необходимые меры для предотвращения данных преступлений. В частности, блокировка в сети колумбайн-сообществ, усиление охраны в образовательных учреждениях, ужесточение правил получения разрешения на оружие. В нападениях винят жестокие игры, интернет и доступность оружия. Но, по мнению психологов, проблема часто связана с психологическими травмами, депрессией, травлей, о которых подростки пытаются рассказать окружающим еще до трагедии.

Разумеется, это не значит, что можно оставлять колумбайн-сообщества в открытом доступе — они бесспорно вредны для подростковой психики, которая наиболее подвержена внушению. Но для решения такой важной проблемы необходимо обращать внимание на ее суть, на ее причины.

Можно выделить следующие способы борьбы со вступлением подростков в подобные деструктивные сообщества и с самим феноменом скулшутинга.

Во-первых, это интернет-мониторинг, который осуществляется не только со стороны правоохранительных органов, но и со стороны близкого окружения подростка. При этом не стоит переходить личные границы, а также включать тотальный контроль. Это может повлечь за собой другие последствия, которые могут усугубить проблему, например, подросток вообще перестанет что-то рассказывать родителям и доверять им. Работа правоохранительных органов включает в себя три основных направления:

- выявление и пресечение распространения противоправного контента;
- выявление лиц, состоящих в деструктивных интернет-сообществах, а также лиц, склоняющих в сети Интернет к совершению деструктивной деятельности;
- профилактика деструктивного поведения.

Первые два направления основываются на мониторинге сети Интернет. При этом в первом случае идет тесная связь с Роскомнадзором и Роспотребнадзором, а во втором — со Следственным комитетом Российской Федерации. Существенную роль играет и взаимодействие с волонтерскими движениями, поскольку осуществление предупредительной деятельности лишь силами правоохранительных органов невозможно. Третье направление может осуществляться как самостоятельно представителями образовательных учреждений, так и с привлечением специалистов путем информирования родителей о признаках деструктивного поведения подростков [7, с. 233].

Во-вторых, забота о психическом здоровье подростков дома и в учебных заведениях. Ни жестокие компьютерные игры, ни публикации об актах скулшутинга в СМИ, ни колумбайн-сообщества не могут сами по себе подтолкнуть подростка к нападению, если у него все хорошо и нет других важных факторов — травли, суицидальных мыслей, психологических травм, непонимания со стороны окружающих.

Работа по борьбе со вступлением подростков в деструктивные сообщества должна быть комплексной. Только при слаженной работе и активном взаимодействии образовательных организаций, исполнительных и законодательных органов власти, а также института семьи возможно достигнуть положительных результатов в данной сфере.

Заключение

Феномен романтизации касается не только идеологии скулшутинга и самого скулшутера, но и в целом отрицательных героев. Он определяется стремлением понять мотивацию поступков злодеев и изучением темной стороны собственного «Я». Распространение фрагментов личных дневников и записей, описывающих мотивы поступков стрелков, значительно влияет на появление фанатов и последователей.

В подростковом возрасте люди проживают определенные эмоциональные проблемы, и каждый справляется с ними по-разному. Влияние деструктивного, депрессивного, суицидального контента может привести к неблагоприятным последствиям. Ярким примером выступают колумбайн-сообщества, которые способствуют фор-

мированию искаженного мировоззрения своей аудитории.

Однако многие подростки (в том числе и создатели данных сообществ) имеют своей целью поиск поддержки, единомышленников, которые разделяют и понимают их проблемы. Из этого следует вывод, что вступление в подобные сообщества еще не говорит о твердом намерении совершить преступление, но стоит обратить внимание на подобные знаки.

Затрагивая вопрос ограничения развития данных сообществ, стоит сказать, что необходимо бороться с данной тенденцией комплексно – помимо интернет-мониторинга, следует обратить внимание родителей и другого близкого окружения на подростка и его психическое здоровье.

Литература

1. Чунин А.С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // Обзор НЦПТИ. 2020. № 3 (22). С. 48–52.
2. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America // *Terrorism and Political Violence*. 2014. № 26 (1). С. 185–210.
3. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 117–120.
4. Сидорова Е.З. Обеспечение криминологической безопасности в организациях общего и среднего профессионального образования: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2018. 226 с.
5. Шарифзянова К.Ш. Современные тенденции подростковой девиации. Субкультура скулшутинг «School Shooting»: сущность и причины проявления // Проблемы управления качеством образования. СПб., 2020. С. 117–120.
6. Карнов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 442–446.
7. Пучнина М.Ю., Пучнин А.В. Механизм деятельности сторонников деструктивных интернет-сообществ и портрет их типичного участника (на примере «групп смерти» и движения «Колумбайн») // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 229–234.

References

1. Chudin A.S. Fenomen skulshutinga v sovremennoy Rossii. Pravovoi aspekt [School shooting phenomenon in modern Russia. Legal aspect]. In *Obzor NTsPTI [Overview of the NCPTI]*, 2020, no. 3 (22), pp. 48–52. (In Russian)
2. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*, 2014, no. 26 (1), pp. 185–210. (In English)
3. Sukhodolskaya Yu.V. Skulshuting kak samostoyatel'nyi kriminologicheskii fenomen [Schoolshooting as an independent criminological phenomenon]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]*, 2020, no. 3 (77), pp. 117–120. (In Russian, abstract in English)
4. Sidorova E.Z. Obespechenie kriminologicheskoi bezopasnosti v organizatsiyakh obshchego i srednego professional'nogo obrazovaniya [Ensuring criminological security in organizations of general and secondary vocational education]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2017. 226 p. (In Russian, abstract in English)
5. Sharifzyanova K.Sh. Sovremennye tendentsii podrostkovoi deviatsii. Subkul'tura skulshuting «School Shooting»: sushchnost' i prichiny proyavleniya [Modern trends in adolescent deviation. Subculture School Shooting]: sushchnost' i prichiny proyavleniya [Modern trends in adolescent deviation. Subculture School

Shooting: the essence and causes of manifestation]. *Problemy upravleniya kachestvom obrazovaniya [Problems of education quality management]*. Sankt Petersburg, 2020, pp. 117–120. (In Russian)

6. *Karpov V.O.* Kul't Kolumbaina: osnovnye determinanty massovykh ubiistv v shkolakh [The cult of Columbine: the main determinants of mass murders in schools]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia]*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 442–446. (In Russian, abstract in English)

7. *Puchnina M.Yu., Puchnin A.V.* Mekhanizm deyatelnosti storonnikov destruktivnykh internet-soobshchestv i portret ikh tipichnogo uchastnika (na primere “grupp smerti” i dvizheniya “Kolumbain”) [The mechanism of activity of supporters of destructive Internet communities and the portrait of their typical participant (on the example of “groups of death” and the “Columbine” movement)]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the MIA of Russia]*, 2021, no. 3, pp. 229–234. (In Russian, abstract in English)

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА РГУ НЕФТИ И ГАЗА (НИУ) ИМ. И.М. ГУБКИНА, РУКОВОДИТЕЛЯ БЮРО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА СКУРАТОВА ЮРИЯ ИЛЬИЧА

*Саламова Себила Якубовна
Лыкова Ксения Дмитриевна
Исаев Магомед Расимович
Сычиков Дмитрий Сергеевич
Мельникова Луиза Александровна*

Цель: передача накопленного опыта и знаний. Московским криминологическим кабинетом МГЮА имени О.Е. Кутафина был организован ряд встреч студентов с известными учеными, внесшими серьезный вклад в развитие науки юриспруденции. Одна из таких встреч состоялась с российским юристом и политиком, доктором юридических наук, профессором, бывшим Генеральным прокурором Российской Федерации Ю.И. Скуратовым.

Методология: интервью.

Выводы. Интервью с Ю.И. Скуратовым, проведенное под началом руководителя Московского криминологического кабинета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) С.Я. Саламовой студентами Института прокуратуры Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), позволило узнать интересные биографические факты его жизни, трудности, с которыми он столкнулся во время работы в Генеральной прокуратуре, мнение о нынешнем состоянии прокуратуры, творческие планы. Были обсуждены многие другие важные и интересные вопросы. Студенты получили профессиональные советы, которые помогут им в учебе и в будущей практике.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного интервью могут быть использованы в учебном процессе при изучении курса конституционного права, прокурорского надзора и других наук юридического цикла в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: интервью, юридическое образование, прокуратура, криминологический кабинет, наука, научные исследования.

Беседовали: Руководитель Московского криминологического кабинета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Себила Якубовна Саламова, студенты четвертого курса Института прокуратуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Ксения Лыкова, Луиза Мельникова, Магомед Исаев, Дмитрий Сычиков.

Скуратов Юрий Ильич – советский и российский ученый-правовед, юрист и политик. Доктор юридических наук, профессор.

Юрий Ильич родился 3 июня 1952 г. в городе Улан-Удэ Бурятской АССР. Там же окончил школу и в 1968 г. поступил в Свердловский юридический институт. Окончил его с отличием и в 1977 г. поступил в аспирантуру того же института, где под научным руководством профессора Д.Н. Бахраха защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук. С 1977 г. работал преподавателем в Свердловском юридическом институте, позже доцентом, деканом судебно-про-

курорского факультета. В 1987 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук. В 1989 г. перешел на работу в аппарат ЦК КПСС лектором, консультантом, заместителем заведующего отделом по законодательным инициативам и правовым вопросам. С 1991 по 1993 г. работал старшим консультантом по правовым вопросам руководителя Межреспубликанской службы безопасности. В 1993 г. был назначен директором НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре. С 1995 по 2000 г. был назначен Генеральным прокурором Российской Федерации. В настоящее время занимает должность заведующего кафедрой конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, является руководителем Бюро Союза криминалистов и криминологов.

Встреча руководителя Московского криминологического кабинета С.Я. Саламовой и его активных участников с Юрием Ильичом Скуратовым состоялась в офисе Фонда содействия развитию правовых технологий XXI века.

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, здравствуйте! Сегодня с Вами будут беседовать студенты нашего университета. Давайте я Вам их представлю: Ксения Лыкова, Луиза Мельникова, Магомед Исаев, Дмитрий Сычиков. Ребята учатся в Институте прокуратуры. Вы знаете, что у нас есть отдельный институт?

Скуратов Ю.И.: *(Перебивает.)* Извините! Что значит «знаю»? Я его и создал! *(Смеется.)*

Саламова С.Я.: Да, точно, Юрий Ильич! *(Смеется.)* Ребята у нас на 4 курсе и уже на финишной прямой. Им было в первую очередь интересно с Вами пообщаться. Ребята, можем начинать.

Исаев М.: Юрий Ильич, расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве и Вашей семье?

Скуратов Ю.И.: Родился я в Сибири в городе Улан-Удэ, республика Бурятия. Очень красивая

республика, прежде всего, благодаря Байкалу. Очень компактная, но в то же время и не маленькая — 305 тысяч квадратных километров.

Там я окончил среднюю школу и в 1969 г. поступил в Свердловский юридический институт *(ныне Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ))*. Свердловский юридический институт и в советские времена был одной из мощнейших юридических школ, один из мощнейших вузов.

Саламова С.Я.: Кузница кадров.

Скуратов Ю.И.: Да! У нас было четыре специализированных юридических вуза: Харьковский, Свердловский, Саратовский и четвертый — это Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), где вы сейчас и обучаетесь. Потом он стал Московским юридическим институтом, далее Московской государственной юридической академией, и вот сейчас последний этап трансформации — это Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. Кстати, он первый стал вузом с таким названием, а второй — уже Уральский государственный юридический университет. В Саратове они почему-то не хотят переименовываться.

Про детство что могу рассказать. Мама была простым рабочим человеком, папу своего я не помню. Мама с папой разошлись. Он тяжело болен был.

По отцовской линии со мной общался дедушка, навещал меня в детстве (такой очень мощный казак был). По отцовской линии еще выделялся старший брат моего отца. Он фронтовик, всю войну прошел. Недавно ушел из жизни в 97 лет, хотя самый старший был, уже ни младших братьев, ни сестер не было. Человек он был крепкий — человек войны. Свое первое ранение он получил возле города Осташков. Это на Селигере, там Калининский фронт был *(Осташков — старинный город,*

расположенный на южном побережье озера Селигер в Тверской области). Самое тяжелое для нас (советских войск) направление, где очень много людей погибло, наших солдат. И он там первое ранение получил.

Учился я в Школе № 42. Закончил с тремя четверками. Мог бы получить серебряную медаль, если бы их не отменили в год нашего выпуска.

В 1969 году поступил в институт. Могу сказать, что он мне очень многое дал и человеком сделал. Я приехал туда в 17 лет и сразу начались испытания: в общежитии не хватило мест, пришлось искать квартиру. Нашел, кстати, недалеко от дома Ипатьева (*дом Ипатьева или Ипатьевский дом – несохранившийся частный дом в Екатеринбурге, в подвале которого в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. был расстрелян вместе с семьей и прислугой последний российский император Николай Второй*). Я все время ходил мимо этого дома. Хозяин квартиры, старик, попался мне, можно сказать, очень скупой – за многое приходилось платить. Например, за перерасход электроэнергии, потому что вечерами приходилось заниматься, и он с меня взыскивал за это. (*Смеется.*) Но это хорошая школа жизни была.

Первый семестр я был вечерником. С утра мы работали на стройке, я возглавлял бригаду бетонщиков, а затем вечером уже учились. Правда, надо отдать должное вузу, нам лучших кадров «бросили» тогда по науке: профессор Семенов читал лекции по предмету «Организация суда и прокуратуры в СССР» (*Семенов Владимир Михайлович, известный ученый-правовед, проректор по науке Свердловского юридического института, профессор*), Чиркин Вениамин Евгеньевич (*Чиркин Вениамин Евгеньевич, советский и российский ученый-правовед, специалист по теории государства и права, конституционному праву и международному праву, доктор юридических наук, профессор*),

заведующий кафедрой иностранных языков легендарный Оскар Семенович Альстер, польский еврей. Он шесть языков знал, но, кроме польского, ни одного не знал хорошо. (*Смеется.*) Но как методист он, конечно, очень сильный был. Собрали, значит, лучшие силы для первокурсников, которые работали (всего шестьдесят человек). Я из них был единственный, кто на отлично все сдал. Вот так и поверил, что смогу хорошо учиться.

Саламова С.Я.: Это Ваша первая сессия была?

Скуратов Ю.И.: Да, это была первая сессия. И первый экзамен я сдавал, от судьбы не уйдешь, профессору Семенову Владимиру Михайловичу, проректору по науке. Они, собственно, трое и сделали Свердловский юридический институт выдающимся – это ректор Остапенко Дмитрий Демьянович (*Остапенко Дмитрий Демьянович, советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, ректор Свердловского юридического института*), профессор Семенов Владимир Михайлович (*Семенов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, проректор по учебной и научной работе Свердловского юридического института*), профессор Яковлев Вениамин Федорович (*Яковлев Вениамин Федорович, советский и российский юрист, государственный деятель, доктор юридических наук, профессор*). Яковлев потом стал директором ВНИИ советского законодательства, затем министром юстиции СССР, далее председателем Высшего Арбитражного Суда СССР, создавал систему арбитражных судов России. Он ушел в возрасте 85 лет, как действующий советник президента Путина. Очень сильное руководство было, и они создали, по сути, Свердловский юридический институт – один из мощнейших вузов нашей страны.

Семенов принимал у меня первый экзамен по организации суда и прокуратуры. Когда он

выслушал первый вопрос (он был про функции надзорных направлений деятельности прокуратуры), он сказал мне: «Вам надо заниматься наукой, молодой человек. У вас все получится». И, собственно, так оно и оказалось. Как важно встретить авторитетного человека, который тебе выдаст такое заключение, что ты поверишь в свои силы. Это очень важно в жизни! Слава Богу, таким человеком оказался для меня Владимир Михайлович Семенов.

Лыкова К.: Юрий Ильич, а что повлияло на Ваш выбор стать юристом?

Скуратов Ю.И.: Хороший вопрос. У меня бабушка работала в прокуратуре. Причем вот тоже интересно: сейчас наши правоохранительные органы охраняют учреждения системы, мы такие деньги Росгвардии платим, а моя бабушка (не будучи таким вот атлетом) пятьдесят пять лет проработала в прокуратуре Республики Бурятия простым вахтером. Но ее все знали. Легендой целой была! Она могла поругать любого прокурора, кроме руководителя, а там достаточно сильный прокурор республики сидел. Двадцать семь лет, несмотря на требования сменяемости, он работал. И бабу Веру Черепанову, мою бабушку по материнской линии, он очень ценил.

Так получалось, что я часто приходил к бабушке на работу. Несколько раз оставался полностью на ночь дежурить. Мы там в шахматы играли с прокурорскими работниками (а я ходил в шахматный кружок). Они играли хоть и сильно, но у них школы не было, а у меня школа была, и я зачастую их обыгрывал. Я также выезжал на происшествия. Раньше на случай смерти человека выезжал дежурный прокурор с судмедэкспертом. Составляли протокол осмотра, проводили экспертизу, процессуально все оформляли и тогда уже возбуждали дела. И я знал все это. Поэтому, когда я заступил на свою должность в Генеральной прокуратуре, я был просто ошарашен теми случаями, когда в Москве без какой-либо процессуальной оценки обстоятельств находили многочисленные трупы и игнорировали факты насильственной смерти. Порядка, конечно, не было.

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, а Вы это связываете с тем, что были тяжелые годы?

Скуратов Ю.И.: Тяжелые годы, разбалансированность системы, вообще обесценивание человеческой жизни. Пока мы порядок в этом вопросе не навели. Я сам студентом был. У нас студенты-старшекурсники расследовали в Москве дела об убийствах в условиях неочевидности (был такой период). Я договорился с Черномырдиным (*Черномырдин Виктор Степанович (1938–2010)*,

советский и российский государственный деятель, председатель Совета министров Российской Федерации, председатель Правительства Российской Федерации, исполняющий обязанности президента Российской Федерации), издали распоряжение о том, что выпускники юридических вузов, которые пошли на следственную работу, не подлежали призыву на воинскую службу. Мы очень быстро тогда укомплектовали следственный аппарат и уже стали более-менее стабильно работать.

Вернусь назад. Когда я изнутри познакомился с прокурорскими работниками, с самой прокуратурой, это, конечно, сыграло очень большую роль в выборе профессии. Хотя у меня в свое время были раздумья. У меня очень хорошо химия шла. Я в олимпиадах участвовал. У меня даже была мысль поступить на химический факультет Новосибирского университета, но, слава богу, что я не стал эту идею развивать и реализовывать. Настолько люблю свою профессию! И это, наверное, самая большая в жизни моя удача, что я занимаюсь любимым делом, а мне государство еще за это деньги платит.

Саламова С.Я.: Мы, наверное, потеряли великого химика. (*Смеется.*)

Скуратов Ю.И.: Ну, не знаю. Может быть, я не претендую, но как коллега Менделеев, новый вид водки я изобрел бы! (*Смеется.*)

Я думаю, что я правильно поступил. Вот это все и было решающим фактором. Тем более мне всегда нравились науки общественного цикла, гуманитарного профиля больше, чем технического, за исключением химии. Поэтому я считаю, что для каждого из нас выбор профессии — это очень важное дело! Сколько я встречался с людьми, закончившими вузы, а потом решившими, что «это не мое». Очень важно не ошибиться в выборе профессии.

Мельникова Л.: Что касается научного пути, он был для Вас осознанным выбором? Или все-таки стечением обстоятельств?

Скуратов Ю.И.: Тоже хороший вопрос. Абсолютно осознанным! Начиная от школьных рефератов по ленинской национальной политике, наука меня интересовала, и заканчивая тем, что Владимир Михайлович Семенов меня подтолкнул.

Отучившись и отработав первый семестр, на втором я уже начал учиться очно. У нас начались лекции по советскому государственному праву (ныне это конституционное право). Читал их профессор Юрий Григорьевич Судницын, заведующий кафедрой советского государственного права. Очень интересная личность. Прекрасно знал немецкий язык, читал лекции в универси-

тете им. Гумбольдта в Берлине (*Берлинский университет Гумбольдта – старейший из четырех университетов Берлина, основан 16 августа 1809 г. по инициативе Вильгельма фон Гумбольдта*). Я был очарован его личностью, его фундаментальной подготовкой. Он был основоположником советской концепции национального суверенитета. Его докторская диссертация была написана в двух томах, где он широко применял элемент сравнительного государственного управления, проанализировав все страны, входящие в мировую систему социализма. Кроме того, у него была очень мощная философская основа. Он блестяще знал теорию наций и национальных отношений, и даже в Уральском университете читал лекции по философии национальных отношений. Работа была настолько глубокая, что даже на сегодняшний день отвечает всем современным стандартам.

Я пошел в научный кружок по Советскому государственному праву и, собственно, стал скоро старостой кружка. Поскольку Владимир Михайлович Семенов меня уже знал, он назначил меня со временем председателем совета студенческого научного общества всего института, который потом переименовали в Совет по НИРС.

У нас был научный руководитель – известный ученый Карл Сергеевич Юдельсон (*Юдельсон Карл Сергеевич, советский ученый-юрист, доктор юридических наук, профессор, один из основоположников науки гражданского процесса, заведующий кафедрой гражданского процесса Свердловского юридического института*). Он работал в Свердловске, затем по неизвестным обстоятельствам уехал в Саратов. Там заведовал кафедрой долгое время (двенадцать лет) и потом снова решил вернуться в наш вуз. Наш ректор на ректорате в связи с этим сказал: «Дорогие друзья, я рад тому обстоятельству, что профессор Юдельсон вернулся из командировки в Саратовском юридическом институте». (*Смеется.*)

Карл Сергеевич, значит, был научным руководителем НИРС, а я активно ездил представлять наш НИРС. Помню, как в первый раз очутился в Москве. Мы приехали на научную студенческую конференцию, которая состоялась в МГУ и была посвящена пятидесятилетию образования СССР. Хорошая конференция была! Там я познакомился тогда с Женей Сухановым (*Суханов Евгений Алексеевич, советский и российский ученый-правовед, специалист по гражданскому праву, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ*). Он был еще аспирантом, занимал такую же должность председателя студенческого научного общества.

Тогда я увидел и московскую профессору, того же Остроумова Сергея Сергеевича (*Остроумов Сергей Сергеевич (1909–1979), советский юрист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР*), который преподавал судебную статистику, Давида Львовича Златопольского (*Златопольский Давид Львович (1919–2002), советский и российский юрист, специалист по советскому государственному праву и проблемам суверенитета, доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ, заслуженный деятель науки РСФСР*) – он вел нашу секцию государственного права. Встретил Кригера Германа Абрамовича (*Кригер Герман Абрамович, советский ученый-правовед, специалист в области уголовного права, доктор юридических наук, профессор*), Кравчука Степана Степановича (*Кравчук Степан Степанович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права на юридическом факультете МГУ*) – эту профессору я еще успел застать. Было много известных ученых на юрфаке в МГУ. Вот эти факторы и предопределили мой выбор! Затем я уже стал аспирантом и продолжал заниматься наукой в статусе аспиранта.

Осознанный абсолютно был выбор пойти в аспирантуру. Нас два человека всего было из пятисот, кто на отлично закончил учебу. Система, она правильная была тогда: рекомендовали в аспирантуру тех людей, кого преподаватели, которые вели семинарские занятия, уже знали по работе в научном студенческом кружке. Тогда в аспирантуру поступить – это не как сейчас платная аспирантура, где заплатил деньги и поступил. Тогда, естественно, мы не знали, что возможны такие вещи, как частное финансирование своей научной карьеры. В аспирантуру на основе конкурса поступали. Все уже знали меня, так как я столько лет председательствовал в студенческом научном сотрудничестве и кружке. Со мной никто не конкурировал. И диплом написал хорошо. Я написал диплом по конституционным проблемам народного суверенитета. Как-то меня это заинтересовало, потому что народным в отличие от национального никто не занимался. Потом написал и кандидатскую, и докторскую, в какой-то мере связанную с этим. Поэтому выбор был абсолютно осознанный. Я целенаправленно шел к этой цели – заниматься наукой. И нисколько не жалею об этом!

И я рад тому обстоятельству, что занимался именно конституционным правом. Хотя, когда возглавил НИИ Генеральной прокуратуры, казалось бы, где преступность, а где конституционное

право! На самом деле, это вещи тесно связанные. Плюсы в том, что в дальнейшем ты видишь систему правоохранительных органов лишь как один из фрагментов в плане реализации общегосударственной функции противодействия преступности. А ее можно только государствоведу понять во всем многообразии, во всей полноте, так сказать. Я нашел свою нишу там довольно быстро и кое-что успел сделать, хотя там около трех лет всего проработал. Так что, да — целенаправленно выбрал и вам советую! «Коли я чего решил, то выпью обязательно», — Высоцкий говорил.

У вас конкуренция сейчас более жесткая, и вам нужно быть целенаправленными и последовательными. А не по принципу «курочка зернышко клюет»: тут клюнула, тут клюнула — так не получится, не добьетесь ничего! Надо быть очень организованными и целенаправленными!

Сычиков Д.: Юрий Ильич, расскажите, с какими трудностями Вы столкнулись во время работы в должности генерального прокурора? И вообще, большая ли была нагрузка при работе в должности генерального прокурора?

Скуратов Ю.И.: Сложностей было хоть отбавляй! Приходишь на работу, не знаешь, откуда тебе «прилетит», так сказать. То народ выйдет и заблокирует железнодорожные составы, то кого-нибудь из известных деятелей, грубо говоря, замочат, то взрывы в метро. Сложность-то в чем была в работе в прокуратуре — неясна была судьба самой прокуратуры.

Еще будучи директором НИИ Генеральной прокуратуры, я втянулся в борьбу по поводу будущего этой системы. На тот момент уже были горячие головы, которые настаивали на том, чтобы забрать у прокуратуры функции следствия, что сейчас и сделано. У нас была многофункциональная прокуратура — явление в чем-то уникальное, сочетающее в себе и функцию уголовного преследования, и функцию правозащитную (казалось бы, полярные вещи). Плюс уникальный общий надзор, который позволяет тотально контролировать соблюдение законности в любых сферах общественной жизни, и законность правовых актов в том числе.

Первая задача и первая сложность была, чтобы отстоять российскую прокуратуру в том виде, в котором она исторически складывалась с петровских времен. Важно было сохранить этот уникальный инструмент — в силу разных причин именно прокуратура была самым эффективным правоохранительным органом.

ФСБ после разгрома СССР и краха КГБ была как после нокаута. Это сегодня они уже пришли в себя

и стали работать, тогда были «разброд и шатания», потеря идеалов, потеря агентуры. Раньше очень многие работали на идейной основе, в том числе и агенты очень высокого уровня за рубежом. Крах Советского Союза, переход чисто на материальную основу очень болезненно сказались на ФСБ. А МВД было достаточно коррумпированной структурой всегда, хотя я с уважением отношусь к ним — без поддержки МВД прокуратура не справилась бы. Там работали и порядочные люди. Например, с Анатолием Сергеевичем Куликовым (*Куликов Анатолий Сергеевич, советский и российский военачальник, министр внутренних дел Российской Федерации, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, генерал армии, доктор экономических наук, действительный член РАЕН*) у нас сложились очень хорошие отношения.

Так сложилось, что руководство МВД, к сожалению, оказалось очень дружно с олигархами и по ряду дел они просто не в состоянии были принимать объективные решения. Вот в этом была сложность.

Дальше сложность была с тем, что наше общество было на стадии трансформации. Как говорят: «Избави бог нас жить в эпоху перемен». Мы переходили от одной общественной системы к другой. Многие структуры еще не работали, и прокуратура выполняла компенсирующую роль. То есть мы выполняли ряд функций, которые при нормальной организации государства, когда иные контролирующие государственные органы работают, мы выполнять не должны были. При формировании новых экономических отношений, новой финансовой системы существовал некий хаос, в условиях которого и приходилось работать. Прокуратура выполняла широкие функции. Вопросы, решение которых некому было поручить, передавались прокуратуре. Зачастую звучала фраза «прокуратура не сработала», хотя на самом деле мы не должны были ускорять оборот вагонов или заниматься весенне-полевыми работами. У нас другая важная задача.

Был также ряд иных трудностей. Одни из них — залоговые аукционы. Была такая форма приватизации — скрытая продажа по дешевке объектов наших крупных компаний. Мы по закону не могли опротестовывать указы Президента и постановления Правительства, только акты министерств, ведомств, иных федеральных служб (кстати, модель прокуратуры, которая была на Украине, разрешала опротестовывать постановления Правительств, но это уникальная схема). И видя, как действуют эти залоговые аукционы, когда выставляли, например, Сибнефть и другие

наши лакомые кусочки, мы писали президенту, писали Черномырдину Виктору Степановичу. И никакой реакции! Теряли такие финансовые ресурсы, которые в тот тяжелой период могли бы помочь выстоять государству.

Были объективные сложности со специалистами, которые не знали законов рыночной экономики. Работавшие прежде в условия тотальной государственной экономики, они действовали с позиции предыдущего законодательства. Пришлось искать специалистов уникальных, которые соображали в этом деле. Следователи, расследовавшие экономические преступления, тоже многие вещи не понимали, приходилось и здесь на ходу учиться.

Следующая трудность – введение суда присяжных. В то время, когда мы в сжатые сроки пытались отладить работу прокуратуры, было принято решение о создании суда присяжных, а опыта и практики поддержания обвинения в этом вопросе у нас не было.

Ну и, конечно же, очень мощное коррумпирование государства происходило! Отпало жесткое регулирование, которое было в советский период, и дали экономическую свободу. Многие чиновники эту свободу восприняли как средство легкого заработка, возможность заработка на продаже своих функций. Когда ты чиновник, продаешь свои полномочия какому-то заинтересованному лицу – это и есть коррупция. Сейчас коррупции еще больше, чем в тот период, но она иного качества. С вызовами коррупции мы не во всем оказались готовы столкнуться, плюс мы не имели поддержки.

Приведу конкретный пример. Я тогда подготовил первую программу антикоррупционных действий государства. После того, как я доложил о ней Ельцину (*Ельцин Борис Николаевич (1931–2007), советский и российский партийный, государственный и политический деятель, первый президент Российской Федерации*), он ее утвердил. Он дал поручение относительно этой программы главе администрации – господину Чубайсу (*Чубайс Анатолий Борисович (1955), советский и российский политический, государственный и хозяйственный деятель, экономист*). И что вы думаете?! Чубайс принял решение о нецелесообразности подготовки этого документа вопреки указанию Ельцина. А почему он так действовал? А потому что они на себя примерили те меры, которые мы предлагали.

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, раньше в стране была возможность для борьбы, для отстаивания интересов. На сегодня есть такая возможность,

или у нас все решается несколько другим способом?

Скуратов Ю.И.: Она есть, но она еще более ограничена. Сейчас с прокуратурой очень сложная ситуация. Меня настораживают удары, нанесенные по прокуратуре. Первое – это потеря следствия. То есть прокуратура, главный орган уголовного преследования, не может возбудить уголовное дело. Потеря не только следствия (нашего очень важного механизма), но и потеря реального надзора за следствием. И третий момент – это сужение самостоятельности прокуратуры в подборе и расстановке кадров. На первом этапе заместителей генерального прокурора уже в Совет Федерации представлял президент, потом прокуроров субъектов и приравненных к ним прокуроров назначал не сам генеральный прокурор, а президент. А сейчас хотят внести поправки, в соответствии с которыми назначать генерального прокурора будет президент с согласия Совета Федерации. Это, конечно, очень серьезный удар по принципу разделения властей, потому что прокуратура – это не рядовой орган! Это орган, играющий важнейшую роль во всем механизме сдержек и противовесов. Нас нельзя подчинять законодательной власти, тут будут элементы противостояния. Нельзя полностью подчинять исполнительной власти в лице президента, потому что президент – в первую очередь исполнительная власть. Это все ведет к утрате самостоятельности и независимости прокуратуры. И такая тенденция появилась.

Главный перекося в стране – это перекося в сторону президентских полномочий. Вносимыми поправками эту тенденцию еще больше усугубляют. Все государствоведы признают, что надо восстанавливать баланс в системе разделения властей. Да и сам президент в послании говорил, что надо полномочия правительства расширять, а на деле получился новый этап расширения полномочий президентской власти. Поэтому хватало трудностей и сейчас, и тогда. Но я думаю, что система все-таки выживет. Потенциал есть! И 300 лет в 2022 году будем отмечать. А ведь были времена, когда прокуратуру совсем упразднили (в начале советского периода), но потом поняли, что без этой структуры выжить невозможно, и стали укреплять очень сильно.

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, на мой взгляд, очень важный вопрос ребятами упущен. Вы назвали человека, который вас подвигнул заниматься наукой. Можете кого-нибудь назвать своим учителем, научным руководителем?

Скуратов Ю.И.: Семенов, как я уже сказал, дал толчок. Профессор Судницын был моим научным

руководителем по кандидатской диссертации. Я рад нашим совместным работам. Их, кстати, цитируют. Юрий Григорьевич был моим другом и сыграл очень значимую роль в моей научной жизни. Он очень рано умер, в 54 года. Скоропостижная смерть. Я осиротел можно сказать, но работал уже над докторской.

Дружил еще с одним нашим ученым, тоже заведующим кафедрой международного права, Геннадием Владимировичем Игнатенко (*Игнатенко Геннадий Владимирович (1927–2012), советский и российский правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР*). Он тоже несколько лет назад, к сожалению, ушел из жизни. Геннадий Владимирович, будучи международником, начинал как государствовед. Первая его книга была посвящена государственному строю Китайской Народной Республики. В Свердловском университете активно учились китайские студенты, а наши преподаватели преподавали в Китае до разрыва отношений. Писали законы для Китая. Помогли очень здорово им! И вот, Геннадий Владимирович Игнатенко, будучи одним из крупнейших международников (вице-президентом международной ассоциации международников), очень сильно помог мне. Он редактировал мою книгу и помогал по докторской диссертации. Важно понимать, что есть общая правовая культура, независимо от отраслевой дифференциации. Она важна. Если у человека есть высокая правовая культура, то он может прочитать статью или монографию, не относящуюся к его специальности, и даст тебе обязательно хорошие замечания, выскажет какие-либо предложения.

На меня оказал влияние и академик Кудрявцев Владимир Николаевич (*Кудрявцев Владимир Николаевич, советский и российский ученый-правовед, специалист в области криминологии и уголовного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, академик АН СССР, академик РАН, вице-президент академии наук*), который разбирался во многих отраслях права.

Это и Сергей Сергеевич Алексеев (*Алексеев Сергей Сергеевич (1924–2013), советский и российский ученый-правовед, председатель Комитета конституционного надзора СССР, народный депутат СССР, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, член-корреспондент РАН; специалист в области теории государства и права и гражданского права*), но я о нем еще позже скажу.

Это люди высочайшей общей юридической культуры! Мы не должны забывать, что право у нас — это все же в чем-то единый феномен, и вот

эта дифференциация юридических наук имеет свои пределы. Мне кажется, сейчас самые интересные работы на стыке направлений научных: работы прорывного характера, работы, опережающие уровень тех, кто занимается традиционной проблематикой!

Имя Сергея Сергеевича Алексеева вы должны запомнить — один из выдающихся юристов, заведующий кафедрой теории государства и права, потом председатель Комитета конституционного надзора (этот орган существовал еще до образования Конституционного суда). Затем он возглавил комитет, созданный Съездом народных депутатов, — головной профильный юридический комитет. Он также один из авторов Конституции РФ. Человек интересной судьбы. Очень совестливый. Два момента приведу из его жизни. Первое, когда он увидел, что из ельцинской реформы получается (а Ельцин к нему относился с большим уважением), когда он увидел, как на практике реализуется Конституция РФ 1993 года и какие начались искажения, его стала мучить совесть. Он стал сомневаться, правильно ли он сделал, что всецело поддержал Ельцина в тот период. После этого Сергей Сергеевич сдал московскую квартиру, отказался от всех должностей и уехал снова в Свердловск работать. По цитируемости это был человек номер один! Каждый считал своим долгом сослаться на работу Алексеева. А помог он мне тем, что у меня докторская диссертация шла на стыке двух специальностей: она не только по специальности 12.00.02, но и по 12.00.01. В связи с этим мне понадобились ее обсуждение на обеих кафедрах: на нашей кафедре и на кафедре Алексеева. И он, посмотрев работу, меня поддержал и на защите, и на стадии прохождения работы.

Я ходил в его кружок. Он сам руководил кружком, несмотря на свою занятость. Интересно, что на заседание кружка ходили все: профессора, доценты, студенты, аспиранты. И заседание посвящалось одной теме, но к этой теме готовились даже его коллеги. Там царил особенная атмосфера. Люди, уже искушенные в науке, сразу видели оригинальные ли мысли у тебя или же ты написанное раньше воспроизводишь. Это серьезное понимание того, что и студент с молодых лет мог внести свой вклад в науку. А я, студент третьего курса, уже публиковал статьи. Поэтому Сергей Сергеевич — это величина.

Был и другой момент. Когда шло дело к завершению жизненного пути, ему предложили похоронить его в Александро-Невской лавре. Он сказал нет, так как там упокоены очень многие непорядочные люди, и он не хочет лежать с ними рядом.

Из москвичей у меня и с Олегом Емельяновичем Кутафиным были очень хорошие отношения (*Кутафин Олег Емельянович (1937–2008), советский и российский ученый-правовед, специалист в области конституционного права, академик РАН, почетный член РАО, ректор, а затем президент Московской государственной юридической академии*). Я даже удивлялся этому факту, ведь я доцент где-то там в Свердловске, а он в Москве!

Как-то в Минске была Всесоюзная школа молодых ученых-юристов. Они собрали молодежь и кандидатов наук. Нас где-то человек 80 приехало из Свердловска. Провели школу в молодежном всесоюзном центре «Юность» в Минске. Ведущие ученые, в том числе из Москвы, нам лекции читали. Олег Емельянович тоже туда приезжал. Он был тогда заместителем декана юридического факультета МГУ. У нас сложились такие хорошие отношения! Он даже выступал рецензентом по моей первой монографии. Олег Емельянович был одесситом с хорошим юмором. Общение с ним доставляло удовольствие. После моего назначения Генеральным прокурором он ко мне часто приходил, и я к нему приезжал. Я был членом ученого совета в МГЮА. С ним мы и научные проблемы обсуждали.

В Институте государства и права Российской академии наук работал Марк Аркадьевич Шафир (*Шафир Марк Аркадьевич (1917–1997), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР*). Он занимался теорией и компетенцией. И как-то мы с ним тоже сблизились, советы мне в плане науки давал. У нас совместных публикаций штук 5–6. Также очень интересный человек был.

Поэтому понятие научной школы в том и состоит, что ты не одинок, что, помимо научного руководителя, есть еще целый круг людей, которые так или иначе помогают. Потом, как правило, тематика диссертации определяется уже кругом вопросов, которые разрабатываются на кафедре.

Без научных школ, конечно, развитие науки невозможно. Они консолидируют научные знания, они связаны с созданием творческой атмосферы. В любом случае в юриспруденции, как и в других науках, требуется коллективное творчество. Это и взаимная критика. Причем нам, представителям юридической науки, в мире живется легче, потому что мы спокойно относимся к критике, поскольку выросли на том, что на наши работы высказывают критические замечания, а есть люди, которые критику вообще не воспринимают. Те традиции, которые складываются в науке, помогают тебе и во внешнем мире ориентироваться и чувствовать себя уверенно.

Вот такой перечень людей, которые в значительной степени оказали влияние на мою научную деятельность.

Исаев М.: Убийство известного журналиста Влада Листьева произошло в период Вашей работы в Генеральной прокуратуре. Вы посвятили этим событиям две книги. Можете рассказать о нем и о событиях, произошедших в тот период?

Скуратов Ю.И.: Сразу уточним, что убийство произошло 1 марта 1995 г., а я был назначен 24 октября 1995 г. И, кстати, почему я помню эту дату – это день рождения моей жены, которая меня отговаривала от того, чтобы я пошел работать генеральным прокурором.

Мы для себя в нашем кругу считаем, что мы это дело раскрыли, но был ряд обстоятельств, который не позволил реализовать процессуальным образом те версии, которые сложились у следствия. Одна из причин – это, прежде всего, то обстоятельство, что на первом этапе расследования был допущен ряд серьезных просчетов. Самый главный, пожалуй, просчет – это то, что не был по горячим следам проведен обыск в штаб-квартире Березовского (*Березовский Борис Абрамович (1946–2013), советский и российский предприниматель, государственный и политический деятель, ученый-математик, физик, автор ряда научных трудов и монографий, доктор технических наук, профессор*).

Небезызвестный, тоже ныне покойный, когда-то сотрудник органов господин Литвиненко (*Литвиненко Александр Вальтерович (1962–2006), оперативник, подполковник советской и российской госбезопасности, в 1988–1999 гг. сотрудник КГБ – ФСБ, где специализировался на борьбе с терроризмом и организованной преступностью*), уже будучи на подкормке у Березовского, сорвал обыск в офисе «ЛогоВАЗа», который должен был быть проведен. Литвиненко был сотрудником ФСБ и заявил, что имеет полномочия по обеспечению безопасности (никто ему этих полномочий не давал, они провели это все в закрытом порядке). Он сказал: «Кто переступит порог, буду стрелять на поражение!». Этот обыск было крайне важно провести, так как уже потом выяснилось, что все свои встречи Березовский записывал в аудио- и видеоформате. И самое что главное, как раз накануне убийства Листьев встречался с Березовским, который это тщательно скрывал (кстати, следственным путем этот факт был установлен). Если бы обыск был проведен, то записи бы изъяли. Этот разговор во многом бы способствовал раскрытию этого преступления. Но увы! Записи были уничтожены.

Мы имеем свои предположения, но роль Березовского до конца не была раскрыта и закреплена

в процессуальном отношении в материалах дела. Плюс ко всему была достаточно размытая позиция руководства Генеральной прокуратуры, руководства МВД. Она сыграла, собственно, очень злую роль во всей этой истории.

Второй момент — это, конечно, неудачные действия Бориса Ивановича Уварова, первого следователя, который расследовал дело. Он был опытным следователем, еще в союзные времена расследовал крушение теплохода «Адмирал Нахимов» в Черном море близ Новороссийска. Человек известный. Он допустил одну ошибку — он неправильно выстроил отношения с Альбиной Назимовой, с гражданской женой Влада Листьева. Он начал ее подозревать, она это почувствовала и замкнулась. Она многое знала, но замкнулась и не дала никаких показаний, которые могли бы пролить на дело свет.

Говоря об этом деле, я до сих пор использую формулу «фигуранты этого дела». Фигуранты оказали уникальное усилие, противодействие следствию, потому что имели финансовые ресурсы и имели хорошие связи. Петр Георгиевич Трибой, руководитель следственно-оперативной группы, незадолго до окончания нашей с ним деятельности получал угрозы в свой адрес. То есть мы находились на правильном пути!

Я написал книгу «Кто убил Влада?». Но я, даст бог, если время выкрою, напишу книжку с немножко другим названием «Так кто же все-таки убил Влада?». Сейчас все-таки еще не время. Может, еще это дело поднимут.

Лыкова К.: Юрий Ильич, какой день работы в Генеральной прокуратуре Вы можете назвать самым сложным?

Скуратов Ю.И.: Самым трудным был усеченный день моей работы. За мной приехала машина на государственную дачу. Я смотрю, а моих охранников нет. Ко мне прикреплены новые. Один из них говорит: «Я теперь буду вашу личную охрану возглавлять». Ну я все понял.

Едем мы (слава богу, водитель старый остался). Едем по кольцевой автомобильной дороге и радио слушаем. По радио передают: «Указом президента Российской Федерации генеральный прокурор Скуратов отстранен от исполнения обязанностей на период расследования возбужденного в отношении него уголовного дела».

Саламова С.Я.: Вы по радио это услышали?

Скуратов Ю.И.: Да. По радио услышал, сам еще не в курсе был. Я водителю говорю: «Ты хоть меня довезешь в прокуратуру?». Я думал, увезут сейчас в другое место, но он хороший парень был, говорит: «Довезу!».

Прихожу на работу, сидит уже Сергей Иванович Герасимов (*Герасимов Сергей Иванович (1947), советский и российский юрист, прокурор Москвы (1995–2000)*) и рассказывает о том, что утром его поставили в известность, что ночью первого заместителя прокурора города Москвы вызвали в Кремль, и он вынужден был возбудить уголовное дело в отношении меня, и показывает мне постановление.

Дело было возбуждено абсолютно незаконно по меньшей мере по двум обстоятельствам. Во-первых, Росинский как первый заместитель прокурора субъекта Федерации не мог возбудить уголовное дело не только в отношении Генерального прокурора (этого в принципе никто не может), но не мог возбудить дело даже в отношении любого сотрудника прокуратуры. Действовало четкое правило, что эти дела возбуждаются либо прокурором субъекта Федерации, либо заместителями генерального прокурора, либо самим генеральным прокурором. Во-вторых, там фраза такая была: «По материалам проверки, проведенной органами федеральной службы безопасности...». Дело в том, что в нашем законодательстве в законе «О прокуратуре РФ» четко написано, что любая проверка в отношении любого прокурора проводится только работниками прокуратуры. Никакое ФСБ не вправе проводить такие проверки. Поэтому их материалы юридического значения не имели. Вот две уже ошибки!

Приехал Михаил Борисович Катышев, заместитель генерального прокурора. Герасимова я еще пораньше встретил, он тоже мог бы отменить это постановление. Звонит Степашин и говорит: «Юр, приезжай, нужно поговорить». И я только потом понял, что меня вызвали для того, чтобы иметь возможность опечатать в мое отсутствие мой кабинет. Для этого приехали сотрудники. Вот это был самый тяжелый день в прокуратуре.

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, а вот если от этого противостояния отстраниться, можно, в принципе, назвать какой-то тяжелый период в работе, либо жизнь генерального прокурора легкой быть не может вообще?

Скуратов Ю.И.: Она не может быть легкой. В особенности мне было трудно первые два года. Хотя я прекрасно теорию знал, методическую сторону работы в прокуратуре. Наш институт был ведомственный, я был членом коллегии. За почти три года, которые я руководил институтом, мы много документов готовили по разным направлениям. Институт очень сильный, уникальный был! Правда, я был против того, чтобы его функции свести только к методическому обеспечению, потому что нужно было и наукой заниматься. Цен-

ность института была в том, что мы располагали академическими знаниями, которые нам позволяли эту методическую работу делать уже на более высоком уровне. А практику прокурорской работы я знал плохо, поэтому мне первые два года приходилось во все вникать.

Работал очень интенсивно. Приезжал к половине девятого и в одиннадцать часов вечера я заканчивал свою работу, причем включая субботу. Отдыхал только в воскресенье. Режим тяжелый был. Я был моложе и выдерживал. Когда я уже вник в тонкости работы, мои коллеги сказали, что Юрий Ильич стал настоящим генеральным прокурором!

Я привнес много нового в работу. Все удивлялись, что я читал документы, которые мне докладывали. Раньше их подписывали не глядя, особенно, если это касалось обращений к президенту, к главе правительства, к Совету безопасности. Я читал, делал замечания, возвращал на доработку, что их вообще удивляло.

Саламова С.Я.: То есть для них это тоже был нелегкий период?

Скуратов Ю.И.: Да, безусловно. Приходилось принимать много процессуальных решений, поскольку следствие у нас было: продление сроков свыше года и масса других решений. Мне помощник часам к семи закатывал две тележки, а там лежали документы, и я должен был за два часа принять кучу процессуальных решений, каких-то бумаг подписать и так далее. Ну а за каждой бумагой люди, а это ответственность! Поэтому это не самый легкий способ был зарабатывать себе на жизнь, работая генеральным прокурором. Зарплаты у нас были небольшие, не сравнишь с нынешними. У нас довольно скромная была зарплата.

С другой стороны, знаете, что самое приятное? Что ты что-то задумал, и ты это реализовал, и это воплощено в указах президента или других документах. Например, мы выступили тогда против задержания без предъявления обвинения на 30 суток (указом президента такое предусматривалось). Обобщили практику и выяснили, что людей в основном держали необоснованно. Я пошел к президенту, и он меня поддержал, отменил этот указ. Или же, например, поправки в «Закон об оперативно-розыскной деятельности» я с президентом согласовал. Он в качестве законодательной инициативы внес их в Государственную думу. Работа только для настоящих мужчин! Ну и женщины, думаю, справятся. *(Смеется.)*

Мельникова Л.: Юрий Ильич, а у Вас с кем-нибудь из бывших коллег из прокуратуры сохранились дружеские отношения?

Скуратов Ю.И.: Конечно! Во-первых, я поддерживаю контакты со всеми, кто в трудное для меня время занял позицию, устоял перед нажимом. В этой ситуации для меня вообще это все могло плохо кончиться: в отношении меня возбуждали уголовное дело, его всерьез расследовали. Прежде всего, с ними поддерживаю отношения, всегда! Это генерал Главной военной прокуратуры (он возглавлял Управление по надзору за следствием в Главной военной прокуратуре) Баграев Юрий Муратович. Когда в отношении меня возбуждали уголовное дело, он первый выступил, сказал, что дело в отношении Скуратова возбуждено незаконно. И в последующем его уволили, конечно. Это, конечно же, Катышев Михаил Борисович, заместитель генерального прокурора по следствию, с которым мы вместе сейчас работаем. Это Петр Георгиевич Грибой, который расследовал дело Mabetex, возбужденное по моему обращению.

Мы часто здесь в офисе фонда вместе отмечаем День работника прокуратуры. Кстати, этот праздник тоже был создан по моей инициативе, я уговорил Бориса Николаевича Ельцина. Раньше отмечали его 22 мая, в день советской прокуратуры. Мы с уважением относимся к советскому периоду, но наш-то праздник более глубокий, он ведет начало от 1721 года. Президент меня поддержал, и 12 января здесь у меня собирается очень много народу.

Меня поддержал и Казаков Владимир Иванович, начальник управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры. Он сказал Волошину, что уголовное дело против Скуратова скоро будет лишено какой-либо перспективы, а тот, наоборот, говорил, что это дело имеет перспективу.

Со многими ребятами мы поддерживаем отношения, и я очень рад, что вокруг меня есть эти люди. Эта ситуация со мной, конечно, многих, высветила: кто умеет держать удар, кто будет выполнять незаконные указания, кто не будет. Эта ситуация и мне позволила многое понять. Кто рядом со мной был по конъюнктурным соображениям, они отпали, а некоторые себя, наоборот, как герои вели. Был следователь, который отказался поехать на обыск ко мне. Он прямо написал о том, что не считает, что есть основания. Позже он рассказал, что я был его преподавателем в вузе. Причем он отличник был, да и следователь хороший был! Так что были и такие люди...

Прокуратура в своей основе не пошла на крайнюю степень фальсификации. Так что, конечно, я поддерживаю хорошие связи.

Сычиков Д.: Юрий Ильич, Вы работали в органах прокуратуры, когда следствие и прокуратура еще не были разделены. Все же есть плюсы, что такой орган, как следствие, выбыл из системы органов прокуратуры?

Скуратов Ю.И.: Ситуация достаточно неоднозначная. Первоначально прокуратуру упрекали в том, что она соединяет в своих руках, расследование преступлений, надзор за следствием, поддержание обвинения в суде, надзор за местами заключения. В этом есть определенная доля правды, и принцип разделения властей здесь отсутствовал. На практике вышло иначе. Создали Следственный комитет, все прокурорское следствие ушло туда. Но, кроме этого, они вывели из-под плотного прокурорского надзора не только прокурорское следствие, но и следствие МВД, и следствие ФСБ — это все было выведено из-под прокурорского надзора. Поэтому «хотели как лучше, а получилось, как всегда»!

И сейчас у прокуратуры, повторяю, по сути, нет надзорных полномочий за следствием. А почему это опасно? В случае незаконного преследования, которое может проводиться в интересах коммерческих структур, нет необходимости многие дела доводить до суда. Дело возбудили, человека взяли под стражу. Бизнес отжали, а он сидит. Потом он уже никому не нужен, и до суда никто это дело доводить не собирается, так как преступление уже совершено. Таких случаев очень много. Вот в этой части реформа проведена неправильно.

Что касается создания Следственного комитета, я к этому отношусь достаточно спокойно и не считаю, что следствие должно быть обязательно в прокуратуре. Прошло время, эта структура устоялась, но ее показатели работы не такие, какие были у следствия в составе прокуратуры, к сожалению. Однако в чем, так сказать, преимущество? Преимущество в том, что у следователей в данном случае расширена их процессуальная самостоятельность, это, во-первых. Дальше следователи избавлены от недобросовестного прокурорского надзора. Мы говорим об идеальной модели, где должны быть сильные надзорные полномочия прокурора, но на практике-то многие прокуроры осуществляют свои коррупционные действия. Прокуроры иногда, обладая обширными полномочиями, разваливали уголовные дела, имели право от одного принципиального следователя передать дело другому следователю. Сейчас у них такой возможности нет. Поэтому процессуальная самостоятельность следствия была повышена, и это хорошо.

Другое дело, что система внутриведомственного процессуального контроля в Следственном

комитете не отлажена. Они говорят: «Зачем нам плотный надзор прокуратуры, если мы у себя внутри все контролируем, надзираем за следствием?!» Но все дело в том, что внутренний контроль — он всегда шадящий, всегда! Тебя контролирует твой начальник. Прокурорский надзор — это внешний контроль, это другое. И потом, они как следует, к сожалению, не выстроили структуру. Там какая-то неразбериха, не поймешь, как разделение труда между заместителями проведено. Нет четкого закрепления обязанностей на случай замены заместителя или в случае его ухода в отпуск. У нас-то в прокуратуре все четко прописано.

С этой точки зрения необходимо совершенствовать систему надзора. Следствие — это такая вещь, сами понимаете. Очень болезненный институт для граждан рядовых, особенно когда необоснованно дела возбуждаются, применяются меры пресечения — это же задевает самым болезненным образом.

Мой, так сказать, итоговый вывод — сама реформа была проведена с изъятиями. В целом идея существования следствия в качестве самостоятельного структурного подразделения обоснована. Она позволила повысить процессуальную самостоятельность следствия, она позволила в материальном отношении укрепить уровень оснащенности криминалистической техникой. Но эта система нуждается в дальнейшей отладке, в расширении реального надзора за ней со стороны прокуратуры.

Высказывается интересная идея, что, может быть, все же возродить следственный аппарат в самой прокуратуре, но не в широком плане, а только в части расследования преступлений, совершенных специальными субъектами, и, прежде всего, совершаемых самими работниками Следственного комитета. Преступления, совершенные работниками прокуратуры, пусть расследует Следственный комитет, а те, что ими совершаются, пусть расследует прокуратура. Здесь был бы определенный баланс.

И вообще, реформа следствия (а я об этом, кстати, научную статью написал) не сводится только к организационным отношениям Следственного комитета и прокуратуры. Если ее серьезно проводить, то там очень много разных дел: отношения следствия и суда, отношения следствия с оперативными службами. У нас же зачастую оперативные службы руководят следствием, а не следствие оперативными службами, как должно быть по закону. Следователь — главная фигура, а у нас чаще всего оперативники управляют.

Мы предупреждали, что судебное санкционирование ограничения прав, взятие под стражу и другое – это неправильно. Так и получилось. Когда прокурор давал санкцию, уровень законности был намного выше. Судья сегодня чисто формально к этому относится. То, что ему принесут, лапшу на уши повесят, он проглотит. А прокурор уголовное дело знал, он подробно расспрашивал и принимал решение.

Сейчас говорят, что нужны особые следственные судьи, которые будут решать только вопросы законности деятельности следствия. А как сейчас получается: вот я судья, допустим, я принял решение о взятии под стражу, а потом это же дело ко мне поступит для рассмотрения по существу. Я, получается, буду уже заранее связан предыдущими своими решениями, когда я поддерживал органы следствия. О какой объективности в этой ситуации говорить? Тем более сейчас большая часть судов на селе, в районах односоставные. Сейчас говорят о следственных судьях. Ну хорошо, но это опять же какие затраты будут.

Нет концептуального единства, концептуальной проработки всех наших реформ. Возьмем реформу МВД, которую провел Медведев (*Медведев Дмитрий Анатольевич (1965), российский государственный и политический деятель, президент Российской Федерации с 7 мая 2008 г. по 7 мая 2012 г.*). Ну название изменил: милицию на полицию. Что от этого, лучше что ли стало? Деньги только потратили. И название не очень удачное.

Чтобы реформу проводить, нужно проводить ее в целом, для всей правоохранительной системы, затрагивая судебные вопросы, потому что судебная реформа без учета и реформирования новых стандартов деятельности всех правоохранительных органов не даст результата. Судьи идут сейчас на поводу у следствия и «штампуют», а по идее они должны по-другому действовать.

Исаев М.: Юрий Ильич, в чем, по Вашему мнению, заключается государственный подход в управлении страной?

Скуратов Ю.И.: Государственный подход. Ну такой серьезный вопрос. (*Смеется.*) Я не готов на него в целом ответить, но какие-то соображения есть, конечно.

Элита наша, которая управляет страной, должна жить интересами этой страны. Вот Яков Кедми (*Кедми Яков (1947), израильский государственный деятель, дипломат; с 2010-х годов выступает в качестве политолога на российском телевидении и радио*) правильно многие вещи говорит в телеэфирах. Он сказал: «Суть ваших проблем в том, что элита живет не интересами страны. Они живут

за рубежом. У них там коттеджи, у них там дети учатся в вузах и школах. У них там место, где они тратят деньги, которые здесь либо украли, либо нечестным образом заработали. У них вид на жительство или гражданство там. Они рассматривают Россию только лишь как площадку для зарабатывания денег. И пока это не изменится, серьезных подвижек в качестве управления страны не произойдет».

Слава богу, что сейчас в конституционных реформах на это обратили внимание. Будут вводиться определенные запреты. Если это будет сделано, это будет большим шагом вперед. Это первое.

Второе. Уровень квалификации должен быть соответствующий. Ты должен понимать, кто ты, какие решения принимаешь и последствия этих решений. К сожалению, разрушена была партийная система подбора и расстановки кадров, которая в советский период была очень отлажена.

Когда я в самом аппарате работал, я узнал, как кадровая политика проводилась. Человека с низов, так сказать, возвращали. На каких-то работах продвигали, следили за ним, как он справляется или не справляется. Сейчас же, несмотря на фрагментарные попытки создать нечто подобное, все равно, к сожалению, эта система не создана. У нас очень часто в числе руководителей те, кто профессионально непригодны для осуществления этих функций. Я уже не говорю с точки зрения добросовестности. В аппарате правительства много таких людей работает. Даже в составе правительства есть люди, которым вообще там не место. Ранее судимый человек может стать министром или вице-премьером. Ну просто удивительно, что эти люди на эти должности попадают.

Система подбора, квалификация соответствующих кадров должна быть выстроена. Модель конституционного государства должна действовать, если здесь мы говорим уже о государственной стороне вопроса. Нужна нормальная система сдержек и противовесов в системе разделения властей, а у нас сейчас по-прежнему перекошена система в сторону президентской власти. Президентская вертикаль – на ней держится все государство. Если уже дожили до того, что старшего следователя по особо важным делам назначает президент своим указом, то куда же дальше ехать.

Конституционный суд в свое время признал доктрину скрытых полномочий президента, признал законным указное право. Все так или иначе эту вертикаль выстраивали. А когда речь идет о жесткой вертикали, то есть не только плюсы, но и минусы. При жесткой вертикали система не работает на принципах самоуправления, само-

регулирования. Всякая централизация приводит к жесткости системы. Эта система теряет устойчивость и становится очень сильно связанной с ее лидером.

Путин относительно неплохая кандидатура. Нет гарантии, что не придет человек, который систему возглавит и будет действовать не в интересах этой системы, а, скажем, в соответствии со своими какими-то корыстными интересами. В этом и сила, и слабость централизованных систем. Если централизация правильная, она нормальные усилия руководителя умножает, трансформирует. А если на вершине находится никчемный человек, то, соответственно, система становится беспомощной. Поэтому, когда нет сдержек и противовесов, это плохо.

К сожалению, те конституционные реформы, которые есть, которые проводятся сейчас, они не дают ответа на многие вопросы. Самый большой недостаток Конституции РФ — чрезмерное расширение полномочий президента. Они усугубляют этот недостаток, а это вселяет некоторые опасения.

Ряд поправок, которые абсолютно необходимы, просто игнорируются. Например, очевидная поправка, сколько лет живем в рамках единого нового Союзного государства России и Белоруссии. Конституция что об этом говорит? Ничего!

Мы живем в условиях, когда у нас важную роль стали играть федеральные округа (наряду с субъектами), а о федеральных округах в Конституции ни слова! Мы до сих пор не можем урегулировать избирательную формулу по выборам в Государственную думу. Это же элемент шулерства со стороны властей предрешающих! Каждый раз накануне выборов эта формула меняется, приспособливается для какой-то политической силы. Так не должно быть! Одна из главнейших задач Конституции в закреплении избирательной системы государства — мы этого не делаем. Есть ряд и других положений. Поэтому здесь есть, над чем подумать, поработать.

Мельникова Л.: Юрий Ильич, у Вас немало научных трудов, Вы являетесь автором и документальных книг. Как сложно было совмещать научную, практическую деятельность с их написанием?

Скуратов Ю.И.: Ну мне это интересно все же было. *(Смеется.)* Мне интересно было писать, а интерес — это очень важно! В принципе ленив каждый человек, просто доля лени бывает разная. Принуждать себя всегда трудно, а вот если есть интерес, то немножко по-другому ты начинаешь жить и работать. Поскольку я все же по своей ос-

новной специальности преподаватель, профессор, а надо что-то после себя оставлять — это способствует написанию.

Супруга, конечно, смирилась с тем, что я очень много работаю. Были и моменты, когда она возмущалась, но как-то так сумела смириться. Она даже помогала — печатала мою кандидатскую и докторскую в свое время.

Саламова С.Я.: Серьезная поддержка!

Скуратов Ю.И.: Да, безусловно. И вообще, если бы не ее поддержка, то мне было бы очень тяжело. Вот этот момент очень важен — наличие поддержки!

Привычка тоже, наверное, важна. Я привык с детства много работать, это тоже важный момент. Нельзя бросать так легко такие привычки! *(Смеется.)* Хотя есть любимое хобби — это рыбалка, прежде всего. Но работать много привык и с радостью это делаю.

Есть такой известный ученый Василий Владимирович Витрянский, заместитель председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке. Ныне упрядненного, напрасно упрядненного Высшего Арбитражного Суда. Мы с ним в хороших отношениях. Он говорил так: «Для меня существует сладкая каторга — это когда я иду в отпуск, уединяюсь и пишу очередную монографию». Вот эта «сладкая каторга» — очень точное название этого процесса. Но надо еще родиться с таким подходом, потому что если тебе в тяготу, в тебе это не заложено, тебе это не интересно, то...

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, а помимо рыбалки, чем еще увлекаетесь?

Скуратов Ю.И.: Да всем по чуть-чуть. *(Смеется.)* У меня по жизни хобби есть — я в шахматы играю хорошо, но как-то сейчас, к сожалению, все реже и реже это делаю. Но рыбалка — это не просто хобби, это образ жизни. Я радуюсь, что к рыбалке стали приобщаться жены. Это очень правильно! Во-первых, жена контролирует, пошел ли муж на рыбалку или рыбы купил в магазине. *(Студенты смеются.)* Во-вторых, она проконтролирует, чтобы он там, извините, не напивался.

Мне нравится небольшой анекдотик на эту тему:

Отец-медведь обучает своего сына-медвежонка охоте.

Медвежонок спрашивает:

- Папа, этих дяденек и тетенок, которые собирают грибы и ягоды, их можно есть?
- Да. Это, пожалуй, самая лучшая пища, потому что сопротивления не оказывают, бегают плохо, и мы их догоняем.

- Хорошо. А вот охотников можно есть?
- Ну да. Но имей в виду, что это поединок серьезный. Если ты запоздаешь, то тебя замочат из этого ружья.
- Скажи, папа, а вот рыбаков можно есть или нет?
- О, сыночек, это особая категория! Я не помню ни одного случая, чтобы даже самый приличный медведь, общаясь с ними, не стал алкоголиком.

(Студенты смеются.)

Так вот, женщина проконтролирует, сколько он там употребил. И потом, это само по себе интересно: на свежем воздухе, еще в каком-нибудь месте красивом.

А для меня рыбалка – это, прежде всего, общение с природой. Поэтому я стараюсь ездить в самые глухие места, где сам не бывал ранее. Только есть одно условие: я всегда стараюсь ездить с небольшим количеством людей, и чтобы были люди те, решение о поездке которых принимал я. Если человек мне неприятен, я не хочу с ним ехать. Ну на самом деле, ты едешь общаться с природой, а там попадется какой-нибудь алкоголик, который, кроме водки, ничего не хочет. Или человек, который не приспособлен к элементарным трудностям. Там же все равны, как в бане! И ты не будешь говорить, что ты профессор. Ты должен где-то и валежник, и дрова собрать, костер уметь развести.

Я немало поездил. Вот хочу в Гренландию еще поехать, там половить. Говорят, очень интересная рыбалка в Гренландии. В свое время, мы с Еленой Дмитриевной (*Скуратова Елена Дмитриевна, супруга Юрия Ильича*) путешествовали в Норвегии на судне. Хорошее судно было, «Академик Вавилов». Его под туристические цели приспособили. Мы прошли Норвегию, Фарерские острова, Исландию и должны были Гренландию пройти. А оказалось, что там лед очень мощный, и мы не дошли. Буквально, все уже было видно, ну километров может быть 5–6 осталось. Но лед был крепкий, и капитан сказал, что мы можем застрять там. А у нас экскурсия была заказана на этих ледниках, и такая неудовлетворенность осталась. Потом я прочитал, что там рыбалка очень хорошая, подледный лов, рыба крупная.

А так я много мест объездил, но любимое место на Байкале, конечно. Еще на Селигере, правда, там хуже ловится. На Печоре, в Карелии, Нижняя Волга, Астрахань, Дальний Восток.

Вот прошедшей осенью я поймал, значит, рыбу. Желтохвост называется. Это разновидность тунца, которая на дней 10 всего подходит со стороны Японии в акваторию залива Петра Великого. Я поймал 15-килограммового. Это очень хорошо!

В ресторане «Нобу», в котором подается изысканная японская кухня, кусочек желтохвоста граммов на сто в лучшем случае стоит 1600 рублей.

Саламова С.Я.: Да, это серьезный улов!

Скуратов Юрий Ильич: Конечно! (*Смеется.*) От охоты постепенно отказываюсь. Хотя дома 4 ствола есть, но не стреляю – жалко. Но кабана могу стрелкнуть, все равно он погибнет. И попасть на стол человеку – это его высшее предназначение. Ну, пожалуй, и все. На рыбалке проще – рыба молчит, ничего сказать не может, хотя, наверно, многое думает и могла бы сказать.

Лыкова К.: Юрий Ильич, расскажите о ваших творческих планах?

Скуратов Ю.И.: О, это хороший вопрос! Я лет шесть (довольно долго) работаю над монографией, посвященной наследию евразийцев. У нас на вооружение сейчас взята их геополитическая концепция. И Медведев, и Путин, а первоначально Назарбаев (*Назарбаев Нурсултан (1940), советский и казахский государственный и политический деятель; первый президент Республики Казахстан с 16 декабря 1991 г. по 20 марта 2019 г.)*) говорили о евразийстве. Сейчас это Евразийское экономическое сообщество как один из прообразов тех идей.

Когда я начал знакомиться с этой темой, я увидел, что теоретики права писали о евразийстве и историки писали, философская школа и так далее, а государствоведы, конституционалисты как-то прошли мимо. Ни одной диссертации даже нет. Эта концепция вызвала мой такой человеческий интерес. Она была создана русскими учеными в период эмиграции (по сути, с 1920 по 1930 гг.). Наша русская эмиграция, уехав, разрабатывала эту концепцию в Париже, Софии и Праге. В Пражском университете был создан русский юридический факультет. Они в основном учили праву бывшей Российской империи, ну и немножко о зарождающемся советском праве тоже говорили. Упор был на право Российской империи, так как они верили, что она возродится. Я для себя открыл это интересное занятие. Но объемы большие, читать надо много.

Сейчас нашел в себе силы и работаю по воскресеньям, и у меня снова все пошло на лад. Сажусь с утра рано, за день что-то там выдаю. Рассчитываю, что до 1 мая я эту работу закончу и сдам в печать. На мой взгляд, интересная получится.

После этого планирую написать книгу об институте президентства РФ. У меня много материала на эту тему. В свое время я про историю становления этого института писал, про соотношение президентской власти и представительных

учреждений. Потом писал в учебник несколько глав, посвященных президентству. Кстати, одна из наиболее глубоких последних работ на эту тему — это шеститомник Олега Емельяновича Кутафина. Одну из монографий он посвятил президентству.

Дальше я хочу написать книжку по современной уголовной политике. Материал на эту тему я собираю и фрагментами пишу. Получается.

Я, помимо научных книг, пишу и другую литературу. У меня вот вышла книжка недавно «Каменистая дорога прошлого». Хочу еще одну книгу написать, посвященную прокуратуре. Вижу люди читают, интересуются, а я имею возможность сказать что-то толковое на эту тему. В ближайшее время вот такие планы.

Сычиков Д.: Юрий Ильич, считаете ли Вы себя счастливым человеком?

Скуратов Ю.И.: Да, конечно.

Я счастлив тем, что выбрал профессию, которая отвечает моей душе, моему духовному складу, так сказать. Счастлив, что у меня такая семья замечательная, супруга, с которой мы столько лет живем. Ну бывают, конечно, разногласия, но они имеют настолько незначительный характер. В основном наши позиции совпадают. У меня шестеро внуков. Дети состоялись. Сын Дмитрий работает в коммерческих и не только в структурах. Сейчас по поручению Константина Малофеева (*Малофеев Константин Валерьевич (1974), российский предприниматель, политик и общественный деятель, владелец акций «Ростелекома», председатель совета директоров группы компаний «Царьград», заместитель главы Всемирного русского народного собора, основатель телеканала «Царьград ТВ»*) занимается телеканалом «Царьград». Поскольку сам Константин порядочный человек, я рад, что Дима рядом с ним и многие вещи они совместно сделали. Дочь Александра — доцент кафедры международного права МГИМО, у нее недавно первая аспирантка защитилась. Саша активно пишет, работает над докторской, несмотря на то, что у нее 3 детей. И у сына трое, и у дочери. Шестеро внуков. Тут принудительно будешь счастливым, даже если не хочешь. (*Смеется.*)

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, наша беседа подходит к концу. Я бы хотела напоследок попросить Вас дать профессиональный совет нашим ребятам. Возможно, кто-то из них, может быть, и все посвятят свою жизнь работе в прокуратуре. Может быть, кто-то в науку пойдет.

Скуратов Ю.И.: Первый совет: надо тщательно взвесить, стоит ли вам этим делом заниматься.

У меня в первый класс внук пошел. Такой радостный побежал. Я говорю: «Санек, ты знаешь,

что это на 11 лет? Ты думаешь, что ты неделю походишь, а потом все закончится?» Его хватило на 2 месяца. У вас другая ситуация. У него выхода нет, а у вас есть.

Надо тщательно взвесить решение пойти работать в органы прокуратуры. Выбор должен быть осознанным. Вы в ходе обучения имеете возможность составить представление о прокуратуре, но поговорите неформально с сотрудниками прокуратуры, которые по возрасту вам близки, чуть постарше вас. Спросите, как они работу воспринимают, как они ее чувствуют. В принципе сейчас в прокуратуре престижно работать. Это хорошая, достойная работа, авторитет органов прокуратуры растет.

В отличие от Следственного комитета, в прокуратуре девушкам можно работать. Многие работают помощниками прокурора в общем надзоре. У нас очень умные девушки работали при мне. Ну а следователь-женщина — это очень серьезно. Только единицы там приживаются. Работа на износ, связана с общением, да еще придется допрашивать различных преступников. Даже запах специфический в следственных изоляторах.

Сейчас, кстати, по телевидению стали, на мой взгляд, фильмы показывать очень близкие к реальной практике. Четко показывают и нынешнюю ситуацию с преступностью, и те трудности, которые стоят перед органами. Это первый момент.

Второе — это, конечно, определиться с тем, чем вы хотели бы в прокуратуре заниматься, что вас наиболее привлекает. Это можно понять, работая в институте общественных помощников. Есть и другие формы коммуникации с органами прокуратуры.

А самое главное — быть готовыми к тем испытаниям, к той дисциплине, которая там существует. Это хоть и гражданское ведомство, но там свои особенности. Супруги ваши должны знать, чем вы собираетесь заниматься, и выбирать надо.

Саламова С.Я.: Выбирать с учетом будущей профессии? (*Смеется.*)

Скуратов Ю.И.: Ну да. Чтобы она понимала, что да как. Идеал же для женщины какой? Очень простой — муж должен быть все время рядом и хорошо зарабатывать. Так не бывает. Надо много работать. Так что тут особого секрета я вам не раскрою.

Нужно давать адекватную оценку своим способностям. Ну и понятие призвания никто не отменял! Если ты чувствуешь, что это тебе нравится, это по тебе, то смело иди бороться!

Саламова С.Я.: Юрий Ильич, спасибо огромное, что выделили нам столько времени!

Скуратов Ю.И.: Ну а как же. Вам спасибо!

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

Уважаемые читатели нашего журнала. Мы начинаем новую рубрику, которая, конечно, отчасти будет конкурировать с рубрикой «Писатель-публицист криминалист-криминолог», но все-таки речь о другом.

В нашем таком сумасшедшем мире, переполненном подчас никому не нужной информацией, нередко вынужденно пробегаешь мимо действительно интересных книг. Прочитать их, увы, некогда. Но не заметить их никак нельзя.

Поэтому, чтобы помочь Вам обратить внимание на интересные и значимые монографии, мы с согласия авторов будем периодически публиковать на страницах журнала небольшие фрагменты (выдержки) из их работ. Я надеюсь, что Вам понравится наша новая рубрика, а публикуемые в ней отрывки вызовут интерес к прочтению книг целиком.

Начнем мы с книги Юрия Ильича Скуратова «Каменистая дорога прошлого». На его долю пришлось серьезные испытания и тяжесть государственных проблем в один из наиболее сложных периодов в истории нашей страны. Он стал генеральным прокурором, когда на улицах городов раздавались автоматные очереди и грохот разрывов гранат — это «решали» вопросы бандиты. Ю.И. Скуратов достойно выдержал испытание временем, в его бытность прокуратура вернула утраченные позиции, и во многом благодаря ему она воспринимается у простых граждан едва ли не как последняя надежда в восстановлении справедливости.

Конечно, кто как не Ю.И. Скуратов знает о том, что и как было в те самые лихие девяностые.

*Главный редактор журнала
Игорь Михайлович Мацкевич*

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «КАМЕНИСТАЯ ДОРОГА ПРОШЛОГО»

Скуратов Юрий Ильич

Цель: передать накопленный опыт и знания, познакомить с наследием, оставленным видным ученым, внесшим серьезный вклад в развитие юриспруденции.

Методология: цитирование.

Выводы. Главы из книги российского юриста и политика, доктора юридических наук, профессора, бывшего Генерального прокурора РФ Ю.И. Скуратова «Каменистая дорога прошлого» позволили узнать интересные биографические факты жизни автора, трудности, с которыми он столкнулся во время работы в Генеральной прокуратуре, мнение о криминальном мире и коррупции в России. Книга посвящена поиску ответов на извечный российский вопрос: что делать для исправления тяжелейшей ситуации с криминалом в нашей стране.

Научная и практическая значимость. Приведенный текст может быть использован при изучении истории России и российской юриспруденции 90-х гг. XX в.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, коррупция, организованная преступность, история юриспруденции, юридическая наука.

Скуратов Ю.И. Каменная дорога прошлого. М.: Вече, 2019. 576 с.

Уже после смерти Собчака в печати стали появляться некие любопытные факты, в том числе и связанные с Санкт-Петербургом.

К тому моменту, когда «царь Борис» готовился взобраться на свой трон вторично (летом 1996 года), закрытая статистика подвела печальный итог: «царь» этот создал все условия для того, чтобы в России обществу противостоял организованный криминальный мир. И неясно уже было, кто сильнее: разобщенное общество, неспособное сплотиться в единый фронт, или криминальный мир, имеющий отличную организацию, «мощный финансовый потенциал теневой экономики и крышу в виде коррумпированных чиновников».

Летом того же года криминальный мир, по подсчетам специалистов, контролировал в России сорок тысяч различных организаций — сорок тысяч! Из них полторы тысячи были государственными предприятиями, четыре тысячи — это различные акционерные общества (а под обычными АО могли выступать огромные заводы, выпускающие автомобили, предприятия по производству ракет, минеральных удобрений, самолетов, мебели и т. д.), шестьсот банков.

Если честно, Россию спасло только то, что у всероссийского криминалитета не было единого руководства — бандиты были разбиты на отдельные сообщества (иногда очень крупные, как, например, малышевская группировка в Питере, в которую входило две тысячи человек), на устойчивые преступные объединения, имеющие свои региональные центры, но общего руководства у бандитов не было. И слава богу! Не то совершенно неведомо, в какой бы стране мы жили ныне.

Клубок сросся, спекся воедино — совершенно невероятный клубок, в страшном сне такой не приснится — тут была и власть в лице крупных должностных лиц, и милицейские чины, и армейские генералы, и банковские руководители, и авторитеты преступного мира — кого только в том клубке не было!

Преступники дошли до того, что занимались поборами не только с частных предпринимательских структур, но и с государственных организаций. Процветала система заказных убийств, на которых очень неплохо зарабатывали киллеры, а уж такая штука, как бандитские разборки с автоматными очередями и многочисленными трупами, стала делом повседневным.

Питер, руководимый мэром Собчаком, оказался городом — лидером в преступном сообществе России: ни в каком ином городе не насчитыва-

лось столь много криминальных группировок, как в Санкт-Петербурге.

Эксперты-аналитики, в том числе и прокурорские, внимательно наблюдавшие за развитием ситуации, выделили следующие направления, по которым организованная преступность вела наступление, цитирую:

«Проникновение в законную экономику.

Контроль над банками и банковской системой. Наркобизнес.

Незаконная продажа оружия.

Незаконный автомобильный бизнес.

Нападение на транспортные перевозки грузов. Антикварный бизнес.

Незаконная торговля человеческими органами.

Незаконная торговля животными.

Организованная преступная агрессия.

Интеграция организованной преступности».

Не только Питер — вся страна была разбита на квадраты, почти не было мест в России, которые не контролировали бы бандиты.

Причем было создано более шестисот группировок по национальному признаку — в данном случае неславянскому — в которые практически входили лица одной национальности: армяне, азербайджанцы, грузины, чеченцы, ингуши и т. д.

Национальные группировки разделили сферы влияния по интересам, чтобы не сталкиваться друг с другом: азербайджанцы, например, установили контроль над наркобизнесом, торговлей на рынках и азартными играми, армяне — над торговлей краденными машинами и группами мошенников самого разного толка, и это направление приносило им очень неплохой доход, чеченцы занялись контролем над топливно-энергетическим и автомобильным бизнесом, над добывающими и торгующими редкоземельными металлами, иные представители Северного Кавказа сосредоточили в своих руках такие направления преступной деятельности, как квартирные кражи, захват заложников и разбой. И так далее. Кстати, грузины тоже специализировались на квартирных кражах, разбое и похищении людей.

Всего на территории Российской Федерации действовало более 34 тысяч организованных преступных формирований. Были среди них, повторяю, и очень крупные (подобно питерской группировке Малышева), и средние, и мелкие — разные, словом. Часто группировки воевали друг с другом, — дело, как правило, доходило до крови, — но это были противоречия не идеологического, а совершенно иного толка. Бандиты сталкивались на одних и тех же экономических площадках, это происходило чаще всего, но поз-

же стали сталкиваться две касты криминального мира: каста воровская и каста бандитская.

Воровская каста – старая, выдержанная временем, доставшаяся России в наследство от Советского Союза. Руководители касты – так называемые воры в законе, криминальные авторитеты. Всего таких авторитетов в России насчитывалось более трехсот (точную цифру, к сожалению, не знает никто), на территории же бывшего Советского Союза – немногим более девятисот.

Вор в законе, по определению специалистов, – профессиональный уголовный преступник, хранящий традиции преступного мира. Он не имеет права работать, не должен служить в армии – даже в высоком чине, не должен иметь прописку и семью, не должен прибегать к насилию. В общем, вор в законе – это некий воровской принц, который может и миловать, и казнить, это судья и нравственный, если хотите, авторитет в своей среде, это повелитель.

Титул этот, почетный в воровском мире (но принятый в штыки в касте беспредельщиков, как вскоре криминалитет стал называть своих «коллег» – бандитов из другого лагеря), обычно присваивался на сходняках в местах заключения, в каком-нибудь небольшом лагере.

Перед этим специальные люди тщательнейшим образом собирали сведения об очередном кандидате на «почетный» титул – мнение воров, уже коронованных, тут играло, как правило, решающую роль.

Выше титула вор в законе в криминальном мире не было ничего до самой перестройки, а вот когда началась горбачевская перестройка, изменилась не только наша страна – не в самую лучшую, как известно, сторону – изменился и криминальный мир.

Титул вор в законе стали продавать и покупать. Покупали в основном люди, представляющие Кавказ, и воров с приобретенными за деньги титулами стали называть апельсинами.

Апельсины постарались ухватить от жизни то, что ранее им было не доступно – выступали арбитрами в бандитских спорах и делали это часто, даже очень часто, поскольку «труд» новоявленных «арбитров» оплачивался очень хорошо, более того, воров в законе многие банды приглашали к себе на хорошую «зарплату». Группировка, имеющая в своих рядах вора в законе, сразу приобретала вес, становилась приметной, перемещалась на верхнюю строчку в бандитском списке. Более того, воровских авторитетов начали приглашать к себе и структуры легальные, вполне благополучные – зараза эта оказалась очень живучей,

модной. Единственное, воров в законе еще не было в государственных организациях. Но дело к этому уже шло.

Во времена перестройки воровские сходняки сумели перемахнуть через колючую проволоку лагерных зон, и титулованные авторитеты стали теперь собираться в Дагомысе, знаменитом пригороде Сочи, в Санкт-Петербурге воры облюбовали себе ресторан на Невском проспекте в доме № 71 (ресторан так и называется «Невский»); традиционно сходняки эти проходили под видом поминок, свадеб каких-нибудь иных сборищ, посвященных торжественным датам. Дням рождения, например. Либо в честь появления на белый свет очередного горластого человечка – внука или внучки.

Воровские касты имели свои общаки – своеобразные кассы взаимопомощи. Были общесоюзный и общероссийский общаки. Общероссийский общак существует и ныне. Но где он находится, не знает никто. По слухам – в Москве.

Что же касается Питера, то у этого города общак один на два города, на Питер и Москву. Наверняка это произошло в результате войн, которые вели на питерских улицах и площадях две касты – воровская и бандитская.

Число преступлений, совершаемых в городе на Неве, при Собчаке резко пошло вверх и очень скоро начало, что называется, зашкаливать. Самыми опасными среди интеллигентных питерцев стали считаться районы, расположенные в сердце города – Центральный, Петроградский, Адмиралтейский. Следом пошли районы более удаленные – Калининский, Московский, Невский. Потом – Выборгский, Василеостровский, Кировский.

Среди преступных группировок наиболее заметными были, как я уже сказал, мальшевская – это целая преступная армия, потом – тамбовская, прославившаяся своей жестокостью, не уступающая ей в свирепости казанская, затем – чеченская и азербайджанская.

Если бы в городе действовали только эти группировки, то еще можно было бы дышать, но Питер был набит, словно бочка селедкой, группировками помельче, но тоже очень буйными и беспощадными.

Это – воркутинская, кемеровская, саратовская, ростовская группы, группы Тараса, Фокса, Виталика, Лысого, Саши Ефима, Ильина, Азеры, Дато, Метлы, Кудряша, Якутенка, так называемая группа Ленинградской области, группа киллеров и т. д.

Войны между ними шли беспощадные, канонада иногда разливалась широко, выстрелы сливались в сплошной грохот.

Между бандами не было четкого разделения, как, допустим, среди кавказских формирований, где было понятно, кто чем занимается, не было и ясно очерченных границ — вот они и молотили и самих себя и ни в чем не повинных мирных граждан.

Первая группировка в Питере сложилась давно — ее возглавил некий Владимир Феоктистов. Верным помощником, замом и начальником штаба у него стал Евгений Цветков по прозвищу Бык — бывший сотрудник милиции, инспектор уголовного розыска. Группировка эта промышляла по-мелкому — обирала барменов, проституток, сутенеров, занималась карточным жульничеством и чувствовала себя в общем-то неплохо, пока в городе не возникли так называемые афганские группировки.

В них входили бывшие воины, прошедшие Афганистан. Эти люди умели стрелять и преследовать противника, умели оказывать сопротивление и знали приемы рукопашного боя, были по-настоящему жестоки — настолько жестоки, что пытали своих жертв. Поскольку они обирали все тех же проституток, барменов, сутенеров, кооператоров, спекулянтов валюты, то очень скоро столкнулись с людьми Феоктистова.

Началась война, но она была обычной прелюдией, цветочками, пустячком по сравнению с тем, что в Питере начало происходить позже.

Афганцы были одинаково беспощадны и к тем, кто к той поре действительно нажил богатство, и к тем, кто еле-еле сводил концы с концами — мели всех подряд.

Вскоре потеснили и их — появилась новая банда, состоявшая из бывших спортсменов. Возглавлял ее человек по прозвищу Коля Каратэ — Николай Седюк, правой рукой в банде у Седюка был его родной брат по кличке Макенна.

Главной базой банды стал элитный спортклуб «Ринг», Коле Каратэ покровительствовал видный вор в законе Антибиотик, он же разгонял и тучи, когда те внезапно возникали над головами братьев.

В банду входило немало спортсменов и вообще именитых людей — например актер Малого драматического театра Аркадий Шалолашвили, Гога Геворкян, прозванный Шварценеггером за свою внушительную внешность и умение идти как танк напролом, Олег Мифтахутдинов и другие.

Банда Коли Каратэ отличалась тем, что заставляла работать на себя несколько банд — в частности, группу братьев Васильевых, которая платила Сердюку дань, как во время татаро-монгольского ига, но в конце концов и ей пришел конец. Коля Каратэ был убит на шоссе Энтузиастов, Антибиотик внезапно скончался — произошло это подозрительно быстро.

Чем еще отличалась эта банда? Хотя и курировал ее (по-нынешнему крышевал) Антибиотик, банда не признавала никаких воровских авторитетов и не делала отчислений в обшак, точно так же стали поступать и другие банды, пышно расцветшие в городе, руководимым видным демократом.

Возникли в Питере и так называемые ментовские банды — в них находили «приют» бывшие (и настоящие тоже) сотрудники милиции. Эти бандиты были еще более беспощадны, чем афганцы, не жалели ни старых, ни малых. Поскольку люди в форме не привыкли прятаться и вести подпольную жизнь, бывшие менты старались замаскировать свою деятельность разными легальными вывесками. Так возникли охранные предприятия «Агент», «Гриф» и другие.

К той поре, когда Собчак Анатолий Александрович сдал подведомственный ему город на руки другому мэру, в Питере насчитывалось 230 организованных преступных группировок, 33 из них были тесно связаны с криминальным миром стран СНГ и поддерживали регулярные отношения, имели там своих представителей, 19 осуществляли прямые походы на дальнее зарубежье, действовали там.

Вот такой оказалась на исходе двадцатого века бандитская столица России.

Хоть и шла на берегах Невы война между бандитами и ворами, а бандиты в ней проигрывали. Бандиты привыкли брать кавалерийским наскоком, жестокостью, террором, стрельбой, пренебрегали разведкой, сбором сведений и в результате прослыли в криминальном мире тупыми безголовыми убийцами, воры же предпочитали думать, ломать головы, действовать тонко и хитро, если уж и устраняли конкурентов, то делали это тихо и незаметно.

Взять, к примеру, тамбовцев, у которых было два лидера — Кумарин и Глущенко. Кумарин отрицал воров, плевался, когда слышал что-либо о них, Глущенко же, по кличке Хохол, наоборот старался с ними сотрудничать.

В результате через некоторое время Хохол стал помощником депутата Государственной думы Александра Филатова (фракция Жириновского), вторым помощником сделался также тамбовский — некий Баскаков, третьим — Рыбкин Андрей, известный среди бандитского Питера человек, один из братьев Рыбкиных.

Власть воров безоговорочно признала казанская группировка и регулярно отчисляла деньги в обшак.

Структура питерских банд была такая: низкий уровень — это бригада; две-пять бригад составляли звено, два-пять звеньев — группу, две-четыре

группы – группировку. Ну а сообщество – это уже пять и более группировок.

В каждую бригаду входило от пяти до десяти человек. В общем, исходя из этого структурного деления, можно представить себе, сколько бандитов было в собчаковском Питере. И подсчитать их количество.

Именно в Питере родились бандитские словечки, вошедшие потом в обиход российских граждан: крыша, пробивка, стрелка, разборка, наезд и другие – словечки эти недобрые вызывают холод у всякого нормального человека и, увы, зачастую употребляются в речи даже государственными деятелями.

Пробивка – это действия той или иной банды, желающей получить под свое крыло какую-нибудь фирму, получить ее лишь с одной целью – чтобы доить, доить, доить, класть себе в карман деньги. Причем деньги немалые. Как правило, пробивки касаются свеженьких, только что открывшихся фирм в большинстве своем.

Всякая бандитская группа имела в своем составе несколько интеллигентных, с приятной внешностью людей, которые обычно заходили в свеженькую, только что испеченную контору с вопросом, который обычно задают хозяину: кто их охраняет и кому они платят?

Если контору никто не охранял, то хозяину сообщали, что прикрывать, охранять его будет банда, представителей которой он имеет честь лицезреть. И, естественно, ей он должен будет отстегивать часть своей прибыли. Словечко отстегивать – также из бандитского лексикона.

Иногда, чтобы хозяина напугать, подмять, оглушить – порою и в физическом смысле – визитеры могли и пистолет из-за пояса выдернуть, и достать из кармана гранату и положить на стол, и к батарее приковать наручниками, а потом почесать горло лезвием острого ножа. Это называлось наездом, и совершался наезд лишь для одного: сломать хозяина, если тот, упрямый и непонятливый, начинал сопротивляться.

Как правило, после наездов отказа у испуганных, подавленных, иногда полностью деморализованных хозяев не бывало.

Случалось, что банды наваливались на одно и то же предприятие, интересы их сталкивались и, чтобы интересы эти развести, забивалась стрелка. Забить стрелку – значит, договориться о встрече и мирно решить вопрос. Хотя вопросы не всегда решались мирно, бывало, что и с отчаянной автоматной пальбой, с трупами, с последующими жестокими стычками. Такие войны в бандитском мире назывались разборками.

Очень быстро слово разборка стало ходовым и проникло в нашу речь. Увы!

Было еще крышевание. Это та самая ситуация, когда фирма находится полностью под бандитским влиянием (впрочем, не только бандитским – крышей могли быть и сотрудники милиции, и офицеры ФСБ, и руководящие работники прокуратуры, – таких случаев насчитывалось очень и очень много). Бывало, что бандиты вообще работали в этих структурах, вершили контроль над заключением договоров, финансовыми проводками, поставками товаров, помогали пробивать кредиты, иногда вообще давали их сами, из своих средств, протаскивали (это слово очень точное) в фирму заказчиков своих людей и забирали себе за свою «работу» от пятидесяти до семидесяти процентов прибыли.

Практически эти структуры работали на бандитов.

Имелась еще одна форма, о которой почему-то говорят меньше других, но она существует до сих пор – родилась в Питере и распространилась по всей России. Называется она довольно выпренокно, на немецкий лад – протекторат.

Вот что об этом написано. Бандитский протекторат – наиболее распространенная форма оказания давления на фирму. Курирующая банда оставляет в офисе фирмы нескольких своих людей, за отдельную плату исполняющих обязанности вахтеров, и номера телефонов для связи. Интересы фирмы и ее сотрудников в этом случае бандиты не защищают. Стоимость протектората – двадцать-сорок процентов доходов фирмы.

Такой изощренный способ бандитского участия в предпринимательской жизни могли изобрести только в Питере, в городе, достойном своего мэра.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грачева Юлия Викторовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), uvgracheva@mail.ru

Дегтерев Андрей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, degtere vand@rambler.ru

Дорнбуш Леа – студентка 6-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, lea.dornbusch@uni-potsdam.de

Емелькина Яна Васильевна – студентка 3-го курса факультета права НИУ ВШЭ, jemelkina@mail.ru

Ефимова Дарья Петровна – студентка Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН), 1032181528@pfur.ru

Иванова Екатерина Сергеевна – студентка Псковского государственного университета, katerina45sergeevna@yandex.ru

Исаев Магомед Расимович – студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), krim.kabinet@mail.ru

Йохим Феликс – студент 6-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, fjochim@uni-potsdam.de

Кадников Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Кадыров Алишер Умарович – доцент, заместитель декана юридического факультета по учебной работе Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, член Союза криминалистов и криминологов, amt70@bk.ru

Келер Лаура – студентка 6-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, laukoehler@uni-potsdam.de

Кузнецов Андрей Юрьевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, andkuzn@inbox.ru

Лыкова Ксения Дмитриевна – студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), likovakseniya@mail.ru

Мазулина Софья Александровна – студентка 3-го курса факультета права НИУ ВШЭ, samazulina@edu.hse.ru

Маликов Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s.v.malikov@yandex.ru

Махмутова Лилия Ринатовна – студентка 3-го курса института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s0116997@msal.edu.ru

Мельникова Луиза Александровна – студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), krim.kabinet@mail.ru

Мещерякова Элина Ильинична – студентка 4-го курса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, elinameshch@gmail.com

Мустафазаде Ровшан Шахин Оглы – аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, romamustafaev1997@mail.ru

Немашкалова Дарья Юрьевна – студентка Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН), remd2011@mail.ru

Овчинникова Елизавета Олеговна – магистрант юридического факультета РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, ovchinnikova_eo@mail.ru

Редникова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, trednikova@yandex.ru

Рощенко Софья Владимировна – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), sofia_photo9@mail.ru

Саддарова Ксения Олеговна – аспирант 1-го курса Института права, экономики и управления Псковского государственного университета, saddarova.ksenia@yandex.ru

Саламова Себила Якубовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель Московского криминологического кабинета МГЮА, sebila@mail.ru

Семенова Ирина Владимировна – студентка 3-го курса института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ssem.irina@gmail.com

Серебренникова Анна Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, serebranna@hotmail.com

Скуратов Юрий Ильич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, fondpt21vek@yandex.ru

Сычиков Дмитрий Сергеевич – студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), krim.kabinet@mail.ru

Торак Ирина – студентка 10-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, torak@uni-potsdam.de

Чучаев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, и.о. заведующего сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии, mokshal@rambler.ru

Шамурзаев Таалайбек Турсунович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызстане, taalha@mail.ru

Штальберг Виктория – студентка 6-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, stahlberg@uni-potsdam.de

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Chuchaev Alexandr Ivanovich – Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, stellvertretender Leiter des Bereichs Strafrecht, Strafprozessrecht und Kriminologie, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, mokshal@rambler.ru

Degterev Andrey Aleksandrovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Astrachan Staatlichen Universität, degterevand@rambler.ru

Efimova Daria Petrovna – Studentin am Rechtsinstitut der Universität der Völkerfreundschaft Russlands (PFUR), 1032181528@pfur.ru

Emelkina Yana Vasilievna – Studentin des 3. Studienjahrs an der Fakultät für Rechtswissenschaften der Higher School of Economics (HSE), jemelkina@mail.ru

Felix Jochim – Student im 6. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, fjochim@uni-potsdam.de

Gracheva Yulia Viktorovna – Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, uvgracheva@mail.ru

Iryna Torak – Studentin im 10. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, torak@uni-potsdam.de

Isaev Magomed Rasimovich – Student an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), krim.kabinet@mail.ru

Ivanova Ekaterina Sergeevna – Studentin an der Pskov staatlichen Universität, katerina45sergeevna@yandex.ru

Kadnikov Nikolay Grigoryevich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer Kikot-Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, krim-pravo@yandex.ru

Kadyrov Alisher Umarovich – Dozent, Stellvertretender Dekan für akademische Arbeit der Juristischen Fakultät an der Kirgisisch-Russischen Slawischen B.N. Jelzin-Universität, Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, amt70@bk.ru

Kuznetsov Andrey Yuryevich – Aspirant am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, andkuzn@inbox.ru

Laura Köhler – Studentin im 6. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, laukoehler@uni-potsdam.de

Lea Dornbusch – Studentin im 6. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, lea.dornbusch@uni-potsdam.de

Lykova Ksenia Dmitrievna – Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), likovakseniya@mail.ru

Makhmutova Lilia Rinatovna – Studentin des 3. Studienjahrs am Institut für forensische Untersuchungen von der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), s0116997@msal.edu.ru

Malikov Sergey Vladimirovich – Professor am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, s.v.malikov@yandex.ru

Mazulina Sofja Aleksandrovna – Studentin des 3. Studienjahrs an der Fakultät für Rechtswissenschaften der Higher School of Economics (HSE), samazulina@edu.hse.ru

Melnikova Louise Alexandrovna – Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), krim.kabinet@mail.ru

Meshcheryakova Elina Ilinichna – Studentin im vierten Studienjahr an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, elinameshch@gmail.com

Mustafazade Rovshan Shahin ogly – Aspirant am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, romamustafaev1997@mail.ru

Nemashkalova Daria Yurievna – Studentin am Rechtsinstitut der Universität der Völkerfreundschaft Russlands (RUDN), remd2011@mail.ru

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna – Master-Studierende an der Juristischen Fakultät der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, ovchinnikova_eo@mail.ru

Rednikova Tatiana Vladimirovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, leitende wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, trednikova@yandex.ru

Roshchenko Sofya Vladimirovna – Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), sofia_photo9@mail.ru

Saddarova Kseniya Olegovna – Postgraduiertes Studium im 1. Jahr des Instituts für Recht, Wirtschaft und Management der staatlichen Universität Pskow, saddarova.ksenia@yandex.ru

Salamova Sebila Yakubovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), Leiter des MSAL Moskauer kriminologischen Raums, sebila@mail.ru

Semenova Irina Vladimirovna – Studentin des 3. Studienjahrs am Institut für forensische Untersuchungen von der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), ssem.irina@gmail.com

Serebrennikova Anna Valerievna – Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, serebranna@hotmail.com

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminalistik an der Kirgisisch-Russischen Slawischen B.N. Jelzin-Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik, taalha@mail.ru

Skuratov Yuri Ilyich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Abteilung für Verfassungs- und Völkerrecht der Russischen Staatlichen Universität für Öl und Gas Gubkin (NIU), fondpt21vek@yandex.ru

Sychikov Dmitry Sergeevich – Student an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), krim.kabinet@mail.ru

Victoria Stahlberg – Studentin im 6. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, stahlberg@uni-potsdam.de

ABOUT THE AUTHORS

Chuchaev Alexandr Ivanovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Acting Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, mokshal@rambler.ru

Degtarev Andrey Aleksandrovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law at the Astrakhan State University, degtere vand@rambler.ru

Efimova Daria Petrovna – Student at Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), 1032181528@pfur.ru

Emelkina Yana Vasilievna – 3rd year student at the Faculty of Law of the Higher School of Economics (HSE), jemelkina@mail.ru

Felix Jochim – 6th semester student of Law Faculty of the University of Potsdam, fjochim@uni-potsdam.de

Gracheva Yulia Viktorovna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor at the Chair of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University, uvgracheva@mail.ru

Iryna Torak – 10th semester student of Law Faculty of the University of Potsdam, torak@uni-potsdam.de

Isaev Magomed Rasimovich – Student of the O.E. Kutafin the Moscow State Law University (MSAL), krim.kabinet@mail.ru

Ivanova Ekaterina Sergeevna – Student at Pskov State University, katerina45sergeevna@yandex.ru

Kadnikov Nikolay Grigoryevich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law at the Kikot Moscow University of the MIA of the Russian Federation, krim-pravo@yandex.ru

Kadyrov Alisher Umarovich – Assistant Professor, Deputy Dean for Academic Work of the Law Faculty at the Kyrgyz-Russian Slavic University, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, amt70@bk.ru

Kuznetsov Andrey Yuryevich – Postgraduate Student at the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, andkuzn@inbox.ru

Laura Köhler – 6th semester student of Law Faculty of the University of Potsdam, laukoehler@uni-potsdam.de

Lea Dornbusch – 6th semester student of Law Faculty of the University of Potsdam, lea.dornbusch@uni-potsdam.de

Lykova Ksenia Dmitrievna – Student of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), likovakseniya@mail.ru

Makhmutova Lilia Rinatovna – 3rd year student at the Institute of Forensic Examinations of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), s0116997@msal.edu.ru

Malikov Sergey Vladimirovich – Doctor of Legal Sciences, Professor at the Chair of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University, s.v.malikov@yandex.ru

Mazulina Sofya Aleksandrovna – 3rd year student at the Faculty of Law of the Higher School of Economics (HSE), samazulina@edu.hse.ru

Melnikova Louise Alexandrovna – Student of the O.E. Kutafin the Moscow State Law University (MSAL), krim.kabinet@mail.ru

Meshcheryakova Elina Ilinichna – Fourth Year Student at Kutafin Moscow State Law University, elinameshch@gmail.com

Mustafazade Rovshan Shahin ogly – Postgraduate Student at the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, romamustafaev1997@mail.ru

Nemashkalova Daria Yurievna – Student at the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), remd2011@mail.ru

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna – Master's Student at the Faculty of Law of National University of Oil and Gas "Gubkin University", ovchinnikova_eo@mail.ru

Rednikova Tatiana Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Environmental, Land and Agrarian Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, trednikova@yandex.ru

Roshchenko Sofya Vladimirovna – Student at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), sofia_photo9@mail.ru

Saddarova Kseniya Olegovna – 1st year postgraduate student of the Institute of Law, Economics and Management at the Pskov State University, saddarova.ksenia@yandex.ru

Salamova Sebila Yakubovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of Moscow Criminological room at MSAL, sebila@mail.ru

Semenova Irina Vladimirovna – 3rd year student at the Institute of Forensic Examinations of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), ssem.irina@gmail.com

Serebrennikova Anna Valerievna – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Char of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, serebranna@hotmail.com

Shamurzaev Taalibek Tursunovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic, taalha@mail.ru

Skuratov Yuri Ilyich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NIU), fondpt21vek@yandex.ru

Sychikov Dmitry Sergeevich – Student of the O.E. Kutafin the Moscow State Law University (MSAL), krim.kabinet@mail.ru

Victoria Stahlberg – 6th semester student of Law Faculty of the University of Potsdam, stahlberg@uni-potsdam.de

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Zur Frage des organisierten Korruptionsverbrechens

Kadnikov N.G.

Ziel: die Anwendungspraxis des kriminellen Gesetzes im Bereich der Korruptionsbekämpfung zu analysieren und das Ausmaß der organisierten Bestechungstätigkeit in verschiedenen Bereichen der Staatsmacht und des Managements zu bestimmen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Abzug, formal-rechtliche Methode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Neben der organisierten Kriminalität ist die organisierte Korruptionskriminalität hervorzuheben, die durch organisierte kriminelle Gemeinschaften und organisierte Gruppen gekennzeichnet ist, die Korruptionsdelikte in Regierung und Verwaltung auf Bundes- und Landesebene begehen. Begünstigt wird dies durch mangelnde Kontrolle, Vetternwirtschaft, Klüngelei, mangelnde Konkurrenz und kompetitive Stellenbesetzung, fehlende wirtschaftliche Kontrolle durch die Zentralbehörden.

Dringende Forschung und umfassende Maßnahmen, einschließlich legislativer, organisatorischer und wirtschaftlicher Maßnahmen, sind erforderlich.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des Beitrages liegt in der Notwendigkeit, die Gefahr der organisierten Korruptionskriminalität und die Bedeutung wirksamerer Maßnahmen zu ihrer Bekämpfung hervorzuheben.

Stichwörter: organisiertes Verbrechen, Korruptionsverbrechen, Korruptionsbekämpfung, Bestechung, Behörden und Management.

Die Bekämpfung von Umweltverbrechen in der Russischen Föderation: gesetzliche Neuregelungen

Rednikova T.V.

Ziel: die Änderungen im Kapitel 26 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation in den letzten zehn Jahren und ihre Rolle im Bereich der Bekämpfung der Umweltkriminalität im Land zu bestimmen.

Methodologie: formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Deduktion, Analyse.

Schlussfolgerungen. Der Aufbau eines wirksamen Systems zur Bekämpfung der Umweltkriminalität ist eine der Hauptaufgaben der Staatspolitik, die mit allgemeinen und besonderen Maßnahmen gemeinsam umgesetzt werden sollte. In den letzten zehn Jahren wurden einige Änderungen im Kapitel 26 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgenommen, um die entsprechenden Strafmaßnahmen zu verschärfen, sowie die Formulierungen einzelner Tatbestände zu konkretisieren, was sich positiv auf die Praxis ihrer Anwendung auswirken sollte. Dennoch haben die Normen des russischen Strafgesetzes bis heute noch einige Nachteile, deren Beseitigung, zusammen mit der Verbesserung der Branchengesetzgebung, ihre Wirksamkeit im Kampf gegen Umweltkriminalität verbessern würde.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Beitrags liegt darin, die Aufmerksamkeit auf die Notwendigkeit einer gleichzeitigen Modernisierung der Umwelt- und strafrechtsindustriellen Gesetze zur wirksameren Anwendung bei der Bekämpfung der Umweltkriminalität im Land zu lenken.

Stichwörter: Umweltschutz, Umweltkriminalität, Umweltverbrechen, natürliche Ressourcen, kriminelle Übergriffe, Sanktionen, strafrechtliche Verantwortlichkeit.

Besonderheiten der Funktionsweise des heutigen politischen Systems in Russland: die Ansicht eines Kriminologen

Degterev A.A.

Ziel: das politische System Russlands ist der wichtigste Lebensbereich der Gesellschaft, des Staates und jedes Bürgers. Seit der Schulzeit bis zur Teilnahme an gesellschaftlichen Organisationen, Verbänden, Gewerkschaften oder politischen Parteien usw. lernt man die Politik kennen. Es ist offensichtlich, dass für spirituelles und intellektuelles Verständnis und Wahrnehmung der Politik das Umdenken und Umstrukturieren des gesamten Systems der Sozial- und Geisteswissenschaften,

unter denen das Strafrecht einen würdigen Platz einnimmt, von besonderer Bedeutung ist. Heute kann man sagen, dass das Strafrecht mit all seiner Schärfe das politische System schützt, indem es eine neue Sichtweise auf die Probleme der politischen Meinungsbildung entwickelt. In diesem Zusammenhang ist es wichtig, Inhalte, Probleme, Institutionen und Phänomene zu bestimmen, die den Gegenstand des Eingriffs in das politische System bilden. In den letzten 30 Jahre erlebt Russland eine Periode der radikalen Zerschlagung der Grundlagen der Ideologie, des wirtschaftlichen, politischen, sozialen und spirituellen Lebens, die sich während der Sowjetzeit entwickelt hatten, Modernisierung dieser Grundlagen entsprechend den Bedürfnissen des sozialen Fortschritts und den Errungenschaften der modernen Zivilisation. In dieser Hinsicht werden verschiedene Anstrengungen unternommen, die sich einerseits darauf konzentrieren, die Erfahrungen mit der Organisation des öffentlichen Lebens in Westeuropa und den USA zu übernehmen und umzusetzen, andererseits wird ein natürliches Interesse an der historischen Vergangenheit Russlands wiederbelebt und die Suche nach Wegen zur Umsetzung fortschrittlicher sozialer Technologien mit den nationalen Besonderheiten Russlands begonnen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formelle Rechtsmethode, systemische Methode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Diese Prozesse sind komplex und widersprüchlich, weshalb die Richtung, Art und Geschwindigkeit der Veränderungen in der verfassungsmäßigen Grundlage der Staatsgewalt in Russland, ihrer Legitimität als die wichtigsten Machtordnungsfaktoren des gesamten öffentlichen Lebens und ihrer Resistenz gegen innere und äußere Bedrohungen sind in diesem Zusammenhang von großer Bedeutung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Verstöße gegen das Wahlrecht als rechtlich fixierte Technologie der Erneuerung des politischen Systems Russlands stellen die Legitimität der Staatsmacht in der Russischen Föderation in Frage und bedürfen ihres strafrechtlichen Schutzes. Aus praktischer Sicht sollte die Beseitigung dieser Mängel dazu dienen, die sachgerechte Anwendung der einschlägigen strafrechtlichen Normen für Wahlstraftaten zu erleichtern.

Im Aufsatz werden die Elemente des politischen Systems der Russischen Föderation in historischer Perspektive und ihrer Wechselbeziehung analysiert.

Die Schlussfolgerungen des Autors über den Einfluss der Struktur des politischen Systems auf die sozialen Beziehungen erlauben es, diese bei der kriminologischen Bewertung der Objekte des strafrechtlichen Schutzes, bei der Identifizierung der Mechanismen von Eingriffen in das System oder in seine Bestandteile, bei der Kriminalisierung und Bestrafung geeigneter sozial gefährlicher Handlungen und bei deren Prävention zu berücksichtigen.

Stichwörter: politisches System, kriminelle Objekte, Legitimität der Staatsgewalt, strafrechtlicher Schutz, soziales Leben, Staat, politische Ansichten, Implementierung, soziale Technologien, nationale Besonderheiten.

Gebiete und Untergebiete des Strafrechts: gekünstelte Konstruktionen

Chuchayev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.

Ziel: die aktuellen Probleme der Rechtsgebietsbildung zu berücksichtigen. In letzter Zeit werden Versuche unternommen, den Status der Kriminologie als Rechtsgebiet sowie die Existenz solcher Rechtsgebiete wie Medizin- und Pharmastrafrecht, Wirtschaftsstrafrecht und Umweltstrafrecht zu rechtfertigen. Die Autoren analysieren ausführlich die Meinungen darüber und kommen zu dem Schluss, dass diese normativen Ausformungen künstlich sind; in Bezug auf das Strafrecht wird eine oder andere Reihe von Strafrechtsnormen als solche deklariert, ohne dass ihre Anerkennung als Rechtsgebiet (Untergebiet) gerechtfertigt wäre. Dabei werden ihr Thema und ihre Methode als notwendige Attribute der Bildung der Fachgebiete nicht angegeben.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, historische, dialektische, systemische Methoden, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Der Ansatz, nach dem diese oder andere Reihe von Strafrechtsnormen ohne Begründung als Rechtsgebiet (Untergebiet) anerkannt wird, ist nicht nur methodisch falsch, sondern enthält auch viele mögliche negative Folgen, einschließlich der Aufteilung des einheitlichen Rechtsgebiets auf andere Fachgebiete (Untergebiete), die aus bestimmten Strafrechtsnormen des Besonderen Teils des Strafgesetzbuchs Russlands bestehen. Die Anerkennung der Kriminologie als Rechtsgebiet verzerrt ihr Wesen als Sozialrechtswissenschaft und ignoriert die Kriterien der Rechtsgebietsbildung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Aufgrund der Analyse der in der Theorie vorgebrachten Argumente zur Bildung neuer Rechtsgebiete und Untergebiete wird der Schluss gezogen, dass dieser Ansatz nicht konstruktiv ist. Er verwischt die Grenzen zwischen etablierten theoretischen Konzepten, schafft die Illusion der Bereicherung mit neuen Kenntnissen der Rechtstheorie im Allgemeinen und des Strafrechts im Besonderen. Die Bildung neuer Untergebiete muss durch objektive Umstände bestimmt werden, nämlich durch die Entstehung eines neuen Bereichs sozialer Beziehungen und das Vorhandensein eines systemischen Kerns.

Stichwörter: Rechtsgebiet, Untergebiet des Rechts, Rechtsinstitut, Gesetzgebung, Rechtsgebietsbildung, Strafrecht, Medizin- und Pharmastrafrecht, Wirtschaftsstrafrecht, Umweltstrafrechts, Kriminologie, Wissenschaftsgebiet.

Derzeitiger Stand der Straf- und Strafprozessgesetzgebung der Kirgisischen Republik: Vorteile und Nachteile

Shamurzaev T.T., Kadyrov A.U.

Ziel: aktuelle Fragen der Straf- und Strafprozessordnung der Kirgisischen Republik, des Gesetzbuches der Kirgisischen Republik über Vergehen, die im Januar 2019 in Kraft getreten sind, zu untersuchen. Um dieses Ziel zu erreichen, mussten folgende Aufgaben gelöst werden: Ermittlungs- und Gerichtspraxis einschließlich der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht seit der Aktualisierung der Straf- und Strafprozessordnung zu analysieren; problematische Aspekte bestehender Gesetzbücher in Bezug auf den Schutz der Rechte und Freiheiten der Teilnehmer am Strafverfahren zu ermitteln; den Verbesserungsbedarf der in der Strafverfolgungspraxis positiv bewährten strafrechtlichen und strafprozessualen Neuerungen zu konkretisieren.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, dialektische Methode, vergleichende rechtliche Methode, formal-logische Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kamen die Autoren zu dem Schluss, dass es notwendig ist, neue Straf- und Strafprozessordnungen mit den grundlegenden Normen der Gesetzbücher in den Ausgaben von 1997 und 1999 zu entwickeln und zu verabschieden, während in ihnen in der Strafverfolgungspraxis positiv bewährte aktuelle kodifizierte Akten zu belassen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der Forschung können zur Verbesserung der Straf- und Strafprozessgesetzgebung der Kirgisischen Republik, bei der Erforschung dieses Themas sowie im Bildungsprozess verwendet werden. Die Ergebnisse können bei der Entwicklung von Empfehlungen für Strafverfolgungsbehörden verwendet werden.

Stichwörter: vorgerichtliches Verfahren, einheitliches Verbrechen- und Vergehensregister, Informationsregister, Schutz der Unternehmerrechte, Gesetzbuch, staatsanwaltschaftliche Aufsicht, Vergehen, Resozialisierung, Ermittlungs- und Gerichtspraxis, Steuerhinterziehung, Zollhinterziehung, Wirtschaftsschmuggel.

Die Anwendung medizinischer Zwangsmaßnahmen gegen Personen, die an psychischen und sexuellen Störungen leiden

Mazulina S.A., Emelkina Ya.V.

Ziel: aktuelle medizinische Zwangsmaßnahmen gegen Personen, die an psychischen und sexuellen Störungen leiden, zu betrachten. Eine historische Analyse der Entwicklung dieses Instituts zu geben. Die Reaktion der Öffentlichkeit auf Methoden zur Bekämpfung von Straftaten von Personen, die an psychischen Störungen leiden, zu untersuchen.

Methodologie: Analyse, rechtsvergleichende Methode, formal-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Psychisch Kranke werden im Strafrecht seit jeher besonders behandelt. Heutzutage gibt es eine klare rechtliche Regelung für die Anwendung medizinischer Zwangsmaßnahmen, auch im Völkerrecht, die die Verwendung dieser Maßnahmen als politisches Druckmittel verhindert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse in diesem wissenschaftlichen Artikel ermöglichen es, die Komplexität der Problematik der Anwendung medizinischer Maßnahmen gegen Personen mit psychischen und sexuellen Störungen zu erörtern. Beispiele aus der Gerichtspraxis und theoretische Schlussfolgerungen können sowohl für Gesetzeshüter als auch für medizinische Fachkräfte nützlich sein.

Stichwörter: medizinische Zwangsmaßnahmen, psychische Störungen, sexuelle Störungen, Öffentlichkeit, Kriminalität.

Medizinische Zwangsmaßnahmen im russischen Strafrecht

Saddarova K.O.

Ziel: die theoretischen und praktischen Aspekte der Anwendung medizinischer Zwangsmaßnahmen und der obligatorischen Behandlung in medizinischen Einrichtungen zu analysieren.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche, dialektische Methode der Erkenntnis sozialer Beziehungen, Methode der Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formale logische Methode.

Schlussfolgerungen. In der Strafgesetzgebung und Gesetzgebung im Strafvollzug ist derzeit nicht geklärt, wie die obligatorische Behandlung gegenüber verurteilten Personen erfolgen soll. Die Ergebnisse der Befragung zeigten, dass Menschen nicht immer in der Lage sind, zwischen obligatorischer Behandlung und medizinischen Zwangsmaßnahmen zu unterscheiden. Dabei müssen diese Konzepte immer noch abgrenzbar sein, wie es die Gesetzgeber in einigen westlichen Staaten tun.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Aufsatzes wird durch die Möglichkeit bestimmt, seine Erkenntnisse bei der Verbesserung der Strafvollzugsgesetzgebung, bei der Vorbereitung und Durchführung von Bundes- und Landesprogrammen sowie bei der Entwicklung methodischer Empfehlungen zum Strafvollzug gemeinsam mit medizinischen Maßnahmen, in Monographien, Lehrmittel, Lehrbücher und methodischer Materialien für Bildungseinrichtungen, einschließlich Universitäten des Bundesgefängnisdienstes Russlands, beim Studium von Disziplinen wie „Strafrecht“, „Kriminologie“ im System der Weiterbildung für Mitarbeiter des Strafvollzugs zu nutzen.

Stichwörter: obligatorische Behandlung, medizinische Zwangsmaßnahmen, HIV-Infektion, psychische Störungen, Strafvollzugssystem.

Vermögenskonfiskation und ihre Arten im Strafrecht der Russischen Föderation

Nemashkalova D. Yu.

Ziel: basierend auf der Analyse von Rechtshandlungen sowie der Strafrechtslehre, die Vermögenskonfiskation als eine sonstige Strafmaßnahme und ihrer Arten zu betrachten. Außerdem sollen die Unterschiede zwischen der Einziehung als sonstiger Strafmaßnahme und der Kriminalstrafe herausgearbeitet sowie die wesentlichen Merkmale der Arten der Vermögenskonfiskation festgestellt und beschrieben werden. Die Analyse dieser Kategorien basiert auf den Bestimmungen der Strafrechtslehre und den regulatorischen Anforderungen des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation.

Methodologie: historisch-juristische Methode, Analyse, Induktion, Deduktion, Vergleich, systematische Methode, formal-juristische Methode, Methode der Rechtsauslegung.

Schlussfolgerungen. Bis 2003 war die Vermögensentziehung eine der Arten von Strafen. Derzeit stuft der russische Gesetzgeber die Einziehung als sonstige Strafmaßnahmen ein. Die Vermögenskonfiskation unterscheidet sich von der Bestrafung nach Zweck, Inhalt, Anwendungsgrund und Rechtsfolgen und ist daher nicht mit Kriminalstrafe gleichzusetzen. Die Vermögenskonfiskation ist im russischen Strafprozessrecht ein eigenes Rechtsinstitut, das nicht mit der strafrechtlichen Beschlagnahme identisch ist. Aufgrund der Normen des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation und der Strafrechtslehre ist zwischen spezieller Allgemein- und spezieller Teilkonfiskation zu unterscheiden. Darüber hinaus gibt es allen Anlass, die Einziehung nach dem Vorhandensein oder Nichtvorhandensein von Eigentumsrecht an den beschlagnahmten Gegenständen, nach dem Gegenstand der Einziehung und der Art der Straftat, wegen der die Einziehung angeordnet wurde, zu unterscheiden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Frage der Korrelation von sonstigen Strafmaßnahmen und Strafe ist noch umstritten. Die Bedeutung der Studie ergibt sich aus der Notwendigkeit, die Lehrgrundlagen zur Vermögenskonfiskation zu entwickeln.

Stichwörter: sonstige Strafmaßnahmen, Bestrafung, Vermögensentziehung, Vermögenskonfiskation, Zwangsbeschlagnahme, Strafrecht, Strafprozessrecht, Arten der Vermögenskonfiskation.

Verwaltungsaufsicht über Haftentlassene: die Hauptform der Umsetzung und Probleme der Verwaltungsaufsicht

Ivanova E.S.

Ziel: in diesem Aufsatz wird diskutiert, was Verwaltungsaufsicht ausmacht, wie sie umgesetzt wird und welche Lücken bei der Etablierung dieser Aufsicht bestehen.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche, dialektische Methode der Erkenntnis sozialer Beziehungen, Methode der Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formale logische Methode.

Schlussfolgerungen. Man kann sagen, dass eine Verwaltungsaufsicht notwendig ist, um Rückfallverbrechen von verurteilten Personen zu verhindern, aber gleichzeitig ist eine gewisse Reform dieses Gesetzes notwendig, um die bestehenden Lücken zu schließen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Dieser Aufsatz macht den Gesetzgeber auf die bestehenden Mängel bei dieser Aufsicht aufmerksam, damit weitere Verbesserung des Bundesgesetzes auf den Erkenntnissen dieses Aufsatzes basieren.

Stichwörter: Verwaltungsaufsicht, Umsetzung der Aufsicht, Rückfallverbrechen, Haftentlassene.

System und Funktion sonstiger strafrechtlicher Maßnahmen im russischen Strafrecht

Serebrennikova A.V., Kuznetsov A.Yu., Mustafazade R.S.

Ziel: die russische Strafgesetzgebung sieht als Rechtsfolge der Begehung gesellschaftsgefährlicher Handlungen die Möglichkeit vor, nicht nur Strafen, sondern auch sonstige strafrechtliche Maßnahmen (im Folgenden als sonstige Maßnahmen bezeichnet) zu verhängen. Die Frage nach dem System und den Funktionen sonstiger Maßnahmen in der russischen Strafrechtswissenschaft ist jedoch eine der umstrittensten. Das führt zur Unbestimmtheit bei der Zuordnung verschiedener strafrechtlicher Maßnahmen zu sonstigen Maßnahmen, die im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation vorgesehen sind, auch zur Unklarheit ihres Rechtscharakters und Funktionen, die diese Maßnahmen erfüllen. Der Aufsatz stellt eine Palette von Positionen zur betrachteten Problematik vor und bringt die Position des Autors zur Frage der Zuordnung strafrechtlicher Maßnahmen zu sonstigen Maßnahmen zum Ausdruck.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, systemische Methode.

Schlussfolgerungen. Zu den sonstigen Maßnahmen sollten Bewährung, bedingte Entlassung aus der Strafhaft, Ersetzung des noch nicht verbüßten Teils der Strafe durch eine mildere Strafe, Entlassung aus der Strafhaft wegen Krankheit, Aufschub der Strafverbüßung, erzieherische Zwangsmaßnahmen, medizinische Zwangsmaßnahmen, Einziehung von Vermögenswerten und Geldstrafe gehören.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Gegenwärtig gibt es in der Strafrechtslehre keine festgelegte Position zur Rechtsnatur, zum System und zu den Funktionen sonstiger Maßnahmen, was zur Unklarheit des Begriffs "sonstige strafrechtliche Maßnahmen" und zum Missverständnis des Wesens und der Anwendungszwecke einer Reihe von strafrechtlichen Maßnahmen führt, die im Strafgesetzbuch der RF vorgesehen sind. Die Verwirrung in der betreffenden Frage erlaubt es nicht, sich eine einheitliche Vorstellung von sonstigen strafrechtlichen Maßnahmen zu machen, und trägt nicht zu einer möglichst effektiven Anwendung strafrechtlicher Normen bei, die sonstige Maßnahmen regeln. Der Aufsatz kommt zum Schluss, dass der Anwendungsbereich des Begriffs „sonstige strafrechtliche Maßnahmen“ sehr weit ist (sonstige Maßnahmen außer Bestrafung), was die Vielfalt der betrachteten Maßnahmen in ihrer Rechtsnatur und ihrem beabsichtigten Zweck diktiert. Es scheint, dass die gezogenen Schlussfolgerungen zu einem besseren Verständnis des Systems und der Funktionen sonstiger Maßnahmen und deswegen zu ihrer wirksameren Festsetzung in der Praxis beitragen können.

Stichwörter: sonstige strafrechtliche Maßnahmen, Vikariieren, Sicherungs- und Besserungsmaßnahmen, strafrechtliche Verantwortlichkeit.

Strafrechtliche und erzieherische Maßnahmen nach dem Strafkodex der Russischen Föderation

Ovchinnikova E.O.

Ziel: dieser Aufsatz untersucht die Praxis der Anwendung von strafrechtlichen und erzieherischen Maßnahmen gegen minderjährige Straftäter. Das Ziel der Forschung ist die Bestätigung der Notwendigkeit, diese rechtliche Institution, die die Rolle eines wichtigen Mechanismus für die Humanisierung des russischen Strafrechts spielt, zu entwickeln und mehr in die Praxis umzusetzen.

Methodologie: formell-rechtliche Methode, Statistik.

Schlussfolgerungen. Strafrechtliche und erzieherische Maßnahmen gelten, wenn nachgewiesen werden kann, dass sich ein Minderjähriger bessern kann. Erzieherische Maßnahmen dienen als Ersatz für Strafmaßnahmen. Dieser Ansatz ermöglicht es, die Persönlichkeit des Teenagers, seine Motive und Interessen zu untersuchen und einen individuellen Plan für die präventive Arbeit mit einem minderjährigen Verbrecher zu machen. Die Anwendung von dieser rechtlichen Institution in Russland hat jedoch ihre eigenen Besonderheiten. Auch in der Durchsetzungspraxis werden die erzieherischen Maßnahmen nicht oft genug verwendet, was die Entwicklung dieser Institution erheblich behindert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Humanisierung der Strafgesetzgebung und der Tätigkeit der Strafvollzugsbehörden ist ein wichtiger Prozess in jedem entwickelten Staat. Der Aufsatz zeigt, wie in den russischen Realitäten die Institution für strafrechtliche und erzieherische Maßnahmen umgesetzt wird, und begründet auch die Notwendigkeit für ihre aktivere Entwicklung.

Stichwörter: strafrechtliche und erzieherische Maßnahmen, Jugendkriminalität, Strafprävention, individuelle Behandlung, Humanisierung des Strafrechts, Alternative zur Bestrafung.

Möglichkeit des Ersatzes von beschlagnahmten Gegenständen und Schadensersatz dem rechtmäßigen Besitzer

Efimova D.P.

Ziel: die Merkmale der Beschlagnahme von Geldern oder anderem Eigentum anstelle eines beschlagnahmten Gegenstands anzuzeigen sowie die Hauptprobleme des Schadensersatzes dem rechtmäßigen Besitzer zu analysieren.

Methodologie: im Aufsatz werden Analyse, Synthese, Systematisierung, formalistische und rechtsvergleichende Methoden verwendet.

Schlussfolgerungen. Das Wesen der Einziehung hat einen gemischten, besonderen Charakter, dessen Mehrdeutigkeit auf die vom russischen Gesetzgeber selbst vorgenommenen Änderungen des Strafgesetzbuches zurückzuführen ist. Derzeit wird seine Rechtsnatur durch Abschnitt VI des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation festgelegt und als eine weitere strafrechtliche Maßnahme definiert. Art. 104^Ф des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation erfüllt eine Sicherungsfunktion, und im Art. 104^Ф wird dargelegt, wie die Ausgleichsfunktion des Strafrechts umgesetzt werden soll. Das Strafrecht kennt keine Sonderfälle, die das Schicksal des Eigentums betreffen, wenn es in gutem Glauben und auf erstattungsfähiger Basis an einen Dritten übertragen wird. Die ungelösten Fragen der Feststellung der Verhältnismäßigkeit des zu ersetzenden Eigentums sowie der Schadensersatzansprüche des rechtmäßigen Besitzers werden in den Erläuterungen zu den einschlägigen Plenarentscheidungen des Obersten Gerichts der Russischen Föderation behandelt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bestimmungen von Art. 104^Ф des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation über die Ersetzung lassen uns den Schluss zu, dass es notwendig ist, die Liste der Umstände zu ergänzen, die zur unmöglichen Beschlagnahme von Eigentum geführt haben, das in direktem Zusammenhang mit der Begehung einer Straftat steht. Die Rechtstechnik der Entschädigungsregel für das, was durch eine Straftat verursacht wurde, hat einen Nachteil bei der Fehlanpassung den Begriffen Beeinträchtigung im Titel und Schaden im Inhalt.

Schlüsselwörter: Strafrecht, Strafgesetzbuch, sonstige strafrechtliche Maßnahmen, Beschlagnahme, Vermögensentzug, Eigentum, Geld, Schadensersatz, rechtmäßiger Besitzer, Entschädigung.

Berufsverbot

Torak Iryna

Ziel: diese Arbeit behandelt im Schwerpunkt das Berufsverbot nach § 70 ff. StGB. Insbesondere werden die Voraussetzungen der Anordnung sowie Leitlinien, die bei der Gefahrenprognose bzw. Verhältnismäßigkeitsprüfung beachtet werden, dargestellt.

Methodologie: formal-juristische Methode (gründliche Recherche von Aufsätzen, Kommentaren und anderer Literatur).

Schlussfolgerungen. Das strafrechtliche Berufsverbot ist nicht auf alle Berufsgruppen anzuwenden. Davon werden Beamte und Notare ausgeschlossen. Durch den berufseinschränkenden Charakter der §§ 70 I StGB und 132a StPO muss eine ausführliche Begründung der Anordnung vorliegen, die das Gericht aus der Gesamtschau des Täters und der Tat unmittelbar ableitet. Diese sei unerlässlich, um dem Täter eine effektive Kontrolle der Anordnung zu gewährleisten. Insgesamt lässt sich sagen, dass die Verhältnismäßigkeitsprüfung in meisten Fällen zugunsten des Täters kommt, obwohl man nicht immer feste Beurteilungskriterien festhalten kann. Darüber hinaus muss das Gericht konkret und ausführlich den Umfang des Verbots benennen, um die weitgehende Beeinträchtigung der Berufsfreiheit aus Art. 12 GG zu verhindern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Untersuchung soll zeigen, dass das Berufsverbot allein der Prävention und Resozialisierung des Täters und nicht dem Schuldausgleich dient.

Stichwörter: Berufsverbot, Gefährlichkeitsprognose, §§70 ff. StGB, Missbrauch der Berufsausübung, grobe Pflichtverletzung, zeitlich begrenztes/lebenslanges Berufsverbot.

Unterbringung in einer Entziehungsanstalt gemäß § 64 StGB mit Fokus auf die durch die Reform vorgenommenen Änderungen

Stahlberg Victoria

Ziel: Nicht selten wird neben der Freiheitsstrafe eine Maßregel der Besserung und Sicherung angeordnet. Um solch eine Maßregel handelt es sich auch bei der Unterbringung in einer Entziehungsanstalt gemäß § 64 StGB. Schwerpunktmäßig ist Gegenstand dieses Beitrags nicht die Erläuterung der einzelnen Tatbestandsvoraussetzungen,

sondern vielmehr die durch die Reform vorgenommenen Änderungen. Dargelegt werden daher nach den Tatbestandsvoraussetzungen, die relevanten Änderungen im Rahmen der Reform. Anschließend werden Gründe dargelegt, welche zum Fehlgehen der Reform geführt haben. Zur Wahrung der Vollständigkeit werden zudem einige Reformvorschläge angedacht.

Methodologie: formal-juristische Methode und empirische Methode.

Schlussfolgerungen. Auch wenn einige der vorgenommenen Änderungen zunächst erfolgsversprechend erschienen, haben diese aus unterschiedlichen Gründen, letztlich nicht gereicht, um den angestrebten Rückgang zu erreichen. Das Fehlgehen der Reform ist insbesondere darauf zurückzuführen, dass es sich bei § 64 (2) um eine Scheinermessensnorm handelt. Dies ergibt sich daraus, dass den Gerichten Ausnahmefälle vorgeschrieben sind, bei denen sie von der Unterbringung absehen können. Zu berücksichtigen ist auch, dass gemäß § 67 IV die Möglichkeit der Anrechnung des Maßregelvollzugs auf die Strafe besteht. Aufgrund dessen ist es zum Verteidigerziel geworden den Mandanten selbst dann unterbringen zu lassen, wenn dies nicht erforderlich ist, um den Freiheitsentzug so angenehm wie möglich zu gestalten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Praktisch bedeutsam ist die Thematik insbesondere für den Gesetzgeber. Dies ergibt sich daraus, dass trotz der Reform im Jahr 2007 die Unterbringungszahlen keinesfalls zurückgegangen sind, sie sind gestiegen. Um den bereits damals angestrebten Rückgang nun tatsächlich zu erreichen, bedarf es dringend einer erneuten Reform. Neben der Reformierung durch den Gesetzgeber bedarf es zur zielführenden Umsetzung dessen zusätzlich einer Zusammenarbeit von Justizvollzugs- und Entziehungsanstalten.

Stichwörter: Maßregel der Besserung und Sicherung, Unterbringungszahlen, Reform, Erfolgsaussichten, Scheinermessensnorm, Verteidigerziel, Gesetzgeber.

Die Sicherungsverwahrung. Eine Darstellung der Entwicklung der Sicherungsverwahrung mit Schwerpunkt auf die Jahre 1990–2011

Köhler Laura

Ziel: das Ziel der Arbeit ist es, einen Einblick in die Maßregel der Sicherungsverwahrung zu gewähren. Dabei wird auf die geschichtliche Entwicklung eingegangen, sowie auf die wichtigsten gerichtlichen Entscheidungen und ihre Auswirkungen. Die Maßregel ist sehr umstritten und steht häufig in der Kritik. Dieser Beitrag soll einen neutralen Einblick in die Zeit von 1990 bis 2011 schaffen. In dieser Zeit wurde die Maßregel am häufigsten reformiert und war Gegenstand höchstrichterlicher Entscheidungen. In der Unübersichtlichen Materie der Maßregel soll dieser Beitrag ein Leitfaden bilden können, wenn sich tiefer mit der Sicherungsverwahrung beschäftigt, oder sich ein bloßer Überblick verschafft werden möchte.

Methodologie: Analyse.

Schlussfolgerungen. Die Sicherungsverwahrung ist eine der, wenn nicht die umstrittenste Maßregel des deutschen Strafrechts. Ihr Zweck und Ihre Wirksamkeit häufig umstritten, ist ihre Entstehung und Entwicklung besonders interessant.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Maßregel der Sicherungsverwahrung ist ein überaus umfangreiches Thema. Der Beitrag soll mit seiner Schwerpunktssetzung einen übersichtlichen Einstieg in den Bereich der Sicherungsverwahrung schaffen.

Stichwörter: Sicherungsverwahrung, Urteil, gefährliche Straftaten.

Führungsaufsicht

Jochim Felix

Ziel: gegenstand der Arbeit ist die Darstellung von bestehenden Bedenken und Kritiken hinsichtlich der Führungsaufsicht nach § 61 Nr. 4 StGB. Der Schwerpunkt liegt hierbei auf den Aspekten der Strafandrohung des § 145a StGB, der richterlichen Anordnung nach § 68 I StGB, der Vollverbüßung nach § 68f StGB und fehlender Mittel der Führungsaufsicht. Die Thematik einleitend, wird zunächst auf grundlegende Punkte der Führungsaufsicht eingegangen.

Methodologie: formal-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Die Führungsaufsicht ist eine bei korrekter Anwendung funktionale Maßregel. Sie wird heutzutage als strafrechtliche Sanktion anerkannt, weist jedoch nach wie vor Schwächen auf. Insbesondere sollten ausreichende finanzielle Mittel bereitgestellt werden, damit die Führungsaufsicht als eine effektive Institution fungieren kann.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ausführung stellt dar, dass die bestehende Kritik an der Führungsaufsicht einerseits berechtigt ist und andererseits weitestgehend ausgeräumt werden kann. Die Darstellung zu den bestehenden Mängeln soll dabei ein Problembewusstsein schaffen.

Stichwörter: Führungsaufsicht, Strafandrohung eines Weisungsverstoßes, § 145a, richterliche Anordnung, Vollverbüßung, § 68f, fehlende Mittel.

Die Entziehung der Fahrerlaubnis als Maßregel der Sicherung und Besserung

Dornbusch Lea

Ziel: die Entziehung der Fahrerlaubnis nach §§ 69 ff. StGB kann eine gerechtfertigte Maßregel der Sicherung und Besserung sein, um ungeeignete Kraftfahrzeugführer aus dem Straßenverkehr auszuschließen und damit die Sicherheit im Straßenverkehr für die Allgemeinheit zu gewährleisten. Zum Erreichen dieses Zweckes ist es erforderlich die einzelnen Voraussetzungen des § 69 I StGB eingehend zu prüfen. Ziel ist es, im Folgenden diese Voraussetzungen zu diskutieren und anhand dessen die Rechtfertigung der Maßregel der Entziehung der Fahrerlaubnis herzuleiten.

Methodologie: empirische Methode, formal-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Das Vorliegen aller Voraussetzungen des § 69 I StGB führt dazu, dass die Maßregel der Entziehung der Fahrerlaubnis angeordnet werden kann. Da im Rahmen der Feststellung der Voraussetzungen der Entziehung der Fahrerlaubnis eine umfassende Prüfung der Tatgegebenheiten, insb. der Täterpersönlichkeit, erfolgt, ist die Anordnung der Maßregeln angemessen. Unter Beachtung des verkehrsspezifischen Zusammenhangs steht der Rechtfertigung nichts entgegen. Ungerechtfertigt ist die Maßregel dann, wenn eine oberflächliche Betrachtung aller Voraussetzungen erfolgt.

Die Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Einführung der Maßregel der Entziehung der Fahrerlaubnis im Jahr 1952 in das deutsche Strafgesetzbuch ist darauf zurückzuführen, dass zunehmend Verkehrsunfälle auftraten. Aufgrund der steigenden Motorisierung und der damit verbundenen Verkehrsunfälle wollte man die Sicherheit im Straßenverkehr durch diese Maßregeln herstellen. Heute ist die Maßregel der Entziehung der Fahrerlaubnis aus kriminalpolitischer Sicht die am häufigsten verhängte Maßregel. Bestätigt wird das durch Ergebnisse aus dem Jahr 2019, in welchem die Entziehung der Fahrerlaubnis 95,6 % der abgeurteilten Maßregelungen umfasste. Vor allem im heutigen Verkehrsaufkommen ist es von Bedeutung die Allgemeinheit vor ungeeigneten Kraftfahrzeugführern zu schützen.

Stichwörter: Ungeeignetheit; Sperrfrist; Katalogstraftaten; Nicht-Katalogstraftaten; Zusammenhangstat; verkehrsspezifischer Zusammenhang.

Die Korruption in allgemeinbildenden Mittelschuleinrichtungen

Meshcheryakova E.I.

Ziel: trotz der aktiven staatlichen Antikorruptionspolitik der Russischen Föderation gibt es immer noch Korruptionsdelikte, auch in den allgemeinbildenden Mittelschuleinrichtungen. Trotz der Vielfalt der Gegenmaßnahmen sind diese Methoden nicht so effektiv und effizient, dass sie „die Gesellschaft von Krankheiten heilen“ könnten. Eine beträchtliche Anzahl wissenschaftlicher Arbeiten, eine Vielzahl in Kraft getretener Rechtsakte, verschiedene ausländische Erfahrungen in der Korruptionsbekämpfung reichen letztlich nicht aus, und die Frage nach einer Reform der staatlichen Politik in diesem Bereich und der Einführung neuer Wege zur Überwindung des Problems ist immer noch aktuell. Der Aufsatz präsentiert eine unkonventionelle Sichtweise auf das Problem der Korruption, mit besonderem Schwerpunkt auf den Auswirkungen auf die Personen, die die Zukunft unseres Landes darstellen, auf die Minderjährigen. Faktoren, die die Bildung einer toleranten Haltung gegenüber Korruption bei Minderjährigen beeinflussen, wurden untersucht. Der Aufsatz befasst sich mit der Frage der Einstufung einiger Gerichtsverfahren als derzeit rechtswidrige Handlungen. Es wird vorgeschlagen, Geschenke und „freiwillige Nötigungskurse“, die in der Realität bereits zur Tradition geworden sind, als versteckte Formen von Straftaten im Zusammenhang mit Korruption zu betrachten. Der Artikel analysiert auch einige bestehende Methoden zur Korruptionsbekämpfung in allgemeinbildenden Mittelschuleinrichtungen und schlägt zusätzliche Methoden vor.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Die Korruption ist ein kompliziertes Phänomen. Die Möglichkeiten, ihr zu begegnen, sind vielfältig, aber nicht wirksam genug. Die Notwendigkeit, dieser Form der Kriminalität entgegenzuwirken und ihr vorzubeugen, ist besonders auf der Ebene der allgemeinbildenden Mittelschuleinrichtungen wichtig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Aufsatz soll den Beteiligten helfen, das Problem der Korruption aus einer anderen Perspektive zu betrachten, einen neuen Blickwinkel auf das Problem zu werfen, mit dem sich die Autoren erst vor relativ kurzer Zeit direkt auseinandergesetzt haben. Die Arbeit kann sich auch auf die Verbesserung der Methoden und Techniken zur Bekämpfung dieser Kriminalitätsform und damit auf die staatliche Antikorruptionspolitik auswirken. Sie wird dem Gesetzgeber Anlass zum Nachdenken geben und den Kriminologen, die sich mit diesem Phänomen befassen, ein Diskussionsthema bieten.

Stichwörter: Korruption, Bestechung, Bestechungsnehmer, Bestechungsgeldgeber, allgemeine Bildungseinrichtungen, Korruptionsdelikte, Wirtschaftsverbrechen, Qualifizierung von Straftaten, Korruptionsbekämpfung, Kriminologie.

Das Phänomen des Opfers von häuslicher Gewalt

Roshchenko S.V.

Ziel: die Persönlichkeit des Opfers von häuslicher Gewalt, die Verhaltensursachen, durch die eine Frau zum Opfer wird, zu untersuchen; die internationalen und russischen Rechtsnormen, die Arbeit der Zentren für Hilfe den Opfern von häuslicher Gewalt zu erforschen.

Methodologie: Analyse, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode, Umfrage.

Schlussfolgerungen. In der Russischen Föderation gibt es ein hohes Maß an häuslicher Gewalt, ein geringes Maß an Rechtsschutz und eine unzureichende Anzahl von Zentren, um Opfern von häuslicher Gewalt zu helfen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung der Persönlichkeit eines Opfers von häuslicher Gewalt ermöglicht es, Typen von Opfern zu identifizieren und zu charakterisieren, die Ursachen für die Abhängigkeit vom Aggressor zu ermitteln und Präventivmaßnahmen zu entwickeln sowie die Aufmerksamkeit des Staates auf das Problem der häuslichen Gewalt und die Schutzlosigkeit des Opfers zu lenken.

Stichwörter: Opfer, häusliche Gewalt, Gewaltopfer, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Strafrecht, Gewalt in der Familie, Prügel, Aggression, Arten von Gewalt, Totschlag.

Das Phänomen der Romantisierung der Persönlichkeit eines Schulschützen unter Jugendlichen

Makhmutova L.R., Semenova I.V.

Ziel: unter den Fällen von Schulschießereien (Angriffe mit Waffen auf Schüler in Bildungseinrichtungen) gibt es in letzter Zeit einen traurigen Trend zu ihrer Verbreitung und Zunahme.

Leider kommt es in Schulen zu Vorfällen, die auf die eine oder andere Weise mit Gewalt zusammenhängen – Mobbing, zwischenmenschliche Konflikte usw. Das Schulschießen hat jedoch seine eigenen Besonderheiten, die es ermöglichen, es von ähnlichen Konzepten zu unterscheiden.

In dieser Forschungsarbeit wurden die Hauptmerkmale dieses Phänomens, die Gründe, warum Jugendliche ein solches illegales Verhalten romantisieren, sowie die Motive von Personen, die Communities gründen und sich ihnen anschließen, die Schulschützen unterstützen, betrachtet.

Um ein vollständigeres Bild dieses Problems zu erhalten, haben wir zwei Umfragen durchgeführt – unter Schüler und Studenten und unter Schulmitarbeitern, und auch mehrere Interviews mit Psychologen und Schöpfern und Mitgliedern von "Columbine- Communities" untersucht.

Ziel unserer Arbeit war es, die Gründe für die Romantisierung von Schulschützen zu ermitteln und herauszufinden, was Menschen leitet, die Online-Communities, die sich Schulschützen widmen, gründen, obwohl sie Menschen töten, ihnen physische und psychische Verletzungen zufügen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, statistische Beobachtung.

Schlussfolgerungen. Das Phänomen der Romantisierung betrifft nicht nur die Ideologie des Amoklaufs und den Schulschützen selbst, sondern allgemein negative Charaktere. Es wird bestimmt durch den Wunsch, die Motivation der Handlungen von Bösewichten zu verstehen und die dunkle Seite des eigenen „Ich“ zu studieren. Während der Pubertät machen Menschen bestimmte emotionale Probleme durch, und jeder geht anders damit um. Die Wirkung destruktiver, depressiver, selbstmörderischer Inhalte kann zu nachteiligen Folgen führen. Columbine-Communities sind ein Paradebeispiel dafür, die zur Bildung eines verzerrten Weltbildes ihres Publikums beitragen. Viele Teenager (einschließlich der Gründer dieser Communities) versuchen jedoch, diejenigen zu finden, die ähnliche Probleme und Erfahrungen haben. Daraus folgt der Schluss, dass der Beitritt zu solchen Communities noch keine feste Absicht anzeigt, eine Straftat zu begehen, aber es lohnt sich, auf solche Anzeichen zu achten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Popularisierung negativer Charaktere ist in der Kinematographie und Literatur seit langem üblich. Aber es lohnt sich zu überlegen, wozu die Romantisierung von

Schulschützen führen kann, wie sie sich auf die Psyche von Jugendlichen auswirkt. In der Gesellschaft überwiegt die Meinung über den ausschließlich schädlichen Einfluss von Columbine-Communities. Bei unseren Recherchen haben wir festgestellt, dass die Mehrheit der Teenager diesen Online-Communities beitrifft, nicht weil sie die Ideologie der Schützen teilen, sondern weil sie sich einsam fühlen und dort Gleichgesinnte finden, die ihre Gefühle kennen. So lenken die gezogenen Schlussfolgerungen die öffentliche Aufmerksamkeit auf die Probleme der Sozialisation von Jugendlichen, auf den Mangel an notwendiger Aufmerksamkeit und Mitgefühl der Eltern.

Stichwörter: Schießereien in der Schule, Mobbing, aktuelle Probleme, Teenager, Schoolshooting, Schulschütze, Columbine-Communities, Columbiner, Antagonisten.

Interview mit Skuratov Yuri Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Abteilung für Verfassungs- und Völkerrecht der Russischen Staatlichen Universität für Öl und Gas Gubkin (NIU), Leiter des Büros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen

Salamova S. Ya., Isaev M. R., Lykova K. D., Melnikova L. A., Sychikov D. S.

Ziel ist es, die gesammelten Erfahrungen und Kenntnisse weiterzugeben. Moskauer kriminologische Praxis der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL) organisierte eine Reihe von Treffen zwischen Studenten und berühmten Wissenschaftlern, die einen ernsthaften Beitrag zur Entwicklung der Rechtswissenschaft leisteten. Eines dieser Treffen fand mit einem russischen Juristen und Politiker, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, ehemaligen Generalstaatsanwalt der Russischen Föderation Yu. I. Skuratov.

Methodologie: Interview.

Schlussfolgerungen. Interview mit Yu. I. Skuratov, durchgeführt unter der Regie der Leiterin der Moskauer kriminologischen Praxis der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL) S. Ya. Salamova von Studenten MSAL ermöglichte es, interessante biografische Fakten über sein Leben, die Schwierigkeiten, denen er sich während seiner Arbeit in der Generalstaatsanwaltschaft gegenüber sah, seine Meinung über den aktuellen Zustand der Staatsanwaltschaft und seine kreativen Pläne zu erfahren. Viele andere wichtige und interessante Themen wurden diskutiert. Die Studenten erhielten professionelle Beratung, die ihnen in ihrem Studium und ihrer zukünftigen Praxis helfen wird.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse des Interviews können im Studium des Verfassungsrechts, der Staatsanwaltschaft und anderer Rechtswissenschaften an Hochschulen verwendet werden.

Stichwörter: Interview, juristische Ausbildung, Staatsanwaltschaft, Moskauer kriminologische Raum, Wissenschaft, wissenschaftliche Forschung.

Kapitel aus dem Buch „Der steinige Weg der Vergangenheit“

Skuratov Yu. I.

Ziel: Erfahrungen und Wissen weiterzugeben und das Vermächtnis eines bedeutenden Gelehrten vorzustellen, der einen wichtigen Beitrag zur Entwicklung der Rechtswissenschaft geleistet hat.

Methodologie: Zitierung.

Schlussfolgerungen. Kapitel aus dem Buch „Der steinige Weg der Vergangenheit“ vom russischen Juristen und Politiker, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, ehemaligen Generalstaatsanwalt der Russischen Föderation Yu. I. Skuratov ermöglichten es, interessante biografische Fakten über das Leben des Autors, die Schwierigkeiten, denen er während seiner Arbeit in der Generalstaatsanwaltschaft begegnete, sowie seine Meinung über die kriminelle Welt und die Korruption in Russland zu erfahren. Das Buch ist der Suche nach Antworten auf die immerwährende russische Frage gewidmet, was zu tun ist, um die katastrophale Situation der Kriminalität in unserem Land zu verbessern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Text kann für das Studium der russischen Geschichte und der russischen Rechtswissenschaft in den 1990er Jahren verwendet werden.

Stichwörter: Staatsanwaltschaft, Staatsanwalt, Korruption, organisierte Kriminalität, Rechtsgeschichte, Rechtswissenschaft.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

On the issue of organized corruption crime

Kadnikov N.G.

Mission: to analyze the practice of applying the criminal law in the field of combating corruption and to determine the scale of organized corruption activities in various areas of state power and management.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. Along with organized crime, it is necessary to distinguish such a variety as organized corruption crime, which is characterized by organized criminal communities and organized groups that commit corruption crimes in government and management bodies at the federal and regional levels. This is facilitated by lack of control, nepotism, cronyism, lack of competition and competitive replacement of positions, economic control by central authorities.

Urgent scientific research and the adoption of comprehensive measures, including legislative, organizational and economic, are required.

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article lies in the need to emphasize the danger of organized corruption crime and the importance of more effective measures to counteract it.

Keywords: organized crime, corruption crimes, combating of the corruption, bribery, government and administrative bodies.

Countering environmental crimes in the Russian Federation: novelties of legal regulation

Rednikova T.V.

Mission: to analyze the changes in the norms of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation over the past decade and their role in combating environmental crime in the country.

Methodology: formal legal method, comparative legal method, deduction, analysis.

Conclusions. Building an effective system for countering environmental crime is one of the priorities of state policy, which should be implemented in a complex in with the use of both general and special measures. Over the past decade, a number of changes have been made to the norms of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation aimed at tightening the appropriate measures of criminal responsibility, as well as specifying the wording of individual formulations, which should have a positive impact on the practice of their application. Nevertheless, today the norms of the Russian criminal law still have a number of shortcomings, the elimination of which, along with the improvement of sectoral legislation, would increase their effectiveness in the fight against environmental crime.

Scientific and practical significance of the article consists in drawing attention to the need for simultaneous modernization of sectoral environmental and criminal legislation for its more effective application in the fight against environmental crime in the country.

Keywords: environmental protection, environmental crime, crime, natural resources, criminal encroachments, sanctions, criminal liability

Features of the functioning of the modern political system in Russia: a criminologist's view

Degterev A.A.

Mission: the political system of Russia is the most important sphere of the life of society, the state and every citizen. Starting from studying the school curriculum, and eventually participating in public organizations, associations, trade unions or political parties, etc., a person comprehends the world of politics. It is obvious that for its spiritual and intellectual understanding and perception, the rethinking and restructuring of the entire system of social and humanitarian sciences, among which criminal law occupies a rightful place, are of particular relevance. Today, it can be said that criminal law with all its acuteness stands up for the protection of the political system, forming a new look at the problems of forming political views. In this regard, it is important to determine the content, range of problems, institutions and phenomena that constitute the subject of encroachment on the political system. Over the past 30 years, Russia has been going through a period of radical breaking of the foundations of ideology, economic, political, social and spiritual life that developed during the previous Soviet era, their modernization in accordance

with the needs of social progress and the achievements of modern civilization. In this regard, multi-vector efforts are being made, on the one hand, focused on borrowing and implementing the experience of organizing public life in Western Europe and the United States, on the other hand, a natural interest in Russia's historical past is reviving, and the search for ways to implement advanced social technologies with national characteristics of Russia begins.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. These processes are complex and contradictory, including in this regard, the direction, nature, and pace of changes in the constitutional basis of state power in Russia, its legitimacy as the main power-ordering factors of all public life, its resistance to internal and external threats are important.

Scientific and practical significance. The article analyzes the elements of the political system of the Russian Federation in the historical perspective and their interrelationships, the author's conclusions about the influence of the structure of the political system on public relations allow them to be taken into account in the criminological assessment of objects of criminal law protection, the identification of mechanisms of encroachments on it or its constituent elements, the need for criminalization and penalization of relevant socially dangerous acts and their prevention.

Keywords: political system, criminal-forming objects, legitimacy of state power, criminal law protection, vital activity of society, state, political views, implementation, social technologies, national peculiarities.

Branches and sub-branches of the criminal law: contrived constructions

Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.

Mission: to consider the current issues of branch formation in legal sciences. Recently, attempts have been made to justify the status of criminology as a branch of law, as well as the existence of such branches (sub-branches) of law as pharmaceutical criminal law, economic criminal law and criminal environmental law. The authors thoroughly analyze the opinions available on this issue and come to the conclusion that these normative formations are artificial; in relation to criminal law, one or a set of criminal law norms is declared as such without any justification for their recognition as a branch (sub-branch) of law. At the same time, their subject and method are not specified as necessary attributes of industry entities.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal legal method, historical, dialectical, system methods, method of inter-branch legal research.

Conclusions. The approach according to which a particular set of criminal law norms is recognized as a branch (sub-branch) of law without any justification is not only wrong from the methodological perspective also contains a lot of possible negative consequences, including the division of a single branch of law into other branches (sub-branches) consisting of a certain set of criminal law norms of a Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. The recognition of criminology as a branch of law distorts its essence as a social and legal science, ignores the criteria of branch formation.

Scientific and practical significance. Based on the analysis of the arguments given in the theory about the formation of new branches of law and new sub-sectors, it is concluded that this approach is unconstructive. It blurs the lines between established theoretical positions, creates the illusion of enriching the theory of law in general and criminal law in particular with new knowledge. The formation of new sub-sectors should be conditioned by objective circumstances: the emergence of a new sphere of public relations and the presence of a system-forming core.

Keywords: branch of law, sub-branch of law, institute, legislation, branch formation, criminal law, pharmaceutical criminal law, economic criminal law, criminal environmental protection law, criminology, branch of science

Current state of criminal and criminal procedural legislation of the Kyrgyz Republic: advantages and disadvantages

Shamurzaev T.T., Kadyrov A.U.

Mission: to study topical issues of the Criminal, Criminal Procedure Codes of the Kyrgyz Republic and the Code of the Kyrgyz Republic on Misdemeanors that came into force in January 2019. To achieve this goal, it was necessary to solve the following tasks: to analyze the investigative and judicial practice, including the prosecutor's supervision since the update of the criminal and criminal procedural legislation; identify problematic aspects of the current Codes from the point of view of protecting the rights and freedoms of participants in criminal proceedings; to substantiate the need for improvement, criminal-legal and criminal-procedural innovations that have been positively recommended in law enforcement practice.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, dialectical method, comparative legal method, formal logical method, statistical method.

Conclusions. As a result of the study, the authors came to the conclusion that it is necessary to develop and adopt new criminal and criminal procedure codes with the basic norms of the Codes in the 1997 and 1999 editions, while leaving the institutions of the current codified acts that have been positively recommended in law enforcement practice.

Scientific and practical significance. The results of the study can be used to improve the criminal and criminal procedural legislation of the Kyrgyz Republic, in scientific research on this issue, as well as in the educational process. The results obtained can be used in the development of recommendations for law enforcement officers.

Keywords: pre-trial proceedings, unified register of crimes and misdemeanors, information log, protection of entrepreneurs' rights, code, prosecutor's supervision, misconduct, resocialization, investigative and judicial practice, tax evasion, customs duties evasion, economic smuggling.

Use of coercive medical measures against persons suffering from mental and sexual disorders

Mazulina S.A., Emelkina Ya.V.

Mission: to consider current coercive medical measures applied to persons suffering from mental disorders and disorders of sexual preferences. To provide a historical analysis of the development of this legal institution. To investigate the reaction of the public to the methods of combating crimes committed by persons suffering from mental disorders.

Methodology: analysis, comparative legal method, formal legal method.

Conclusions. There has always been a special attitude towards persons with mental illnesses on the part of the criminal law. Nowadays, there is a clear legal regulation of the procedure for the use of coercive medical measures, including by international law, which does not allow the use of these measures as a political instrument of pressure.

Scientific and practical significance. The conclusions given in this scientific article allow considering the complexity of the issues of medical measures application to persons suffering from mental disorders and disorders of sexual preferences. Examples from judicial practice and theoretical conclusions may be useful for both law enforcement officials and medical professionals.

Keywords: coercive medical measures, mental disorders, disorder of sexual preferences, the public, crime.

Compulsory medical measures in Russian criminal law

Saddarova K.O.

Mission: to analyze the theoretical and practical aspects of the application of coercive medical measures and mandatory treatment in medical institutions.

Methodology: general scientific, dialectical method of cognition of social relations, method of analysis, synthesis, induction, deduction, formal logical method.

Conclusions. Currently, the criminal and criminal enforcement legislation does not explain how mandatory treatment should be carried out in relation to convicted persons. The results of the survey showed that people are not always able to distinguish between such mechanisms as mandatory treatment and coercive medical measures. At the same time, it is still necessary to distinguish these concepts, as legislators do in a number of Western states.

Scientific and practical significance. The scientific and practical significance of the article is determined by the possibility of using the conclusions in improving the penitentiary legislation, in the preparation and implementation of federal and regional programs, as well as in the development of methodological recommendations on the execution of punishment together with medical measures, monographs, teaching aids, textbooks and methodological materials for educational organizations, including universities of the Federal Penitentiary Service of Russia, in the study of such disciplines as "Criminal Law", "Penal law", "Criminology" in the system of advanced training of employees of the penitentiary system.

Keywords: compulsory treatment, compulsory medical measures, HIV infection, mental disorders, penitentiary systems.

Confiscation of property and its types under the criminal law of the Russian Federation

Nemashkalova D.Yu.

Mission: based on the analysis of legal acts, as well as the doctrine of criminal law, to consider the confiscation of property as another measure of a criminal law nature and its types.

In addition, the purpose of the work is to identify the differences between confiscation, as another measure of a criminal law nature, and criminal punishment, as well as to establish and describe the essential characteristics of the types of confiscation of property. The analysis of these categories is based on the provisions of the doctrine of criminal law and the regulatory requirements of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology: *general scientific (historical–legal method, analysis, induction, deduction, comparison, system method) and special–legal (formal–legal method, method of interpretation of law) research methods are used in the work.*

Conclusions. *Until 2003, confiscation of property was one of the types of punishment. Currently, the Russian legislator classifies confiscation as other measures of a criminal law nature. Confiscation differs from punishment in terms of purpose, content, grounds for application and legal consequences, and that is why it cannot be identified with criminal punishment. Confiscation in Russian criminal procedural law is a separate legal institution that is not identical to criminal law confiscation. Based on the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the doctrine of criminal law, it is necessary to distinguish between special general and special partial confiscation. In addition, there are all grounds for separating the confiscation of property on the basis of the presence or absence of ownership of the seized property, the subject of confiscation and the type of crime committed for which the confiscation was imposed.*

Scientific and practical significance. *The question of the correlation of other measures of a criminal law nature and punishment is still debatable. The significance of the study is due to the need to develop the doctrinal foundations regarding the confiscation of property.*

Keywords: *other measures of a criminal law nature, punishment, confiscation of property, forced seizure, criminal law, criminal procedural law, types of confiscation of property.*

Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: the main form of implementation and problems of administrative supervision

Ivanova E.S.

Mission: *this article discusses what constitutes administrative supervision, its forms of implementation and what gaps exist in the establishment of this supervision.*

Methodology: *general scientific, dialectical method of cognition of social relations, method of analysis, synthesis, induction, deduction, formal logical method.*

Conclusions. *it can be said that administrative supervision is necessary to prevent recidivism on the part of convicted persons, but at the same time, some reformation of this law is necessary to eliminate the existing gaps.*

Scientific and practical significance. *This article draws the attention of the legislator to the existing imperfections in this supervision. To further improve the Federal Law based on the findings of this article.*

Keywords: *administrative supervision, the implementation, the recurrence of the crime, gaps.*

The system and functions of other measures of a criminal-legal nature in Russian criminal law

Serebrennikova A.V., Kuznetsov A.Yu., Mustafazade R.S.

Mission: *Russian criminal legislation, as the legal consequences of the commission of socially dangerous acts, provides for the possibility of imposing not only punishments but also other measures of a criminal-legal nature (hereinafter referred to as other measures). However, the issue of the system and functions of other measures in the science of Russian criminal law is one of the most controversial, which gives rise to uncertainty in the attribution of various measures of criminal law to other measures provided for in the Criminal Code of the Russian Federation, the uncertainty of their legal nature and functions that these measures perform. The article presents a palette of positions on the problem under consideration and expresses the author's position on the issue of referring the measures provided for by the criminal law to other measures of a criminal-legal nature.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method.*

Conclusions. *Other measures of a criminal-legal nature should include all measures of criminal-legal influence provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, except for punishment.*

Scientific and practical significance. *At present, the doctrine of criminal law does not have an established position on the legal nature, system, and functions of other measures of a criminal law nature, which leads to the ambiguity of the scope of the concept of “other measures of a criminal law nature”, misunderstanding of the essence and purposes of applying a number of measures of criminal law impacts stipulated by the Criminal Code of the Russian Federation.*

The confusion that has arisen in the issue under consideration does not allow for the formation of a unified idea of other measures of a criminal-legal nature and does not contribute to the most effective application of the criminal-legal norms regulating them. The article concludes that other measures of a criminal-legal nature should include all measures of criminal-legal influence provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, except for punishment. These include both forms of implementation of criminal liability and non-related criminal law measures. The scope of the concept of “other measures of a criminal-legal nature” is very wide (other than punishment, measures), which dictates the diversity of the measures under consideration in terms of their legal nature and intended purpose. It seems that the conclusion made may contribute to a clearer understanding of the system and functions of other measures of a criminal-legal nature and, on this basis, to their more effective appointment in practice.

Keywords: other measures of a criminal-legal nature, measures of correction and security, criminal liability.

Compulsory educational measures according to the Criminal Code of the Russian Federation

Ovchinnikova E.O.

Mission: this research article examines the practice of applying compulsory educational measures to juvenile offenders. The purpose of the research is to confirm the fact that it is necessary to develop and apply more in practice this legal institution, which plays the role of an important mechanism for the humanization of Russian criminal legislation.

Methodology: formal legal method, statistics.

Conclusions. The institution institute of compulsory educational measures is applied if it can be proved that a minor can improve. Educational measures serve as a substitute for real criminal punishment. This approach allows to study the personality of a teenager, their motives, and interests, as well as to make an individual plan of preventive work with a minor criminal. However, the use of educational measures in Russia has its own specifics. In particular, they are not often used in law enforcement practice, which significantly hinders the development of this institution.

Scientific and practical significance. The humanization of penal legislation and the activities of the penitentiary system is an important process in every developed State. The scientific article shows how the institute of compulsory educational measures is implemented in the Russian reality. It also justifies the need for its more active development.

Keywords: compulsory educational measures, juvenile delinquency, crime prevention, individual approach, humanization of criminal legislation, alternative to punishment.

Possibility of replacement of items subject to confiscation and compensation for damage caused to the rightful owner

Efimova D.P.

Mission: to identify the features of the confiscation of funds or other property instead of an item subject to confiscation, as well as to analyze the main problems of compensation for harm caused to the rightful owner.

Methodology: the article uses general scientific (analysis, synthesis, systematization) and private scientific (formal legal, comparative legal) methods.

Conclusions. The essence of confiscation has a mixed, special character, the duality of which is due to the introduction of amendments to the Criminal Code by the Russian legislator himself. Currently, its legal nature is established by Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation and is defined as another measure of a criminal law nature. Art. 104² of the Criminal Code of the Russian Federation performs a security function, and Art. 104³ of the Criminal Code of the Russian Federation establishes the procedure for implementing the compensatory function of criminal law. Separate cases related to the fate of property when it is transferred to a third party on a bona fide and reimbursable basis are not fixed by the Criminal Law. The unresolved issues of establishing the proportionality of the property to be replaced, as well as the claims of the legal owner for damages, are compensated for by clarifications of the relevant decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Scientific and practical significance. The provisions of Art. 104² of the Criminal Code of the Russian Federation on replacement allow us to conclude that it is necessary to supplement the list of circumstances that led to the impossible confiscation of property directly related to the commission of a crime. The legal technique of the norm on compensation for what is caused by a crime has an error in the mismatch between the concepts of damage in the title and harm in the content.

Keywords: criminal law, criminal code, other measures of a criminal law nature, confiscation, seizure, property, money, compensation for harm, legal owner, compensation.

Disqualification from exercising profession

Torak Iryna

Mission: *this work focuses on the disqualification from exercising profession according to section 70 ff. of the German Criminal Code. In particular, the prerequisites for the order are presented, as well as guidelines that are observed in the prognosis of danger and the proportionality test.*

Methodology: *formal-legal method, thorough research of essays, commentaries and other literature.*

Conclusions. *The disqualification from exercising profession is not applicable to all professions. Civil servants and notaries are excluded from this. Due to the occupation-restricting character of section 70 (1) of the Criminal Code and section 132a of the Code of Criminal Procedure, there must be a detailed justification for the order, which the court derives directly from the overall view of the offender and the act. This is indispensable in order to guarantee the offender effective control of the order. Overall, it can be said that the proportionality test comes in favour of the offender in most cases, although one cannot always hold firm assessment criteria. In addition, the court must specify concretely and in detail the scope of the prohibition in order to prevent the far-reaching impairment of the freedom of occupation under Article 12 GG.*

Scientific and practical significance. *The conducted research is to show that the professional ban is solely for the prevention and resocialization of the offender and not for the compensation of guilt.*

Keywords: *disqualification from exercising profession, prognosis of danger, section 70 ff. of the Criminal Code, abuse of professional practice, gross breach of duty, temporary/life-long disqualification from exercising profession.*

Placement in an addiction treatment facility according to section 64 of the Criminal Code with a focus on the changes made by the reform

Stahlberg Victoria

Mission: *it is not uncommon for a measure of reform and prevention to be ordered in addition to a penalty of imprisonment. Such a measure is also the placement in an addiction treatment facility according to section 64 of the Criminal Code. The focus of this paper is not on the explanation of the individual prerequisites of the offense, but rather on the changes that have been made as a result of the reform. Therefore, after the prerequisites for the offense, the relevant changes within the framework of the reform are outlined. Subsequently, the reasons for the reform's "failure" are explained. For the sake of completeness, some reform proposals are also considered.*

Methodology: *formal legal method and empirical method.*

Conclusion. *Even though some of the changes made initially appeared promising, for various reasons they were ultimately not enough to achieve the desired reduction. The "failure of the reform" is due to the fact that section 64 (sentence 2) is a sham discretionary norm. This results from the fact that the courts are "prescribed" exceptional cases in which they can refrain from placement. It must also be taken into account that according to section 67 (4) there is the possibility of offsetting the measure correctional institution against the sentence. Because of this, it has become the "defense counsel's goal" to have the client placed even if this is not necessary in order to make the deprivation of liberty as "pleasant" as possible.*

Scientific and practical significance. *In practical terms, the issue is particularly significant for legislators. This results from the fact that despite the reform in 2007, the figures of placement have by no means decreased, they have increased. A new reform is urgently needed in order to actually achieve the reduction already targeted at that time. In addition to reform by the legislature, cooperation between correctional facilities and addiction treatment facilities is also needed to implement the reform in a targeted manner.*

Keywords: *measures of reform and prevention; figures of placement; reform; likelihood of success; sham standard; "defender's objective"; legislature.*

The preventive detention. A presentation of the development of preventive detention with a focus on the years 1990–2011

Köhler Laura

Mission: *the aim of the paper is to provide an insight into the measure of preventive detention. The historical development is discussed, as well as the most important court rulings and their effects. The measure is very controversial and is often criticized. This paper is intended to provide a neutral insight into the period from 1990 to 2011. During this period, the measure was reformed most frequently and was the subject of supreme court rulings. In the confusing matter of the measure, this paper should be able to form a guide, if one deals more deeply with the preventive detention, or a mere overview would like to be obtained.*

Methodology: *analysis of development.*

Conclusion. Preventive detention is one of, if not the most, controversial measure in German criminal law. Its purpose and effectiveness is often disputed, its genesis and development is particularly interesting.

Scientific and practical significance. Preventive detention is an extremely comprehensive subject. This paper is intended to provide a clear introduction to the field of preventive detention.

Keywords: preventive detention, judgement, dangerous offenses.

Supervision of conduct

Jochim Felix

Mission: the subject of the paper is the presentation of existing concerns and criticism regarding the supervision of conduct according to section 61 No. 4 of the Criminal Code. The focus is on the aspects of the threat of punishment under section 145a of the Criminal Code, the judicial order under section 68 (1) of the Criminal Code, the full sentence under section 68f of the Criminal Code and the lack of means of the supervision of conduct. To introduce the topic, the fundamental points of supervision are first discussed.

Methodology: formal-legal method.

Conclusions. Supervision of conduct is a functional measure when applied correctly. It is now recognized as a criminal sanction, but it still has weaknesses. In particular, sufficient financial resources should be made available so that supervision of conduct can function as an effective institution.

Scientific and practical significance. The presentation shows that the existing criticism of supervision is justified on the one hand and can be largely eliminated on the other hand. The presentation of the existing deficiencies is intended to raise awareness of the problem.

Keywords: supervision of conduct; penalty for violation of directions; section 145a; court order; full sentence; section 68f; lack of resources.

Disqualification from driving as a measure of reform and prevention

Dornbusch Lea

Mission: disqualification from driving pursuant to section 69 ff. Criminal Code can be a justified measure of reform and prevention in order to exclude unsuitable drivers from road traffic and thus to ensure road safety for the general public. To achieve this purpose, it is necessary to examine the individual requirements of section 69 (1) of the Criminal Code in detail. The aim is to discuss these prerequisites in the following and to derive the justification of the measure of disqualification from driving on the basis of this.

Methodology: empirical method, formal-legal method.

Conclusion. The existence of all the requirements of section 69 (1) of the Criminal Code means that the measure of disqualification from driving can be ordered. Since a comprehensive examination of the circumstances of the offense, in particular the personality of the offender, is carried out in the course of determining the requirements for the revocation of the driver's license, the ordering of the measure is appropriate. Taking into account the traffic-specific context, there is nothing to prevent justification. The measure is unjustified if a superficial consideration of all preconditions is carried out.

Scientific and practical significance. The introduction of the measure of disqualification from driving in the German Criminal Code in 1952 is due to the fact that traffic accidents were increasingly occurring. Due to the increase in motorization and the associated traffic accidents, the intention was to establish safety in road traffic through these measures. Today, from the point of view of criminal policy, the measure of revoking a driver's license is the most frequently imposed measure. This is confirmed by results from the year 2019, in which the disqualification from driving comprised 95.6% of the sentenced disciplinary measures. Especially in today's traffic environment, it is important to protect the general public from unfit drivers.

Keywords: unfitness; period of disqualification; catalogue offenses; noncatalog offenses; related offense; traffic-specific connection.

Corruption in secondary educational institutions

Meshcheryakova E.I.

Mission: despite real active anti-corruption policies of the Russian Federation, corruption crimes still exist even in secondary general education institutions. Methodologies of intervention into cases of corruption crimes are

not sufficiently effective to meet various challenges that these crimes involve. Vast scientific research, many local enforceable legal acts, and varied foreign experience have not been sufficient enough to improve the situation. Hence, the delicate questions of reform of public policies and adoption of new methods of solving the problem are very relevant. This paper presents a non-standard view on the issue, where particular attention is paid to detrimental effects on minorities which represent the future of the Russian Federation. The research also aims to further explore the factors that influence promotion of tolerant public attitude towards corruption. The reader is invited to defining acts which is not regulated by the Penal Code as illegal. Finally, this report analyses the existing mechanisms against corruption in secondary general education institutions and proposes the new ones.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. Corruption is a complex phenomenon. Despite diverse methods to counteract corruption, they are not effective enough to eliminate it completely. As a result, there is a need for countering corruption and preventing corruption-involved crimes. This is of special importance in secondary general education institutions.

Scientific and practical significance. The authors have been dealing with this problem more recently, leading the state of scientific research to look at the problem of corruption from a different perspective and help to find a new viewpoint on the matter of corruption to all interested parties. The article seeks to bring impact on the improvement of methodologies of intervention into criminal cases and anti-corruption policies of the State. Moreover, the research inspires the federal legislator to reflect on and suggest an item for discussion to criminologists.

Keywords: corruption, bribe, offeror, recipient, educational institutions, corruption crimes, economic crimes, definition of the crimes, countering corruption, criminology.

The phenomenon of a domestic violence victim

Roshchenko S.V.

Mission: to study the personality of a victim of domestic violence, the causality of the behavior as a result of which a woman becomes a victim, the international and Russian legal norms, the work of centers for assistance to victims of domestic violence.

Methodology: analysis, system method, method of intersectoral legal research, interrogation.

Conclusions. In the Russian Federation, there is a high level of domestic violence, a low level of legal protection, and an insufficient number of assistance centers for victims of domestic violence.

Scientific and practical significance. The research of the identity of the victim of domestic violence will help to determine the causes of dependence on the aggressor and develop preventive measures, as well as draw the state's attention to the problem of domestic violence and the victim's vulnerability.

Keywords: victim, domestic violence, victim of violence, criminal responsibility, criminal law, spousal assault, actual bodily harm, aggression, types of violence, murder.

The phenomenon of romanticizing the personality of a school shooter among adolescents

Makhmutova L.R., Semenova I.V.

Mission: among the cases of school shooting (attacks of students in educational institutions with the use of weapons), there has recently been a sad trend towards their increase and spread.

Unfortunately, incidents in one way or another related to violence often occur in schools – bullying (bullying), interpersonal conflicts, etc. However, school shooting has its own specific features that allow it to be distinguished from similar concepts.

In this research work, the main characteristics of this phenomenon, the reasons why adolescents romanticize such illegal behavior, as well as the motives of individuals who create and join communities that support school shooters, were considered.

To form a more complete picture of this problem, we conducted two surveys – among students of educational institutions and among their employees, and also studied several interviews with psychologists and the direct creators and participants of "columbine communities".

The purpose of our work was to establish the reasons for the romanticization of school shooters, to identify what guides people who create online communities dedicated to shooters, despite the fact that they kill people, inflict physical and psychological injuries on them.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, statistical observation.

Conclusions. *The phenomenon of romanticization concerns not only the ideology of school shooting and the school shooter itself, but also negative characters in general. It is determined by the desire to understand the motivation of the actions of villains and the study of the dark side of one's own "I". During adolescence, people go through certain emotional problems, and everyone deals with them differently. The impact of destructive, depressive, suicidal content can lead to adverse consequences. Columbine communities are a prime example of this, which contribute to the formation of a distorted worldview of their audience. However, many teenagers (including the creators of these communities) aim to find those who have similar problems and experiences. From this follows the conclusion that joining such communities does not yet indicate a firm intention to commit a crime, but it is worth paying attention to such signs.*

Scientific and practical significance. *The popularization of negative characters has long been common in cinematography and literature. But it is worth considering what the romanticization of school shooters can lead to, how it affects the psyche of adolescents. The opinion about the exclusively harmful influence of columbine communities is prevailing in society. In our research, we found that the majority of teenagers join these online communities not because they share the ideology of the shooters, but because they feel lonely and find like-minded people there who know their feelings. Thus, the conclusions drawn draw public attention to the problems of socialization of adolescents, the lack of necessary attention and participation of parents.*

Keywords: *school shooting, bullying, contemporary issues, teenagers, school shooter, columbine communities, columbiner, antagonists.*

Interview with Skuratov Yuri Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NIU), Head of the Bureau of the Union of Criminalists and Criminologists

Salamova S. Ya., Isaev M. R., Lykova K. D., Melnikova L. A., Sychikov D. S.

Mission: *transfer of accumulated experience and knowledge. The Moscow Criminological Practice of O.E. Kutafin University (MSAL) organized a series of meetings between students and prominent scientists who have made a major contribution to the development of the legal sciences. One of these meetings was with a Russian lawyer and politician, Doctor of Law, Professor, former Prosecutor General of the Russian Federation Yu. I. Skuratov.*

Methodology: *interview.*

Conclusions. *The interview, conducted by S. Ya. Salamova, Head of Moscow Criminological Practice of O.E. Kutafin University (MSAL), with students at the Institute of procuratorship of MSAL, allowed learning interesting biographical facts of his life, difficulties he faced while working in the General Prosecutor's Office, his opinion on the current status of the Prosecution, his creative plans. Many other important and interesting issues were discussed. The students received professional advice which will help them in their studies and future practice.*

Scientific and practical significance. *The results of the interview may be used in the study of constitutional law, prosecutor's supervision, and other legal sciences in higher education institutions.*

Keywords: *interview, legal education, procuratorship, criminology room, science, scientific research.*

Chapters from the book "Rocky Road of the Past"

Skuratov Yu. I.

Mission: *to transfer the accumulated experience and knowledge, to acquaint with the legacy left by a prominent scientist who made a serious contribution to the development of jurisprudence.*

Methodology: *citation.*

Conclusions. *Chapters from the book of a Russian lawyer and politician, Doctor of Legal Sciences, Professor, former Prosecutor General of the Russian Federation Yu. I. Skuratov "Rocky Road of the Past" made it possible to learn interesting biographical facts about the author's life, the difficulties he faced while working in the Prosecutor General's Office, and his opinion about the criminal world and corruption in Russia. The book is dedicated to finding answers to the age-old Russian question: what to do to correct the most difficult crime situation in our country.*

Scientific and practical significance. *The text can be used in the study of the history of Russia and Russian jurisprudence in the 90s of the 20th century.*

Keywords: *procuratorship, prosecutor, corruption, organized crime, history of jurisprudence, legal science.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1500 до 3000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V. V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)